

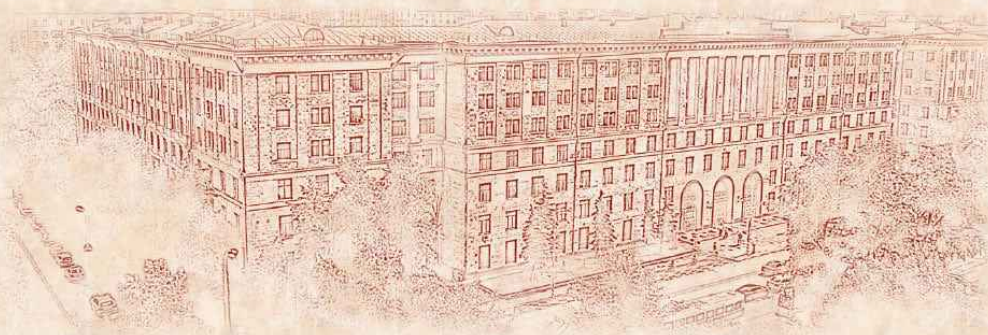
**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ**

**КРИМИНАЛИСТИКА, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
(К 70-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ)
(66-е ежегодные криминалистические чтения)**

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической конференции
(Москва, 25 апреля 2025 г.)*

Часть 2

**Москва
2025**

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

**КРИМИНАЛИСТИКА, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
(К 70-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ
(66-е ежегодные криминалистические чтения)**

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической конференции
(Москва, 25 апреля 2025 г.)*

Часть 2

Москва
2025

УДК 343.9
ББК 67.52
К82

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Кузьмин М. Н.*, кандидат юридических наук (Ростовский юридический институт МВД России; *Иванов Д. А.*, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя).

К82

Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) (66-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2025 г.) : в 3 ч. / под ред. С.И. Курилова, Ю.Е. Салеевой, Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, М.М. Алиева, О.Е. Рословой. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. Ч. 2. – 364 с.

ISBN 978-5-907721-82-1

Сборник научных статей сформирован на основе материалов между-народной научно-практической конференции, проведенной на базе Академии управления МВД России 25 апреля 2025 г. кафедрой управления органами расследования преступлений.

В сборнике представлены результаты научных исследований по криминалистическим, уголовно-процессуальным, уголовно-правовым и криминологическим вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации в финансовой сфере.

Сборник представляет интерес для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научных и практических работников, адъюнктов, слушателей, студентов.

Издается в авторской редакции.

УДК 343.9
ББК 67.52

ISBN 978-5-907721-82-1

© Академия управления МВД России, 2025

Содержание

Акчурин А.В. О преемственности в развитии научных школ криминалистики и уголовного процесса Академии управления МВД России и Академии ФСИН России.	7
Аминев Ф.Г. О роли научных школ криминалистики и судебной экспертологии Академии управления МВД России первой четверти XXI века для дальнейшего развития этих наук	16
Бессонов А.А. Новый технологический уклад как вызов современной правоохранительной системе	23
Владимиров В.Ю., Данилов И.А. Цифровые технологии как средство повышения эффективности исследования материальных следов в судебной баллистике	32
Владимиров В.Ю., Клюева Ю.А. Криминалистическое прогнозирование в борьбе с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ	39
Гаврилов Б.Я. К вопросу о применении информационных технологий при регистрации, учете и разрешении заявлений, сообщений о преступлениях	49
Гаврилов Б.Я., Баженов А.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: новый этап в развитии института возвращения уголовного дела судом прокурору	57
Гаврилин Ю.В., Салеева Ю.Е., Марушко А.В. О научных подходах к понятию и содержанию технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.	66
Гаврилин Ю.В., Бабуренкова Е.Н. Научно-методическое обеспечение экспертно-криминалистической деятельности	78
Зеленский В.Д. Организация отдельного расследования: основные положения	87
Кручинина Н.В. Совершенствование криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых при оказании медицинских услуг	93
Кубасов И.А. Векторы развития экспертно-криминалистической деятельности в условиях цифровой трансформации МВД России	99
Кубасов И.А., Уманцева О.О. От ДНК к фенотипу: применение технологий искусственного интеллекта и биоинформатики в генетическом анализе	106

Лазарева Л.В. Взаимодействие следователя и специалиста при расследовании преступлений экономической направленности: организационно-тактический аспект	112
Макаренко И.А. Содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений	119
Можаева И.П. Правовые и теоретико-прикладные аспекты организации расследования преступлений	127
Николюк В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: что изменилось за десять лет?	132
Победкин А.В. Возможна ли гуманизация гарантий доказывания при установлении оснований для избрания меры пресечения?	143
Стешич Е.С. Повышение эффективности расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено	152
Сычёв П.Г. Фиктивный гражданско-правовой договор как орудие совершения преступления в сфере экономической и предпринимательской деятельности	161
Тишутина И.В., Можаева И.П. Криминалистическая деятельность и криминалистическое обеспечение расследования преступлений: понятие, сущность, соотношение	169
Хрусталеv В.Н. Экспертно-криминалистическая деятельность: наиболее острые проблемы и пути их решения	176
Земцова С.И. Классификация криминалистических методик «по вертикали»: место комплексной методики незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности	186
Лонщикова А.Р. Актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений	194
Алиев М.М. Комплексное использование специальных знаний при расследовании дорожно-транспортных преступлений	202
Аносов А.В. Коррупционные риски цифровизации стадии предварительного расследования преступлений.	206
Анучина О.В., Сатдинов Л.В. Установление объективной истины как гарантия правильного разрешения уголовного дела	216
Батоев В.Б. IT-преступность: современное состояние, проблемы противодействия, пути их решения	220

Богданов А.В. О месте и соподчиненности экспертно-криминалистических подразделений в структуре территориальных органов МВД России	227
Вастьянова О.Д. Возвращение уголовного дела прокурору как процессуальная форма конкретизации обвинения	232
Гаспарян Г.З., Красильников А.В. Перспективные направления информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	240
Гонтарь С.Н. О некоторых проблемах досудебного производства по уголовным делам в России	247
Дармаева В.Д. Процессуальные гарантии обеспечения права потерпевшего на возмещение ущерба.	255
Ильюхов А.А. Процедура поиска и возврата российских финансовых активов из-за рубежа (российский и зарубежный опыт).	263
Ишин А.М., Ишин И.А. Информационные аспекты в деятельности по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел в трудах И. М. Лузгина и Р. С. Белкина	269
Космодемьянская Е.Е. Криминалистические аспекты расследования склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	277
Курилов С.И., Неверович О.В. Реализация уголовно-процессуальной политики в сфере применения обеспечительных мер для возмещения причиненного преступлением вреда	286
Марсаков И.С. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам о преступлениях экономической и коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.	292
Нечаев А.А., Образцов А.В. Защита прав потерпевших как реализация правозащитной функции в уголовном процессе.	300
Нуждин А.А. Предупредительная работа следователя в контексте расследования пенитенциарных преступлений: некоторые аспекты планирования и взаимодействия	306
Осяк В.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики отдельных видов преступлений в сфере экологии.	312
Саегтгарев В.Ф. Цифровая трансформация организации расследования преступлений коррупционной направленности	317

Сатдинов Л.В. Криминалистическое обеспечение – основа современных возможностей уголовно-процессуальной деятельности	325
Седых Т.В. Доказательства в уголовном судопроизводстве: процессуальные нюансы.	329
Тебиев Р.Р. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании незаконной рубки лесных насаждений	336
Чебуренков А.А. К вопросу о новых возможностях судебно-психологической экспертизы, назначаемой по делам о взяточничестве	341
Шевко Н.Р., Казанцев С.Я. Киберпреступность: цифровая трансформация преступности в киберпространстве. . .	350
Якубова С.М. Особенности проведения проверки по сообщениям (заявлениям) о преступлениях, совершенных по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.	354

Александр Владимирович Акчурин,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника академии по научной работе
Академия ФСИН России
E-mail: 79206310258@yandex.ru

О преемственности в развитии научных школ криминалистики и уголовного процесса Академии управления МВД России и Академии ФСИН России

Аннотация

В статье предпринята попытка показать истоки зарождения взаимодействия между Академией управления МВД России и Академией ФСИН России. На примере конкретных персоналий формируется представление о влиянии, оказавшем учеными Академии управления МВД России на возникновение научной школы криминалистики и уголовного процесса на рязанской земле. Освещены основные этапы становления научной школы в Академии ФСИН России и ее современного развития. Дана оценка роли научной школы криминалистики и уголовного процесса Академии управления МВД России в воспитании научно-педагогических кадров ведущего вуза уголовно-исполнительной системы.

***Ключевые слова и словосочетания:** научная школа; криминалистика; уголовный процесс; подготовка научно-педагогических кадров.*

Научная школа криминалистики и уголовного процесса Академии управления МВД России имеет широкую известность не только в нашей стране, но и за ее пределами [1, с. 8]. Именно она оказала существенное влияние на процесс возникновения и дальнейшего развития научного интереса к исследованию проблем в сфере криминалистики и уголовного процесса в Рязани.

Академию управления МВД России и Академию ФСИН России связывают давние творческие и научные отношения, предпосылки для возникновения и развития которых были заложены еще в середине 50-х годов, когда после принятия постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР» (1956) и «О мерах по улучшению деятельности исправительно-трудовых учреждений МВД СССР» (1961) активизировалась работа по коренной перестройке организации и деятельности органов внутренних дел и исправительно-трудовых

учреждений страны, которая требовала активной научно-исследовательской деятельности, в том числе по проблемам разработки уголовно-процессуальных, тактико-криминалистических и организационных аспектов расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях.

Такая работа, как отмечает М. А. Петуховский [2, с. 5], впервые начала проводиться в середине 60-х гг. кафедрой криминалистики Высшей школы МВД СССР, руководителями которой являлись профессор Р. С. Белкин и доцент Г. Г. Зуйков. Работа велась в двух аспектах: по линии диссертационных исследований и по линии подготовки методических и учебных пособий для следователей, дознавателей и сотрудников исправительно-трудовых учреждений. Результат не заставил себя долго ждать. Адъюнктом кафедры криминалистики Высшей школы МВД СССР М. А. Петуховским в 1968 г. защищена кандидатская диссертация «Тактика допроса свидетелей и обвиняемых из числа заключенных при расследовании преступлений, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях», ставшая фактически первым диссертационным исследованием по проблемам расследования пенитенциарных преступлений. Через пять лет в том же диссертационном совете к публичной защите была представлена уже вторая кандидатская диссертация, касающаяся вопросов криминалистического обеспечения расследования преступлений в местах лишения свободы: А. М. Лантух «Тактические особенности производства первоначальных следственных действий в лесных ИТУ». Оба специалиста по пенитенциарной тематике сразу стали востребованными в г. Рязани, где с 1970 г. начался процесс становления единственного высшего учебного заведения специально созданного в целях квалифицированной подготовки кадров для исправительно-трудовых учреждений всей страны – Рязанской высшей школы МВД СССР (ныне – Академия ФСИН России).

Нельзя не отметить, что инициатором создания такого специализированного вуза явился выдающийся ученый-правовед России, крупнейший специалист в области исправительно-трудового права, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный работник МВД СССР, доктор юридических наук, профессор генерал-майор внутренней службы Стручков Николай Алексеевич, занявший в 1967 г. должность заместителя начальника Высшей школы МВД СССР по научной работе и убедительно обосновавший в 1968 г. на научно-практической конференции по проблемам борьбы с рецидивной преступностью необходимость подобного шага [3, с. 6]. Более того, Николай Алексеевич был одним из разработчиков постановления Совета Министров СССР от 29 мая 1970 г. № 386 «О меропр-

ятиях, связанных с улучшением деятельности исправительно-трудовых учреждений», в котором предписывалось организовать в г. Рязани на базе среднего учебного заведения Высшей школы МВД СССР. В последующем он принимал активное участие в научном и педагогическом процессе рязанского вуза, регулярно приезжая на научно-практические конференции, выступая перед преподавателями и слушателями, принимая участие в государственной аттестации [4, с. 432].

В короткий срок на базе данного учебного заведения сформировался крупнейший научно-методический центр системы МВД СССР по исследованию проблем функционирования исправительно-трудовых учреждений, в который активно приезжали ведущие ученые страны: академик В.Н. Кудрявцев, профессора И.И. Карпец, Н.А. Стручков, Н.Ф. Кузнецова, М.И. Ковалев, А.К. Туманов, И.В. Шмаров, Ю.М. Антонян, А.Е. Наташев, А.В. Шамис, А.И. Зубков, ученые из Минска, Киева, Караганды, руководители уголовно-исполнительной системы МВД СССР, судьи Верховного Суда СССР [5, с.637].

Существенное влияние на формирование и дальнейшее развитие рязанской научной школы криминалистики и уголовного процесса оказал патриарх отечественной криминалистики – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции, участник Великой Отечественной войны Рафаил Самуилович Белкин [6].

Уже в первые годы существования специализированного вуза Р.С. Белкин проявил интерес к его работе: выступал на научных конференциях и проводил открытые лекции профессорско-преподавательскому составу и слушателям. Таким деятельным подходом он поддерживали своих учеников – М.А. Петуховского и А.М. Лантуха, которые приняли наиболее активное участие в закладке фундамента будущей научной школы криминалистики и уголовного процесса Рязанской высшей школы МВД СССР. Они фактически выступали в роли локомотива научно-исследовательской деятельности в предметной области. В 70-80-х гг. ими было подготовлено значительное количество научных трудов и учебных пособий по уголовно-процессуальным, криминалистическим и организационным аспектам расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Подготовка научной продукции нередко осуществлялась в тесной связке с учеными Академии МВД СССР, которые охотно выступали как в роли рецензентов, так и соавторов. Следует заметить, что актуальность данных трудов не теряется и сегодня. Абсолютное большинство современных диссертационных исследо-

ваний по криминалистическим и процессуальным аспектам пенитенциарной тематики базируется на научных взглядах М. А. Петуховского и А. М. Лантуха.

Окончательное оформление рязанской научной школы связано с именем профессора Николая Григорьевича Шурухнова, который стал примером результативной работы Р. С. Белкина по формированию у обучающихся интереса к науке и дальнейшего его преобразования в потребность более углубленной проработки самостоятельного научного направления, способного перерасти в отдельную научную школу. Так, Н. Г. Шурухнов, являясь слушателем первого набора вновь созданной высшей школы МВД СССР в г. Рязани получил уникальную возможность присутствовать на лекциях профессора Р. С. Белкина, который благодаря своему таланту педагога и ученого заставил молодого человека увлечься научным осмыслением проблем криминалистики и уголовного процесса [7]. А ученик и последователь авторитетного ученого-криминалиста – М. А. Петуховский, всячески способствовал дальнейшему вовлечению слушателя Н. Г. Шурухнова в процесс научного познания. Тяга к исследовательской деятельности, заставила молодого преподавателя Н. Г. Шурухнова в 1982 г. связать продолжительный период своей жизни с Академией МВД СССР, куда он поступил в очную адъюнктуру, а затем начал преподавал. Там же в 1992 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ». Выполненная под научным консультированием авторитетнейшего ученого-криминалиста Р. С. Белкина докторская диссертация Н. Г. Шурухнова ознаменовала формирование общей криминалистической методики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях. Разработанные им теоретические основы явились отправными началами для разработки частных криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений, а также углубленной проработки отдельных направлений криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых в местах лишения свободы.

Недостаточность освещения в криминалистической литературе вопросов специфики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы, привела к тому, что в 1996 г. на базе Рязанского института права и экономики МВД России (бывшая Рязанская высшая школа МВД СССР) был подготовлен первый учебник по криминалистике, учитывающий специфику подготовки специалистов уголовно-исполнительной специализации. Данный учебник, а точнее второй том был логич-

ным продолжением первого тома, подготовленного под редакцией Р.С. Белкина в Академии МВД России в 1995 г. [8]. Второй том был выполнен под руководством и редакцией начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского института права и экономики МВД России кандидата юридических наук, доцента В.В. Кулькова и состоял из двух частей. В первой части рассматривались вопросы, связанные с особенностями организации расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания, факторы, затрудняющие такое расследование, особенности криминалистической техники и тактики, а также уделялось особое внимание специфике изучения личности осужденных, являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями или потерпевшими по преступлениям, совершенным в учреждениях, исполняющих наказания [9]. Во второй части были рассмотрены особенности методики расследования отдельных видов преступлений, совершаемых в учреждениях, исполняющих наказания: дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ; убийства и причинение вреда здоровью; хулиганство; половые преступления; побеги из мест лишения свободы; хищения чужого имущества, совершенные путем присвоения, растраты либо использования служебного положения; кражи, совершаемые осужденными к лишению свободы; поджоги и преступное несоблюдение противопожарных правил [10].

В настоящее время на кафедре уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России работает доцент Е.В. Назаркин, судьба которого также связана с научной школой криминалистики и уголовного процесса Академии управления МВД России. В 1998 г., будучи старшим преподавателем кафедры уголовного процесса и криминалистики рязанского вуза, Е.В. Назаркин по совету начальника кафедры В.В. Кулькова поступил в заочную адъюнктуру столичной академии и обучался на кафедре управления органами расследования преступлений. Решающую роль в выборе темы диссертационного исследования Е.В. Назаркина сыграли Р.С. Белкин и Т.В. Аверьянова, которая впоследствии стала его научным руководителем. В 2002 г. Е.В. Назаркин успешно окончил адъюнктуру и защитил диссертацию на тему «Использование учетов органов внутренних дел при раскрытии и расследовании квартирных краж».

В конце 90-х гг. прошлого столетия вузы, осуществлявшие подготовку специалистов для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, были переданы из МВД России в Минюст России, а затем во ФСИН России, в результате чего Академия ФСИН

России (ранее имевшая наименования Рязанская высшая школа МВД России, Рязанский институт права и экономики МВД России) стала головным вузом в системе подготовке кадров для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Данный процесс внес существенные коррективы в совместный научный поиск творческих коллективов Академии ФСИН России и Академии управления МВД России. Однако преемственность в науке не прервалась.

В начале 2000-х гг. в г. Рязань на педагогическую работу возвращается профессор Н.Г. Шурухнов, который фактически становится руководителем рязанской научной школы. В условиях отсутствия своего диссертационного совета по уголовно-процессуальной и криминалистической специальности, а также нарастающей ведомственной разобщенности правоохранительных органов (МВД, Минюст, ФСИН, ФТС и др.) он не только организует серию диссертационных исследований, но и добивается успешных защит своих учеников (Аверкин С. Д., Бабкина Е. В., Гришин Д. А., Ларин С. Б., Нуждин А. А., Акчурин А. В.), а также членов кафедры (Бирмамитова С. А., Жарко Н. В.). Все это способствует успешному развитию рязанской научной школы криминалистики и уголовного процесса, специализирующейся на разработке проблем уголовно-процессуального и криминалистического обеспечения расследования пенитенциарных преступлений.

Последние полтора десятка лет ознаменованы новым сближением научных школ двух академий. В научной жизни рязанского вуза заметную роль стали играть действующие члены кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, а также учёные криминалисты и процессуалисты, воспитанные известнейшей столичной научной школой. При научном консультировании заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, генерал-майора юстиции Бориса Яковлевича Гаврилова проводит докторское исследование и успешно защищает диссертацию профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России О.А. Малышева на тему «Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования» (2013). В период руководства Академией ФСИН России А.А. Крымов завершает докторское исследование на тему «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России», успешно защищая его результаты в диссертационном совете Академии управления МВД России (2015). В качестве научного консультанта по данной работе выступает доктор

юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Татьяна Николаевна Москалькова.

Профессора Б.Я. Гаврилов и А.С. Шаталов активно участвуют в чтении курсантам рязанской академии лекций по уголовному процессу и криминалистике, а также регулярно проводят встречи и мастер-классы с адъюнктами и профессорско-преподавательским составом вуза на предмет обмена опытом организации исследовательской работы.

В научных конференциях, организуемых на рязанской площадке, принимают активное участие представители и последователи научной школы криминалистики и уголовного процесса Академии управления МВД России: Б.Я. Гаврилов, Ю.В. Гаврилин, А.В. Красильников, В.В. Николок, С.Б. Россинский, А.В. Победкин, Н.Г. Шурухнов.

Тесное сотрудничество двух академий закономерно приводит к возникновению новой формы взаимодействия. В 2015 г. заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России Б.Я. Гаврилов явился одним из авторов идеи, успешно воплотившейся в жизнь в виде организации ежегодной диалоговой площадки для специалистов в области уголовного процесса и криминалистики, проводимой совместно Академией управления МВД России и Академией ФСИН России. Данная мысль возникла в период празднования 60-летия кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России во время проведения Международной научно-практической конференции «Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты» (Москва, 23-24 апреля 2015 г.) и сразу была активно поддержана руководством Академии ФСИН России, где уже в ноябре 2015 г. был дан старт новому проекту. Так была заложена традиция, совместного проведения ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» [11].

В 2018 г. под редакцией Б.Я. Гаврилова и А.А. Крымова был выпущен в свет учебник «Уголовно-процессуальное право», подготовленный коллективом научной школы Академии ФСИН России с привлечением профессорско-преподавательского состава ведомственных вузов отечественно пенитенциарной системы. Отличительной особенностью учебника явилось его содержание, в котором была предпринята попытка раскрытия особенностей уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [12].

В заключение отметим, что преемственность развития научных школ криминалистики и уголовного процесса обеих академий продолжается. Самым основным и значимым результатом является непрерывающаяся работа по подготовке научных кадров. Под руководством профессора А.С. Шаталова подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация адъюнктом А.Ю. Антиповым «Доказывание по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам на досудебных стадиях уголовного процесса» (2017). А в настоящее время при активном научном руководстве профессора Б.Я. Гаврилова завершен процесс подготовки кандидатской диссертации адъюнктом К.Б. Бобрешовой на тему «Участие оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в доказывании на стадии возбуждения уголовного дела». Ряд кандидатских и докторских исследований находятся в процессе завершения и при успешной их защите станут очередным вкладом в развитие обеих научных школ.

Список литературы:

1. *Синенко С.А.* Научная школа уголовного процесса и криминалистики Академии управления МВД России // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1.
2. *Петуховский М.А.* Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях (уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические проблемы) : учебное пособие. М., 1979. 191 с.
3. *Фефелов В.А.* Научное наследие Н.А. Стручкова и проблемы уголовно-исполнительной цивилизации исправительных учреждений // Стручков и проблемы совершенствования деятельности органов, исполняющих наказания : сборник статей по материалам научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Стручкова (г. Уфа, 19 февраля 1992 г.). Уфа : УВШ МВД РФ, 1993.
4. *Шурухнов Н. Г., Акчуринов А.В.* От специального курса тюремноведения к науке уголовно-исполнительного права: научное наследие Николая Алексеевича Стручкова // Уголовно-исполнительное право. № 4. 2022.
5. *Никитюк С. М., Шурухнов Н. Г., Акчуринов А.В.* Тенденции развития пенитенциарной академической науки: интервью с заместителями руководителя вуза разных лет, отвечавшими за развитие науч-

ной работы (приурочено к 90-летию Академии ФСИН России) // Человек: преступление и наказание. 2024. Т. 32. № 4.

6. *Грибунов О.П.* Научное наследие Р.С. Белкина и его влияние на становление и развитие криминалистической науки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85).

7. *Шурухнов Н.Г.* Между Будущим и Прошлым: идеи, рекомендации, прогнозы выдающегося ученого-криминалиста Рафаила Самуиловича Белкина, призванные жить века, и память о нем // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической : в 2-х ч., Москва, 20 мая 2022 г. Т. 1. М.: Академия управления МВД России, 2022.

8. Криминалистика // История, общая и частная теории / под ред. Р.С. Белкина и др. М., 1995. Т. 1. 279 с.

9. Криминалистика. Организация, техника, тактика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания: учебник для образовательных учреждений МВД России / под ред. В.В. Кулькова. Рязань, 1996. Т. 2. Ч. 1. 196 с.

10. Криминалистика. Методика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания: учебник для образовательных учреждений МВД России / под ред. В.В. Кулькова. Рязань, 1996. Т. 2. Ч. 2. 100 с.

11. Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» (16 декабря 2022 года) / А.В. Акчурин, Л.В. Новикова, И.Ю. Данилова, А.А. Нуждин // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31. № 2.

12. Уголовно-процессуальное право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» по специальности «Правоохранительная деятельность» / [Б.Я. Гаврилов, С.П. Брыляков, А.А. Крымов и др.]; под редакцией Б.Я. Гаврилова, А.А. Крымова. М. : Юнити, Закон и право, 2018. 599 с.

Фарит Гизарович Аминев,
доктор юридических наук, профессор,
Член Президиума Союза «Палата судебных экспертов
имени Ю.Г. Корухова (СУДЭК)», академик РАЕН,
Заслуженный юрист Республики Башкортостан,
Почетный сотрудник МВД России,
профессор кафедры криминалистики
Институт права
Уфимского университета науки и технологий
E-mail: faminev@mail.ru

**О роли научных школ криминалистики
и судебной экспертологии
Академии управления МВД России
первой четверти XXI века
для дальнейшего развития этих наук**

Аннотация

Показано, что на кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России в первой четверти XXI века функционируют ряд научных школ криминалистики и судебной экспертологии. Установлено, что большая часть этих школ сформирована и получила развитие в результате научной и организационно-педагогической деятельности патриарха криминалистики, доктора юридических наук, профессора Р.С. Белкина. Дан ретроспективный анализ научных школ, получивших особое развитие после защиты докторских диссертаций его учениками и последователями: В.П. Лавровым (учение о преодолении противодействия расследованию преступлений); А.М. Кустовым (криминалистическое учение о механизме преступления); Т.В. Аверьяновой (общая теория судебной экспертизы) и другими учеными.

Рассмотрены достижения ярких представителей современных научных школ кафедры: В.Ю. Владимирова, Б.Я. Гаврилова, Ю.В. Гаврилина, А.В. Шмониной, И.П. Можяевой.

Показаны возможности организационного и научно-методического характера, заложенные в первой четверти XXI века, для дальнейшего развития научных школ кафедры управления органами расследования Академии управления МВД России в современных условиях.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистика; судебная экспертология; научная школа; органы расследования; диссертация.*

Проведя ретроспективный анализ 70-летней научной деятельности ученых кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, можно смело констатировать, что эта кафедра является основоположником («законодательницей мод») многих научных направлений отечественной криминалистики и судебной экспертологии. Можно долго перечислять научные работы многих ученых-криминалистов знаменитого вуза, в которых содержится серьезный анализ, приводящий их открытию новых горизонтов использования возможностей криминалистической теории, позволяющих с большей эффективностью бороться с преступностью. Это уже сделано во множестве сборников и журналов, посвященных трудам ученых Академии управления МВД России [3, 14, 16], и еще будет сделано в будущем. Мы же постараемся кратко обозначить роль ряда известных ученых в формировании и развитии научных школ криминалистики и судебной экспертологии первого двадцатипятилетия XXI в.

Особо следует отметить значимость профессора Рафаила Самуиловича Белкина – патриарха отечественной криминалистики в деле формирования научных школ Академии управления МВД России. Им проведена колоссальная работа по подготовке научных кадров – под его требовательным и, в то же время, доброжелательным руководством защищено 125 кандидатских и докторских диссертаций. Все защитившиеся представляют то или иное направление научной школы Р. С. Белкина: общей теории криминалистики, методологии криминалистики, проблемы криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений, общей теории судебной экспертизы и т.д. При этом прослеживается закономерность: почти каждый обладатель ученой степени доктора наук впоследствии сам становился основателем своей научной школы, получившей глубокое развитие на кафедре управления органами расследования преступлений. Так, защитивший докторскую диссертацию при научном консультировании Р. С. Белкина Владимир Петрович Лавров основал всероссийскую школу по проблемам раскрытия преступлений прошлых лет [19] и преодоления противодействия расследованию преступлений. Защитивший в 1994 году докторскую диссертацию Л. Г. Горшенин стал основателем научной школы криминалистического прогнозирования [13]; защитивший в 1995 году докторскую диссертацию В. А. Жбанков сделал много для развития отечественной научной школы установления личности преступника в криминалистике [15].

Чрезвычайно творчески одаренным является еще один ученик Р. С. Белкина Анатолий Михайлович Кустов, защитивший

в 1997 году при его научном консультировании докторскую диссертацию на тему: «Криминалистическое учение о механизме преступления» [18], которая также стала солидным базисом для научной школы XXI века всероссийского масштаба.

Отдельно следует отметить научную деятельность еще одного ученика Р. С. Белкина – Татьяны Витальевны Аверьяновой, защитившей в 1994 году докторскую диссертацию по теме: «Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития» [1]. Профессор Т. В. Аверьянова, руководившая кафедрой управления органами расследования Академии управления МВД России с 1997 года по 2004 год, вместе с другими членами кафедры (Р. С. Белкиным, Ю. Г. Коруховым, В. П. Лавровым и др.) в своих трудах заложила основы общей теории судебной экспертизы [2], послужившей научной базой для развития всей отечественной судебной экспертологии XXI века.

Повествуя о научной школе судебной экспертологии Академии управления МВД России, можно только поражаться гениальности и высочайшем уровне дальновидности Р. С. Белкина, обозначившего в третьем издании «Курса криминалистики» (2001 г.) «инновационные положения «о проблемах полиграфа и компьютеризации судебной экспертизы, о проблемах одорологического метода, судебной экспертизы и процессуального закона» [4, с. 187], «о возникновении новых видов экспертиз в результате дробления традиционных видов» [5, с. 466] и многих других направлениях судебных экспертиз.

Научная школа кафедры по использованию научно-технических (техничко-криминалистических) средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений, многие годы развиваемая Р. С. Белкиным, С. С. Самищенко, С. А. Ялышевым, получила еще большее развитие после защиты докторской диссертации А. Ф. Волынского на тему: «Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений» [10]. В ее рамках проведены серьезные исследования профессором Б. Я. Гавриловым, С. Д. Цомая [21] и др. В настоящее время научная школа технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений дополнилась трудами ведущих ученых кафедры управления органами расследования преступлений Ю. В. Гаврилина [11], А. В. Красильникова [17].

Возрастает научный потенциал кафедры с бурно развивающейся научной школой доктора юридических наук, профессора, генерал-лейтенанта юстиции В. Ю. Владимирова, который является ведущим ученым России в области не только теории судебной экспертологии [7], но и разработчиком научных положений многих видов судебных

экспертиз, начиная от сложных судебно-медицинских экспертиз [9] и кончая трасологическими и судебно-баллистическими исследованиями [8].

Еще одним научным направлением, в котором Р.С. Белкин видел потенциальный резерв для повышения эффективности расследования преступлений [6], является криминалистическое учение об организации расследования преступлений в современных условиях. Это учение активно развито в последние годы в трудах профессоров кафедры А.В. Шмониной [22] и И.П. Можяевой [20], поддержано профессором Б.Я. Гавриловым [12], который, кстати, сам является ярчайшим представителем еще одной научной школы кафедры – уголовно-процессуальной.

Для продолжения развития научных школ криминалистики и судебной экспертологии кафедры управления органами расследования Академии управления МВД России имеются все необходимые возможности организационного и научно-методического характера, заложенные в первой четверти XXI века:

1. Сформирован высокопрофессиональный научно-педагогический, одновременно исследовательский коллектив, имеющий большой практический опыт работы в правоохранительных органах, способный успешно вести научно-исследовательскую работу по запросам всех силовых ведомств.

2. Созданы и успешно функционируют научные школы криминалистики, уголовного процесса и судебной экспертологии с большими основополагающими традициями.

3. Имеются перспективы формирования и развития новых научных школ за счет постоянного притока со всей России талантливых кадров адъюнктуры и докторантуры.

4. Сотрудники кафедры имеют широкие возможности для приумножения знаний о состоянии процессуального, криминалистического и судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений за рубежом за счет постоянного научного обмена с вузами силовых ведомств дружественных России стран (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Монголии и др.).

5. Кроме того, велик потенциал использования в научно-исследовательской деятельности кафедры возможностей разрабатываемых на других кафедрах прикладных информационно-коммуникационных средств и методов, в том числе, с использованием искусственного интеллекта на базе нейронных сетей и больших данных (Big Data).

Поэтому имеется большая уверенность, что имеющиеся научные школы криминалистики и судебной экспертологии кафедры управ-

ления органами расследования преступлений XXI веке продолжает свое поступательное динамичное развитие, и все намеченные перспективные научные разработки будут успешно воплощены в практику расследования и раскрытия преступлений.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00834, <https://rscf.ru/project/24-28-00834>.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т.В.* Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 1994. 445 с.
2. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2006. 480 с.
3. Актуальные проблемы предварительного расследования : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию следствия в России и 55-летию кафедры управления органами расследования Академии управления, 28–29 мая 2010: в 3-х ч. М., 2010.
4. *Аминев Ф. Г.* О путях развития судебно-экспертной деятельности в условиях современных вызовов // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (63-е ежегодные криминалистические чтения), г. Москва, 20 мая 2022 г. М.: Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1.
5. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : учебное пособие. М., 2001.
6. *Белкин Р.С.* Организация расследования преступлений: курс лекций / Р.С. Белкин, А.И. Миронов, А.А. Чувилов; Академия МВД СССР. Кафедра организации расследования преступлений. Вып. 1. М., 1977. 81 с.
7. *Владимиров В.Ю.* Обеспечение достоверности результатов судебной экспертизы в условиях ее виртуализации / В.Ю. Владимиров, И.А. Данилов // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2(70).
8. *Владимиров В.Ю.* Проблемы и перспективы цифровизации судебно-баллистической экспертизы / В.Ю. Владимиров, И.А. Данилов // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 11.

9. *Владимиров В.Ю.* Психологические особенности при производстве судебно-медицинской экспертизы при расследовании дорожно-транспортных преступлений / В.Ю. Владимиров, М.М. Алиев // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3.

10. *Вольнский А.Ф.* Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. 65 с.

11. *Гаврилин Ю. В.* О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2021. 71 с.

12. *Гаврилов Б. Я.* К вопросу об эффективности деятельности следственного аппарата в условиях изменившегося уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства: сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, 7 апреля 2022 г. М., 2022.

13. *Горшенин Л.Г.* Основы теории криминалистического прогнозирования: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.09. Академия управления МВД России, 1994.

14. Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «64-е ежегодные криминалистические чтения», Москва, 26 мая 2023 г. : в 2 ч. / под ред. Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, В.О. Лапина, Ю.В. Шпагиной. М. : Академия управления МВД России, 2023.

15. *Жбанков В.А.* Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 1995. 364 с.

16. К 80-летию Академии управления МВД России: сборник научных статей преподавателей кафедры управления органами расследования преступлений. М. : Академия управления МВД России, 2009. 328 с.

17. *Красильников А.В.* Проблемные вопросы технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А.В. Красильников, Г.З. Гаспарян // Московский научный юридический журнал. 2024. № 2 (70).

18. *Кустов А.М.* Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 1997. 355 с.

19. *Лавров В.П.* Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 1980.

20. *Можяева И.П.* Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений : монография. М., 2014. 251 с.

21. *Цомая С.Д.* Проблемы правового регулирования применения научно-технических средств // К 80-летию Академии управления МВД России: сборник научных статей преподавателей кафедры управления органами расследования преступлений. М. : Академия управления МВД России, 2009.

22. *Шмонин А. В.* О некоторых направлениях развития учения о преодолении противодействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 21 мая 2021 г. / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. М. : Академия управления МВД России, 2021.

Алексей Александрович Бессонов,
доктор юридических наук, доцент,
ректор
Московской академии
Следственного комитета имени
А. Я. Сухарева
E-mail: bestallv@mail.ru

Новый технологический уклад как вызов современной правоохранительной системе

Аннотация

Новейшие достижения научно-технического прогресса обуславливают серьёзную трансформацию преступности и появление новых видов криминальных деяний. Робототехника, биотехнологии, нанотехнологии и информационные технологии как элементы начавшегося шестого технологического уклада активно внедряются в механизмы преступных деяний. Такие тенденции всегда должны быть в поле зрения правоохранительных органов с целью высокоэффективного противодействия современной преступности, для чего необходима государственная научно-техническая политики в сфере правоохранительной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: *искусственный интеллект; киберпреступность; криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности; новый технологический уклад и преступность.*

Сегодня мир перешагнул порог шестого технологического уклада, характеризующегося стремительным развитием сферы «высоких технологий», прежде всего – робототехники, биотехнологий, нанотехнологий, базирующихся на достижениях молекулярной биологии и геной инженерии, киберфизических системах, искусственном интеллекте и глобальном информационном пространстве. Мы вступили в эпоху не только нового прогрессивного этапа развития человечества, но и новых угроз, рисков и катастроф, когда условием сохранения жизни на Земле является соблюдение разумного баланса между пользой от этих научно-технологических достижений и потенциально возможными негативными последствиями от их использования злоумышленниками в своих преступных целях.

Широкий охват населения и всех областей жизни информационными технологиями спровоцировал стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием этих же технологий. В России наблюдается ежегодная положительная динамика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации (Рис. 1), с постоянным увеличением их удельного веса в общей структуре преступности (так, за 2024 год зарегистрировано 765 365 таких деяний, а это 40 % от всех преступлений по стране). Не раскрытыми остаются до 70 % таких общественно опасных деяний, что позволяет обоснованно вести речь о непривлечении к уголовной ответственности за последнюю пятилетку как минимум 3,4 млн киберпреступников, продолжающих безнаказанно посягать на национальную безопасность нашего государства и его граждан. Причём такое положение дел имеет место и в других странах, например в США и Великобритании [2].

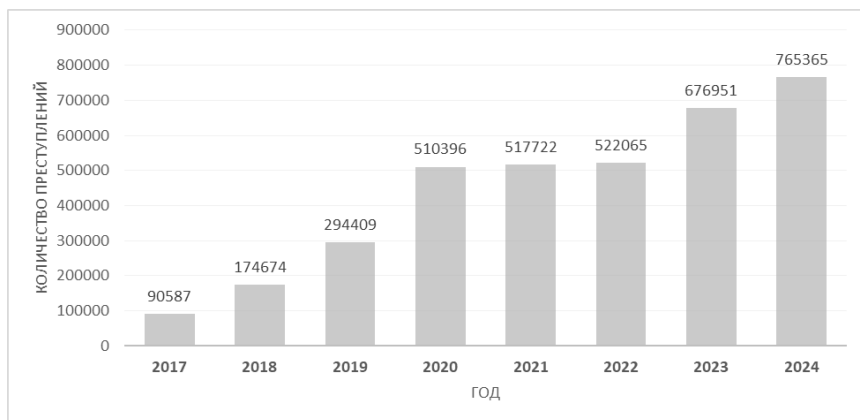

Рис. 1. Количество киберпреступлений в Российской Федерации¹

Основной тенденцией этого вида преступности выступает активное использование злоумышленниками технологии искусственного интеллекта, в первую очередь – генеративного искусственного интеллекта, открывшего для них новые горизонты возможностей реализации своих преступных замыслов. Определённой новеллой стало выявление случаев внедрения с целью последующего неправомерного использования вредоносного программного кода

¹Официальный сайт МВД России, раздел «Состояние преступности». URL: <https://мвд.рф/gerports> (дата обращения: 01.02.2025).

в свободно распространяемые проекты с открытым исходным кодом. Широко стала практиковаться деятельность, связанная с кибератаками для влияния на политические процессы суверенных государств и манипулированием общественным мнением, получившая название хактивизм (Hacktivists).

Уже обыденностью стало онлайн-мошенничество, кража денежных средств физических и юридических лиц с использованием информационных технологий, незаконный оборот наркотиков и оружия в киберсфере, онлайн-сексуальная эксплуатация детей, изготовление и оборот детской порнографии, торговля персональными данными и конфиденциальной корпоративной информацией, пропаганда деструктивной идеологии, манипулирование информацией (распространение фейков). Структуру киберпреступности постоянно пополняют новые виды преступных деяний. Например, с начала СВО с использованием информационно-телекоммуникационных технологий активно ведётся диверсионная и террористическая деятельность (таблица 1).

Таблица 1

Сведения о некоторых видах преступлений, в механизм которых интегрированы информационные технологии

	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Терроризм	1679	1806	2342	2136	2233	2382	3714
Экстремизм	1265	585	833	1057	1566	1340	1719
диверсии	0	0	0	1	23	154	861

Начиная с 2013 года предложение в теневом сегменте Интернета вредоносного программного обеспечения в качестве услуги (MAAS) по-прежнему остаётся весьма весомой и быстро развивающейся киберугрозой.

Всё это обуславливает необходимость совершенствования существующих и разработки новых мер по противодействию преступности в киберпространстве.

В этой связи, в первую очередь, требуется постоянное изучение не только в целом киберпреступности как социального и технологического явления, но и составляющих её структуру различных видов преступлений с целью построения их цифровых моделей, которые

¹ Данные по диверсиям приведены за 6 месяцев 2024 г.

могут использоваться для совершенствования государственной стратегии противодействия этому виду преступности и использованию в преступных целях киберпространства. При этом успех может быть гарантирован только при междисциплинарном подходе к таким исследованиям и объединением усилий учёных и практиков на международном уровне.

На основе таких моделей нужна разработка передовых технологий упреждающего выявления киберугроз и их своевременной нейтрализации, в том числе программно-аналитических комплексов для мониторинга сети Интернет с целью выявления признаков криминальной активности, прежде всего носящей организованный преступный характер, размещённого деструктивного контента, деятельности по посягательству на традиционные духовно-нравственные ценности и в целом национальную безопасность суверенных государств.

Развитие технологий, связанных с квантовыми компьютерами и квантовыми вычислениями, является потенциальным вызовом нынешним криптографическим методам. В связи с этим уже сегодня необходимы разработки, направленные на создание систем, защищённых от угроз квантовых вычислений.

Для более эффективного противостояния киберугрозам требуются технологии выявления уязвимостей программного обеспечения, используемого на объектах критической инфраструктуры, в секторе государственного управления, в экономической сфере, особенно субъектами малого и среднего бизнеса, и т. п., с целью их своевременного устранения и обеспечения тем самым более высокого уровня информационной безопасности. В целом же одним из важнейших направлений противостояния рассмотренным угрозам должно быть создание и внедрение информационных технологий, изначально устойчивых к различным видам воздействия, как того требует Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (пункт 27).¹

Поскольку ряд государств, стремящихся к однополярному мироустройству и доминированию, приступил к созданию информационного оружия, направленного на дезорганизацию органов государственного и военного управления, деморализацию и дезориентацию населения, крайне важно уже сейчас вести научные исследования по разработке мер противодействия такому виду вооружения.

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Рос. Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

На федеральном уровне в Российской Федерации, на наш взгляд, следует рассмотреть вопрос о создании специализированного государственного органа по кибербезопасности, к полномочиям которого будет отнесена выработка государственной политики и стратегии обеспечения кибербезопасности, координация деятельности всех других государственных органов по обеспечению кибербезопасности и противодействию киберпреступности, взаимодействие с общественностью по этому вопросу. На базе такого органа целесообразно вести учёт информации обо всех имевших место киберинцидентах, в первую очередь с признаками преступления. С целью информационного наполнения этого учёта необходимо законодательно обязать критически важные инфраструктурные объекты, предприятия, государственные органы и т.д. направлять в этот орган отчётность обо всех имевших место киберинцидентах.

Не мало важно то, что в настоящее время информационные технологии вкупе с достижениями психологии массового сознания в контексте гибридных войн активно используются для посягательства на информационно-психологическую безопасность с целью дестабилизации внутривнутриполитической ситуации атакуемого государства. Информационных технологий в сочетании с психологическими методами манипуляции сознанием человека зачастую направлены на изменение мировоззрения населения, основу которого составляют традиционные духовно-нравственные ценности [3].

Причём социальные сети используются не только для распространения различной, в том числе и деструктивной идеологии, и влияния на мировоззрение отдельного человека и масс, но и для сбора персональных данных пользователей.

Необходимо научное изучение способов интеграции в информационные технологии психологических методов и политтехнологий для посягательства на информационно-психологическую безопасность населения Российской Федерации и других суверенных государств.

Тщательному исследованию должна подвергаться каждая кибератака с точки зрения применённых технологий и методов воздействия на сознание и бессознательное человека с построением соответствующих их моделей и объединением полученных результатов в рамках теории информационных войн в единое научное знание. Созданные в результате этого модели должны служить инструментом своевременного выявления и блокирования каналов распространения враждебной государству и обществу идеологии и негативного психологического влияния на массы [1, с. 23].

Также целесообразно провести мониторинг распространяемого сегодня на территории России Интернет-контента, детской

литературы и даже игр и детских игрушек на предмет выявления его деструктивного влияния на психику и мировоззрения человека, на соответствие традиционным духовно-нравственным ценностям.

Законодательный запрет распространения идеологии, представляющей угрозу национальной безопасности и традиционным духовно-нравственным ценностям, выступает необходимым условием эффективного противостояния информационному врагу. Например, следует установить обязанность видеоплатформ по защите пользователей, особенно детей, от вредоносного контента, включая пропаганду самоубийства, экстремизма и терроризма, идеологии, противоречащей традиционным духовно-нравственным ценностям, и т. д.

Более того, представляется нужным принять нормы об обязанности владельцев (администраторов) социальных сетей уведомлять правоохранительные органы об имеющихся местах случаев использования пользователями таких сетей для сексуальной эксплуатации детей, распространения порнографии, пропаганды экстремистской и террористической идеологии и совершения иных преступлений.

Необходимо установить законодательный запрет IT-разработчикам делать официальные заявления о замене искусственным интеллектом профессиональных услуг, оказываемых человеком, без подтверждающих доказательств.

Весь цифровой контент, создаваемый искусственным интеллектом с целью последующего его распространения, в том числе с помощью информационно-телекоммуникационной сети, должен иметь маркировку о природе своего происхождения, например, в форме соответствующего логотипа, «водяных знаков», метаданных и т. п. Отсутствие такой маркировки в случае распространения этого контента должно влечь наступление административной и даже уголовной ответственности.

Для устройств Интернета вещей с целью обеспечения информационной защиты пользователей должны быть установлены обязательные стандарты безопасности, например, уникальные пароли и регулярные обновления.

Боевое применение БПЛА для поражения живой силы противоборствующими в ходе специальной военной операции сторонами стало не только революционным прорывом в военной тактике и стратегии [6, с. 59], но и открыло «ящик Пандоры» в перспективах криминального использования роботов для совершения посягательства на жизнь и здоровье человека, а также совершения иных преступлений.

Наконец, на фоне расследования обстоятельств создания и функционирования на территории Украины биологических лабораторий с целью создания биологического оружия и случившейся пандемии COVID-19 обращает на себя внимание демографическая ситуация в Российской Федерации, характеризующаяся за последние 7 лет значительной естественной убылью населения (Рис. 2). Конечно, пока не получено доказательств наличия прямой причинно-следственной связи между этими событиями и приведённой статистикой, между тем правоохранителям следует рассматривать в качестве перспективного направления разработку мер по предупреждению и противодействию использованию злоумышленниками биологического и информационного оружия как средства посягательства на национальную безопасность и непосредственно население России.

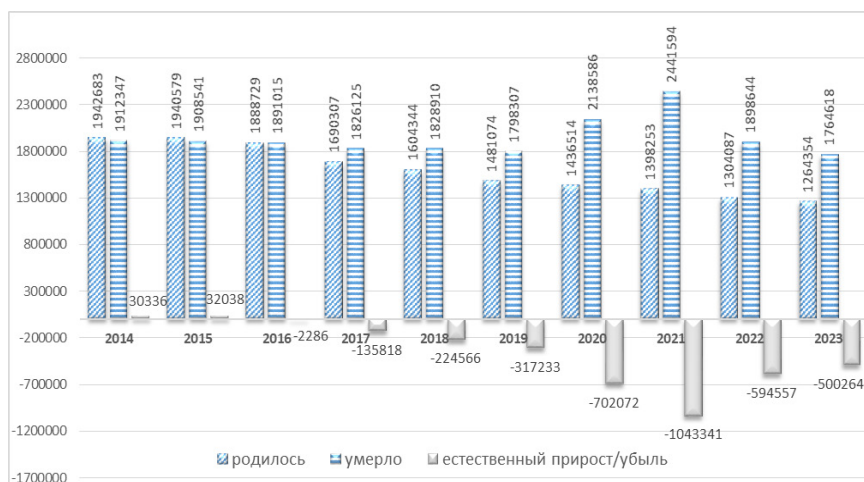

Рис. 2. Сведения о демографической ситуации в Российской Федерации¹

В качестве одного из консолидирующих усилия правоохранительных органов по противодействию современной преступности инструментов ранее предложены: в узком понимании – единая государственная система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства [4, с. 54–55], в более широком – государственная научно-технологическая политика в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (криминалистическая политика) [5, с. 100]. Вопросам последней была посвящена

¹ Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) «Демография». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2025).

международная научно-практическая конференция «64-е ежегодные криминалистические чтения», прошедшая в мае 2023 года в Академии управления МВД России [7].

Законодателем в числе основных целей государственной научно-технической политики определены защита информационных ресурсов государства и укрепление безопасности личности, общества и государства.¹ Однако на сегодняшний день на уровне нормативных правовых актов регламентированы меры по реализации государственной научно-технической политики лишь в интересах развития сельского хозяйства и в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений.

В этой связи действительно видится крайне актуальным формирование государственной научно-технической политики в сфере правоохранительной деятельности в качестве адекватного ответа на вызовы нового технологического уклада, в том числе с целью изучения роли и влияния достижений научно-технического прогресса нового технологического уклада на состояние современной преступности и деятельности по противодействию ей, разработки мер по их интеграции в правоохранительную практику.

Список литературы:

1. *Бессонов А.А.* Информационные технологии как угроза национальной безопасности и средство по её обеспечению // Предварительное расследование. 2023. № 2.

2. *Бессонов А.А.* Киберпреступность: тенденции и перспективы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 3.

3. *Бессонов А.А.* Криминалистика на защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей // Журнал Российского права. 2025. Т. 29. № 1.

4. *Вольнский А.Ф.* Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: от привычных проблем к реалиям практики // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1 (99).

5. *Гаврилин Ю.В.* О понятии и содержании государственной научно-технической политики в области криминалистического обе-

¹ Статья 11 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 232-ФЗ) «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

спечения правоохранительной деятельности (криминалистической политики) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62).

6. *Гаврилов А. Д., Грудинин И. В., Майбуров Д. Г., Новиков В.А.* Два года специальной военной операции: некоторые итоги, вероятные перспективы // Вестник Академии военных наук. 2024. № 2 (87).

7. Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «64-е ежегодные криминалистические чтения», Москва, 26 мая 2023 г. : в 2 ч. / под ред. Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, В.О. Лапина, Ю.В. Шпагиной. М. : Академия управления МВД России, 2023. Ч. 1. 508 с.

Владимир Юрьевич Владимиров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России
E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

Илья Анатольевич Данилов,
начальник службы центра
внедрения и сопровождения проектов
АО «НПО Радиозавод им А. С. Попова»
E-mail: Danilov_ia@popovradio.ru

Цифровые технологии как средство повышения эффективности исследования материальных следов в судебной баллистике

Аннотация

В статье со ссылкой на проведённое сотрудниками кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД совместно с ЭКЦ ГУМВД России по СПбЛО исследование даётся развёрнутое обоснование о необходимости и возможности полноценной цифровизации технологического процесса установления тождества огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах. В качестве иллюстрации к проведённому исследованию приводятся результаты соответствующей опытно-конструкторской разработки. Сформулированы несомненные преимущества при использовании вновь созданной АБИС при ведении экспертно-криминалистического учёта пуль, гильз и патронов со следами оружия.

***Ключевые слова и словосочетания:** АБИС; цифровые технологии; судебная баллистика; следы на пулях и гильзах; идентификационная судебно-баллистическая экспертиза.*

В соответствии с п. 35 Плана научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на 2024 год авторским коллективом кафедры управления органами предварительного расследования Академии управления МВД России проведена научно-исследовательская работа (НИР) «Возможности

цифровых технологий при производстве баллистических экспертиз и ведении баллистических учётов» по результатам которой подготовлен Аналитический обзор, содержащий ретроспективный анализ в части создания и развития отечественных автоматизированных баллистических идентификационных систем (АБИС) и их зарубежных аналогов, предложения по дальнейшей цифровизации судебно-экспертных технологий в этой сфере деятельности.

В 1993 году в Канаде появилась первая автоматизированная баллистическая идентификационная система IBIS. В период 1994–1996 годов данная система IBIS, как не имеющая аналогов в мировой практике, была закуплена МВД России и установлена в Экспертно-криминалистическом центре министерства. По итогам эксплуатации IBIS руководством МВД России было принято решение о необходимости создания аналогичной отечественной АБИС.

На инициативной основе ЗАО «ЛДИ-Русприбор» с участием экспертов ЭКЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области был создан первый отечественный образец автоматизированной баллистической идентификационной системы. Данная АБИС получила наименование «ТАИС». В 1998 году состоялось первичное внедрение в практическую эксплуатацию АБИС «ТАИС» в упомянутом ранее экспертно-криминалистическом учреждении. Кроме того, были разработаны методические рекомендации по производству идентификационных судебно-баллистических экспертиз с использованием возможностей вновь созданной АБИС, одобренные методическим советом по вопросам судебно-экспертной деятельности при Прокуратуре Санкт-Петербурга (протокол №8 от 28.12.1998 г.). С 1999 года АБИС «ТАИС» начала использоваться в МВД России. В октябре 2002 года АБИС «ТАИС» прошла испытания [1] и была рекомендована в качестве системы, предназначенной для автоматизированной идентификации оружия по следам от деталей оружия на стреляных пулях и гильзах, а также ведения автоматизированного учета пуль и гильз, обнаруженных и изъятых с мест происшествий и экспериментально стреляных из изъятого, найденного и добровольно сданного нарезного огнестрельного оружия.

В период с 2002 по 2014 года АБИС «ТАИС» была централизованно поставлена и широко использовалась в ЭКЦ МВД России, в 44 региональных ЭКП МВД России, а также в *Санкт-Петербургском Университете МВД России, Волгоградской Академии МВД России, в криминалистических подразделениях органов правопорядка ряда зарубежных стран: Беларусь, Армения, Абхазия, Киргизия, Украина, Эстония, Литва, Латвия*). Общее количество

поставленных и применяемых АБИС «ТАИС» составляло 115 автоматизированных рабочих мест.

Одновременно с разработанной на базе коммерческого предприятия ЗАО «ЛДИ-Русприбор» АБИС «ТАИС», аналогичным образом продолжились разработки в городе Миассе Челябинской области на базе коммерческого предприятия АО «Папилон». По итогам разработки в период 1995-98 годов АО «Папилон» была создана АБИС «Арсенал». АБИС «Арсенал» существенно уступала по эффективности действия и по целевому назначению, так как технологическим «фундаментом» для её создания послужила АДИС «Папилон» функционально предназначенная для препарирования объектов, идентификационное поле которых расположено в двухмерной среде, в то время как идентификационное поле баллистических идентифицирующих объектов «размыто» как минимум по четырем функционально обусловленным площадям и требует иного многомерно пространственного подхода. В этой связи уместно упомянуть расположенные на цилиндрической поверхности пули следы от полей нарезков, которые в статичной развёртке являются не чем иным, как следами качения. На доннышке гильзы расположены следы, образованные различными деталями оружия, в кольцевой проточке или закраине, а также на её цилиндрической поверхности отображаются особенности других частей и деталей оружия. Все они должны оцениваться в совокупности, что обеспечивает соблюдение принципа полноты, всесторонности и объективности исследования.

Тем не менее АБИС «Арсенал» была установлена в ряде ЭКП МВД России. Помимо этого, в инициативном порядке была разработана АБИС «ПОИСК», которая изначально разрабатывалась для поставки за рубеж, однако «не прижилась» там.

Приведенные три системы были совершенно несовместимы между собой по техническим характеристикам. Отсутствие унифицированной системы автоматизированной обработки идентификационной баллистической информации на территории нашей страны не предполагало возможность передачи идентификационной баллистической информации по коммутируемым или иным каналам связи для создания единого поля криминалистически значимой информации. В дальнейшем, в результате недобросовестной конкуренции АБИС «Арсенал» вытеснила АБИС «ТАИС».

Одновременно Ставропольский край был выбран в качестве пилотного региона для экспериментального внедрения АБИС «ПОИСК», в результате чего сотрудникам ЭКЦ пришлось вручную переводить весь массив данных баллистических учетов. Все это в совокупности породило разнородность инструментального парка

ЭКП в виду отсутствия единой унифицированной системы и возможности автоматизированного и качественного обмена данными между экспертными подразделениями. Данной проблеме уделил внимание в своем диссертационном исследовании Кузнецов Андрей Владимирович, отмечая при этом: *«Нестыковка систем при обмене базами данных при периодических свертках региональных массивов учётов, а также различное программное обеспечение не позволяют реализовывать в определённой степени возможности единых информационных сетей и некоторые элементы унификации»*. Высказывания Кузнецова А.В. весьма весомы, учитывая тот факт, что при защите его диссертации оппонентом была доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, генерал-майор полиции Аверьянова Татьяна Витальевна, которая с 2004 года являлась первым заместителем начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России. Помимо этого, как было уже сказано, АБИС «Арсенал» в технологическом вопросе значительно уступала АБИС «ТАИС», его (АБИС «АРСЕНАЛ») использование не могло в полной мере соответствовать требованиям, изложенным в Приказе МВД России от 10 февраля 2006 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации». За пределами возможной обработки АБИС «Арсенал» остаётся не менее 50 видов оружия, в том числе, винтовка Мосина и её производные, самозарядная винтовка системы Токарева и её производные (автоматическая винтовка образца 1940 года (АВТ-40), самозарядный карабин (СКТ-40), автоматический (АКТ-40), и охотничьи (ОКТ-88 и СВТ-0) карабины.

Это выступило одной из причин недобросовестного изменения организационной и методической документации, регулирующей использование АБИС в МВД России, путем внесения изменений в части необоснованного снижения требований к автоматизированным баллистическим системам. Это открывало возможность внедрения и применения по данному направлению заведомо ненадлежащих технических средств. Каких-либо дальнейших мер по совершенствованию данных эксплуатируемых технических средств в этом направлении не предпринималось.

Стоит отметить, что сервисное и техническое обслуживание использующихся АБИС при этом осуществлялось не чаще одного раза в три года, что многократно превышало принятый для подобных технических средств период между регламентным сервисным обслуживанием. Сервисное обслуживание проводилось исключительно в рамках поддержания работоспособности имеющихся АБИС, существенных модернизаций, обновлений, внедрения новых технологий

не осуществлялось (фактически в настоящее время используются системы образца 2012–2014 годов разработки). Ненадлежащее техническое обслуживание АБИС за период эксплуатации в течении 9 лет, может свидетельствовать как о невостребованности данного оборудования по естественным причинам, так и о сознательном отказе от его использования либо о недостаточно добросовестном отношении к сопровождению технического средства.

Приходится констатировать, что в настоящее время рассматриваемое направление экспертно-криминалистической деятельности в России находится в состоянии стагнации, в то время как зарубежные страны активно развивают данное направление. На сегодняшний день США разработало и внедрило свою АБИС, включающую в единую идентификационную систему около 40 стран. Они уже давно не работают с натуральным объектом, а исследуют его цифровую копию.

В ходе проведённого исследования сделан аргументированный вывод, что в настоящее время есть все возможности для создания АБИС по аналогии с дактилоскопическими, а также трасологическими криминалистическими учётами. В 2021 году была проведена научно-исследовательская работа «Исследование возможностей автоматизации ведения и использования в раскрытии и расследовании преступлений трасологических экспертно-криминалистических учётов органов внутренних дел Российской Федерации» Шифр «Трасса (Верблюд)» [2], а также защищена диссертация Севастьяновым П.В. «Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации» [3], в которой говорится, что правовых и технологических преград для осуществления описанной концепции создания перспективной отечественной АБИС не возникает.

Все участники проведения НИР единодушно пришли к выводу, что пора ставить реально выполнимую задачу в виде отечественной разработки в области судебной баллистики, выполнение которой решит ряд криминалистически значимых проблем:

- будет обеспечена объективизация исследования, которая обусловлена использованием фиксированных параметров светового пучка и увеличения;
- появится единая система, а с ней возможность автоматизированного и качественного обмена данными между экспертными подразделениями;
- создание твердотельной цифровой копии позволит «уйти» от негативного влияния проблемы идентификационного периода на процесс установления тождества объекта, в связи с тем, что она не подлежит окислению или коррозии;

– будет обеспечена обработка массивов «больших данных» идентификационно значимой информации и оцифрованных объектов баллистических учетов, что позволит включить в систему криминалистического поиска боевое, служебное и гражданское ручное стрелковое оружие в полном объеме, а не только утраченное;

– решится проблема одномоментной постановки объектов идентификационной судебно-баллистической экспертизы (пули, гильзы) на учет, что значительно уменьшит затрачиваемое время и минимизирует возможность «пропуска цели».

Результаты выполненной НИР по спектру решённых вопросов и глубине их проработки вполне соответствуют предъявляемым к такого рода исследованиям и более того, достаточны для подготовки технического задания на проведение опытно-конструкторской разработки (ОКР) по созданию высокотехнологичной отечественной АБИС.

Таким образом, в настоящее время имеются все предпосылки методологического и технологического порядка не только для создания высокотехнологичного образца современной АБИС, но и технико-криминалистические возможности для её внедрения в практическую деятельность ЭКП МВД России, что будет способствовать обеспечению функционального единства алгоритма контроля за оборотом огнестрельного оружия, как правомерного, так и криминального, исключению существующих в настоящее время межведомственных проблем, создающих условия возможного пропуска цели.

Отрадно констатировать, что руководители и специалисты одного из ведущих отечественных наукоёмких производств АО «НПО Радиозавод им. А. С. Попова» весьма конструктивно подошли к решению этой важной задачи и продемонстрировали результаты инициативной опытно-конструкторской разработки АБИС нового поколения, что достаточно наглядно иллюстрирует возможность практического воплощения в жизнь амбициозных технологических решений.

Таким образом, имеются все основания полагать, что в самое ближайшее время органы правопорядка России будут оснащены уже серийной передовой современной АБИС.

Наличие данного высокотехнологичного ресурса, практическое его использование в тесном функциональном единстве с иными средствами экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности, создаст необходимые условия для перехода на новый уровень обеспечения общественной и государственной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. Автоматизированная баллистическая идентификационная система. Программа и методика испытаний. Редакция 2.0. ГУ ЭКЦ МВД России, г. Москва, Ю.М. Дильдин.

2. Государственный контракт № 2021188100182007708025358/03731000887200000190001 от 14.05.2020. Государственный заказчик – ФКУ НПО «СТиС» МВД России, функциональный заказчик – ФГКУ ЭКЦ МВД России. Период исполнения: 14.05.2020 – 30.11.2021. Статус – выполнен.

3. *Севастьянов П.В.* Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации : дис. ... канд. юрид. наук / Севастьянов Павел Викторович, 2024. 194 с.

4. *Владимиров В.Ю.* Теория и практика криминалистического оружиеведения : монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. 400 с.

Владимир Юрьевич Владимиров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

Юлия Алексеевна Клюева,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: Yulia1604irk@mail.ru

Криминалистическое прогнозирование в борьбе с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ

Аннотация

В статье проводится параллель между увеличением объема синтетических психоактивных веществ, изымаемых из незаконного оборота, и ростом смертельных отравлений, связанных с употреблением наркотических средств и психотропных веществ; отражены проблемы контроля и запрета псевдолегальных веществ и предложены пути их решения, такие как использование криминалистического прогнозирования в практической деятельности при обязательном условии тесного межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова и словосочетания: *синтетические психоактивные вещества; криминалистическое прогнозирование; межведомственное взаимодействие.*

Проблема борьбы с незаконным оборотом психоактивных веществ является актуальной многие десятилетия, однако, в современном мире более опасной стала угроза, исходящая от использования наркозависимыми лицами синтетических психоактивных веществ. Подтверждением тому служат Указы Президента Российской Федерации от 11.03.2019 № 97 и от 23.11.2020 № 733¹, в которых он особо подчер-

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 11 марта

кивает, что угрозами национальной безопасности являются не только разработка и сбыт новых синтетических психоактивных веществ (далее ПАВ), но и распространение химических веществ с высокой токсичностью. Данная проблема уже не раз поднималась учеными [3, 11, 16], которые акцентировали свое внимание на применении синтетических психоактивных веществ преступным сообществом не столько в качестве наркотических средств, сколько в качестве гибридного оружия, «как разновидности психофизического оружия, основанного на новых принципах поражения живой силы». Во втором выпуске специального проекта «Зависимости» на канале «Дума ТВ», вышедшего 17 февраля 2025 года, депутат Государственной Думы РФ, член Комитета ГД по охране здоровья, Бийсултан Хамзаев, и врач-нарколог Василий Шуров обсудили опасность синтетических наркотических средств, которые уничтожают генофонд нашей страны – за пару лет применения синтетических наркотических средств уровень репродукции потребителя снижается до нуля, в связи с чем депутат Бийсултан Хамзаев назвал их демографическим стерилизатором.

Профессор Б. Ф. Калачев более 20 лет назад писал о наркотиках, как о разновидности оружия массового поражения [12]. Кроме того, идею о том, что наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества могут использоваться в качестве гибридных средств поражения живой силы освещал в своих трудах ученый К. В. Харабет [16], мы также не раз обращались к этой теме [2, 6].

Учитывая высокую общественную опасность распространения синтетических НСПВ, необходимо отметить, что это проблема не только отдельного человека и его семьи, но и проблема государства в целом. Вышесказанное подтверждают данные статистики. Так, за последние 13 лет количество изымаемых синтетических наркотических средств выросло в 25 раз. На Рисунке 1 приведены данные изъятий наркотических средств каннабисной группы и синтетического ряда за 2011–2024 года (в процентах от общего объема изъятий в каждый год наркотических средств и психотропных веществ (далее НСПВ)).

Если сопоставить динамику роста изъятий синтетических ПАВ с динамикой острых отравлений со смертельным исходом в России за аналогичный период времени (см. Рис. 2), то становится очевидным, что распространение синтетических наркотических средств наносит непоправимый урон государству. Сегодня борьба

2019 г. № 97; Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с незаконным оборотом синтетических ПАВ – это борьба за обороноспособность и безопасность России, более того, это борьба выживание нашей страны в целом.

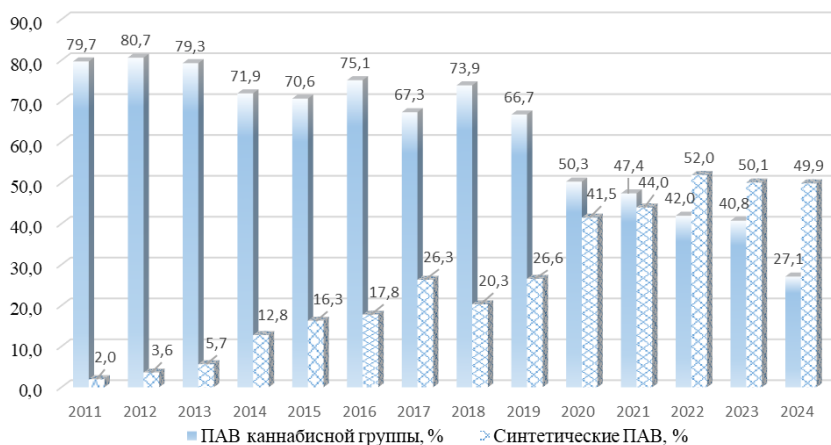

Рис. 1. Динамика изъятых из незаконного оборота НСПВ каннабисной группы и синтетического ряда за 2011–2024 г.

Рис. 2. Динамика острых отравлений со смертельным исходом в России за 2011–2023 гг. по причинам, связанным с употреблением НСПВ¹

¹ В их число, согласно номенклатуре причин смерти Минздрава России, входят психические расстройства в результате злоупотребления наркотиками, случайное отравление и воздействие наркотиками и психодислептиками (галлюциногенами), не классифицированные в других рубриках, а также отравление и воздействие наркотиками и психодислептиками (галлюциногенами), не классифицированное в других рубриках, с неопределенными намерениями.

Проводимые российскими врачами исследования причин смертельных отравлений за последние десятилетия демонстрируют рост отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами. Например, авторы статей [10, 17], сравнивая токсикологическую ситуацию в 3 регионах России за 2011–2017 года, пришли к выводу, что возросло количество отравлений синтетическими наркотическими средствами, при этом увеличилось число отравлений со смертельным исходом: в Санкт-Петербурге за рассматриваемый период зафиксирован рост на 50,9 %, в Новосибирске – на 60 %, в Казани – на 38,9 %. При этом на отравления синтетическими опиоидами (в основном метадоном) пришлось 80,8 %.

Немаловажно, что использование синтетических опиоидов в немедицинских целях вызывает последствия более серьезные, чем употребление каннабиса и продуктов из него [7]. Процент смертей от передозировки при употреблении опиоидных психоактивных веществ является самым высоким в мире (в 2019 г. составил 69 %) [15]. Кроме того, проблемой является то, что потребитель часто даже не подозревает какое именно вещество собирается употребить. Показательным случаем стало отравление не менее 25 человек в Астрахани в ноябре 2023 года, когда люди отравились метадоном, считая его мефедроном. Такие подмены могут стоить людям жизни, так как безопасные для жизни дозировки указанных препаратов различаются в несколько раз.

К крайне опасным синтетическим опиоидам относят и нитазены, часть из которых сильнее фентанила в 50 раз. Так как потребитель чаще всего не знает, что в состав применяемого им препарата входят высокотоксичные вещества группы синтетических опиоидов – нитазены, каждый четвертый приём указанных веществ заканчивается смертельной передозировкой [7, 9, 14, 19]. Добавляет их обычно производитель и/или продавец для усиления эффекта и удешевления производства. Сегодня разработано более 60 видов, только несколько из них включены самостоятельными позициями в Перечень НСПВ, подлежащих контролю в Российской Федерации, незначительная часть веществ из группы нитазенов контролируется как производные НСПВ, остальные – не подлежат контролю, так как по своей структуре они не могут быть отнесены к производным наркотических средств или психотропных веществ. Проблема их выявления связана с невозможностью определения этих соединений иммуно-хроматографическими тестами, являющимися обязательным предварительным этапом при медицинском освидетельствовании. Раз их не обнаружили на первом этапе исследования, значит не проводят их дальнейшее изучение более чувствитель-

ными методами – такими как хроматографическое исследование с масс-спектрометрическим детектором. Кроме того, дозировка этих веществ, необходимая для безопасного приема, в разы меньше привычных опиатов и опиоидов, в связи с чем чувствительность не каждого аналитического прибора позволяет выявлять их наличие в пробе [8].

Кроме синтетических опиоидов сегодня активно развивается сегмент синтетических каннабимиметиков – обнаружена тенденция к разработке и появлению на рынке неконтролируемых фитоканнабиноидов и их синтетических аналогов, что является современным общемировым трендом. Их часто добавляют в продукты питания (мармелад, печенье, шоколад и другие), в картриджи для вейпов¹, наносят на измельченную марихуану и другие растительные матрицы. Слабая изученность этих веществ, а также неконтролируемое использование представляют высокую опасность для здоровья и жизни потенциальных потребителей.

Анализ незаконного рынка ПАВ в России демонстрирует огромное разнообразие предлагаемых веществ, часть из которых выпадает из сферы действия уголовного закона, то есть они остаются в псевдо-правомерном обороте. Но самое «интересное» и опасное пока находится за границами нашего государства – анализ предложений маркетплейсов Европы, Украины, ОАЭ позволил выявить целый ряд новых неподконтрольных веществ, которые в любой момент могут оказаться и в нашей стране. Опасным является то, что, не изучая заранее свойства этих веществ, мы рискуем в определенный момент снова получить волну смертельных отравлений, так как антидотом при отравлении новыми веществами могут стать как совершенно новые вещества, так и уже применяемые в медицине, но совсем в других дозировках. Например, при отравлении такими синтетическими опиоидами, как фентанил и нитазен, обычно используемый для нейтрализации действия опиатов препарат налоксон, требуется в более высоких дозах [18].

Мы описали лишь один из способов сокрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом ПАВ – изготовление псевдолегальных психоактивных веществ. На самом деле их гораздо больше (распространение так называемых конструкторов, «пронаркотиков» и другие). Сегодня преступники постоянно ищут новые способы ухода от уголовной ответственности, начиная от фальсификации

¹ Вейп – устройство для курения, в котором вместо табака используются картриджи со специальной жидкостью. В ряде стран запрещены. В американском штате Сан-Франциско приравнены к наркотическим средствам.

назначения объектов незаконного оборота, и, заканчивая сокрытием НСПВ различными методами (физическими, физико-химическими, химическими [13]). В связи с вышеизложенным сотрудники правоохранительных органов должны работать на опережение, для чего необходимо не только вспомнить о криминалистическом прогнозировании, но и начать применять его в практической деятельности. О недостаточном уровне применения криминалистического прогноза в практической деятельности может говорить тот факт, что наше государство, начиная с 2000-х годов захлестнула волна синтетических наркотиков, хотя при своевременном адекватном реагировании на их первые появления можно было бы свести к минимуму их незаконный оборот, а не фиксировать их лавинообразное распространение среди молодежи и тот непоправимый урон, который они нанесли и наносят государству. Первое время эти вещества распространялись вполне легально под видом курительных смесей или благовоний до тех пор, пока люди не поняли к каким последствиям приводит их употребление. Так, за период с 2003 года по 2018 год смертность от употребления наркотиков выросла с 4 % до 15 %, причем доля умерших от опиатов снизилась с 85-90 % до 55-58 % в то время как доля умерших от «прочих»¹ веществ увеличилась с 11 % до 40 % [4].

Как мы ранее неоднократно отмечали, псевдоправомерный оборот веществ, материалов и изделий опасен не сам по себе, а тем, что «создаёт опасный социальный фон прецедентного характера, позволяющий поэтапно вводить новые материалы, вещества и изделия, представляющие повышенную общественную опасность и по этой причине изъятые из гражданского оборота или формально контролируемые» [5].

Использование прогнозирования способов совершения преступлений и противодействия расследованию преступлений предлагали ученые криминалисты и криминологи еще в середине XIX века. Например, ученый Г.Г. Зуйков в своих трудах писал о прогнозировании при изучении способа совершения преступления [1, с. 357], а профессор И.А. Возгрин – применительно к перспективам развития методики расследования отдельных видов преступлений [1, с. 368]. Основные положения теории криминалистического прогнозирования были разработаны профессором Р.С. Белкиным. Одним из направлений он видел «прогнозирование преступности в крими-

¹ В группу «прочих» веществ вошли наркотические средства за исключением опиатов, каннабиноидов и кокаина, а также ПАВ, не включенные в официальный Перечень НСПВ.

налистическом аспекте этого явления, средств, форм и методов борьбы с него» [1, с. 354].

Федеральным законом № 182-ФЗ¹ к основным направлениям профилактики преступлений, осуществление которого возможно в том числе посредством прогнозирования, относится «противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

Исходными данными для криминалистического прогнозирования преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом ПАВ, могут служить:

- результаты судебных экспертиз ЭКЦ МВД России;
- результаты судебно-медицинских экспертиз Минздрава России;
- результаты судебных экспертиз Института криминалистики ЦСТ ФСБ России;
- результаты судебных экспертиз Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления России;
- данные ГИАЦ МВД России;
- предложения маркетплейсов, как российских, так и зарубежных;
- данные многоцелевого программного комплекса «АИПСИН АнтиНаркотики».

Однако для сбора таких данных нужен единый координирующий центр, осуществляющий данную работу и способствующий межведомственному взаимодействию правоохранительных органов, Минздрава, органов государственной власти и местного самоуправления.

Также крайне важно создавать и вести Реестры новых псевдолегальных психоактивных веществ, которые необходимо изучать с целью последующего включения их в Перечень НСПВ, подлежащих контролю в Российской Федерации. Кроме того, необходимо постоянно проводить как мониторинг, так и исследование веществ, распространяемых в других странах с целью возможности оперативного реагирования на их появления в России.

В связи с необходимостью установления своевременного контроля за псевдоправомерным оборотом психоактивных веществ и решения проблем, связанных с невозможностью контроля и запрета их оборота современными законодательными нормами, нами

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

была разработана система объективных исчерпывающих критериев для установления групповой принадлежности псевдолегальных психоактивных веществ и на основе нее – механизм отнесения указанных веществ к нормативно определенным категориям. А также предложена схема признания исследуемых веществ аналогами НСПВ либо новыми потенциально опасными психоактивными веществами посредством проведения комплексной химической и судебно-медицинской экспертизы вещества и живого лица с привлечением узкопрофильного специалиста в области наркологии, что позволит сократить сроки расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ¹.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики : в 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. Академия МВД СССР, 1978. 410 с.
2. *Владимиров В.Ю.* Наркооружие – оружие массового поражения пролонгированного действия / В.Ю. Владимиров, Е.В. Каймак // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. № 3.
3. *Владимиров В. Ю.* О необходимости разработки основных положений и понятийно-терминологического аппарата формирующейся отрасли научно-практического знания «Псевдо-правомерный оборот потенциально опасных материалов, веществ и изделий. Генезис, признаки, превенция» / В.Ю. Владимиров, А.В. Ковалев, В.А. Сидоренко // Известия Саратовского университета. 2020. Т. 20. № 2.
4. *Владимиров В.Ю.* Смертельные отравления наркотическими средствами и психотропными веществами в России (по материалам 2003–2018 гг.) / В.Ю. Владимиров, А.В. Ковалев, П.В. Минаева, О.В. Самоходская // Судебно-медицинская экспертиза. 2019. Т. 62. № 5.
5. *Владимиров В.Ю.* Судебная экспертиза в системе мер по реализации основных положений Указа Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»

¹Более подробно описаны одним из авторов в других трудах. См. подробнее: *Клюева Ю.А.* Псевдолегальные психоактивные вещества. Проблемы законодательного контроля и пути их решения // Право и управление. 2025. № 2.

ву» / В. Ю. Владимиров, Е. В. Грекова, А. В. Ковалев, В. А. Сидоренко // Вопросы оборонной техники. 2019. № 11-12 (137-138).

6. *Владимиров В.Ю.* Судебная экспертиза наркотиков как инструмент выявления гибридных угроз национальной безопасности / В. Ю. Владимиров, А. В. Ковалев, И. Н. Горбулинская // Наркоконтроль. 2019. № 1.

7. *Головко А.И.* Токсикологическая характеристика дизайнерских наркотиков из группы синтетических опиоидов / А. И. Головко, М. Б. Иванов, В. Л. Рейнюк [и др.] // Токсикологический вестник. 2019. № 1 (154).

8. *Гофенберг М.А.* Мониторинг результатов химико-токсикологических исследований наркотических средств в Свердловской области в 2021–2023 годах / М. А. Гофенберг, Т. Х. Уразаев, О. Н. Дворская // Медицина. 2024. Т. 12. № 2 (46).

9. *Гофман А.Г.* Клиническая наркология. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ООО «Издательство «Медицинское информационное агентство», 2017. 376 с.

10. *Зарафьянц Г.Н.* Вопросы динамики, судебно-медицинской и судебно-химической диагностики отравлений метадоном в Санкт-Петербурге в 2009–2018 годах / Г. Н. Зарафьянц, В. Д. Исаков, Т. В. Горбачева // Токсикологический вестник. 2020. № 1 (160).

11. *Калачев Б.Ф.* Проблема наркомании сравнима с экологической и ядерной // Интернет-газета «Столетие». 26.06.2014. URL: https://www.stoletie.ru/obschestvo/boris_kalachov_problema_narkomanii_s_ravnima_s_ekologicheskoi_i_jadernoi_981.htm (дата обращения: 02.02.2025).

12. *Калачев Б.Ф.* Труды о наркотиках. Избранное. М., 2002. URL: http://www.narkotiki.ru/5_3352.htm (дата обращения: 02.02.2025).

13. *Качарская П.С.* Химические методы сокрытия наркотических средств и психотропных веществ: обзор. // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня образования Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Минск, 17–18 октября 2024 г. Минск, 2024.

14. Официальный сайт АИСПИН <https://аипсин.рф/news/460/>.

15. УНП ООН, Всемирный доклад о наркотиках, 2024 г. (издание Организации Объединенных Наций, 2024 г.).

16. *Харабет К.* Наркотизм (наркопреступность) как элемент (признак) криминологической характеристики преступности воен-

нослужащих в период вооруженных конфликтов // Наркоконтроль. 2017. № 4 (49).

17. Шикалова И.А. Анализ токсикологической ситуации по данным трех специализированных центров Российской Федерации / И.А. Шикалова, А.Н. Лодягин, И.М. Барсукова [и др.] // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н.В. Склифосовского. 2019. Т. 8. № 4.

18. Dahan A, Franko TS, Carroll JW, Craig DS, Crow C, Galinkin JL, Garrity JC, Peterson J and Rausch DB (2024) Fact vs. fiction: naloxone in the treatment of opioid-induced respiratory depression in the current era of synthetic opioids. *Front. Public Health* 12:1346109. doi: 10.3389/fpubh.2024.1346109 Published: 28 February 2024.

19. Isoardi KZ, Alfred S, Weber C, Harris K, Soderstrom J, Syrjanen R, Thompson A, Schumann J, Stockham P, Sakrajda P, Fatovich D, Greene SL; EDNA and EDNAV Investigators. Clinical toxicity of nitazene detections in two Australian emergency department toxicosurveillance systems. *Drug Alcohol Rev.* 2025 Jan 19. doi: 10.1111/dar.13998. Epub ahead of print. PMID: 39828943.

Борис Яковлевич Гаврилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

К вопросу о применении информационных технологий при регистрации, учете и разрешении заявлений, сообщений о преступлениях

Аннотация

В статье рассматриваются возможности применения информационных технологий при регистрации, учете и разрешении заявлений, сообщений о преступлениях. Проводится анализ в части допустимости, рациональности и практичности использования технологий искусственного интеллекта на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; искусственный интеллект; заявление; сообщение о преступлении; цифровизация; информационные технологии; следователь.*

Сегодня российское общество переживает масштабную модернизацию, связанную со значительным расширением возможностей использования современных технологий в правоохранительной и судебной деятельности. Так, Интернет, смартфоны, компьютеры и другие технологические средства оказали глобальное воздействие на людей и государство, в связи с чем информация, а если более детально, цифровая информация стала стратегическим и неотъемлемым атрибутом социальной, политической и экономической жизни страны и российского общества.

Активное и повсеместное внедрение цифровых технологий не может обойти стороной и правоохранительные органы, в том числе органы предварительного расследования, вызывая при этом активное обсуждение перспектив их внедрения в деятельность органов предварительного расследования, дознания, прокуратуры и суда. Как отмечает Председатель Ассоциации юристов России

С. В. Степашин, «еще несколько лет назад казались невозможными вынесение судебных решений с использованием нейросетей, юридическое толкование эмодзи и аватаров, возбуждение уголовных дел по фактам цифрового насилия и предупреждение легализации преступных доходов с использованием онлайн-игр. Сегодня это реальность и технологии с каждым днем будут лишь ускорять трансформацию права [5, с. 8].

Наибольшую научную дискуссию среди представителей научного сообщества и правоприменителей вызывает сфера искусственного интеллекта. Согласно положениям Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» под ним понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека¹. Надо признать, что это новшество практически полностью интегрировалось в жизнь человека (использование технологии ChatGPT, способной генерировать тексты, изображения по запросам пользователей и др.).

Искусственный интеллект поэтапными шагами пытается найти свое отражение в правоохранительной и судебной деятельности не только зарубежных стран [4, с. 218], но и Российской Федерации.

К возможностям искусственного интеллекта сегодня активно обращаются как суды, так органы прокуратуры. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации разработан план по внедрению и использованию технического искусственного интеллекта, нейронных сетей для работы прокурора, где они будут использоваться для аналитической работы, прогнозирования развития криминологической ситуации как в целом по стране, так и в отдельных регионах, анализа законопроектов и других нормативных правовых документов², используя при этом зарубежный опыт применения технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных и судебных органов Китайской Народной Республики, где он используется как часть системы «умных судов», а также

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года): Указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 11.02.2025).

² Генпрокуратура начала внедрять в работу искусственный интеллект. URL: <https://telesputnik.ru/materials/gov/news/genprokuratura-nachala-vnedryat-v-rabotu-iskusstvenny-intellekt> (дата обращения: 15.02.2025).

как отдельный инструмент, направленный на повышение эффективности следственных действий [6, с. 51].

Искусственный интеллект в Китае выполняет и прокурорские функции, о чем позволяют говорить результаты изучения 17 тыс. уголовных дел, рассмотренных в судах Шанхая с 2015 по 2020 г., в той части, что «Цифровой прокурор» способен выдвигать обвинения по 8 наиболее распространенным в Шанхае преступлениям с точностью в 97 %¹.

С учетом изложенного видится перспективным учет опыта иностранных коллег и разработка российским законодателем на его основе должных механизмов интеграции искусственного интеллекта в деятельность российских следователей, дознавателей, прокуроров и судей, что призвано обеспечить снижение нагрузки на данных должностных лиц, а также повысить качество расследования уголовных дел и соблюдение тем самым прав и законных интересов участников уголовного процесса.

При этом следует исходить из того, что искусственный интеллект не является заменой интеллекта следователя, дознавателя, прокурора или судьи и их практического опыта в области расследования уголовного дела и проведения судебного разбирательства, а лишь служит его помощником и должен использоваться в рамках существующих правовых и этических норм и стандартов деятельности органов уголовного преступления и судов.

На сегодняшний день существуют несколько направлений использования технологий искусственного интеллекта в следственно-судейской практике, что, в свою очередь, требует от законодателя их изучения и возможной имплементации в действующее уголовно-процессуальное законодательство, в том числе по следующим направлениям.

Использование искусственного интеллекта на стадии возбуждения уголовного дела, который на сегодняшний день требует не столько научной дискуссии, сколько кардинального разрешения данного вопроса [1], о чем идет дискуссия среди ученых-процессуалистов, криминалистов и правоприменителей. Негативным моментом данной стадии уголовного процесса является, во-первых, низкая эффективность уголовного судопроизводства (в суд направляется лишь от 20 % до 30 % от числа возбужденных уголовных дел) и, во-вторых, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела нарушаются права ежегодно порядка 5 млн пострадавших на их

¹ В Китае искусственный интеллект взял на себя функции прокурора. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13306521> (дата обращения: 18.02.2025).

доступ к правосудию и компенсацию причиненного им преступлением ущерба, что гарантируется ст. 52 Конституции Российской Федерации [2, с. 28].

Искусственный интеллект, в частности, способен минимизировать количество случаев принятия следователем, дознавателем, органом дознания незаконных, необоснованных решений об отказе, негативная тенденция которых ежегодно растет [3, с. 176], несмотря на увеличение количества зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлении с 10,7 млн в 2006 г. до 12,1 млн в 2024 г. или более, чем в два раза, количество возбужденных уголовных дел сократилось за указанный период с 3,3 млн до 1,5 млн. при одновременном увеличении с 4,5 млн до 6,4 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, что отражено в таблице № 1. При этом ежегодно прокурорами признаются незаконными, необоснованными и отменяются от 20 % до 40 % таких решений, что особенно характерно для таких противоправных деяний, как кража чужого имущества (более 900 тыс. таких противоправных деяний), мошенничество (1,3 млн таких деяний) и более 700 тыс. фактов причинения телесных повреждений при том, что более чем по 95 % лица, их совершившие, не установлены.

Данные процедуры порождают не только нарушения учетно-регистрационной дисциплины, которых выявляется прокуратурой более 3 млн в год, но и влечет за собой финансовые затраты и иные материальные затраты, включая труд порядка 20 тыс. сотрудников полиции по вынесению таких решений и тысяч работников прокуратуры по отмене ежегодно до 2,5 млн (с повторными) «отказных материалов». Анализ статистики показал, что в 2024 г. из 12,1 млн сообщений о преступлениях зарегистрировано в качестве таковых всего 1 911 324 преступлений.

Таблица № 1

Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел и «отказных» материалов

	2006	2022	2023	2024
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,7	11,8	12,1
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,6	1,6	1,5
В т. ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8 %	13,6 %	13,6 %	12,4
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,0	6,2	6,4

Таким образом, программное обеспечение на основе искусственного интеллекта способно обеспечить оперативность и прозрачность выполняемой сотрудниками органов предварительного следствия и органов дознания служебной деятельности по разрешению заявлений, сообщений о преступлениях, в том числе не допустить принятие следователем, дознавателем, органом дознания решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ при неустановлении лица, его совершившего, о чем прямо идет речь в ч. 1 ст. 148 УПК РФ и в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по делу И. О. Песоцкого¹.

При этом, учитывая специфику первоначального этапа уголовного судопроизводства, наиболее перспективным и рациональным видится использование искусственного интеллекта именно при приеме, регистрации и определении направления разрешения сообщения, заявления о преступлениях, где уже сегодня можно выделить существенное продвижение процесса цифровизации, подтверждением чего является урегулирование на законодательном уровне вопроса об электронной форме сообщений, заявлений о преступлениях, подача которых осуществляется через порталы официальных сайтов органов государственной власти. На это нацелены и положения Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736². В данном случае в алгоритм программного обеспечения заложен шаблон, который предусматривает указание обязательных реквизитов при подаче заявления и сообщения о преступлении, что позволяет обеспечивать их качество при направлении в органы внутренних дел.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22.09.2022 № 2098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Песоцкого И. О. на нарушение его конституционных прав ч. 3 и 4 ст. 195, ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 206 УПК РФ, п. 13, подпунктом «а» п. 14 и подпунктом «а» п. 15 ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22092022-n-2098-o/> (дата обращения 20.02.2025).

² Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утв. приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976/> (дата обращения: 13.02.2025).

На основе вышеуказанного предлагается существенно расширить арсенал цифрового формата регистрационно-разрешительной деятельности сотрудников органов предварительного следствия и органов дознания путем внедрения указанного дополнительного функционала, а именно интеграции в него искусственного интеллекта.

Арсенал функциональных возможностей программного обеспечения с искусственным интеллектом может быть дополнен следующими составляющими:

- автоматическая проверка соответствия внесенных реквизитов по базе данных, указанных в сообщении и заявлении, с целью выявления аналогичных обращений;

- для реализации правила о предупреждении за заведомо ложный донос по ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо ввести для заявителя этап подтверждения об ознакомлении с диспозицией данной статьи УК РФ и ее последствиями путем проставления специальной отметки, без которой заявитель не будет иметь возможности перейти на следующий этап заполнения электронной формы заявления;

- при окончательном заполнении электронной формы и отправки через соответствующий портал официальных сайтов следует предусмотреть автоматизированный процесс регистрации.

- Вместе с тем представляется перспективным предусмотреть в алгоритме программного обеспечения с помощью искусственного интеллекта возможность дальнейших действий по следующим направлениям:

- о достаточности указанных в заявлении, сообщении о преступлении данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

- о достаточности данных для решения вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела;

- о необходимости проведения процессуальной проверки;

- о направлении материалов проверки по подследственности или по подсудности.

В заключении следует отметить, что человечество активно вступило в «Четвертую промышленную революцию» и XXI век по праву можно назвать веком глобальной цифровизации, которая охватила абсолютно все сферы нашей жизни и уголовно-процессуальная деятельность не исключение. Так, следователями, дознавателями уже сегодня используются различные цифровые технологии, упрощающие производство различных следственных и иных процессуальных действий. Однако сегодня на передний план выходит совершенно

иная технология, получившая название искусственный интеллект, способная имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, которые сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека.

За последний год дискуссия по поводу внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность участников уголовного процесса достигла весьма значительных масштабов, однако одни представители научного сообщества придерживаются консервативных взглядов и считают, что никакого искусственного интеллекта не существует и изменений не требуется. Другая же часть ученых считает, что необходимо активное развитие данной тематики, дополнение действующего законодательства для регулирования данной новеллы, а затем ее поэтапное внедрение в деятельность следователей, дознавателей, прокуроров, судей и в целом правоохранительных органов и т.д., например, для прогнозирования и противодействия преступности, расследования преступлений, рассмотрения и разрешения уголовных дел и др.

Таким образом, в современных условиях выделенные направления являются наиболее рациональными и реально осуществимыми, однако перед внедрением технологий искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов необходима тщательная подготовка и урегулирование вопросов как этических, так и правовых, установление надежной защиты конфиденциальной информации, которая будет находиться в распоряжении искусственного интеллекта, а также определение лиц, которые будут нести ответственность в случае допущения ошибок со стороны искусственного интеллекта. Все это в конечном итоге способно привести к эффективному использованию технологий искусственного интеллекта в правоохранительной и судебной деятельности, что, в свою очередь, призвано повысить уровень защиты прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Список литературы:

1. *Бессонов А.А.* Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений : монография. М. : Проспект, 2024. 816 с.

2. *Гаврилов Б. Я.* К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2. № 2.

3. *Гаврилов Б.Я.* Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : сборник статей по материалам XXIV Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Красноярск, 2021.

4. *Зазулин А.И.* Уголовный процесс Германии в контексте национальных и международных тенденций по цифровизации права: монография. М. : Проспект, 2022. 256 с.

5. Цифровое право : учебник / под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э.Л. Сидоренко. М.: Юрлитинформ, 2024. 720 с.

6. *Rusman G.* et al. Features of the Application of Digital Technology in Criminal Proceedings of the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2023. Т. 10. №. 1.

Борис Яковлевич Гаврилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Артем Витальевич Баженов,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: kava.95@mail.ru

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: новый этап в развитии института возвращения уголовного дела судом прокурору

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию принятого 17 декабря 2024 г. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о практике применения института возвращения уголовного дела судом прокурору. В частности, рассматриваются изменения, внесенные постановлением в механизм воздействия суда на ошибки, допускаемые в ходе предварительного расследования, его способности обеспечивать соблюдение принципов правосудия и ускорение судебного разбирательства. Анализируются также возможные последствия для правоприменителей и изменения в судебной практике, вызванные принятием обозначенного постановления.

Ключевые слова и словосочетания: *следователь; прокурор; суд; уголовное дело; предварительное расследование; постановление Пленума Верховного Суда РФ.*

Институт возвращения уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ является одним из механизмов уголовного судопроизводства, обеспечивающим качество и законность принимаемых решений. Рассматриваемый институт служит инструментом судебного контроля за предварительным расследованием и призван устранять нарушения, допущенные на этапе досудебного

производства, обеспечивая тем самым защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Применение норм, регулирующих процедуру возвращения уголовного дела судом прокурору, имеет важное значение для соблюдения принципов состязательности сторон и защиты прав всех участников процесса. Впервые рассматриваемый правовой институт появился в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ 2001 года, так как ранее действовал совершенно иной по своей сути институт дополнительного расследования, в соответствии с нормами которого суды возвращали всем органам предварительного расследования порядка 50–55 тыс. уголовных дел в год. За это он и был подвергнут критике как со стороны правоприменителей, так и со стороны научного сообщества, особенно остро встал вопрос о реформировании порядка устранения недостатков предварительного расследования в период подготовки проекта УПК РФ ко второму чтению [2, с. 68].

Введенный в действующий УПК РФ институт возвращения уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в первоначальной редакции содержал всего три основания для возвращения уголовного дела и 5-ти суточный срок, предоставленный прокурору для устранения выявленных недостатков предварительного расследования, и этот срок реализовывался по 70% уголовных дел, возвращенных судом прокурору [3, с. 27–28]. Однако в процессе реализации судом положений данного института законодателем перечень оснований для возвращения уголовного дела судом прокурору был расширен до девяти оснований, а в 2008 году из ст. 237 УПК РФ было исключено положение, устанавливающее процессуальный срок в 5 суток, предоставляемых прокурору на устранение выявленных судом препятствий для дальнейшего рассмотрения судом уголовного дела².

При этом следует учитывать, что Конституционный Суд Российской Федерации³ был вынужден реагировать на жалобы граждан

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

³ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

на несоответствие Конституции Российской Федерации положений ст. 237 УПК РФ и при их удовлетворении законодатель исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, вынужден был вносить изменения в порядок исправления недостатков предварительного расследования.

Ранее разъяснения относительно применения положений ст. 237 УПК РФ содержались в п.п. 14-15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2004 № 1¹, однако в настоящее время они утратили силу, в связи с выходом нового постановления Пленума, о котором речь пойдет дальше. Помимо данного постановления Пленума действуют и иные постановления², также содержащие разъяснения по практике применения положений ст. 237 УПК РФ, которые частично дублируются в новом постановлении Пленума. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48³ указаны необходимые для выяснения по уголовным делам о налоговых преступлениях обстоятельства, в случае неустановления которых дело подлежит возвращению прокурору.

В ноябре 2024 года на заседании Пленума Верховного Суда Российской Федерации прошло обсуждение проекта постановления Пленума «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору». В ходе заседания данному проекту была дана положительная оценка со стороны представителя судей г. Москвы в лице заместителя председателя Московского городского суда Л. Ю. Ишмуратовой и представителя научного сообщества профессора Головки Л. В. [7], который

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 (ред. от 01.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

² О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2; О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25.06.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2; О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9; и др.

³ О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

высказывая свою точку зрения относительно принятого постановления отмечает, что: «В значительной мере, принятие Постановления № 39 – это конец дебатам, это нормализация института, который необходим в новой форме, в новых условиях, без возврата к перегибам» [4].

Актуальным в обоснование позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации является точка зрения Судьи Верховного Суда Российской Федерации Т.А. Ермолаевой [8], которая в своем докладе отметила, что судами апелляционной инстанции отменяется почти каждое второе решение суда о возвращении уголовного дела прокурору. Это свидетельствует о том, что судьи испытывают трудности при разрешении вопроса, имеются ли по делу препятствия для его рассмотрения, которые могут быть устранены лишь посредством возвращения уголовного дела прокурору. Формирование единства судебной практики по вопросам, связанным с возвращением уголовного дела прокурору, имеет большое значение, поскольку эти решения затрагивают конституционные права лиц, в частности право на справедливое судебное разбирательство, на доступ к правосудию, право на осуществление правосудия без неоправданной задержки. На двоякое толкование, в частности, норм института возвращения уголовного дела судом прокурору указывает и научное сообщество по результатам анализа судебной практики [1, с. 4; 5, с. 97; 6, с. 107].

На ежегодном совещании судей по итогам 2024 г. с участием Президента Российской Федерации В.В. Путина, прошедшем 20 февраля 2025 г., выступила Председатель Верховного Суда Российской Федерации И.Л. Подносова. В своем выступлении она отметила, что «в апелляционном и кассационном порядке отменены и изменены судебные решения в отношении почти 30 тыс. лиц, то есть около 5 % от числа всех осужденных, что свидетельствует, с одной стороны, о высоком качестве рассмотрения дел судами первой инстанции, а с другой – об эффективности сложившегося за последние 5 лет механизма устранения судебных ошибок вышестоящими судами. Так же ею было отмечено, что помимо качества рассмотрения уголовных дел и материалов большое внимание суды уделяют вопросу соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства. Осуществлению правосудия без неоправданных задержек призвано способствовать принятое в декабре прошлого года постановление Пленума, посвященное вопросам возвращения уголовного дела прокурору. В нем Верховный Суд привел конкретные примеры правовых ситуаций, когда имеются основания для возвращения дела прокурору, и, напротив, когда таких оснований не усматривается» [9].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние годы (2019–2024 гг.) общее количество уголовных дел, возвращаемых судами прокурору, а последним органам предварительного расследования, снижается, что свидетельствует об усиленном надзоре органов прокуратуры за качеством расследования уголовных дел.

Таблица № 1

Сведения о количестве возвращенных уголовных дел прокурором следователю и судом прокурору

Год	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования следователям МВД России и СК РФ	Возвращено дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ органам расследования	Количество рассмотренных уголовных дел судами
2019	21 917	6 466	806 097
2020	19 565	6 021	748 955
2021	19 354	6 315	769 948
2022	17 478	5 846	771 107
2023	15 846	5 007	727 190
2024	13 758	4 708	670 000

С принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 39 от 17 декабря 2024 года¹, которое затрагивает ряд ключевых моментов применения норм об институте возвращения уголовного дела судом прокурору, наступает новый этап в правоприменительной практике. Постановление содержит разъяснения и уточнения, касающиеся оснований и условий возврата дел для устранения недостатков предварительного расследования, что влечет за собой необходимость переосмысления и коррекции подходов к применению данного института в российской судебной практике.

В целях реализации данного решения, авторы считают необходимым привести краткое изложение сути отдельных пунктов

¹ О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2-25. № 2.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 39, представляющих наибольший интерес и являющимися новыми для судебной практики, сложившейся до его принятия.

1. Первый пункт данного постановления устанавливает цель возвращения уголовного дела судом прокурору – устранение процессуальных препятствий, которые не могут быть устранены в суде и не позволяют суду принять законное, обоснованное и справедливое судебное решение по делу. Применение данного положения возможно только при наличии оснований, установленных статьей 237 УПК РФ, и может происходить на любых стадиях судебного производства, как по результатам предварительного слушания, так и при рассмотрении уголовного дела судами первой и вышестоящих инстанций.

2. Второй пункт Постановления Пленума содержит перечень нарушений, допускаемых при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления (обвинительного документа), которые исключают возможность вынесения итогового решения судом и являются соответственно основаниями возвращения уголовного дела в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, включающие в себя:

- обвинительный документ не подписан уполномоченным на его подписание лицом (дознатель, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор);

- существенные различия содержания обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении (акте);

- в обвинительном документе не указаны нормы нарушенного правового акта;

- расследование осуществлено ненадлежащим лицом;

- по уголовному делу произведено расследование в форме дознания, по которому обязательно было проведение предварительного следствия;

- нарушение порядка возбуждения уголовного дела и привлечения лица, относящегося к отдельной категории лиц (ст. 447 УПК РФ);

- при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело не выделено в отдельное производство.

3. Третий пункт существенным нарушением считает не производство обязательной судебной экспертизы, перечень которых приведены в ст. 196 УПК РФ.

4. Пятый пункт содержит процедурные нарушения, допускаемые при прекращении или приостановлении уголовного преследования. Суду надлежит возвращать дело прокурору, если выявлено, что

органами предварительного расследования не были приняты обязательные меры по прекращению или приостановлению уголовного преследования в установленные сроки (например, в случаях, когда дело должно быть прекращено по истечении срока давности или по иным основаниям).

5. Шестой пункт Постановления Пленума включает особенности рассмотрения уголовных дел с административной преюдицией. Если фактические обстоятельства по делу о преступлении с административной преюдицией не позволяют сделать вывод о наличии административного наказания на момент совершения правонарушения, это становится основанием для возвращения уголовного дела прокурору.

6. Седьмой пункт определяет случаи рассмотрения поступившего в суд уголовного дела в особом порядке в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Если по такому поступившему уголовному делу выяснится, что отсутствуют необходимые документы (например, разъяснения последствий для обвиняемого, сведения о вручении стороне защиты копии представления прокурора), которые препятствует полноценному рассмотрению дела, то такое обстоятельство является основанием для решения вопроса о возвращении уголовного дела судом прокурору при проведении предварительного слушания. Однако если прокурор предоставит указанные недостающие сведения, то уголовное дело не подлежит возвращению.

7. Восьмой пункт устанавливает возможность устранения нарушений в судебном заседании. Если выявленные нарушения могут быть устранены непосредственно в ходе судебного разбирательства без изменения сути обвинения и без ухудшения положения обвиняемого, возвращение дела прокурору не требуется (например, отсутствие в деле сведений о судимости, отсутствие указаний на несущественные для данного дела обстоятельства, явные технические ошибки, отсутствие в деле документов, устанавливающих личность подсудимого, но представленные в судебном заседании и др.).

8. Десятый пункт касается признания потерпевшим непосредственно в судебном заседании без возвращения уголовного дела прокурору. При установлении в суде необходимости признать потерпевшим лицо, которое ранее не было признано таковым, суд устраняет выявленные нарушения без возвращения уголовного дела.

9. Четырнадцатый пункт постановления указывает на необходимость рассмотрения уголовного дела тем же судьей или тем же составом суда. Если вышестоящим судом решение суда о возвращении уголовного дела прокурору было отменено, то при направлении

уголовного дела в нижестоящий суд его рассмотрение тем же судьей или тем же составом суда продолжается с того момента, с которого дело было возвращено прокурору.

Это краткое изложение отражает основные положения и разъяснения, данные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, и позволяет понять, каким образом суды должны применять нормы УПК РФ при возвращении уголовного дела прокурору для устранения нарушений, препятствующих вынесению справедливого судебного решения.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что институт возвращения уголовного дела прокурору прошел существенную трансформацию с момента принятия УПК РФ в 2001 году. Первоначальная концепция, предполагавшая минимальное вмешательство суда в процесс устранения недостатков предварительного расследования (о чем свидетельствовали лишь три основания для возвращения дела и 5-суточный срок на устранение нарушений), эволюционировала под влиянием правоприменительной практики и правовых позиций Конституционного Суда РФ. Сегодня данный институт представляет собой более гибкий механизм судебного контроля за качеством предварительного расследования, призванный обеспечить баланс между принципом состязательности и эффективностью правосудия.

В целом, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 следует рассматривать как важную веху в развитии института возвращения уголовного дела прокурору, способствующую обеспечению единообразного толкования и применения положений ст. 237 УПК РФ, что в конечном итоге направлено на повышение эффективности уголовного судопроизводства и укрепление гарантий прав его участников, однако реальную картину эффективности применения данного постановления Пленума можно будет наблюдать спустя некоторое время.

Список литературы:

1. *Абрамова Л. Л., Логинова Н. Г., Меремьянина О. В., Мониц М. В.* Типичные ошибки, допускаемые при производстве предварительного расследования, влекущие возвращение судьей (судом) уголовного дела в досудебное производство: аналитический обзор. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2018. 52 с.

2. *Гаврилов Б.Я.* Современное российское уголовно-процессуальное законодательство: видение законодателя, мнение ученого и позиция правоприменителя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1.

3. *Гаврилов Б.Я.* К вопросу о факторах, влияющих на процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ по УПК РСФСР 1922–1923 гг. и УПК РФ 2001 г. // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные криминалистические чтения): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 2-х ч. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2024.

4. *Головки Л.В.* Прокурор должен вернуть себе право на возбуждение уголовного дела, которое у него было исторически // Электронный журнал «Уголовный процесс». URL: <https://e.ugpr.ru/1123243> (дата обращения: 20.02.2025).

5. *Долгих Т.Н.* Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как фактор возрождения и развития института возвращения уголовных дел прокурору, в том числе и для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3.

6. *Муравьев К. В., Булатов Б.Б.* Изменение обвинения в суде: требуется дальнейшая корректировка механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87).

7. Пленум Верховного Суда России обсудил проект о порядке возвращения уголовного дела прокурору // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34024/ (дата обращения: 20.02.2025).

8. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 2. URL: <https://vsrf.ru/files/34210/> (дата обращения: 25.02.2025).

9. Ежегодное совещание судей 20 февраля 2025 года // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34240/ (дата обращения: 22.02.2025).

Юрий Викторович Гаврилин,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: iugavrilin@mvd.ru

Юлия Евгеньевна Салева,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: viva13@bk.ru

Александра Владимировна Марушко,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: Borsh_1317@mail.ru

О научных подходах к понятию и содержанию технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений

Аннотация

В статье рассмотрены научные подходы к понятию «технико-криминалистическое обеспечение», определены общие характерные черты и особенности представленных теоретических концепций. Выявлены наиболее часто встречаемые элементы в структурном содержании технико-криминалистического обеспечения, на основе которых сформулировано его определение и раскрыто содержание.

***Ключевые слова и словосочетания:** технико-криминалистическое обеспечение; экспертно-криминалистическая деятельность; научно-технические средства; правоохранительные органы; специальные знания.*

Информационные технологии, кардинально преобразовав различные сферы жизнедеятельности общества, обеспечили процесс цифровой трансформации современной преступности [5, с. 6], в структуре которой снижается удельный вес насильственных преступлений, хищений, связанных с незаконным проникновением в жилище или иное помещение, а также иных «следоемких» соста-

вов преступлений. Одновременно с этим наблюдается рост числа преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Так, в 2024 году их количество превысило 765 тыс., что на 13,1 % больше, чем за годом ранее. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % 2023 года до 40,0 %, а раскрываемость составила 23,2 [12].

Последний показатель ни в коей мере не отвечает общественному запросу и требованиям документов стратегического планирования, в которых данное направление выделено в числе приоритетных¹.

В этих условиях растет потребность правоохранительных органов в научно-обоснованных рекомендациях в области технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, основанных на современных методах и средствах обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых следов преступления, следов биологического происхождения, речевой и иной криминалистически значимой информации. Развитие средств криминалистической техники, их усложнение и расширение функциональных возможностей, требует совершенствования криминалистических технологий решения конкретных тактических и экспертных задач, возникающих в процессе расследования преступлений [3, с. 97]. При этом оно должно строиться не только на результатах анализа данных о текущей криминальной ситуации, но и на научно-обоснованном прогнозировании тенденций преступности в среднесрочной и долгосрочной перспективе, учете социальных, экономических и внутрисполитических процессов, а также внешних факторов.

На фоне изменений в структуре преступности, наблюдается трансформация и в содержании экспертно-криминалистической деятельности. Так, на протяжении уже ряда лет наблюдается снижение количества традиционных криминалистических экспертиз (дактилоскопических, трасологических, почерковедческих), а также рост количества отдельных видов специальных исследований (компьютерная, радиотехническая, строительно-техническая экспертизы) [11].

При этом, следует отметить, что при активном участии ЭКЦ МВД России происходит динамичное развитие каждого из направлений экспертно-криминалистической деятельности, в основе которых лежит использование специальных знаний компетентными

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лицами. К ним относятся: судебно-экспертная деятельность, применение технических средств и специальных знаний в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, криминалистическая регистрация, экспертно-криминалистическая деятельность по предупреждению преступлений и реализации избирательных прав граждан. Приведенная совокупность направлений экспертно-криминалистической деятельности характеризует ее как самостоятельный вид правоохранительной деятельности.

Решение сложных задач противодействия преступности в условиях развития информационного общества требует глубокого анализа теоретических основ вышеназванной деятельности и ее содержания.

В этой связи заметим, что экспертно-криминалистическая деятельность находит свое применение не только в уголовном, но и в гражданском, административном, арбитражном судопроизводстве, а также по делам об административных правонарушениях.

Экспертно-криминалистическая деятельность в уголовном судопроизводстве нередко называется технико-криминалистическим обеспечением предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. При этом, сравнительный анализ литературы, в которой рассматриваются понятие и структурные элементы технико-криминалистического обеспечения (далее – ТКО), показывает, что авторы по-разному подходят к определению данного термина и его содержанию.

Основные концептуальные подходы к понятию ТКО представляется возможным свести к следующим.

Первый подход отождествляет ТКО с совокупностью приборно-лабораторной базы исследований и технических средств для работы с вещественными доказательствами. Профессор Р. С. Белкин в качестве основного элемента ТКО рассматривал «оснащенность научно-техническими средствами правоохранительных органов и наличие у сотрудников навыков по работе с ними» [13, с. 53]. Подобного структурного подхода к технико-криминалистическому обеспечению придерживаются и рассматривают его как совокупность научно-технических средств последователи Р. С. Белкина, в частности такие авторы как Ю. Ю. Ксендзов [14, с. 45], В. А. Жбанков, В. И. Козлов, А. В. Табаков [10, с. 79].

Представители второго научного подхода определяют ТКО как вид деятельности правоохранительных органов, направленный на решение задач уголовного судопроизводства с использованием криминалистических методов и средств. Сторонниками подобной концепции являются: А. Ф. Вольнский, И. И. Лузгин [15, с. 95], В. А. Вольнский [2, с. 10], Н. Г. Шурухнов [22, с. 168], А. С. Шаталов

[20, с. 9], В. А. Гауджаева [7, с. 52], Т. Ф. Дмитриева [9, с. 252]. Так, А. Ф. Волынский определяет ТКО как совокупность теоретических положений и практических рекомендаций, основанных на взаимосвязи технического, правового и организационного обеспечения [1, с. 24]. Он подчеркивает, что оно не ограничивается только техническими средствами, но включает в себя методологические и организационные аспекты, обеспечивающие эффективное раскрытие и расследование преступлений.

При этом, рядом авторов подчеркивается, что ТКО – это «с одной стороны, абстрактная (теоретическая) категория, состоящая из совокупности знаний о технических средствах, приемах и методах их применения, а также деятельность по использованию специальных познаний при расследовании, раскрытии и предупреждении преступлений, с другой, – это реализуемый комплекс научно доказанных и одобренных криминалистических знаний, умений и навыков» [23, с. 108].

Третий подход, сторонниками которого являются: Е. И. Зуев [21, с. 54], М. А. Яворский, Н. В. Романова, В. Н. Чернышов, Э. В. Сысоев, А. В. Селезнев, А. В. Терехов [19, с. 55], состоит в том, что ТКО – процесс формирования правовых норм, регламентирующих деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Заметим, что приведенные подходы к понятию ТКО носят весьма абстрактный характер. С одной стороны, чем выше уровень абстракции, тем шире область применимости соответствующих знаний [16], что позволяет формировать обобщённые подходы, которые охватывают широкий спектр ситуаций. Такие подходы универсальны и могут служить теоретической базой для анализа множества явлений, однако именно эта универсальность приводит к тому, что рекомендации становятся недостаточно конкретными для решения практических задач, а когда рекомендации не учитывают специфические детали конкретной ситуации, их применение может оказаться затруднительным или недостаточно эффективным. Криминалистика же является практико-ориентированной наукой, которая должна выдавать актуальные научно-обоснованные рекомендации для конкретной ситуации [1, с. 109].

С учетом изложенного, предлагаем рассматривать ТКО как вид правоохранительной деятельности, предполагающий использование специальных знаний в целях предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Специальные знания в современном мире довольно широкая сфера, постоянно пополняемая новой информацией, в связи с этим

именно они способствуют органам предварительного расследования осуществлять свои оперативно-служебные функции с наибольшей эффективностью. Они представляют собой систему теоретических положений и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного судопроизводства [17, с. 23].

Рассмотрим содержание ТКО и перспективы развития более подробно.

Судебно-экспертная деятельность, состоит в организации и производстве судебной экспертизы, которая представляет собой предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Она способствует раскрытию практически каждого второго преступления, совершаемого в Российской Федерации.

В настоящее время в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел осуществляется производство 52 видов судебных экспертиз, их номенклатура постоянно расширяется¹. Основные изменения перечня родов (видов) судебных экспертиз связаны с возрастающей потребностью органов предварительного расследования и дознания в использовании специальных знаний в новых областях. За последнее десятилетие появились радиотехническая, строительно-техническая, товароведческая и психофизиологическая экспертизы, а также исследование стоимости строительства, финансируемого с привлечением бюджетных средств и исследования автомобильных дорог, автодорожных мостов и тоннелей, аэродромов, специальных сооружений.

В 2023 году названный перечень дополнен лесотехнической экспертизой. При ее проведении устанавливается породный состав и жизненное состояние деревьев, определяется объем и давность проведенных вырубок, а также рассчитывается ущерб, причиненный уничтожением или повреждением деревьев. Сегодня в сфере нормативного регулирования судебно-экспертной деятельности в целом существует ряд дискуссионных моментов, а именно:

¹ Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : Приложение № 1 к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

- отсутствие нормативно закреплённых критериев оценки компетентности негосударственных экспертов;
- различия в ведомственных подходах классификации судебных экспертиз¹, и как следствие, методическом обеспечении решения однотипных экспертных задач;
- научная обоснованность отдельных методов экспертных исследований² и др.

Совокупность приведенных обстоятельств негативно сказывается на качестве экспертиз, создает предпосылки для назначения повторных и дополнительных экспертиз, нарушение разумных сроков судопроизводства, выход за пределы компетенции эксперта и иные процессуальные нарушения.

На разрешение обозначенных проблемных вопросов нацелены ожидаемые изменения законодательства о судебно-экспертной деятельности³. Разработка подготовленного ко второму чтению в Государственной Думе проекта федерального закона о судебно-экспертной деятельности обусловлена тем, что действующий Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» уже не соответствует развитию регламентируемого им вида деятельности, в первую очередь, а контексте регламентации оснований и порядка привлечения негосударственных

¹ Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72; Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511; Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз: приказ СК России от 24 июля 2020 г. № 77.

² Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации за второе полугодие 2012 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 03.04.2013); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 21 августа 2019 г. № 5-АПУ19-59.

³ О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : проект федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 09.02.2025).

экспертных организаций и индивидуальных предпринимателей к производству экспертиз.

Применение технических средств и специальных знаний в уголовно-процессуальной деятельности осуществляется в следующих формах: участие специалиста при производстве следственных действий (ст.ст. 58, 168 УПК РФ), заключение специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ); показания специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ); производство исследований документов, предметов, трупов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); производство ревизий и документальных проверок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Участие специалиста при производстве следственных действий включает в себя оказание содействия в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке и хранении следов и вещественных доказательств, правильном отражении в протоколе криминалистически значимой информации, осуществлении обмена информацией и консультациях, получении образцов для сравнительного исследования, исследовании следов на месте происшествия, участии в выдвижении версий и совместном планировании расследования.

Совместными исследованиями Академии управления МВД России и ЭКЦ МВД России раскрыт потенциал использование технологий оптического и лазерного 3D-сканирования в процессе фиксации следов на месте происшествия в виде высокоточной трехмерной цифровой модели, позволяющей произвести все необходимые измерения. Экспериментально доказано, что с помощью 3D-технологий можно успешно решать экспертные задачи по фиксации обстановки места происшествия (в том числе взаимного расположения транспортных средств на месте дорожно-транспортного происшествия, определения типа и мощности взрывного устройства и т. д.) [18, с. 46].

В настоящее время в условиях проведения специальной военной операции активно используются беспилотные авиационные системы, оснащенные цифровой фото- и видеотехникой, что повышает точность при проведении замеров, значительно сокращает временные затраты, а также позволяет осуществлять осмотр больших площадей, труднодоступных и опасных участков внутри помещений и на открытой местности (например, в сгоревших зданиях (сооружениях) и на прилегающей территории).

3. Участие специалистов в оперативно-розыскной деятельности осуществляется в формах и при наличии оснований, установленных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии с Наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности

в системе МВД России¹, участие специалистов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности осуществляется путем:

- участия в проведении исследований предметов (веществ) и документов в целях выявления преступлений;
- оказание помощи в установлении (отождествлении) личности неопознанных трупов;
- изготовление субъективных портретов;
- изготовление розыскных таблиц, содержащих криминалистически значимую информацию о лицах, предметах, орудиях преступлений;
- участия в обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
- применении фотосъемки, видео- и аудиозаписи, иных экспертно-криминалистических средств при проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- оказание помощи в отборе образцов для сравнительного исследования.

Использование методов поиска информации в открытых источниках в рамках наведения справок широко используется для решения задач установления владельцев криптовалютных кошельков [6, с. 102], осуществления интеллектуального поиска информации в сети Интернет, а также решения иных поисковых и аналитических задач, возникающих в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Перспективным направлением технико-криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, видится в участии специалистов при проведении получения компьютерной информации с использованием метода логирования, который предполагает осуществление определенного взаимодействия с представляющим интерес интернет-пользователем, в ходе которого ему предлагается запустить на своем устройстве файл, или пройти по гиперссылке. Запускающиеся при этом специальные алгоритмы сбора пользовательских данных позволяют получить цифровой профиль устройства, необходимый для решения идентификационных задач, возникающих в процессе расследования [4, с. 64].

4. Правовое регулирование криминалистической регистрации получило свое развитие в части, касающейся осуществления государственной геномной регистрации, формы и оснований которой установлены Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

¹ Утв. приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7.

Федеральный закон от 06.02.2023 № 8-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», расширил перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации, за счет лиц, осужденных и отбывающих наказание за совершение преступлений в виде лишения свободы, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также подвергнутых административному аресту¹.

В целях нормативного правового регулирования механизмов опознания лиц, пропавших без вести, в том числе в ходе специальной военной операции, принят Федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», предусматривающего расширение перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации, за счет близких родственников пропавшего. Его положениями также закреплено определение категории близких родственников, установлен перечень органов, осуществляющих получение их биологического материала и их геномной информации, закреплены сроки хранения и основания уничтожения полученной геномной информации².

Необходимо отметить, что значительные изменения в законодательстве и вызванный данными обстоятельствами кратный рост наполнения федеральной базы геномной информации, за 2024 год сформирована четверть общего объема информационного массива обязательных учетных категорий, тогда как на формирование «старой» части массива потребовалось 15 лет.

Еще одним важным аспектом работы является совершенствование функционирования федеральной и региональных пулегильзотек в части формирования электронной базы изображений контрольных пуль и гильз гражданского и служебного огнестрельного оружия с нарезным стволом.

¹ С учетом положения Федерального закона принято Постановление Правительства Рос. Федерации от 24 июня 2023 г. № 1027 «О некоторых вопросах реализации Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», которым утверждено Положение о проведении государственной геномной регистрации, определяющее порядок проведения обязательной государственной геномной регистрации и добровольной государственной геномной регистрации, а также порядок взимания платы за проведение добровольной государственной геномной регистрации.

² Для реализации положений указанного федерального закона издано постановление Правительства Рос. Федерации от 11 апреля 2024 г. № 455 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 1027», устанавливающее порядок проведения обязательной государственной геномной регистрации близких родственников лица, пропавшего без вести.

5. Экспертно-криминалистическая деятельность по предупреждению преступлений осуществляется в двух формах: разработка и утверждение криминалистических требований к оружию и к патронам; проведение исследований и экспертной оценки степени защищенности бланков ценных бумаг.

Криминалистические требования к оружию представляют собой комплекс технических характеристик и конструктивных особенностей оружия, необходимых для определения его видовой принадлежности и возможности последующей идентификации. Они призваны обеспечить исключение возможности переделки списанного, пневматического, сигнального и газового оружия, а также огнестрельного оружия ограниченного поражения, поступающему в оборот, в огнестрельное оружие, пригодное для стрельбы.

В 2024 году вступили в силу изменения, предусмотренные федеральными законами в сфере оборота оружия в Российской Федерации. Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлен запрет на производство гражданского и служебного огнестрельного длинноствольного оружия с использованием основных частей огнестрельного короткоствольного оружия и (или) ранее произведенного огнестрельного оружия, имеющего возможность ведения огня очередями.

Таким образом, с учетом текущих потребностей органов предварительного следствия и дознания, обусловленных цифровой трансформацией преступности и новыми схемами совершения преступлений, технико-криминалистическое обеспечение следует определять, как вид криминалистической деятельности, предполагающий использование различного рода специальных знаний. Структурное содержание технико-криминалистического обеспечения включает в себя четыре самостоятельных элемента в экспертно-криминалистической деятельности, направленных на повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы:

1. *Вольнский А.Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: монография. Москва, 2018. 223 с.
2. *Вольнский В.А.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений (методологические, организационные, правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 27 с.

3. *Гаврилин Ю. В.* О понятии и содержании государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (криминалистической политики) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62).

4. *Гаврилин Ю. В.* Научные основы технико-криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по противодействию преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Развитие научных идей профессора Р. С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 2-х ч., Москва, 20 мая 2022 г. / редкол.: Ю. В. Гаврилин, Б. Я. Гаврилов, С. Б. Россинский, Ю. В. Шпагина. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2022.

5. *Гаврилин Ю. В.* О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2021. 72 с.

6. *Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С.* Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60).

7. *Гаужаева В. А.* Техничко-криминалистическое обеспечение: новые возможности и перспективы развития // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 3 (65).

8. *Голубенко Г. А.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия квартирных краж на первоначальном этапе расследования (по материалам органов полиции Республики Молдова) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 22 с.

9. *Дмитриева Т. Ф.* О соотношении понятий «техничко-криминалистическое обеспечение» и «техничко-криминалистическое сопровождение» раскрытия и расследования преступлений // Вестник Полоцкого государственного университета. 2010. № 4.

10. *Жбанков В. А., Козлов В. И., Табаков А. В.* Организационно-структурные проблемы технико-криминалистического обеспечения подразделений дознания таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 4.

11. Интервью. Глава Экспертно-криминалистического центра МВД России: служба сконцентрируется на противодействии «высокотехнологичным» преступлениям // Интерфакс, 2024. URL: <https://www.interfax.ru/interview/948513> (дата обращения: 17.02.2025).

12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 17.02.2025).

13. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Бородулин [и др.]; Академия Министерства внутренних дел России. М. : Новый Юрист, 1997. 398 с.

14. *Ксендзов Ю.Ю.* Современные технико-криминалистические средства, применяемые в ходе раскрытия и расследования преступлений : монография. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. 120 с.

15. *Лузгин И.И.* Техничко-криминалистическое обеспечение судебно-экспертной деятельности // Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 14.

16. Модели в информационной безопасности // ANGARA SECURITY. URL: <https://www.angarasecurity.ru/stati/modeli-v-informatsionnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 17.02.2025).

17. *Россинская Е.Р.* Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве. // Журнал российского права. 2001. № 5.

18. *Севастьянов П.В.* Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М, 2024. 194 с.

19. *Чернышов В. Н., Сысоев Э. В., Селезнев А. В., Терехов А. В.* Техничко-криминалистическое обеспечение следствия : учебное пособие. Тамбов, 2005. 80 с.

20. *Шаталов А. С.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных в условиях массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 26 с.

21. *Шурухнов Н.Г.* Идеи профессора Е.И. Зуева в развитии технико-криминалистических средств и приемов их реализации в раскрытии преступлений // Академическая мысль. 2019. № 1 (6).

22. *Шурухнов Н.Г.* Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41).

23. *Яворский М. А., Романова Н. В., Спиридонова И.А.* Техничко-криминалистическое обеспечение предварительного расследования: понятие и содержание // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (53).

Юрий Викторович Гаврилин,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: Yuriy902@gmail.com
Екатерина Николаевна Бабуренкова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: enbaburenkova@mail.ru

Научно-методическое обеспечение экспертно-криминалистической деятельности

Аннотация

Расширение круга задач, стоящих перед экспертно-криминалистической службой в условиях цифровой трансформации и проведения специальной военной операции, появление новых объектов криминалистического исследования, методов проведения судебных экспертиз обуславливают необходимость разработки новых подходов к вопросам научного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности. В статье рассмотрены вопросы нормативного закрепления научно-методического обеспечения, особенности научно-методического обеспечения экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и имеющаяся проблематика.

Ключевые слова и словосочетания: научно-методическое обеспечение; экспертно-криминалистическая деятельность; органы внутренних дел; судебная экспертиза.

Производство судебной экспертизы, как форма использования специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле, является неотъемлемым элементом процесса доказывания по абсолютному большинству уголовных дел. Процессуальное значение судебной экспертизы рассматривалось в научных трудах Р. С. Белкина, С. С. Овчинского, В. М. Савицкого, А. Р. Шляхова и др.

Несмотря на то, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы¹, заключение эксперта обоснованно считается наиболее надежным и достоверным доказательством, обеспечивающим всесто-

¹ Часть 2 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025).

роннее и объективное исследование следов преступления, информации на различных носителях, материальной обстановки и иных объектов.

Требование научной обоснованности является базовым применительно ко всем экспертным методикам, представляющим собой систему предписаний по выбору и применению в определенной последовательности методов и средств решения экспертной задачи [1, с. 318]. Именно результаты научно-исследовательской деятельности положены в основу инструментария, применяемого экспертами в процессе проведения исследования. Это обеспечивает соответствие результатов экспертных исследований требованиям надежности, точности и воспроизводимости. Научная обоснованность позволяет обеспечить достоверность результатов экспертного исследования и допустимость заключения эксперта как вида доказательства.

Сохраняющая межведомственная разобщенность в вопросах обучения экспертов, определения их квалификации, применяемых при производстве судебных экспертиз методик, неурегулированность научно-методического обеспечения негосударственных экспертных учреждений и частных экспертов, порождает нарушения прав участников уголовного процесса при проведении судебной экспертизы. Это подтверждает наблюдающая тенденция увеличения количества обращений по вопросам судебной экспертизы к уполномоченному по правам человека в Российской Федерации¹, в том числе связанных с несоблюдением методик при производстве судебной экспертизы (рис. 1).

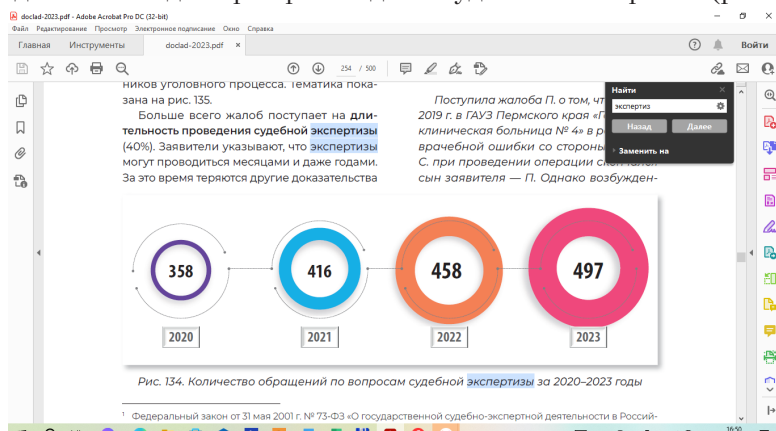

Рис. 1. Динамика количества обращений по вопросам экспертизы за 2020–2023 годы

¹ Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. URL: <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 12.03.2025).

«Судебно-экспертные методики, разработанные в разных ведомствах, часто противоречат друг другу. Поэтому результаты судебных экспертиз, выполненных на основании этих методик в судебно-экспертных учреждениях различных ведомств, могут быть противоречивы. Выпускаемые различными ведомствами методические указания по производству судебных экспертиз нередко плохо согласуются» [7, с.140].

Между тем мысль о необходимости совместной разработки и взаимного обмена всеми государственными экспертными учреждениями методами и экспертными методиками, их апробации, внедрения в практику, унификации с перспективой стандартизации высказали еще в 1991 году Ю.Г. Корухов и Ч.Э. Фаталиев [2, с.14].

Требования к научно-методическому обеспечению содержатся как в действующем законодательстве о государственной судебно-экспертной деятельности, так и в положениях проекта поправок к проекту федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – «проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», «проект ФЗ»).

Нормативная правовая основа, регламентирующая судебно-экспертную деятельность, предусматривает проведение экспертом исследований на строго научной основе, в пределах соответствующей специальности. Заключение эксперта должно базироваться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных им выводов на базе общепринятых научных и практических подходов¹.

В соответствии со ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз возложено на государственные судебно-экспертные учреждения и (или) экспертные подразделения уполномоченных федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для организации и производства судебной экспертизы.

Проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» детализирует вопросы научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, в том числе его содержание, определяет компетенцию в вопросах разработки, проверки (апробации) и внедрения научно-технического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

В соответствии с положениями статьи 13 проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»

¹ Ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

к научно-методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности относятся методические материалы (методические пособия, методические рекомендации, справочники, методики, методы, содержащие описание процедур, методик, методов экспертных исследований объектов судебной экспертизы, возможных результатов этих исследований и их экспертной оценки в целях решения вопросов, поставленных при назначении судебной экспертизы), научные и научно-технические материалы (научные справочники, научные издания, технические и технологические стандарты, нормы и правила), учебные и учебно-методические материалы (учебники, учебные и учебно-методические пособия, научно-технические средства (вещества, материалы, изделия, технические средства, приборы, эталоны), а также процессы разработки, проверки (апробации, испытаний), внедрения (в том числе путем стандартизации, сертификации, валидации или опубликования) и освоения новых методических, научных, учебных материалов и средств экспертных исследований.

Научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности представляет собой индивидуальную методическую основу судебно-экспертного исследования, разрабатываемую для решения каждой экспертной задачи судебной экспертизы.

Одновременно положения статьи 3 проекта федерального закона предусматривают обязанность судебного эксперта применять научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности. При этом право определения порядка разработки, проверки (апробации, испытаний), внедрения (в том числе путем стандартизации, сертификации, валидации или опубликования) и освоения научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности подведомственных судебно-экспертных организаций предоставляется уполномоченным государственным органам.

Учитывая, что длительное время остаются неурегулированными вопросы научно-методического обеспечения деятельности негосударственных судебных экспертов, следует отметить наличие в положениях проекта ФЗ норм, закрепляющих формирование научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и частных судебных экспертов на основе научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности государственных судебно-экспертных организаций.

Приведенные положения законодательства о судебно-экспертной деятельности предопределяют актуальность вопросов научного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности и определяют значение научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, разрабатываемого государственными судебно-экспертными организациями.

Постоянное развитие науки и технологий приводит к появлению новых методов и инструментов, увеличивая эффективность их применения в криминалистической практике. Использование научно-обоснованной методической базы позволяет исключить экспертные ошибки и повысить достоверность результатов экспертиз. Научный подход способствует устранению субъективных факторов, влияющих на выводы эксперта.

Следует отметить, что «методы практической деятельности... формируются и основываются на соответствующих научных методах... в правоохранительной деятельности помимо критериев оценки метода, общих для научного исследования и практической деятельности, – обоснованности, достоверности, получаемых результатов, безопасности, эффективности и экономичности, – существует и специфической критерий – допустимости метода», о чем писала в своих научных трудах Т.В. Аверьянова [6, с. 235], внесшая наряду с А.И. Винбергом, Ю.Г. Коруховым, С.П. Митричевым, Е.Р. Россинской, А.Р. Шляховым и др. существенный вклад в развитие судебной экспертизы.

«Важным условием принятия вывода эксперта судом является прежде всего общепризнанность тех методов и методик, которыми он пользовался при проведении исследования» [4, с.34]. Необходимо помнить, что «история криминалистической экспертизы знает случаи рекомендации практически непригодных и научно необоснованных методов, поспешное внедрение которых в экспертную практику приводило к даче ошибочных заключений» [8, с. 38].

Главным экспертным подразделением системы Министерства внутренних дел Российской Федерации по обеспечению функций МВД России по организации экспертно-криминалистической деятельности, а также головной научно-технической организацией по направлению «совершенствование технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений» является ЭКЦ МВД России¹.

Одной из основных его задач является научно-методическое обеспечение экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел, а также совершенствование технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

ЭКЦ МВД России организует и непосредственно проводит прикладные научные исследования в области экспертно-криминалистической деятельности, осуществляемой органами внутренних дел Российской Федерации, а также обеспечивает научно-методическое сопровождение производства судебных экспертиз и экспертных исследований в экспер-

¹ В соответствии с Уставом федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», утвержденным приказом МВД России от 16 июня 2010 г. № 437, далее – Центр.

тно-криминалистических подразделениях территориальных органов МВД России.

Вопросами научно-методического обеспечения экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел активно занимались В.Ф. Статкус, И.П. Карлин, В.Г. Савенко, Ю.М. Дильдин, В.В. Мартынов в разное время руководившие ЭКЦ МВД России [5, с. 18; 21, с. 92]. В практику внедрялись новые виды экспертиз, создавались методологические основы производства экспертиз специальных видов. Под их руководством разработано существенное количество методик производства исследований, учебных пособий и справочных материалов.

Общее количество научно-исследовательских работ, проведенных авторскими коллективами Центра с момента его основания в 1991 году, составляет около 500. Ежегодно Центром выполняется свыше 20 научных исследований, проводимых как по заказу территориальных органов и подразделений Центрального аппарата МВД России, так и в инициативном порядке (Рис. 2).

Учитывая вовлеченность ведомственных образовательных организаций и их вклад в данную работу, в среднем в интересах экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) ежегодно завершается около 30 научно-исследовательских работ.

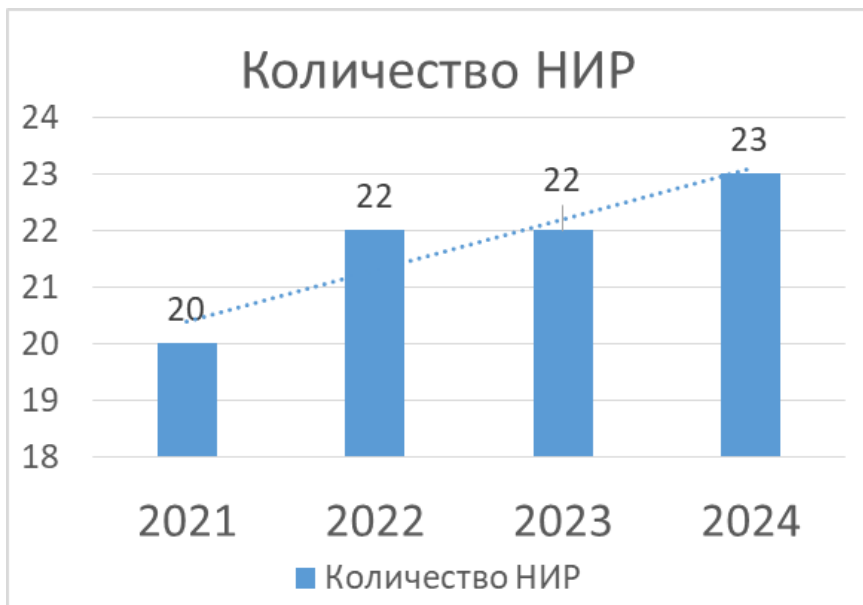

Рис. 2. Количество научно-исследовательских работ, проведенных авторскими коллективами Центра в 2021–2024 гг.

Сохраняется приоритет обеспечения единства методических подходов в сфере экспертно-криминалистической деятельности. Именно поэтому реализация процедур утверждения и внедрения экспертных методик и методических рекомендаций относится к исключительной компетенции Центра. В то же время к разработке методик и методических рекомендаций привлекаются представители научных коллективов и практикующих подразделений, в которых сформированы высокопрофессиональные компетенции и имеется положительный опыт.

Выбор тематики исследований обусловлен прежде всего приоритетными задачами, стоящими перед экспертной службой, в условиях беспрецедентных вызовов, с которыми столкнулась правоохранительная система России. Несомненно, требуются новые подходы в вопросах научного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности. Значительно повышается роль и значение криминалистической науки, позволяющей своевременно выявлять новые тенденции противоправной деятельности и создавать востребованную научную продукцию.

Сегодня определяющим фактором, характеризующим преступность, является ее цифровая трансформация. Она проявляется в стремительном росте числа преступлений, совершенных дистанционным способом, развитии средств анонимизации, использовании криптовалют в криминальных взаиморасчетах, а также технологий искусственного интеллекта для манипулирования массовым сознанием, синтезирования речи, совершения мошенничеств способами социальной инженерии. В то же время сохраняется рост числа террористических атак со стороны украинского режима при поддержке ряда недружественных стран.

Приведенные обстоятельства оказывают непосредственное влияние на экспертно-криминалистическую деятельность органов внутренних дел, определяют приоритеты ее развития, в том числе обуславливают разработку в Центре научно-методических материалов, ориентированных на экспертно-криминалистическое обеспечение противодействия терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, преступлениям в сферах лесопользования, экономики и др. В методических материалах освещались вопросы, касающиеся проведения ДНК-исследований, взрыво- пожаротехнических, лингвистических, компьютерных экспертиз и др. Рис. 3.

Тематика НИР

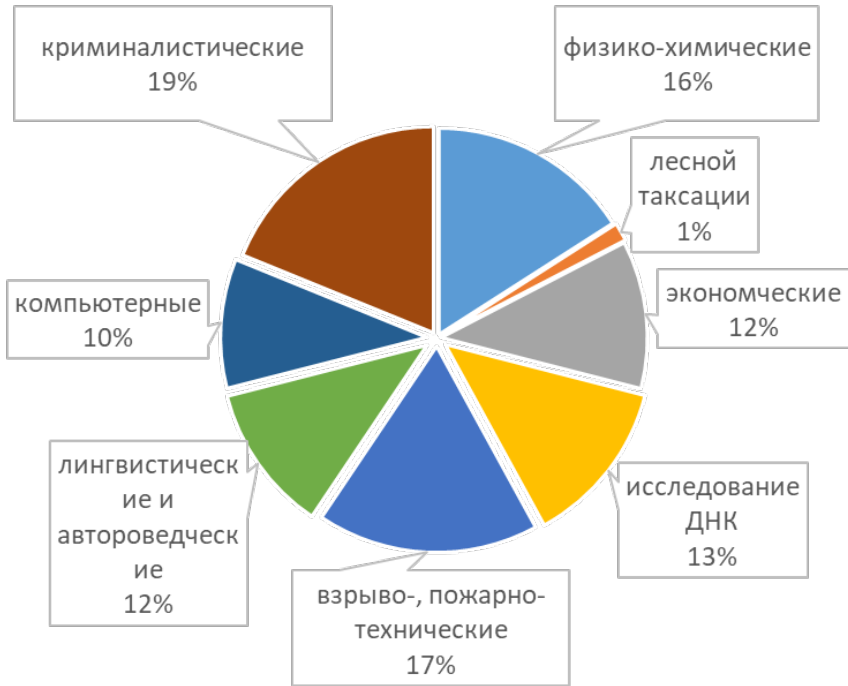

Рис. 3. Процентное соотношение тематик научных исследований

За 106 лет существования экспертно-криминалистической службы подразделения, занимающиеся развитием научно-методического обеспечения криминалистической деятельности, неоднократно меняли наименования от научно-технического отдела до Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР, преобразованного путем объединения с Экспертно-криминалистическим управлением МВД СССР в ЭКЦ МВД России [3, с. 31]. Неизменным оставалось наличие научной составляющей не только в наименовании, но и функциональном предназначении.

Внедрение в практическую деятельность экспертно-криминалистических подразделений достижений современной науки и техники, совершенствование научно-методического обеспечения, апробация приборов и расходных материалов и сегодня входят в число основных задач, стоящих перед экспертной службой МВД России.

Таким образом, ЭКЦ МВД России остается в авангарде криминалистической науки, преумножая богатое наследие предшествующих поколений. Практико-ориентированный подход с опорой на прочный теоретический фундамент позволяет экспертно-криминалистической службе МВД России успешно решать задачи по противодействию преступности и обеспечению общественной безопасности.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М: Издательство БЕК, 1997. 342 с.
2. *Корухов Ю. Г., Фаталиев Ч. Э.* «Обеспечение достоверности заключения судебного эксперта». Реферативная информация ВНИИСЭ. Выпуск 1, М. 1991 г.
3. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА, 2001. 990 с.
4. *Статкус В. Ф., Стегнова Т. В., Зернов С. И., Сорокин В. И., Королева Л. И., Лозинский Т. Ф., Кошелева Л. И., Токарев В. В., Медведев Н.К.* Процессуальные и методические проблемы составления заключения эксперта. ЭКЦ МВД России, 1995.
5. Сто лет экспертно-криминалистической службе системы МВД России : сборник. ЭКЦ МВД России, 2019. 280 с.
6. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. М. : Норма, 2009. 480 с.
7. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение : учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. 400 с.
8. *Шляхов А.Р.* Составление заключений экспертов, основанных на результатах физико-химических методов исследования : сборник статей по материалам теоретического семинара «Физико-химические методы исследования вещественных доказательств». М., 1966. ЦНИИСЭ МЮ РСФСР.

Владимир Дмитриевич Зеленский,
доктор юридических наук, профессор,
руководитель программ магистерской
подготовки юридического факультета
Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина
E-mail: juristic@kubsau.ru

Организация отдельного расследования: основные положения

Аннотация

В статье кратко изложены основные положения организации отдельного расследования, как основного уровня организации. Высказано мнение о дискуссионных вопросах организации расследования: целеопределении, конкретизации предмета расследования, взаимодействии и иных структурных элементах организационного процесса. Рассмотрены проблемы соотношения организации расследования и криминалистической методики.

Ключевые слова и словосочетания: *организация расследования; целеопределение; предмет расследования; взаимодействие.*

Организация расследования преступлений – это процесс (интеллектуальная деятельность и действия) упорядочения расследования путем структурирования: выявления и определения структурных элементов расследования как деятельности в их взаимосвязи. Организация осуществляется в нескольких уровнях, основным из которых является организация отдельного расследования.

Понятие организации исследовано в науке с достаточной полнотой. Значительный вклад в развитие учения об организации расследования внесли А. Н. Васильев, Р. С. Белкин, А. М. Ларин, А. В. Дулов, С. И. Цветков, В. В. Степанов, И. П. Можяева и другие ученые. Значительных расхождений во взглядах ученых на понятие организации нет. Существуют различия в понимании основных структурных элементов организационного процесса. Взгляды ученых на понятие организации расследования и ее содержания принято разделять на три группы. И. П. Можяева выделяет шесть таких групп, обосновывая более подробную классификацию [11, с. 48–52].

Основная группа ученых считает, что организация состоит в выявлении структуры расследования и упорядочению всей

деятельности с целью повышения уровня, оптимизации расследования. Организацию понимают как аспект расследования, с учетом существующих представлений об организационно-управленческих процессах в социальной деятельности [3, 5, 12, 14]. При всей специфичности расследования организация основывается на положениях общей теории организации и управления. В 1982 г. это было обосновано впервые в юридической литературе [7]. Организация понимается как интеллектуальный процесс и действия по структурированию и упорядочению процесса расследования. Процесс этот органически связан с положениями криминалистической методики. Стержнем понятия организации является структурирование деятельности. Указанного взгляда придерживались и придерживаются в своих работах многие криминалисты: А. В. Дулов, В. Е. Коновалова, А. М. Ларин, М. П. Шаламов, З. И. Кирсанов, С. А. Куемжиева, Н. П. Яблоков, В. В. Степанов, И. П. Можаяева и другие.

Вторая группа ученых, объективно давая определение организации, выделяет ее обеспечивающую роль, подчеркивая процесс создания условий для использования наиболее рациональных приемов. Вместе с тем, уменьшается или вовсе упускается образующая роль организации, что является главным в понимании организации (целеопределение, конкретизация предмета расследования, планирование, взаимодействие и др.) [10, с. 15]. Такое несколько одностороннее понимание процесса организации противоречит объективному значению организации расследования, ее теоретическим основам. В конечном счете оно влияет на процесс целеопределения, прежде всего, на конкретизацию предмета расследования, о чем будет сказано далее.

В третьей, незначительной группе ученых определение организации довольно широко. В него включаются не только образующие и обеспечивающие элементы, но и действия и процессы, к организации имеющие отдаленное отношение (криминалистическая регистрация, применение мер пресечения и др.) [4, с. 65].

Еще раз отметим, что необходимо понимание организации, ее образующего и обеспечивающего начала в расследовании. Организация расследования – процесс упорядочения деятельности следователя посредством выявления основных структурных элементов и взаимосвязей между ними, процесс создания условий для рационального использования оптимальных средств и методов расследования, взаимодействия следователя с участниками и руководством расследованием.

Организация тесно связана с управлением. Посредством организации выявляется (создается) структура расследования: система взаимосвязанных элементов расследования как деятельности. Управление служит средством удержания структуры расследования

в заданном состоянии, средством совершенствования структуры и обеспечения оптимального режима качественного расследования. Управление направлено на достижение сформированных целей [13, с. 12]. Организация и управление – это двуединый процесс формирования структуры расследования, качественного совершенствования для целенаправленного оптимального функционирования [8, с. 31–32].

В отдельном расследовании организация и управление взаимосвязаны как взаимопроникающие процессы, осуществляемые одним и тем же субъектом – следователем [2, с. 157]. Поэтому в отдельном расследовании принято употреблять термин «организация», подразумеваемая под этим организацией и управление.

Как известно, организация проявляется в различных уровнях. Деление на уровни отражает систему органов расследования и отличительных особенностей деятельности в этих органах. Организацию принято делить на три уровня с делением на подуровни в каждом из них. Р. С. Белкин выделял четыре уровня. Это: 1) организация отдельного расследования (подуровень – организация следственного действия); 2) организация расследования в органе и административном районе (подуровни: организация расследования в следственном органе района, областного звена по ведомствам); 3) организация расследования в стране (подуровни – организация расследования в ведомстве).

Основным, базовым уровнем является организация отдельного расследования. В отдельном расследовании достигаются основные цели: устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию и виновность конкретного лица. Отдельное расследование регламентируется федеральным законом – УПК РФ. Содержанием системы отдельного расследования является подсистемой системы правосудия. Закономерности и принципы правосудия в значительной степени реализуются в отдельном расследовании.

Отдельное расследование, его содержание и результаты во многом определяют организацию расследования в органе и административном районе. Поэтому принципиальное положение этого уровня учитывается во всех других уровнях. Р. С. Белкин верно отмечал, что организация расследования – это, в основном, организация отдельного расследования.

Высказаны и иные предложения по определению уровней организации. И. П. Можаява предложила выделять два уровня: общий, – включающий характеристику общей организационной деятельности, и конкретный уровень – организацию отдельного конкретного расследования [11, с. 48–52].

Полагаем, что указанное деление не дает возможности выделять все особенности организации расследования.

Р.С. Белкин выделял четыре уровня организации, отдельным уровнем он считал организацию следственного действия [1, с. 449–452]. Полагаем, что организация следственного действия, несколько отличаясь от организации всего расследования, в то же время тесно связана с ним. Поэтому она является подуровнем первого основного базового уровня.

Таким образом, организуя отдельное расследование, следователь упорядочивает деятельность, повышая ее эффективность.

Организация отдельного расследования начинается с определения тактических целей [6, с. 48–49]. Целеопределение представляет собой интеллектуальную организационно-аналитическую деятельность, которая состоит в определении или конкретизации обстоятельств, имеющих значение для расследования. Существует две группы указанных обстоятельств: первая – обстоятельства совершения преступления и вторая – обстоятельства процесса расследования. Обе группы взаимосвязаны между собой [9, с. 54].

Сущность целеопределения выражается в последовательном целеустремленном анализе доказательственной и ориентирующей информации с целью определения обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Содержание процесса целеопределения зависит от обстоятельств расследуемого преступления и следственной ситуации первоначального этапа расследования. Механизм целеопределения во многом зависит от объема информации, которой располагает следователь на первоначальном этапе расследования. Объем этот получается в ходе неотложных следственных действий или содержания исходной информации в момент возбуждения уголовного дела. Все зависит от обстоятельств совершения преступления: в условиях очевидности (есть свидетели) или неочевидности.

В первом случае целеопределение состоит в последовательном целеустремленном сопоставлении следователем известных обстоятельств с данными криминалистической характеристики расследуемого преступления. В первую очередь это сведения о типичных способах совершения, типичных следах и личности преступника, а также данных криминалистической методики о типичных следах и обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу. Путем сравнительного анализа указанных групп сведений о предмете доказывания (обстоятельства ст. 73 УПК РФ) конкретизируются частые цели – предмет расследования.

Более сложной является ситуация ограниченного количества информации об обстоятельствах преступления. Механизм целео-

предела в такой ситуации сопряжен с построением следственных версий, которые являются не только средством познания, но и выполняют организационную функцию.

Из каждой следственной версии, прежде всего, из версий о личности подозреваемого, выводятся логические следствия, которые представляют собой факты, могущие (должны) быть при условии, что следственная версия верна.

Указанные факты (в теории расследования они носят название промежуточных фактов) должны составлять исчерпывающий в конкретной обстановке перечень. Таким путем определяется полная система обстоятельств, подлежащих установлению в отдельном конкретном расследовании. В ходе указанного определения осуществляется последовательный анализ каждого обстоятельства предмета доказывания путем поиска промежуточных фактов (косвенных доказательств), которые обосновывают эти обстоятельства. Выявление неизвестных промежуточных фактов является организационно-аналитическим процессом. Именно путем этого процесса конкретизируются цели следственных действий, дающих возможность установления подлинных обстоятельств события преступления.

Отметим, что для качественной конкретизации предмета расследования необходимо сообщать ряд принципиальных положений, выступающих в роли условий установления неизвестных фактов. К ним относятся: полнота построения следственных версий; полный перечень логических следствий из каждой версии; высокий профессионально-психологический уровень следователя. Как видно, значительную роль в рассматриваемом процессе конкретизации предмета расследования принадлежит субъективным факторам, что не исключает возможность недостатков и ошибок. Выход из этого очевиден: необходима автоматизация процесса конкретизации предмета расследования и связанного с ним планирования. При существующем и прогнозируемом уровне использования информационных технологий вопрос этот вполне решаем.

Планирование является организационно-аналитическим процессом, непосредственно связанным с целеопределением. Посредством планирования, как элемента организации, формируется система взаимосвязанных следственных и иных действий, представляющая собой умственную модель предстоящего и начавшегося расследования. В этом основная образующая и обеспечивающая роль организации расследования.

Анализ практики использования информационных технологий в расследовании позволяет обоснованно полагать возможность и необходимость автоматизировать процесс построения следствен-

ных версий, выведения логических следствий и всего процесса конкретизации предмета расследования, планирования расследования, многих элементов взаимодействия, создания условий для качественного расследования и руководства ими.

Совершенствование теоретических основ организации необходимо для дальнейшей оптимизации расследования.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3-х т. Т. 2. М., 1997. С. 449–452.
2. *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973. С. 157.
3. *Гвишиани Д.М.* Организация и управление. М., 1972.
4. *Георгице М.Ф.* Организация расследования преступлений – часть криминалистической тактики // Криминалистические проблемы в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: матер. науч.-практ. конференции. М., 2003.
5. *Глушков В. М., Добров Г. М., Терещенко В.И.* Беседы об управлении. М., 1978.
6. *Дулов А.В.* Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979.
7. *Зеленский В. Д.* О понятии научной организации и управления расследованием // Правоведение. 1982. № 4.
8. *Зеленский В.Д.* Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов-на-Дону, 1989.
9. *Зеленский В.Д.* Организация расследования преступлений: основные положения. М., 2025.
10. *Зуйков Г.Г.* Основные положения организации и методики расследования преступлений : курс лекций. М., 1971. Вып. 6.
11. *Можжаева И.П.* Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений. М., 2014.
12. *Петров А. С.* Что такое организация управления. М., 1967.
13. *Терещенко В.И.* Организация и управление. Опыт США. М., 1965.
14. *Туманов Г.А.* Организация как функция государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 1.

Надежда Валентиновна Кручинина,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
E-mail: nvkruchinina@msal.ru

Совершенствование криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых при оказании медицинских услуг

Аннотация

В статье констатируется, что трансформация современного мира под воздействием биотехнологий приводит к новым формам преступлений в сфере медицинской деятельности. В статье обосновывается необходимость уголовно-правового реагирования на эти преступления. В работе утверждается, что требуются новые подходы в борьбе с преступлениями. В статье обосновывается, что задачей криминалистики является разработка эффективных технических средств, обеспечивающих безопасность биомедицины. Также рассматриваются некоторые вопросы организации и осуществления взаимодействия государств – участников СНГ в сфере судебно-экспертной деятельности.

***Ключевые слова и словосочетания:** медицина; безопасность; преступления; криминалистическое обеспечение расследования преступлений; криминалистика; судебно-экспертная деятельность.*

Медицинская деятельность, то есть профессиональная деятельность, связанная с медицинской помощью, оказанием медицинских услуг и проведением медицинских экспертиз, постоянно совершенствуется, включая широкое использование биотехнологий, которые изменили многие разделы медицины, связанные с диагностикой и лечением. Действительно, «высокий уровень развития биомедицинских технологий позволяет решать социально значимые проблемы, возникающие в различных областях жизнедеятельности человека»¹. Это касается и трансплантации человеческих органов, и генетической терапии, и много другого. Наряду с успехами меди-

¹ Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

цины, ученые и практики отмечают, что эта важная социальная деятельность сталкивается с серьезными вызовами, подвергается разрушительным явлениям. В частности, достижения в области биомедицины используются и в преступных целях. Применение дистанционных врачебных консультаций также чревато совершением ошибок. Специалисты выделяют разные составы преступлений, которые совершаются в сфере медицины.

На наш взгляд, особую опасность представляют преступления, совершаемые при оказании медицинских услуг и медицинской помощи. Следует отметить, что необходимо различать медицинские услуги и медицинскую помощь, поскольку только последняя связана с лечением. Например, когда медицина сталкивается с проблемой бесплодия, тогда в одних случаях производится лечение, а в других применяются вспомогательные репродуктивные технологии (ЭКО, суррогатное материнство), которые помогают преодолеть проблемы, но не являются лечением.

Удачную, на наш взгляд, попытку разобраться в различии терминов «медицинские услуги» и «медицинская помощь» предпринял В. Б. Хазизулин.¹ При этом он обращается к закреплённому в законе понятию «медицинская помощь», под которой понимается «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг».²

Некоторые ученые вообще ратуют за то, чтобы к деятельности медицинских работников применялся только термин медицинская помощь, при этом уверяя, что если исключить термин медицинские услуги, то это сделает невозможной ситуацию привлечения медиков к ответственности по ст. 238 УК России.

Несмотря на разногласия в терминологии как юристы, так и медики осознают необходимость применения уголовно-правовой ответственности к медицинским работникам в случае совершения ими общественно опасных виновных деяний в ходе выполнения профессиональной деятельности. Так, «ежегодно из-за врачебных ошибок осложнения возникают более чем у 70 000 пациентов».³

¹ Хазизулин В. Б. Расследование преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

² Статья 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 01.09.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Врачей обязали доказывать, что они не совершали ошибок // Новости Mail.ru. 22.11.2022. URL: <https://news.mail.ru/society/53978531/> (дата обращения: 06.02.2025).

Криминалистами выделяются следующие основные ошибки со стороны медиков: «ненадлежащее проведение диагностических и лечебных мероприятий, когда неправильная диагностика влечёт неверное лечение на стадиях обследования, наблюдения и госпитализации; проведение отдельной медицинской процедуры с нарушениями (например, блокада, пункция, санация и пр.); оперативное вмешательство, проведённое с нарушениями, несвоевременно либо без оснований; неправильная тактика ведения пациента (например, при беременности и родах); непроведение госпитализации пациента при наличии к тому оснований; проведение ненадлежащих реанимационных мероприятий; бездействие в форме неоказания помощи больному».¹

Относительно строгого соблюдения правил и стандартов у юристов и медиков разные взгляды. По мнению первых, нередко нарушения правил и стандартов оказания медицинских услуг влекут за собой причинение вреда здоровью или даже наступление смерти.

И если следователи ориентируются при установлении обстоятельств уголовного дела на стандарты, принятые Минздравом России, то медики, утверждают, что трудно вылечить человека, жестко соблюдая эти стандарты.

К сожалению, в практике встречаются случаи «забывания» в ходе хирургических операций инородных тел, например, салфеток со штампами больницы, хотя есть правила, что медсестра должна пересчитывать количество использованных и извлеченных предметов.

Поэтому для решения вопроса о надлежащем оказании медицинской помощи или медицинской услуги, следует поэтапно установить, изучив все необходимые нормативные правовые акты Минздрава России:

«во-первых, оказана ли медицинская услуга лицами, имеющими необходимую специальную подготовку для выполнения этой услуги;

во-вторых, в надлежащий ли срок оказана медицинская услуга. В правилах, стандартах, протоколах, разработанных Министерством здравоохранения, подробно, практически на все случаи, установлен срок: в течение какого времени должен быть поставлен диагноз, продолжительность оказываемой медицинской услуги;

в-третьих, все ли действия были проведены, в нужной ли последовательности;

¹ Бессонов А. А., Маланина Н.В. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи и медицинских услуг // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. М., 2018. № 4.

в-четвертых, в надлежащем ли месте проведено оказание медицинских услуг. Например, некоторые процедуры можно проводить только в стационарных условиях».¹

Практики и ученые отмечают проблемы, возникающие в ходе расследования преступлений, совершенных при оказании медицинских услуг. Это связано с тем, что далеко не сразу поступают заявления или сообщения о «медицинских» преступлениях, с мощным противодействием расследованию, с низкой профессиональной компетентностью следователей, с длительными сроками проведения экспертизы, а также с недостаточным криминалистическим обеспечением расследования данной категории дел.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения относительно понятия и содержания криминалистического обеспечения расследования преступлений. Полагаем, что криминалистическое обеспечение расследования преступлений – это не просто использование знаний криминалистики, а целая система по формированию и адаптации накопленных знаний, по созданию новых приемов и способов, которые применяются в ходе собирания и проверки криминалистически значимой информации и, что не менее важно, предоставления их компетентным органам.

Накоплению и созданию системы знаний по тактике и методике расследования преступлений, совершенных при оказании медицинских услуг, способствовали многие ученые.² Вопросам же предоставления этих знаний уделяется меньше внимания, хотя в этом направлении есть определенные наработки.³ Полагаем, что нужно искать новые формы подачи материалов. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых при оказании медицин-

¹ Кручинина Н.В. Криминалистическое обеспечение безопасности медицинской и фармацевтической деятельности : учебно-методическое пособие. М. : ЛЕНАНД, 2022.

² Амиров Р.Г. Методика расследования причинения тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи : дис. ... кан. юрид. наук. М., 2021; Венев Д.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; Шенелева С.В. Взаимодействие следователя со сведущими лицами в ходе расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи : дис. ... кан. юрид. наук. М., 2022; Хазизулин В.Б. Расследование преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи : дис. ... кан. юрид. наук. М., 2024.

³ Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений) : учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. М. Багмета. М. : Юнити-Дана, 2018. 159 с.; Кручинина Н.В. Проблема доказывания по делам о преступлениях, совершаемых в сфере медицинской деятельности // Актуальные проблемы расследования преступлений: перезагрузка : лекции /отв. ред. А.И. Бастрыкин. М. : Проспект, 2023.

ских услуг, требует использования всего арсенала возможностей науки криминалистики. В частности, до сих пор острой проблемой является своевременное и качественное проведение экспертизы по данной категории дел.

Полагаем, что важным шагом в этом направлении является заключение Соглашения об образовании Координационного совета государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере судебно-экспертной деятельности от 13 октября 2023 г.¹

Соглашение имеет важное значение для определения приоритетных направлений сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности. Международное сотрудничество особенно актуально в случаях, «когда лицо, в отношении которого необходимо провести экспертизу, находится в запрашиваемом государстве, либо государство, в котором проводится расследование, не имеет технических, экспертных или других возможностей провести экспертизу собственными силами».²

Думаем, что Совет мог бы также принимать модельные методики расследования отдельных преступлений, в т.ч. связанных с медицинской деятельностью. Подобно тому, как это делает Межпарламентская Ассамблея СНГ, которая разрабатывает и принимает модельные законодательные акты и рекомендации по совершенствованию национального законодательства по отдельным вопросам, в т.ч. в сфере антикриминальной деятельности, с целью сближения (гармонизации и унификации) законодательства и практики государств-участников Содружества.

Полагаем, что Совет мог бы разрабатывать и принимать модельные криминалистические методики, которые, являясь обобщением национального опыта государств-участников СНГ, способствовали бы совершенствованию и гармонизации практики этих государств в противодействии преступности, в т.ч. в медицинской сфере, непосредственно затрагивающей ряд основных прав человека, в первую очередь, конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь.

¹ Текст Соглашения см.: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6840#text> (дата обращения: 10.01.2025).

² Кручинина Н. В. Биотехнологии как объект криминалистической защиты : монография. М. : Издательский дом «Юр-ВАК», 2023.

Список литературы:

1. Соглашение об образовании Координационного совета государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере судебно-экспертной деятельности от 13 октября 2023 г. URL: <https://cis.minsk.by/reestr/v2/doc/6840#text> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 01.09.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Бессонов А. А., Маланина Н.В.* Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи и медицинских услуг // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2018. № 4.
4. *Кручинина Н.В.* Биотехнологии как объект криминалистической защиты : монография. М.: Издательский дом «Юр-ВАК», 2023. 244 с.
5. *Кручинина Н.В.* Криминалистическое обеспечение безопасности медицинской и фармацевтической деятельности : учебно-методическое пособие. М. : ЛЕНАНД, 2022. 200 с.
6. *Крылова Н.Е.* Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 36 с.
7. *Хазизулин В.Б.* Расследование преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи : дис. ... кан. юрид. наук. М., 2024.

Игорь Анатольевич Кубасов,
доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры информационных технологий
Академия управления МВД России
E-mail: igorak@list.ru

Векторы развития экспертно-криминалистической деятельности в условиях цифровой трансформации МВД России

Аннотация

В статье исследована актуальность и важность развития цифровых технологий в экспертно-криминалистической деятельности. Исследованы современные факторы, влияющие на развитие экспертно-криминалистической деятельности, а также возникающие преимущества в условиях цифровой трансформации экспертно-криминалистической деятельности. Обоснованы перспективные векторы развития экспертно-криминалистической деятельности.

***Ключевые слова и словосочетания:** экспертно-криминалистическая деятельность; цифровая трансформация; цифровые технологии.*

В XXI веке цифровая трансформация стала ключевым направлением развития государственных институтов. Министерство внутренних дел России также не стоит в стороне, активно внедряет цифровые технологии в свою работу, стремясь повысить эффективность правоохранительной деятельности и создать условия для противодействия современным угрозам. При этом экспертно-криминалистическая деятельность занимает особое место в этом процессе, поскольку именно она служит основой для объективного установления фактов преступления, привлечения виновных к ответственности и обеспечении правопорядка. Современные цифровые технологии позволяют значительно повысить качество и скорость проведения экспертиз, улучшить взаимодействие между различными подразделениями правоохранительных органов и предоставить оперативный доступ к большим данным [1, 2].

В статье рассмотрены возможности, которые открывает цифровая трансформация для экспертно-криминалистической деятельности, вызовы, которые она ставит перед экспертно-криминалистическими подразделениями, а также основные векторы развития

экспертно-криминалистической деятельности в условиях цифровой трансформации МВД России.

Одним из главных факторов, влияющих на развитие экспертно-криминалистической деятельности, стало широкое применение цифровых технологий. Сегодня эксперты-криминалисты используют современные информационные системы, базы данных и аналитические инструменты для обработки большого объема структурированной и неструктурированной информации. Цифровизация различных процессов позволяет ускорить работу и повысить точность результатов.

Примерами цифровых технологий, применяемых в экспертно-криминалистической деятельности, являются:

- технологии хранения и анализа больших данных для создания и поддержания электронных каталогов отпечатков пальцев, ДНК-профилей, фотографий преступников и других важных данных (это позволяет сократить время, затрачиваемое на проведение экспертизы, и уменьшить вероятность человеческой ошибки) [3, 4];

- искусственный интеллект, включая технологии машинного обучения и когнитивные технологии, для автоматического анализа видеозаписей и фотоизображений, распознавания лиц, поиска и выявления скрытых закономерностей в массивах данных и т. п. [5]. Особенно важным является применение искусственного интеллекта в областях, где требуется высокая точность и быстрота реакции, таких как борьба с терроризмом и экстремизмом. Например, системы видео-расознавания могут автоматически выявлять подозрительные объекты и лица, что существенно облегчает работу сотрудников полиции. Также многие операции рутинных процессов могут быть автоматизированы благодаря использованию алгоритмов машинного обучения;

- компоненты робототехники и сенсорики для осмотра мест происшествий, особенно труднодоступных или опасных зон, обеспечивающие повышение безопасности экспертов и получение данных высокого разрешения [6, 7];

- технологии виртуальной и дополненной реальностей для воссоздания сцен преступлений, что помогает лучше понимать обстоятельства дела и принимать более обоснованные решения [8].

Еще одним из главных факторов, влияющих на развитие экспертно-криминалистической деятельности, является интеграция знаний из различных областей науки и техники. Эксперты работают в тесном сотрудничестве с биологами, химиками, физиками, программистами и другими специалистами. Такой междисциплинарный подход позволяет решать сложные задачи и проводить комплексные исследования.

Примерами междисциплинарного сотрудничества экспертов-криминалистов являются:

- совместная работа с генетиками для идентификации личности по ДНК;
- сотрудничество с инженерами для восстановления событий аварии на основе анализа обломков и повреждений;
- взаимодействие с IT-специалистами для расследования киберпреступлений и др.

Однако развитие и внедрение технологий в экспертно-криминалистической деятельности обуславливает появление новых этических и правовых вопросов. Например, использование биометрических данных и технологий распознавания лиц вызывает опасения по поводу защиты частной жизни и конституционных прав человека. Законодательство должно адаптироваться к новым реалиям, чтобы обеспечить баланс между необходимостью обеспечения безопасности и уважением к правам граждан.

В условиях цифровизации возрастает угроза кибератак и утечек конфиденциальной информации. Важно обеспечить надежную защиту данных и соответствие требованиям законодательства.

Поэтому особо важными аспектами – факторами влияния выступают ряд требований по:

- соблюдению конфиденциальности и защите персональных данных;
- совершенствованию правовой основы для использования технологий, связанных с вторжением в частную жизнь граждан;
- обеспечению прозрачности и подотчетности в применении новых методов.

Не следует также забывать и такие факторы влияния, как образовательные и кадровые вызовы.

От современных экспертов-криминалистов требуется высокая квалификация, постоянное обновление знаний и навыков. Переход на новые технологии обуславливает необходимость разработки новых программ переподготовки и повышения квалификации. Образование в сфере экспертно-криминалистической деятельности должно включать не только традиционные дисциплины, но и новейшие технологические тренды.

Важной задачей становится создание образовательных программ, направленных на подготовку и переподготовку кадров в области цифровых технологий. Поэтому перспективными направлениями развития образования в сфере экспертно-криминалистической деятельности являются:

- интеграция курсов по информационным технологиям;

- программы стажировок и обмена опытом с международными коллегами;
- развитие практических навыков через симуляции и реальные кейсы.

Использование инновационных цифровых технологий в экспертно-криминалистической практике становится всё более актуальным в условиях цифровой трансформации, поскольку обеспечивает получение целого ряда преимуществ в деятельности экспертно-криминалистических подразделений:

- 1) повышение точности и скорости проведения экспертиз, снижение риска человеческих ошибок;
- 2) существенное облегчение труда экспертов по выполнению сложных вычислений и анализу больших объемов данных;
- 3) улучшение взаимодействия и более тесного сотрудничества между разными подразделениями и ведомствами;
- 4) экономия ресурсов ввиду снижения затрат на содержание инфраструктуры и персонал, а также оптимизации использования имеющихся ресурсов;
- 5) оперативный доступ к большим данным благодаря созданию централизованных баз данных (отпечатков пальцев, ДНК-профилей, автомобильных номеров, фотографий преступников и т. п.), что ускоряет процессы идентификации подозреваемых и следов преступлений [9, 10];
- 6) открытие новых горизонтов для международного сотрудничества в области экспертно-криминалистической деятельности.

Современные информационные системы позволяют создавать глобальные базы данных, доступные различным странам и международным организациям. Это существенно упрощает процесс обмена информацией и совместную работу по расследованию международных преступлений.

Кроме того, цифровая трансформация даёт возможность организовать дистанционную экспертизу, когда специалисты из разных стран могут совместно работать над сложными случаями, используя современные средства телекоммуникаций.

Будущее экспертно-криминалистической деятельности неразрывно и тесно связано с дальнейшим развитием цифровых технологий и интеграцией инновационных подходов [11].

В условиях цифровой трансформации МВД России перспективными могут быть следующие векторы развития экспертно-криминалистической деятельности.

1. Создание единого информационного пространства, объединяющего базы данных различных ведомств и служб, для обеспе-

чения санкционированного доступа к необходимой информации и ускорения процесса обмена данными между участниками следственных действий.

Современное программное обеспечение позволяет значительно ускорить обработку данных, повысить точность результатов и минимизировать влияние человеческого фактора. В частности, внедрение автоматизированных систем для сбора, хранения и анализа данных позволяет экспертам-криминалистам оперативно получать необходимую информацию и использовать её в своей работе.

Интерактивные платформы для совместной работы позволят специалистам разных областей делиться результатами исследований, обсуждать гипотезы и координировать действия в режиме реального времени.

Важным аспектом является интеграция технологий в единую систему цифрового документооборота, что позволит быстрее обрабатывать результаты анализов и передавать их в соответствующие подразделения.

2. Интеграция теории и практики криминалистики с биометрией, генетикой и информатикой, обеспечивающей, в том числе, расширение использования ДНК-технологий и биометрических данных для идентификации личности.

Цифровая трансформация способствует активному внедрению биотехнологических методов в экспертно-криминалистическую практику. Генетическая экспертиза, биометрические технологии и другие подобные методы становятся незаменимыми инструментами в борьбе с преступностью. Биометрические системы, основанные на анализе отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза и других уникальных характеристик человека, обеспечивают высокий уровень достоверности при установлении личности.

3. Развитие киберкриминалистики, обусловленной необходимостью усиления борьбы с киберугрозами и хакерскими атаками.

4. Внедрение виртуальных реконструкций для моделирования криминальных событий и анализа доказательств.

5. Персонализация – индивидуальный подход к каждому уголовному делу с учетом специфики обстоятельств и участников.

Цифровая трансформация МВД России открывает широкие перспективы для повышения эффективности экспертно-криминалистической деятельности, характеризующейся активным использованием цифровых технологий, междисциплинарным сотрудничеством, но и новыми этическими и правовыми вызовами. Успешная интеграция новых технологий требует комплексного подхода, включающего технические, образовательные и правовые аспекты.

Важно находить баланс между внедрением инноваций и соблюдением этических норм, чтобы сохранить доверие общества и обеспечить безопасность граждан.

Для успешного развития этой сферы необходимы инвестиции в образование, модернизацию инфраструктуры и совершенствование законодательства. Только таким образом можно обеспечить высокую эффективность и надежность работы экспертов-криминалистов, способствуя укреплению правопорядка и защите интересов граждан.

Список литературы:

1. *Гаврилин Ю. В., Салеева Ю. Е.* О концепции государственной научной и научно-технической политики в области криминалистического обеспечения борьбы с преступностью // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68).

2. *Зайцев В. В.* Цифровые технологии в криминалистике и судебной экспертизе // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 1 (21).

3. *Кубасов И. А.* Разработка методов ДНК-фенотипирования для расследования и раскрытия преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2.

4. *Кубасов И. А.* Алгоритмизация установления криминалистически важных фенотипических признаков человека на основе анализа его биологического материала, изъятого с места преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 1 (39).

5. *Кубасов И. А., Щетников А. В.* О реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в сфере внутренних дел // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам международного форума : в 2-х ч., Москва, 20 октября 2022 г. / под редакцией И. Г. Чистобородова. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2022.

6. *Кубасов И. А., Сушков В. И.* Анализ зарубежных инновационных подходов к применению беспилотных воздушных судов в правоохранительной деятельности // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2023. № 1.

7. *Кубасов И. А., Сушков В. И.* О перспективах применения привязных беспилотных авиационных систем в правоохранитель-

ной деятельности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 4.

8. *Кубасов И.А.* Виртуальная и дополненная реальность: технологии, революционизирующие методы работы предприятий // Первая миля. 2023. № 5 (113).

9. *Кубасов И. А., Стрельников Ф. И., Лунев Ю.С.* Вопросы повышения эффективности использования автоматизированных дактилоскопических учетов при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2.

10. *Кубасов И. А., Стрельников Ф. И.* К вопросу решения проблем повышения производительности информационных систем, на примере центрального комплекса ЦИАДИС МВД России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 4.

11. *Волынский А. Ф., Лапин В.О.* Экспертно-криминалистическая служба МВД России: когда и почему искажен вектор ее развития, как его исправить // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57).

Игорь Анатольевич Кубасов,
доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры информационных технологий
Академия управления МВД России
E-mail: igorak@list.ru

Ольга Олеговна Уманцева,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: umanceva12xdr@gmail.com

От ДНК к фенотипу: применение технологий искусственного интеллекта и биоинформатики в генетическом анализе

Аннотация

В данной статье описывается зарубежная и отечественная практика применения технологий искусственного интеллекта, а также методы биоинформатики, на базе которых обоснована возможность разработки методов определения фенотипических признаков человека по анализу ДНК, выделенной из биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: анализ; биоинформатика, биологический материал; большие данные; ДНК-профиль; искусственный интеллект; исследование ДНК; классификация; нейронные сети; расследование; фенотипические признаки; экспертно-криминалистическая деятельность.

В условиях стремительного развития технологий и глобализации, цифровая трансформация становится неотъемлемой частью современного общества. Этот процесс охватывает все сферы нашей жизни, включая экономику, образование, здравоохранение и правопорядок. Важность цифровой трансформации особенно актуальна для систем, отвечающих за безопасность общества, таких как Министерство внутренних дел Российской Федерации. Современные вызовы требуют от полиции быстрого реагирования и адаптации к новым условиям. Внедрение цифровых технологий в повседневную практику позволяет оптимизировать рабочие процессы, улучшить сбор и анализ данных, а также интерпретировать их по-новому.

В последние десятилетия активно продолжают исследоваться уникальные характеристики ДНК человека. Междисциплинарная область научных знаний, которая сочетает элементы биологии, информатики, статистики и математики для анализа и интерпретации биологических данных, называемая биоинформатикой, играет ключевую роль в этом процессе. После анализа эти сведения возможно использовать и в экспертно-криминалистической деятельности.

На данный момент в биологических лабораториях экспертно-криминалистических подразделений МВД России активно применяется ДНК-исследование (генотипоскопия). В рамках данной специальности эксперты дают категорические выводы, что является неоспоримым преимуществом перед иными видами экспертиз с вероятностными выводами. Данное направление можно по праву считать одним из самых приоритетных.

Биологические следы (кровь, слюна, волосы и т. п.), обнаруживаемые на месте преступления, орудия, либо жертве преступления и однозначно принадлежащие преступнику, содержат генетическую информацию, облегчающую его поиск. В настоящее время в лабораториях экспертно-криминалистических подразделений МВД России из изъятых биологических следов получают идентифицирующую информацию: уникальную генетическую характеристику (генетический профиль) человека. Полученный ДНК-профиль представляет интерес в том случае, если профиль следа с места преступления совпадет с профилем в национальной генетической базе. При существующей наполненности генетических баз данных такое совпадение является скорее удачей, чем обыденностью. При отсутствии совпадений полученный профиль помещается в базу и на этом дальнейшее исследование прекращается. Но насколько могла бы стать полезна поисковая информация в этом случае?! Это сведения, которые могут сократить сроки поимки преступника, сузить круг подозреваемых лиц, снизить материальные затраты на проведение доказательной генетической экспертизы, и облегчить следственные действия в целом. Эта информация может быть извлечена из ДНК преступника современными методами.

В данной статье описывается зарубежная и отечественная практика применения технологий искусственного интеллекта, а также методы биоинформатики, на базе которых обоснована возможность разработки методов ДНК-фенотипирования (прогнозирование внешних и морфологических характеристик) ДНК содержит информацию о генах, которые, в свою очередь, кодируют белки и определяют фенотипические характеристики. На основании анализа генома можно извлечь данные о вероятных признаках, таких как возраст,

цвет глаз, волосы, рост и предрасположенность к определённым заболеваниям.

Прогнозирование возраста.

Прогнозирование возраста по ДНК является относительно новой областью исследований, и ряд ученых и научных групп внесли вклад в эту сферу: С. Крус, Г. Вилюкс, С. Р. Хонг, А. Видаки, А. Алифери, команда исследователей из Университета Лейдена (Нидерланды) и другие. Для предсказания возраста использовали регрессионную математическую модель. Она прогнозирует возраст людей в диапазоне 18-73 лет. Основным признаком данной модели послушил уровень метилирования (химическая модификация) в отдельных локусах (участках) ДНК, содержащих определенную последовательность нуклеотидов. Другие ученые получили более точные результаты предсказания (абсолютная ошибка составила 4,4 года), применив нейронные сети с обобщённой регрессией на выборке из 1156 образцов:

$$Y(x) = \frac{\sum_{k=0}^N y_k K(x, x_k)}{\sum_{k=1}^N K(x, x_k)}$$

где $Y(x)$ – это прогнозируемое значение, y_k – обучаемый параметр (характеризует степень активации нейрона), $K(x, x_k)$ – радиально-базисная функция:

$$K(x, x_k) = e^{-d_k/2\sigma^2}, d_k = (x - x_k)^T(x - x_k).$$

Данный алгоритм стал базисом для команды исследователей А. Алифери. Авторы создали улучшенную модель нейронной сети с обобщённой регрессией и расширили диапазон прогнозируемого возраста от 11 до 93 лет. В качестве обучающего набора выбрали 110 образцов, отклонение составило 0,8 года.

Прогнозирование оттенка кожи, цвета глаз и волос.

Исследования по прогнозированию оттенка кожи, цвета глаз и волос на основе генетической информации были проведены множеством ученых, наиболее известные имена в этой области: Д. Т. Кавана, Г. М. Дембинский, С. Уолш, К. Бреслинг, Й. Зектих, О. Маронас и их исследовательские группы.

С целью предсказания вышеуказанных фенотипических признаков применили модификацию линейной регрессии – модель мультиномиальной логистической регрессии. В этой модели для получения выходных значений используют функцию Softmax :

$$\text{Softmax}(x_i) = \frac{e^{x_i}}{\sum_{k=1}^n e^{x_k}},$$

где n — количество элементов в векторе; i — индекс элемента вектора, e — основание натурального логарифма (примерно 2.71828), x_i — значение i -го элемента вектора.

Все выходные значения функции softmax находятся в диапазоне от 0 до 1 и в сумме дают 1, что делает их интерпретируемыми как вероятности.

Таким образом, использование данной модели позволило установить закономерности между SNP маркерами (одиночных нуклеотидный полиморфизм - тип вариации в ДНК, где одна нуклеотидная основа заменяется на другую) в ДНК-последовательности и фенотипическими признаками, такими как цвет глаз, цвет волос и оттенок кожи с высокой точностью прогнозирования.

Высокие показатели точности в прогнозировании цвета глаз, волос и оттенка кожи продемонстрировал другой метод, называемый наивным байесовским классификатором. Это алгоритм классификации, относящийся к классу генеративных моделей, т.е. он строит полноценную статистическую модель как для входных данных, так и для выходных данных. Учитывая эту модель, выходной результат может быть сгенерирован из входных данных (основанный на применении теоремы Байеса). Этот алгоритм называется наивным, поскольку в его основе лежит простое, но сильное предположение, что все пары признаков условно независимы, учитывая выходные метки, а это предположение, как правило, не соответствует действительности. Построение модели не требует сложной итеративной оценки параметров.

Прогнозирование черт лица.

Д. Серо и команда других исследователей предложили модель предсказания фенотипа человека на основе анализа ДНК-последовательности. Примечательно то, что в качестве описания фенотипа применяется трёхмерное изображение лица.

С. Липперт и его команда исследователей использовали модель ридж-регрессии (или гребневой регрессия) для предсказания комплекса признаков, а именно: 3-D структура лица; голос; биологический возраст; рост; индекс массы тела; цвет глаз; цвет кожи; пол. Использовали биологический материал 1061 человека различного этнического происхождения, средним возрастом 36 лет. Ридж-регрессия является методом линейной регрессии, который используется для обработки проблем с многообразием и переобучением,

возникающим при наличии коллинеарности между предикторами. Она добавляет регуляризационный член к функции потерь, что способствует улучшению обобщающих способности модели.

На сегодняшний день ООО «БИОЧИП-ИМП» разработаны и представлены отечественные наборы реагентов «Фенотип Эксперт» для генотипирования маркеров, ассоциированных с цветом глаз, волос, кожи, группой крови, базовой гаплогруппой Y-хромосомы и половой принадлежностью. Эта тест-система успешно прошла испытания «вслепую» и апробирована в лабораторных условиях. С использованием биочип-технологии в одну рабочую смену лаборант может провести анализ до 288 образцов ДНК, и получить информацию о 17280 генетических детерминант. Эта система могла бы эффективно использоваться в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России с целью получения необходимой поисковой информации, а также стать отправной точкой для разработки моделей и алгоритмов поддержки принятия решений по выявлению диагностически значимых фенотипических признаков человека на основе анализа биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что проблемные вопросы в части установления и идентификации личности человека по биологическим следам, изъятым с места осмотра происшествия, возможно решить за счет разработки, внедрения и применения ведомственных информационных систем для предикции фенотипических признаков по характеристикам генома человека в сочетании с базами данных геномной информации, применение таких информационных систем позволит существенно повысить эффективность борьбы с преступностью.

Список литературы:

1. *Кубасов И.А.* Отчет о научно-исследовательской работе. Формирование требований к проведению работ по разработке методов определения индивидуальных фенотипических признаков человека на основе биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений. М., 2021.

2. *Кубасов И.А.* Алгоритмизация установления криминалистически важных фенотипических признаков человека на основе анализа его биологического материала, изъятого с места преступления // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2023. № 1(39). DOI 10.54217/2411-1627.2023.39.1.015.

3. *Кубасов И.А.* ДНК, как биологический «свидетель» преступления // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Иркутск, 16–17 марта 2023 г. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023.

4. *Кубасов И.А.* Разработка методов ДНК-фенотипирования для расследования и раскрытия преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2.

5. *Кубасов И.А.* Развитие методов анализа геномной информации в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (64-е ежегодные криминалистические чтения), Москва, 26 мая 2023 г. Ч. 1 / под ред. Ю. В. Гаврилина. М. : Академия управления МВД России, 2023.

6. *Наседкина Т. В., Фесенко Д. О., Митяева О. Н., Лысов Ю. П., Макаров А. А., Заседателев А. С.* Определение фенотипических характеристик индивида по анализу генетических маркеров с помощью биологических микрочипов // Доклады Академии наук. БИОХИМИЯ, БИОФИЗИКА, МОЛЕКУЛЯРНАЯ БИОЛОГИЯ. 2008. Т. 422. № 5.

7. *Розаев В. И., Сыроквашева Е. Ю., Пименов М. В., Стегнова Г. В.* Генотипоскопия человека: идентификация вида, пола и личности по генетическим отпечаткам ДНК в случае, связанном с покушением на убийство // Судебная медицина. 1992. Т. 35. № 1.

8. *Anderson S., Bankier A. T., Barrell B.G. et al.* Sequence and organization of the human mitochondrial genome // Nature. 1981. Т. 290.

Лариса Владимировна Лазарева,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: larisa_vui@mail.ru

Взаимодействие следователя и специалиста при расследовании преступлений экономической направленности: организационно-тактический аспект

Аннотация

Вопросы взаимодействия следователя и специалиста имеют принципиально важное значение при расследовании преступлений экономической направленности. В статье рассматриваются отдельные формы такого взаимодействия: участие специалиста в следственных действиях, включая подготовку и последующую оценку результатов, консультативно-справочная деятельность специалиста, в том числе при назначении судебной экспертизы. Показано, что большая часть проблем обусловлена причинами субъективного характера, связанными с дефицитом кадров, обладающих необходимыми специальными знаниями, а также недостаточным уровнем вовлечения современных научных и технических достижений в правоприменительную практику.

Ключевые слова и словосочетания: *специальные знания; следственные действия; расследование преступлений; участие специалиста; преступления экономической направленности; организация взаимодействия.*

Современный этап социально-экономических преобразований в России существенным образом сказывается на специфике преступности, усложнении способов совершения и сокрытия преступлений. Государство постоянно испытывает потребность в надежных и эффективных средствах обеспечения экономической безопасности, что стало особенно актуальным в последние годы ввиду политической стратегии недружественных стран. Кроме того, количество преступлений экономической направленности из года в год увеличивается, видоизменяются их характер и направленность, которые выражаются в появлении новых, ранее не известных способов совер-

шения преступлений, росте сплоченности преступных групп, а также в активном противодействии процессу расследования преступлений. Согласно официальной статистике, за 9 месяцев 2024 года зарегистрировано 89 115 преступлений (+1,5 %), раскрыто 62 467 (-1,4 %)¹. Как видно из приведенных данных, количество нераскрытых преступлений экономической направленности остается довольно значительным.

Становится очевидным, что расследование и раскрытие преступлений экономической направленности обладает некоторой спецификой, которая определяется знанием финансовой сферы, умением использовать различные экономические схемы и т. п., что делает обращение к лицам, обладающим специальными знаниями, обязательным условием.

Как справедливо отмечает Л. Г. Шапиро, «уголовное судопроизводство не может эффективно функционировать, если не опирается на современные данные в различных областях человеческой деятельности. Оно постоянно сталкивается с необходимостью привлечения в той или иной форме сведущих лиц для оказания помощи в разрешении различных вопросов специального характера» [4, с. 4].

Однако, помощь специалиста используется не в полной мере, несмотря на возрастающую с каждым годом потребность в подобном содействии, что подтверждается анализом материалов правоприменительной практики.

Наиболее востребовано участие специалистов в проведении отдельных следственных действий с целью незамедлительного получения следователем необходимых консультаций по самым разным экономическим вопросам. При расследовании преступлений экономической направленности характерными являются следующие следственные действия: осмотре места происшествия, выемка и осмотр документов и предметов; обыск; назначение и производство судебных экспертиз.

Одним из первоначальных следственных действий, позволяющим получить важные сведения в условиях дефицита информации о произошедшем событии, является осмотр места происшествия, эффективность которого возрастает в случае привлечения к производству специалистов. В любом случае, полагаем, что привлечение специалиста необходимо к каждому осмотру места происшествия. Как справедливо отмечает профессор Л. В. Бертовский, вовлечение

¹ Состояние преступности в России. Статистический сборник. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 20.02.2025).

специалистов в процесс поиска, фиксации, изъятия и предварительного исследования на месте происшествия является, первоочередной задачей следователей и органов дознания с точки зрения обеспечения высокого уровня доказывания [1, с. 46–47].

На месте происшествия действия специалиста и следователя должны быть полностью согласованными, дополнять друг друга. При этом, в основном согласованию подлежат организационные аспекты, а технические специалист определяет самостоятельно. К примеру, если в ходе осмотра применяется фото или видеосъемка, то вопрос о том, какие объекты следует запечатлеть, какие виды фотосъемки будут более целесообразны, специалист определяет по согласованию со следователем, в то время как вопросы технического характера, такие, как выбор дистанции до запечатлеваемого объекта, ракурс съемки, освещение уже определяет специалист самостоятельно.

Изъятые с места происшествия следы и предметы могут быть упакованы либо самим специалистом, либо следователем при помощи последнего, поскольку специалист должен обладать знаниями и наиболее предпочтительном выборе упаковки для надлежащего хранения изъятых в целях исключения возможности его повреждения.

Не следует и пренебрегать помощью специалиста при составлении протокола следственного действия, поскольку он должен дать разъяснение следователю о том, какую криминалистически значимую информацию удалось получить, какие методы и средства применялись им для обнаружения, фиксации и изъятия следов. Также с помощью специалиста надлежит произвести и описание изъятых следов, которое должно включать в себя следующие сведения: где именно были обнаружены следы; с помощью каких криминалистических средств они были обнаружены; каким образом зафиксированы и изъятые; каково количество изъятых следов, их вид, форма, размер, индивидуальные особенности.

Преступления экономической направленности обладают существенным разнообразием, что обуславливает и разнообразие их следов. В некоторых случаях к производству осмотра места происшествия привлекаются специалисты-экономисты, специалисты в сфере информационных технологий, если возможно обнаружение финансовой документации, информации в электронном виде.

Кроме осмотра места происшествия, специалист также участвует и в иных видах осмотра, в частности, в осмотре предметов, документов. Например, неопределима помощь специалиста при осмотре бухгалтерских документов, компьютерной техники и т.д.

Однако осмотр места происшествия при расследовании преступлений экономической направленности далеко не самое распростра-

ненное следственное действие. Важным значением обладают и другие следственные действия – выемка и обыск, к участию в которых также необходимо привлекать специалиста. Помимо фиксации процесса обнаружения и изъятия объектов, их правильной упаковки и представления сведений об изъятых для грамотного составления протокола следственного действия, при производстве обыска роль специалиста может иметь важнейшее значение для обнаружения замаскированных объектов. При этом следует учитывать, что тайники могут быть довольно примитивными, создание которых доступно любому человеку, а могут быть профессиональными, когда для их создания требуются серьезные навыки. Поскольку в подавляющем большинстве объекты обыска тщательно маскируются, при производстве данного следственного действия нередко специалистом применяются различные средства для обнаружения тайников.

При расследовании преступлений экономической направленности в первую очередь имеет важное значение документация, которая подлежит обязательному изъятию. Информация, имеющая значение для расследования преступлений рассматриваемого вида, может содержаться на: бумажных носителях информации (бланки документов, ведомости, отчеты, балансы); электронных носителях информации (бухгалтерское программное обеспечение и память компьютера). Также информация может содержаться в черновой бухгалтерии, объединяющей в себя документы и электронные носители (документы, записи, тетради, компьютерные файлы, программы). Следует предпринимать действия и по обнаружению поддельных, фальсифицированных документов. Электронные документы могут содержаться в памяти компьютера, на съемных электронных носителях, в сети интернет.

Очевидно, что в большинстве случаев сотрудники организаций, в которых совершено экономическое преступление, являются заинтересованными в сокрытии документов, которые могут свидетельствовать о незаконной деятельности, хищениях, иных преступных действиях в сфере транспортных услуг. В связи с этим, производство выемки указанных документов обычно нецелесообразно, поскольку будут добровольно выданы лишь те документы, которые не представляют никакой угрозы для организации, но при этом и не вносят никакой ясности в расследование уголовного дела.

Участие специалиста-бухгалтера или экономиста при производстве выемки (обыска) необходимо для решения, в частности, следующих вопросов: 1) какие именно бухгалтерские документы могут содержать сведения об интересующих следователя хозяйственных операциях; 2) где находятся подлинники этих документов, вторые

экземпляры, копии и т.д.; 3) какие документы вызывают сомнение в их доброкачественности, какая часть документа имеет значение для дела.

Специалист может быть включен в следственно-оперативную группу, созданную для расследования конкретного преступления экономической направленности, но практика свидетельствует о том, что такие случаи крайне редки. Следователь самостоятельно в каждом случае принимает решение, какой специалист может быть привлечен к участию в конкретном следственном действии.

Помимо взаимодействия следователя и специалиста в ходе производства следственных действий, важное значение для раскрытия и расследования преступлений экономической направленности имеет согласованность действий данных лиц при назначении и производстве судебной экспертизы. Для установления обстоятельств совершенного преступления чаще всего возникает необходимость в производстве экономических судебных экспертиз, среди которых важнейшая роль отводится бухгалтерским судебным экспертизам.

Как показывает следственная практика, необходимость в назначении и проведении судебно-бухгалтерской и судебно-налоговой экспертиз возникает в случаях:

- 1) несогласия обвиняемых с выводами документальной ревизии, а проверка их доводов другими способами невозможна;
- 2) наличия существенных противоречий между выводами первичной и повторной документальных ревизий;
- 3) обоснованных сомнений следователя в правильности исследования документов и самих выводов документальной ревизии;
- 4) невозможности назначения и производства иных судебных экспертиз, например, строительно-технической, технологической и др., без заключения судебно-бухгалтерской экспертизы.

Важно отметить, что одной из наиболее актуальных проблем современной судебной экономической экспертизы является, как справедливо заметил А. А. Савицкий, отсутствие единой классификации судебных экономических экспертиз [3].

Важным значением для установления обстоятельств совершенного преступления и доказывания вины лица, совершившего преступление экономической направленности, обладает почерковедческая судебная экспертиза, поскольку она может позволить определить, кем именно выполнены подписи в финансовых документах либо какие записи внесены в данные документы. Для производства данной экспертизы, помимо предоставления объектов, по поводу которых требуется установить, кем именно выполнены в них записи, требуется предоставление свободных и экспериментальных образ-

цов. В качестве свободных могут быть использованы любые записи, выполненные лицом до возбуждения уголовного дела и не связанные с расследуемым событием.

Кроме того, по рассматриваемой категории преступлений достаточно распространено производство товароведческих судебных экспертиз, с помощью которых может быть установлена стоимость имущества. В том случае, когда преступление сопряжено с искажением строительно-технической документации, например, с завышением расходов на производство тех или иных работ, необходимо производство строительно-технических судебных экспертиз. Возможно производство и любых иных судебных экспертиз, заключение которых может выступить в качестве доказательства по уголовному делу. Например, при изъятии алкогольной продукции, изготовленной, реализуемой без лицензии, необходимо определение химического состава продукта, при обнаружении поддельных купюр – криминалистическая экспертиза документов.

Говоря о значении судебных экспертиз в расследовании экономических преступлений, следует обратить внимание на то, что существенную часть судебно-экономических экспертиз новых родов и видов выполняют бывшие сотрудники правоохранительных органов, прежде всего, экспертных учреждений, имеющие солидный практический опыт, прошедшие профессиональную переподготовку по оценочной деятельности и не утратившие связей со своими коллегами-следователями. Такие негосударственные судебные эксперты хорошо понимают не только особенности выполнения соответствующих экспертиз, но и потребности следствия. Поэтому их взаимодействие со следователем оказывается на практике наиболее эффективным [2, с. 28].

В связи с активным внедрением компьютерных технологий практически во все сферы человеческой деятельности, а также ростом и совершенствованием процесса автоматизации бухгалтерского и налогового учета, производственных процессов, при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности зачастую возникает необходимость использования специальных знаний в области компьютерной техники и программного обеспечения. Полное, всестороннее и объективное установление обстоятельств преступления, совершенного с использованием компьютерных технологий, требует назначения и производства судебной компьютерной экспертизы, одного из новых и активно развивающихся родов судебных экспертиз.

Анализ практики показывает, что при назначении компьютерных экспертиз следователи сталкиваются с некоторыми трудностями

ми, обусловленными рядом причин: спецификой ведения бухгалтерского учета с использованием компьютерной техники и специальных программ, например, 1С-бухгалтерия, особенностями хранения документов на машинных носителях информации, обращения с компьютерной техникой, сложностями отнесения объекта к электронному документу, незнанием терминологического аппарата, возможностей таких экспертиз и т. п.

В заключение следует отметить, что взаимодействие органов предварительного расследования и специалистов при расследовании преступлений экономической направленности рассматривается как одно из приоритетных направлений этой деятельности, оптимизация и эффективность которой заключается в производстве комплекса следственных действий с участием различных специалистов.

Список литературы:

1. *Бертовский Л.В.* Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 60 с.

2. *Вольнский А. Ф., Прорвич В. А.* О содержании и организации профессиональной переподготовки судебных экспертов и специалистов-экономистов // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5.

3. *Савицкий А.А.* Актуальные проблемы судебной экономической экспертизы. URL: <https://www.expertsud.ru/content/view/235/36/> (дата обращения: 25.02.2025).

4. *Шапиро Л.Г.* Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2008. 51 с.

Илона Анатольевна Макаренко,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой криминалистики
Институт права Уфимского университета науки и технологий
E-mail: ilona475@mail.ru

Содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений

Аннотация

В настоящей статье проводится анализ криминалистического обеспечения расследования преступлений как системы, объединяющей методическое, техническое, информационное, кадровое и иные аспекты обеспечения следственной деятельности. Рассмотрены теоретико-методологические основы формирования данной системы, представлены некоторые подходы к содержанию криминалистического обеспечения и важности установления единого терминологического аппарата для унификации сути данного понятия, обоснованы перспективные направления совершенствования обеспечения расследования преступлений. Особое внимание уделено будущему криминалистического обеспечения, учитывающему глобализацию и интеграцию инновационных технологий в правоприменительную практику.

***Ключевые слова и словосочетания:** криминалистическое обеспечение; расследование преступлений; технологические инновации; правовое регулирование.*

В настоящее время все больший интерес вызывает язык криминалистики, однообразие в терминологических требованиях для конкретизации понятийного аппарата и единого подхода к смысловым инструментам уголовно-правовых наук. Данному исследованию, например, посвящены работы А.А. Светличного [6], ознакомившись с которыми мы заинтересовались содержанием криминалистического обеспечения расследования преступлений. Несмотря на, казалось бы, не новую формулировку в криминалистике, ученые включают в содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений различные элементы или по-разному их формулируют.

В учебнике, подготовленном коллективом Академии МВД РФ в 1997 году под редакцией Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина, криминалистическое обеспечение состоит из трех подсистем: криминали-

стических знаний; криминалистического образования; криминалистической техники [2, с. 64]. Научные криминалистические знания воспринимаются через монографии, диссертации, статьи, доклады и т.д. В практику они внедряются через практические руководства, инструкции, методические указания, учебники и т.д. Криминалистическое образование – это система обучения использованию методов и средств криминалистики в практической деятельности и привития обучающимся необходимых для такого использования умений и навыков. Криминалистическую технику авторы данного учебника рассматривают как совокупность технических средств, необходимых для реализации криминалистических знаний и полученных в процессе криминалистического образования умений и навыков по обнаружению, собиранию, исследованию и использованию доказательственной информации для раскрытия и расследования преступлений [2, с. 65–67].

Г.Р. Лутфуллина криминалистическое обеспечение расследования преступлений предлагает рассматривать в трех основных формах:

1) криминалистическое обеспечение, понимаемое как комплекс предоставляемых материальных ресурсов, необходимых для осуществления расследования преступлений с максимальной эффективностью. Иными словами - это вся та совокупность разрабатываемых криминалистикой технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций, которыми оснащаются правоохранительные органы, участвующие в работе по раскрытию и расследованию преступлений;

2) криминалистическое обеспечение расследования преступлений как процесс освоения предлагаемых практике результатов научных криминалистических разработок, включающий в себя: а) тактико-техническое оснащение следственного аппарата, б) обучение следователей новым методам и методикам работы с источниками доказательственной информации, в) организацию внедрения криминалистических достижений и разработок в практику;

3) криминалистическое обеспечение в узком своём значении, может осуществляться в формах, гарантирующих (обеспечивающих) сохранность (неизменность) обнаруженных источников информации для последующего их использования в доказывании по уголовному делу [4, с. 17].

А.В. Кудрявцева под криминалистическим обеспечением расследования преступлений представляет систему мер, направленных на обеспечение полноты, объективности и оперативности исследовательской деятельности. В её состав она включает четыре основных компонента:

1) методическое обеспечение, которое включает разработку и внедрение нормативно-методических документов, алгоритмов и рекомендаций и позволяют унифицировать порядок проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Методики расследования преступлений разрабатываются с учётом специфики каждого вида преступлений и включают в себя:

- методики проведения осмотров мест происшествия, позволяющие обеспечить сохранность вещественных доказательств [3, с. 121];
- рекомендации по организации допроса, позволяющие минимизировать влияние субъективных факторов при получении показаний;
- тактические схемы взаимодействия оперативных подразделений с экспертными службами, что обеспечивает оперативный обмен информацией.

Анализируя структуру первого компонента профессора Кудрявцевой А. В., также сталкиваемся с терминологической коллизией. В частности, термин «методика осмотра места происшествия» вызывает вопросы. В классической криминалистической традиции методика относится к системе научно обоснованных приёмов расследования определённого вида преступлений, тогда как в отношении осмотра места происшествия применяется термин тактика. Тактика осмотра места происшествия включает в себя принципы организации осмотра, выбор оптимальных технических средств, распределение ролей среди участников и последовательность действий следователя и экспертов. Методика же разрабатывается в отношении расследования конкретных категорий преступлений и включает в себя не только тактические, но и аналитические, организационные и технические аспекты. Таким образом, более корректным термином является «тактика осмотра места происшествия», что соответствует традиционной криминалистической терминологии и исключает подмену понятий.

2) техническое обеспечение, которое подразумевает применение современного оборудования и технологий, необходимых для обнаружения, фиксации и анализа доказательств.

3) информационное обеспечение, представляющее, по мнению А.В. Кудрявцевой, создание и поддержание специализированных информационных систем, баз данных и аналитических платформ, позволяющих систематизировать и оперативно использовать данные.

4) кадровое обеспечение – включает подготовку, повышение квалификации и постоянное профессиональное развитие специалистов, участвующих в расследовании преступлений [3, с. 121–132].

По мнению других ученых, криминалистическое обеспечение включает в себя иные элементы, порой, повторяющие ранее представ-

ленные, но сформулированные иначе, и поэтому воспринимаемые как новые [5, 8]. В этой связи полагаем, что и этот вопрос требует унификации и четко представленной структуры криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Так, например, есть смысл более подробно рассмотреть вопрос и финансового обеспечения расследования преступлений, от которого зависит техническое, организационное, методическое, кадровое и иное обеспечение расследования преступлений. Больше внимания стоит уделить и кадровому обеспечению расследования преступлений в связи с текучестью кадров в следственном аппарате, неопытностью сотрудников из-за непродолжительного стажа работы в правоохранительных органах, психологическим выгоранием и профессиональной деформацией многих из практических работников. Несмотря на многочисленные изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство, оно также требует дальнейшей реставрации и конкретизации многих положений, регулирующих расследование преступлений, что влечет за собой рассмотрение вопросов и правового обеспечения расследования преступлений.

Таким образом, несмотря на значительный прогресс, достигнутый в области криминалистического обеспечения, остается ряд проблем, требующих системного решения.

Методическое обеспечение расследования преступлений сталкивается с проблемой устаревания разработанных методик, не способных адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи. Отсутствие единых стандартов и нормативно-правовых актов, регулирующих применение инновационных методов в криминалистике, приводит к разночтениям в практике применения доказательств [7, с. 41].

Необходимо разрабатывать и внедрять обновлённые методические рекомендации, учитывающие современные тенденции в развитии преступности.

Как уже было отмечено, остаются еще правовые коллизии и недостаточная регламентация некоторых процессуальных правил.

Правовое обеспечение криминалистического обеспечения зачастую характеризуется недостаточной конкретизацией полномочий следователей и специалистов. Существующие нормативные акты не всегда позволяют обеспечить прозрачность процедур проведения экспертиз и анализа доказательств, что порождает правовые коллизии и вызывает сомнения в достоверности полученных результатов [3, с. 135]. Разработка четкого нормативно-правового регулирования, интегрирующего традиционные методы и инновационные технологии, является одним из ключевых направлений совершенствования уголовного судопроизводства.

Кадровый аспект криминалистического обеспечения также требует постоянного совершенствования подготовки специалистов, о чем мы упоминали выше. Технологический прогресс, внедрение искусственного интеллекта, цифровизация и появление новых способов совершения киберпреступлений влечет за собой необходимость появления следователей и специалистов, владеющих современными технологиями и понимающих механизм таких деяний. Однако, в настоящее время нет серьезных предпосылок для появления высокого уровня специалистов в правоохранительных органах и по причине материальной незаинтересованности, и по причине отсутствия романтического ореола этой профессии, которого было в избытке в недавнем прошлом, когда профессия следователя считалась одной из самых престижных.

Акцентируя внимание на терминологических неточностях, мы попытались сформулировать дальнейшее направление исследований в этой области и обратить внимание на необходимость унификации понятийного аппарата. Однако, полагаем, что необходимо обратить внимание и на перспективы развития криминалистического обеспечения расследования преступлений не только с точки зрения его теоретического содержания, но и практической сути.

Одним из главных направлений совершенствования криминалистического обеспечения является интеграция инновационных технологий в процесс расследования преступлений. Внедрение алгоритмов искусственного интеллекта, систем машинного обучения и аналитических платформ для обработки больших данных позволит:

- автоматизировать процессы анализа вещественных доказательств и цифровых следов, что повысит скорость принятия оперативных решений;
- создавать прогностические модели, способные предсказывать развитие преступной активности на основе анализа статистических данных [1, с. 182];
- улучшать межведомственное взаимодействие через создание единой информационной среды, объединяющей данные правоохранительных органов, лабораторий и аналитических центров.

Перспективой является и совершенствование правового регулирования в сфере криминалистического обеспечения. В условиях стремительного технологического прогресса необходимо разработать новые нормативные документы, которые бы четко регламентировали использование цифровых технологий и инновационных методов в криминалистике, обеспечивали защиту прав участников уголовного судопроизводства и гарантировали объективность экспертных заклю-

чений, устанавливали единые стандарты подготовки и квалификации специалистов, работающих в данной области [3, с. 137].

Одновременно с техническими и нормативными изменениями следует уделять повышенное внимание кадровому обеспечению. Работать с кадрами необходимо не только в сфере получения ими знаний, умений и навыков, но и уделять большое внимание стабилизации их психологического состояния.

На наш взгляд, следующие направления имеют решающее значение:

- Информационная интеграция и глобализация. В ближайшие годы развитие международных информационных систем и создание глобальных баз данных позволят значительно сократить время на обмен информацией между правоохранительными органами разных стран. Такой подход станет особенно актуальным в борьбе с транснациональной организованной преступностью [1, с. 184].

- Гибкость нормативно-правового регулирования. Будущее криминалистического обеспечения должно базироваться на динамичном и адаптивном законодательстве, которое сможет оперативно реагировать на изменения в технологии и преступных схемах. Такой подход позволит обеспечить не только оперативное расследование преступлений, но и защиту прав граждан и специалистов в условиях постоянных изменений [3, с. 139].

- Этические и социальные аспекты. Приоритетом остаётся сохранение баланса между технической автоматизацией и гуманистическими принципами уголовного судопроизводства. Внедрение новых технологий должно сопровождаться строгими этическими нормами, позволяющими избежать злоупотреблений и нарушения прав участников уголовного процесса. Взгляд на будущее криминалистического обеспечения определяется не только техническим прогрессом, но и необходимостью комплексного подхода, объединяющего правовые, методологические, гуманитарные и иные аспекты. Только при условии синергии этих факторов возможно создание эффективной и прозрачной системы расследования преступлений, способной адекватно отвечать на вызовы современности.

Таким образом, криминалистическое обеспечение расследования преступлений является многоаспектной системой, объединяющей методическое, техническое, информационное, финансовое, организационное, кадровое и иное обеспечение следственной деятельности. Современные вызовы, связанные с цифровизацией, глобализацией преступности и устареванием методологических основ, требуют постоянного обновления нормативно-правовой базы, совер-

шенствования технических средств и повышения квалификации специалистов. Перспективы развития данной системы связываются с интеграцией искусственного интеллекта, расширением международного сотрудничества и созданием адаптивных нормативных механизмов, способных оперативно реагировать на изменения в преступном мире. В этом контексте важнейшую роль играет не только техническая модернизация, но и этическое обоснование новых методов, позволяющих сохранить баланс между эффективностью расследования и защитой прав граждан.

Подводя итоги, можно утверждать, что только комплексный подход, учитывающий как инновационные технологии, так и гуманитарно-правовые аспекты, позволит создать устойчивую, терминологически унифицированную систему криминалистического обеспечения, способную гарантировать объективное и своевременное раскрытие преступлений.

Список литературы:

1. *Аминев Ф. Г., Замятин С.А.* Современные тенденции развития цифровой криминалистики: проблемы и перспективы / Ф.Г. Аминев, С.А. Замятин. DOI 10.33184/pravgos-2024.2.22 // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2.
2. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т.В. Аверьяновой и проф. Р.С. Белкина. М. : Новый Юрист, 1997.
3. *Кудрявцева А.В.* Методология применения криминалистических средств в расследовании преступлений // Вопросы правовой теории и практики: сборник научных трудов. Омск, 2016.
4. *Лутфуллина Г.Р.* Криминалистическое обеспечение расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2024.
5. *Посельская Л.Н.* Криминалистическое обеспечение расследования организованной преступной деятельности в сфере экономики // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции : в 3-х ч. М. : Академия управления МВД России, 2011. Ч. 2.
6. *Светличный А.А.* Генезис и тенденции развития криминалистической терминологии : монография. Тула, 2024; *Он же.* Научные

основы языка уголовно-правовых наук : учебно-методическое пособие. Тула, 2024.

7. Семенов Е.А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалистов в расследовании преступлений: теоретические и практические аспекты : монография. М. : МГИМО – Университет, 2020.

8. Щедринов К.С. Криминалистическое обеспечение деятельности военных следственных органов в районах вооруженного конфликта // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции : в 3-х ч. М. : Академия управления МВД России, 2011. Ч. 2.

Ирина Павловна Можаяева,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника
научно-исследовательского центра –
начальник отдела планирования
и контроля научных исследований
Академия управления МВД России
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Правовые и теоретико-прикладные аспекты организации расследования преступлений

Аннотация

Актуальность предпринятого в научной статье исследования правового регулирования и теоретико-прикладных аспектов организации расследования преступлений определяется совокупностью таких факторов, как: а) изменения нормативного правового обеспечения деятельности правоохранительных органов, в том числе в русле цифровой трансформации общественных отношений; б) современные теоретико-методологические подходы к рассматриваемой сфере; в) сложности при практической реализации положений и рекомендаций организации расследования преступлений; г) сложности в научно-методическом обеспечении прикладных проблем, требующих разрешения.

***Ключевые слова и словосочетания:** правовое регулирование; организация расследования преступлений; научно-методическом обеспечении; цифровизация деятельности органов внутренних дел.*

Модернизация структуры и различных направлений деятельности МВД России, оптимизация правового, организационного, технического, научно-методического и иного обеспечения правоохранительной деятельности приводит к первостепенной потребности в выработке новых механизмов повышения эффективности решения оперативно-служебных задач.

Тезисно рассмотрим современные тенденции организации деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

1. Формирование правового механизма организации расследования преступлений, включающего мониторинг действующего законодательства, и на его основе нормотворческую и правоприменительную составляющие. Современные трансформационные процессы порождают потребности в цифровизации государственного

управления, досудебного и судебного производства. Данные направления развиваются не столь стремительно по сравнению с зарубежными государствами. Однако мы понимаем, что оптимизация деятельности правоохранительных органов посредством внедрения элементов электронного производства – это реалии завтрашнего дня [1, 2, 3], позволяющие: во-первых, осуществить переход российского уголовного судопроизводства и правоохранительной деятельности в электронный формат; во-вторых, продолжить поступательное изменение уголовно-процессуального законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере применения информационных технологий в деятельности правоохранительных органов; в-третьих, разработать модель «Электронное уголовное дело» и сопутствующие информационно-телекоммуникационные ресурсы для ее функционирования; в-четвертых, активно внедрять информационные технологии и осуществлять своевременную подготовку квалифицированных кадров, способных эффективно использовать внедряемые технологии; и др.

2. Дальнейшее, с учетом научно-технологического прогресса и цифровой трансформации общественных отношений, развитие теоретико-методологических основ организации расследования преступлений. В этой связи, важно обратить внимание на поэтапное формирование учения об организации расследования преступлений не только с точки зрения криминалистических аспектов, но и предметов познания иных отраслей научных знаний; уточнение и унификация категориально-понятийного аппарата, познание организационных элементов, составляющих структуру учения об организации расследования преступлений, в зависимости от различных аспектов и уровней.

Незаменимый вклад в развитие теоретико-прикладных основ организации расследования преступлений вносят результаты научно-представительских мероприятий, проводимых с целью популяризации научных достижений, в том числе по различным аспектам указанной проблематики в ведущих образовательных организациях страны, а также государств-участников СНГ. В их числе:

– многочисленные научно-практические конференции, проводимые в развитие идей научной школы профессора В.Д. Зеленского, предметом дискуссий которых выступали проблемные вопросы теории и практики организации расследования преступлений. Например, Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы организации расследования преступлений», организованная 21–22 сентября 2006 г. в Кубанском государственном аграрном университете [4];

– проект профессора А.Ф. Вольнского – постоянно действующий Межвузовский научно-практический семинар «Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт». IV заседание семинара состоялось 25 марта 2014 г. на базе Академии управления МВД России на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» [5]. Участниками семинара дискуссионно обсуждались теоретико-методологические положения и в целом концептуальные основы криминалистического учения об организации расследования преступлений, проблемные вопросы и тенденции их разрешения;

– ряд проектов, проводимых профессором В.Н. Карагодиным, – это конференции «Современные проблемы организации следственной деятельности» (Екатеринбург, 20 февраля 2014 г.), «Организация труда следователя» (Екатеринбург, 27 февраля 2025 г.) [6];

– научно-представительские мероприятия в стенах Академии управления МВД России, в числе которых всероссийская научно-практическая конференция «Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы», проведенная в 2012 г. [7]; международная научно-практическая конференция «Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы», проведенная в 2017 г. [8]; и др. В юбилейную дату в Академии управления МВД России состоятся ставшие традиционным научным событием ежегодные Криминалистические чтения на тему «Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России)». Организаторами столь значимого мероприятия предлагаются на рассмотрение актуальные вопросы, в том числе: совершенствование правовых и организационных основ криминалистического обеспечения расследования преступлений; проблемы реализации и стратегические направления совершенствования правового регулирования досудебного производства; цифровая трансформация уголовно-процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности; и др.

3. Формирование прикладного механизма организации расследования преступлений на основе непрерывного мониторинга потребностей практики в рекомендациях организационного характера, направленных на оптимизацию указанной деятельности и поиска, с учетом потребностей, инновационных приемов, методов, средств и рекомендаций в целях достижения желаемого результата.

4. Должное научно-методологическое обеспечение организации расследования преступлений, включающее: 1) формирование модели (алгоритма) научно-методического обеспечения, учитывающей проблемные вопросы, требующие незамедлительного разрешения; 2) использование современных методик выявления, апробации и внедрения положительного опыта; 3) кадровое обеспечение, поиск новых форм и методов сохранения профессионального кадрового состава, стимулирования сотрудников, в том числе через методы воспитания и мотивации; 4) оказание методической помощи, обучение в системе служебной подготовки, повышение квалификации, переподготовка сотрудников по вопросам совершенствования организации расследования преступлений.

В рамках формирования организационно-правового и научно-методического механизмов организации расследования преступлений актуализировалась дальнейшая потребность в проведении теоретико-прикладного исследования на основе системного подхода и комплексного использования достижений различных областей научных знаний, что будет способствовать выстраиванию оптимальной системы организации деятельности.

Список литературы:

1. *Бессонов А.А.* Актуальные вопросы использования информационных технологий в расследовании преступлений // Цифровые технологии современной криминалистики, использование специальных знаний : сборник статей по материалам конференции, проведенной в рамках XXVII Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2023», Москва, 18 октября 2023 г. М. : Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024.

2. *Сидоренко, Э. Л., Барциц, И. Н., Хисамова, З.И.* Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2.

3. *Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю.А.* Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 2 (11).

4. Проблемы организации расследования преступлений : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 21–22 сентября 2006 г.

5. Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник статей по материалам межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация», г. Москва, 25 марта 2014 г. / отв. ред. А. Ф. Волинский, Б. Я. Гаврилов, Е. П. Ищенко, И. П. Можаяева. М. : Юрлитинформ, 2014.

6. Организация труда следователя: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 27 февраля 2025 г. / под ред. В. Н. Карагодина. М. : Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2025. 109 с.

7. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции : в 2-х ч. М. : Академия управления МВД России, 2012.

8. Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы [Электронный ресурс] : сборник научных статей международной научно-практической конференции / под ред. И. П. Можаяевой; [ред. кол.: И. П. Можаяева и др.]. М. : Академия управления МВД России, 2017.

Вячеслав Владимирович Николок,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник
Всероссийский
научно-исследовательский институт
МВД России
E-mail: nvv56@mail.ru

Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: что изменилось за десять лет?

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу заключения под стражу как меры пресечения, избираемой подозреваемому, обвиняемому по уголовному делу, и заключение под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания. Приводятся статистические данные об увеличении в 2 раза за последние 5 лет количества заключенных под стражу осужденных, достигшего отметки в 8,3 тыс. В связи с этим, отмечается в статье, требуется более эффективное научное сопровождение судебной практики заключения под стражу осужденных. Актуальность подготовки научных рекомендаций о разграничении задержания и заключения под стражу осужденного не снижается в связи с отсутствием в правовой теории хорошо разработанной концепции уголовно-процессуального принуждения на стадии исполнения приговора. Для устранения принципиальных разногласий, коллизий и конкуренции норм УПК РФ и УИК РФ, составляющих нормативную основу заключения под стражу осужденного, автором статьи предложено прибегнуть к потенциалу институционального межотраслевого исследовательского метода.

Ключевые слова и словосочетания: заключение под стражу; задержание; осужденный; мера принуждения; мера пресечения; суд; уклонение от отбывания наказания.

Заключению под стражу осужденного, предусмотренного п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ, неоправданно мало уделяется внимания в правовой теории. На текущий момент можно назвать лишь два монографических исследования, специально посвященных

данной проблематике [1, с. 252; 2, с. 236]. Главная причина подобного подхода состояла в том, что заключение под стражу осужденного, будучи созвучным по названию с заключением под стражу как мерой пресечения, остается самостоятельной специфической мерой принуждения, ограничивающей свободу и личную неприкосновенность граждан. Она распространена в судебной практике, что видно из следующих статистических сведений.

Статистика заключения под стражу осужденного. До 2019 г. данный вид заключения под стражу не учитывался ни одной из форм статистической отчетности. Это, при первом восприятии, выглядело странным, поскольку речь идет здесь не о каком-то объекте статистического учета, а об ограничении конституционного права на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции России). Не секрет, что длительное время, исчисляемого десятилетиями, на теоретическом, практическом и ментальном уровнях доминировала позиция, суть которой сводилась к тому, что весь уголовный процесс структурировался как основной, главный, движимый уголовным преследованием обвиняемого и подсудимого в рамках конкретного уголовного дела, и как процесс дополнительный, осуществляемый по мере необходимости рассмотрения и разрешения вопросов в ходе исполнения приговора или иного итогового судебного решения. Господствовало также мнение, что второй дополнительный процесс с участием осужденного, в отношении которого уже не действует принцип презумпции невиновности, поскольку он преодолен судебным приговором, не требует насыщения процессуальными гарантиями судебной процедуры, установленной ст. 399 УПК РФ. Крайней формой «процессуального цинизма» в стремлении упростить второй, дополнительный вид судопроизводства стала практика рассмотрения вопросов исполнения приговора без участия осужденного в судебном заседании, т.е. заочно.

В последние годы ситуация меняется в лучшую сторону, причем главным образом не за счет корректировки законодательства, а под влиянием соответствующих правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

С 2019 г. каждый факт заключения под стражу осужденного отражается в статистическом отчете¹. Их анализ за период с 2019–2023 г.г. и за первое полугодие 2024 г. показывает следующее.

1. Ежегодно увеличивается количество осужденных, заключенных под стражу до рассмотрения судом вопроса о замене назначен-

¹ Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2019–2023 годы. Раздел 4, строка 87.

ного приговором наказания в связи с злостным уклонением от его отбывания: 2019 г. – 3 625, 2020 г. – 3 870; 2021 г. – 4 454; 2022 г. – 5 254; 2023 г. – 7 577 г.; первое полугодие 2024 г. – 4 726. Если сравнить по рассматриваемому показателю

2019 г. и 2023 г., наглядно видно: количество осужденных, заключенных под стражу в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК РФ, возросло ровно в 2 раза. Без специального изучения причин подобного «скачка» какие-либо выводы сделать затруднительно. В первом полугодии 2024 г. заключено под стражу 4 360 осужденных.

2. Подавляющее большинство ходатайств органов, исполняющих наказания, о заключении под стражу осужденного, удовлетворяется судами. В 2019 г. судебные решения о заключении под стражу вынесены в отношении 3625 осужденных, что составило 91,5 % от общего количества оконченных судебных производств по данному вопросу. В 2020 г. этот показатель достиг 92, 1 % (заключено под стражу 3 870 из 4 203 осужденных, в отношении которых судом рассмотрены материалы в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК РФ).

В последующие три года данный показатель оставался примерно на этом же уровне : 2021 г. – 92,3 % или 4 454 из 4 824 осужденных; 2022 г. – 92,8 % или 5 224 из 5 629 осужденных; 2023 г. – 91,4 % или 7 577 из 8 288 осужденных).

Приведенные данные указывают на то, что судебная практика в анализируемой части устойчива, складывается не стихийно. Несмотря на ежегодное увеличение объема направляемых в суд материалов о заключении под стражу осужденных, она остается стабильной и не дает поводов для того, чтобы зафиксировать снижение требовательности судей к качеству представляемых в суд на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ материалов из-за увеличения конкретной судебной нагрузки.

Для практики применения п. 18 ст. 397 УПК РФ характерна относительно невысокая доля отклоняемых судом представлений уголовно-исполнительных инспекций о заключении под стражу осужденного. Она составляет около 5–6 %. Фактически суд отказывает в удовлетворении лишь каждого двадцатого представления о заключении под стражу осужденного.

По результатам рассмотрения судами ходатайств дознавателя, следователя об избрании подозреваемому или обвиняемому в качестве меры пресечения заключения под стражу суды ежегодно отказывают в удовлетворении 10–10,5 тыс. таких ходатайств, что составляет около 10–11 % от общего количества оконченных производством материалов в порядке ст. 108 УПК РФ, т.е. суд отказывает

в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в каждом десятом случае.

Доктринальные представления о заключении под стражу осужденного

Заключению под стражу, избираемой в качестве меры пресечения, в теории уголовного процесса уделяется повышенное внимание. Данная принудительная мера исследуется как в комплексе с другими мерами пресечения [3, с. 77–95; 4, с. 417; 5, с. 233–314; 6, с. 114–353], так и отдельно от них

[7, с. 94; 8, с. 9–12; 9, с. 61–66; 10, с. 50–61]. Всплески публикационной активности в изучении новых аспектов заключения под стражу подозреваемых (обвиняемых) наблюдались при очередном витке развития альтернативной меры пресечения в виде домашнего ареста, фиксируемого внесением изменений и дополнений в ст. 107 УПК РФ [11, с. 90–97; 12, с. 11; 13, с. 53–57]. Дополнение в 2018 г. перечня мер пресечения запретом определенных действий¹, отдельные их которых лишали свободы передвижения подозреваемого (обвиняемого) и в этой части конкурировали с заключением под стражу, также было под пристальным вниманием ученых [14, с. 27].

Таким образом, институты уголовно-процессуального принуждения, включая меры пресечения и, в частности, меру пресечения в виде заключения под стражу, хорошо теоретически проработаны, в результате чего сегодня можно уверенно заявлять о сформировавшейся в теории уголовного процесса полноценной и внутренне непротиворечивой доктрины уголовно-процессуального принуждения, содержание которой во многом определяет и частная теория самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого). Своеобразными «визитными карточками» указанной доктрины могут служить материалы двух последних научно-практических конференций, посвященных категории «уголовно-процессуальное принуждение» и объединяющих 75 научных статей [15, с. 226; 16, с. 264].

Заключение под стражу осужденного, предусмотренное п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ, не имеет широкой научной аудитории и скромно представлено в правовой литературе. Показательно в этой связи, что в программах указанных выше конференций значился только один участник, тема доклада которого отражала специфику

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

применения мер процессуального принуждения в ходе исполнения приговора [17, с. 240–243].

К заключению под стражей осужденного исследователи чаще обращаются при рассмотрении другой меры принуждения, предусмотренной УИК РФ, – задержание осужденного. Реализованная в УПК РФ (п. 18 и 18.1 ст. 397) и УИК РФ (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 6 ст. 58, ч. 2 ст. 60.17 и ч. 6 ст. 75) схема взаимодействия правовых феноменов «задержание осужденного на срок до 48 часов» с возможностью его продления до 30 суток и «заключение под стражу осужденного на срок до 30 суток» породила несогласованность и конкуренцию между собой норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства. Свое отношение к этому А. Б. Диваев и А. Н. Смирнов выразили следующим образом: «... правоприменитель здесь столкнулся с одной из сложнейших коллизионных проблем правореализации – конкуренцией норм, подкрепленной еще и совершенно неопределенным порядком задержания, указанного в уголовно-исполнительном кодексе» [18, с. 114.].

В 2015 г. в монографии «Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: законодательная конструкция, толкование, проблемы практического применения» автором монографии и настоящей статьи были сформулированы позиции о сущности, назначении в российском праве задержания и заключения под стражу осужденного в контексте установленных в УПК РФ границ действия института мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, уголовно-процессуальный институт мер пресечения в существующем законодательном оформлении не распространяется на этап исполнения приговора. Институт мер пресечения обслуживает центральное, основное производство в уголовном процессе – расследование и судебное разбирательство уголовного дела, нормальный ход которого во многом зависит от того, насколько эффективно используются меры пресечения. Задержание и заключение под стражу осужденного, предусмотренные нормами УПК РФ и УИК РФ, автономные в законодательстве уголовно-правового комплекса меры принуждения. Они схожи с соответствующими уголовно-процессуальными аналогами только внешне. Функциональное их назначение, круг лиц, на которых они распространяются, сроки действия, процедура применения в совокупности придают им самобытность, дистанцируют от системы мер государственного принуждения, регулируемых УПК РФ.

Во-вторых, предусмотренное уголовно-исполнительным законодательством задержание осужденных – самостоятельный наряду

с уголовно-процессуальным и административным (полицейским) вид задержания, по своей правовой природе оно является мерой принуждения уголовно-исполнительного характера, преследует цели пресечь уклонение осужденного от отбывания наказания и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим, отмене отсрочки отбывания наказания осужденному, больному наркоманией.

В-третьих, судебное производство по рассмотрению материалов о заключении под стражу осужденного, задержанного за злостное уклонение от отбывания наказания, осуществляется по правилам главы 47 УПК РФ, имеет уголовно-процессуальную форму (носит уголовно-процессуальный характер) и является самостоятельной мерой принуждения в системе уголовно-процессуального законодательства [2, с. 79–80, С. 228–230].

Авторский подход к трактовке анализируемых правовых категорий и определению пределов действия в уголовном судопроизводстве института мер пресечения, включая заключение под стражу, не претерпел за 10 лет изменений и в основном поддержан в юридической литературе [19, с. 130–132; 20, с. 57–61; 21, с.109]. Вполне естественно и ожидаемо отдельные исследователи вступили в дискуссию по вопросу: является ли заключение под стражу осужденного в соответствии с п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ мерой пресечения или самостоятельной мерой принуждения? Не имея возможности из-за ограниченного объема статьи подробно, детально проанализировать позиции оппонентов, ограничимся следующими замечаниями.

По мнению А.Б. Диваева и А.Н. Смирнова в обозначенном споре надлежит ориентироваться на цели применения заключения под стражу к осужденному. В качестве таковых ученые называют предотвращение возможного сокрытия осужденного и обеспечение, тем самым, судебного рассмотрения вопроса о замене наказания злостно уклоняющемуся от его отбывания осужденному, которое осуществляется в порядке уголовно-процессуального производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Отсюда делается вывод, что «заключение осужденному под стражу, имея объективно уголовно-процессуальную сущность, при условии включения в закон соответствующих новаций вполне может рассматриваться как уголовно-процессуальная мера пресечения. Для этого законодателю необходимо сформулировать в главе 47 УПК РФ отдельную норму, которая предусматривала бы особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу» [18, с. 119–120].

Близкой к изложенной точке зрения придерживаются Е. Ю. Замуруева и К. В. Муравьев, обратившие внимание на особенности законодательной регламентации заключения под стражу осужденного при исполнении приговора, нормативная основа которого детерминирована нормами, вынесенными за рамки гл. 13 УПК РФ с размещением их в гл. 47 УПК РФ. Уважаемые исследователи считают, что даже при различиях между мерами пресечения и мерой принуждения, предусмотренной п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ (по субъекту, к которому применяется обеспечительная мера, порядку реализации, срокам), они имеют единую природу и предназначение [22, с. 31].

Ограничения, регламентированные гл. 13 УПК РФ п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ, добавляет Е. Ю. Замуруева, способствуют решению задач, закрепленных в ст. 2 УК РФ, в связи с чем в Общей части УПК РФ целесообразно закрепление положений о процессуальном принуждении, относящихся ко всему процессу (досудебное и судебное производство, уголовно-исполнительное судопроизводство) [23, с. 129].

К разряду «мягких», «нейтральных» подходов к определению сущности и назначения заключения под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, можно отнести позицию С. И. Вершининой, которая делает акцент на специфике применения мер пресечения к осужденным в стадии исполнения приговора, проявляющейся по целям и субъектам, а также основаниям принуждения. При этом автор подчеркивает, что в данной ситуации речь идет не о мерах пресечения в привычном их понимании как гибкой системы разнообразных ограничений для уголовно-преследуемого лица, а лишь об одной из них, способной гарантировать исполнение судебного решения – заключении под стражу [5, с. 243–244.].

Этот вопрос уже неоднократно обсуждался на страницах юридической печати с анализом обстоятельств, образующих основание для признания заключения под стражу осужденного самостоятельной мерой уголовно-процессуального принуждения, не поглощаемой мерой пресечения в виде заключения под стражу [24, с. 107–114; 25, с. 170; 26, с. 60–68]. Откладывая продолжение длящейся уже два десятилетия дискуссии [27, с. 366–380] по вопросу о сущности, назначении меры государственного принуждения, применяемой к осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказания, отметим следующее.

Выяснение материальных и формальных (юридических), т.е. институциональных признаков феномена «заключение под стражу осужденного» постепенно перетекло в бюрократическое русло, ког-

да на первый план выдвинулись терминологические расхождения, а правовая природа определяется лишь по факту принадлежности нормы к конкретному закону, чего явно недостаточно. Представляется, что взаимосвязь двух видов заключения под стражу, как меры пресечения и как самостоятельной меры принуждения, действующей при исполнении приговора, необходимо исследовать с применением институционального межотраслевого метода, расширяющего возможности выявления проблем в разных сферах правосудия и определения оптимальных способов их решения. Действующее правовое регулирование задержания и заключения под стражу осужденного, в котором участвуют нормы УИК РФ и УПК РФ, имеет смешанную правовую природу, что является следствием исторически сложившихся взаимосвязей уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. «Встречаясь» в границах действия родственных правовых отраслей, сохраняя свою принадлежность к основной отрасли права, смешанные институты теоретически и практически могут принадлежать нескольким соответствующим отраслям права. Поэтому с позиций теории права регулирование общественных отношений, возникающих и развивающихся в результате применения мер принуждения к осужденному, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, нормами уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права с использованием понятийного аппарата данных отраслевых наук – естественный и оправдывающий себя прием законодательной техники. Обратим еще раз внимание на то, что нормативная основа задержания и заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, воплощает в себе признаки именно смешанного, а не комплексного правового института. Предмет регулирования первого – гармоничный сплав однородных общественных отношений, причина создания комплексных правовых институтов – необходимость регулирования комплекса разнородных общественных отношений [28, с. 230–232].

Анализ под этим углом зрения п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ, практики их применения способен уточнить понимание назначения такой меры государственного принуждения как заключение под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и ее соотношение с мерой пресечения в виде заключения под стражу.

В заключение сформулируем следующий вывод.

Дискуссионный вопрос о структурно-правовом статусе меры принуждения в виде заключения под стражу осужденного (следует ли ее позиционировать как своеобразный «пенитенциарный арест», применяемый исключительно к осужденному на стадии исполнения

приговора, где прекращается действие мер пресечения, или предусмотренное п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ заключение под стражу должно обрести свое место в рамках института мер пресечения?), во многом искусственно созданный, обусловленный якобы имеющей место конкуренцией норм УИК РФ и УПК РФ, связанных с заключением под стражу осужденного, может быть разрешен с помощью институционального межотраслевого метода исследования.

Список литературы:

1. *Ложкина Л. В.* Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 252 с.
2. *Николюк В. В.* Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения : монография. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. 236 с.
3. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003.
4. *Цоколова О. И.* теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 417 с.
5. *Вершинина С. И.* Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М. : Юрлитинформ, 2017. 367 с.
6. *Рудич В. В.* Организационно-правовой механизм избрания мер пресечения в уголовном процессе. М., 2018.
7. *Смирнов В. В.* Арест как мера пресечения, применения следователем органов внутренних дел : учебное пособие. Хабаровск, 1987. 94 с.
8. *Цоколова О. И.* О понятии и сущности заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5.
9. *Халиулин А. Г.* Заключение под стражу: законность и обоснованность. М., 2008.
10. *Никонов М. А.* Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4.
11. *Горбатов И. М.* О сущности и правовой природе домашнего ареста: исторический и современный аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 3.

12. *Качалова О. В.* Как обосновать невозможность применения домашнего ареста при заключении под стражу // Уголовный процесс. 2019. № 12 (180).

13. *Алексеев И. М.* Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53).

14. *Вастьянова О. Д.* Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 27 с.

15. Меры процессуального принуждения : коллективная монография (по итогам научно-практической конференции, состоявшейся 25 октября 2022 г. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, 2024. 226 с.

16. Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова (16 февраля 2024 г.). Омск : Омская академия МВД России, 2024. 264 с.

17. *Пустьшева Л. А.* Современная доктрина уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора. Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова, Омск, 16 февраля 2024 г. Омская академия МВД России, 2024.

18. *Диваев А. Б., Смирнов А. Н.* Совершенствование порядка заключения под стражу по основаниям, указанным в п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40).

19. *Цоколова О. И.* Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения : монография. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. 236 с. // Уголовное право. 2016. № 3.

20. *Якубина Ю. П.* Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (24).

21. *Овсянников И. В.* Об обстоятельствах, необходимых для заключения осужденного под стражу и направления в колонию-поселение под конвоем // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1-4). № 1.

22. *Замуруева Е. Ю., Муравьев К. В.* Общие условия применения мер пресечения : монография. М., 2024. 168 с.

23. *Замуруева Е. Ю.* Общие условия применения мер пресечения в российском головном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. 2023. 248 с.

24. *Николок В. В.* Практика заключения под стражу осужденного до рассмотрения судом представления о замене штрафа, ограничения свободы, обязательных, исправительных работ лишением свободы (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // Уголовное право. 2014. № 6.

25. *Николок В. В.* Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания : научно-практическое пособие. М. : РГУП, 2018. 170 с.

26. *Николок В. В., Путьшева Л. А.* Действие новых правил зачета содержания под стражей в срок лишения свободы в стадии исполнения приговора // Уголовный процесс. 2019. № 4.

27. *Путьшева Л. А.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск : Омская академия МВД России, 2022. 458 с.

28. *Киримова Е. А.* Правовой институт // Система права: история, современность, перспективы : монография / Т. Н. Радько, Д. М. Азми, А. А. Голикова и др.: под ред. Т. Н. Радько. М., 2021. 256 с.

Александр Викторович Победкин,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
E-mail: apobedkin71@mail.ru

Возможна ли гуманизация гарантий доказывания при установлении оснований для избрания меры пресечения?

Аннотация

В статье, с акцентом на законопроект об ограничении применения в качестве меры пресечения заключения под стражу по уголовным делам о ненасильственных преступлениях (который к моменту опубликования статьи несомненно станет законом) поднимаются вопросы понимания гуманизации уголовной политики, и, прежде всего, в сфере уголовного судопроизводства. Делается вывод, согласно которому гуманизм определяется исключительно справедливостью принимаемых решений и не должен трактоваться односторонне – исключительно как смягчение репрессивных мер, применяемых в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности. В уголовно-процессуальном доказывании гуманность мер процессуального принуждения – это их справедливость, обоснованность конкретными обстоятельствами уголовного судопроизводства. Формальная гуманизация гарантий уголовно-процессуального доказывания по материально-правовому критерию (характеристика преступления) чревата ущербом правильному установлению обстоятельств по уголовному делу, а потому недопустима.

Ключевые слова и словосочетания: гуманизм; уголовная политика; меры пресечения; уголовно-процессуальное доказывание; ненасильственные преступления.

Уголовная политика России давно и прочно находится в тренде гуманизации. Гуманизация при этом понимается несколько односторонне и связывается исключительно со смягчением мер уголовной репрессии, применяемых в отношении лиц, совершивших преступления [1]. Между тем, гуманизм – сложное философское понятие, которое в различных областях общественной жизни толкуется традиционно своеобразно. С философской точки зрения гуманизм – система идей о человеке как ценности, признании его прав, свобод,

уважении его личности. В центре гуманистических подходов – человек, а его блага рассматриваются как критерий оценки социальных институтов. Гуманизм предполагает равенство, справедливость и человечность как норму общественного бытия [2, с. 139]. Гуманистические идеи основаны на представлениях о добре и зле. При этом добро – благо объективное и абсолютное, оценка которого не может замыкаться на благо конкретного человека без учета сложной системы отношений, в которой он находится. Добро не предполагает создание преимуществ одним за счет других. Отсюда и гуманизм – выражение идеи добра как явления объективного, как антитезы зла, которое торжествует, если меры «гуманистического» характера, принимаемые без учета реальных последствий, которые приносят Человеку вообще, а не конкретному лицу.

При этом добро нередко требует жесткости, но при этом всегда связано с понятием справедливости. Право должно обеспечивать справедливость и приносить добро. При этом справедливая жесткость – объективно добро и для того, кто ей подвергся.

В сфере правосудия несправедливость воспринимается особенно остро. Недаром Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что «призвание судьи – опираясь на право и закон, искать, находить и утверждать справедливость, служить обществу, гражданам и государству» [3].

В уголовной политике, в ее уголовно-правовой части (законодательной и правоприменительной) гуманизация связывается со смягчением мер в отношении осужденных. Однако, если такие меры несправедливы, не обеспечивают потребности общества, не создают условий для исправления лица, совершившего преступление, вряд ли можно назвать их гуманными. Остается надеяться, что резкое снижение за последние пятнадцать лет количества лиц, осужденных к реальному лишению свободы, обусловлено объективными причинами, а конкретные судебные решения являются справедливыми [4, с. 202–208].

Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. Подносова отметила продолжающуюся тенденцию гуманизации уголовной политики и привела цифры: в 2024 г. к реальному лишению свободы приговорены 29 % лиц, а 71 % – к наказаниям, не связанным с лишением свободы либо в отношении них применены положения об освобождении от наказания [5].

Тенденция гуманизации в ее традиционном для уголовной политики понимании прослеживается и в уголовном судопроизводстве и наиболее отчетливо проявляется в нормативном регулировании и правоприменительной практике избрания мер пресечения.

Прежде всего, решается застарелая проблема склонности правоприменителя к необоснованному избранию в качестве таковой заключения под стражу. Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд) длительное время озабочен этой проблемой, а его руководство неоднократно призывало судей к тщательному анализу всех обстоятельств при решении вопроса о заключении лица под стражу, и его положительным решением только при невозможности применения иных, более мягких мер пресечения¹.

Некоторые положительные сдвиги все же произошли. Так, в 2024 г. в суды поступило 97 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а удовлетворено лишь 88 %, тогда как ранее эта доля стабильно превышала 90 % [5]. Активнее стал применяться домашний арест, запрет определенных действий.

Среди системных мер, направленных на снижение количества случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, Верховным Судом используется и право законодательной инициативы. Так, в 2023 г. в Государственную Думу Российской Федерации им внесен проект федерального закона, которым существенно ограничивается возможность заключения лица под стражу по уголовным делам о ненасильственных преступлениях. Автор настоящей статьи, выступая в феврале 2024 г. на конференции, посвященной 70-летию крупного специалиста в области процессуального принуждения Б. Б. Булатова, выразил уверенность, что законопроект будет принят весьма скоро, хотя и усомнился в его целесообразности.

Рассмотрение законопроекта, однако, затянулось. Устранение замечаний, указанных в отзыве на законопроект Правительства Российской Федерации (далее – Правительство), потребовало времени. Замечания были существенными. Правительство, в частности, настаивало на уточнении перечня случаев, на которые распространяется законопроект, предлагало распространить ограничения по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу на больший круг лиц (например, мужчин, являющихся единственными родителями малолетних детей), полагало необходимым предусмотреть исключительные случаи, позволяющие заключать под стражу несовершеннолетних и женщин, имеющих малолетних детей, совершивших преступления средней тяжести *ненасильственного характера* (курсив – А. П.), исключить запрет на продление срока содержания под стражей в связи с неустановлением личности обвиняемого или отсутствием постоянного места жительства на территории Российской Федерации и др..

¹ Автор данной статьи ранее обращался к причинам, влекущим необоснованное избрание судами меры пресечения в виде заключения под стражу. См.: [6, с. 81–84].

Главное же: в отзыве Правительства отмечалось, что законопроект создает предпосылки к возникновению угроз безопасности, поскольку не предусматривает исключительных обстоятельств, при наличии которых мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести ненасильственного характера [7].

На момент подготовки статьи доработанный законопроект уже одобрен Советом Федерации Российской Федерации и через несколько дней несомненно станет законом. Частные замечания Правительства в целом учтены.

Так, в числе обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК), предусматривается такое как совершение преступления с применением насилия или угрозой его применения; указаны исключительные обстоятельства, позволяющие заключать лицо под стражу по уголовным делам о преступлениях средней тяжести ненасильственного характера и преступлениях небольшой тяжести (они основаны на обстоятельствах, указанных в ч. 1 ст. 108 УПК); приведен перечень ненасильственных преступлений, по уголовным делам о которых допускается применять меру пресечения в виде заключения под стражу (в том числе по некоторым лишь при наличии исключительных обстоятельств); расширен перечень лиц, в отношении которых по общему правилу заключение под стражу применяется только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и др.

Представляется, однако, что суть замечаний Правительства, их общий посыл все же учтены не в полной мере.

Прежде всего отметим частность. Правительство отмечало необходимость предусмотреть исключительные случаи, при наличии которых в отношении несовершеннолетних, женщин, имеющих малолетних детей (и приравненным к ним лицам) применение меры пресечения в виде заключения под стражу возможно в случае обвинения (подозрения) в совершении ненасильственных преступлений средней тяжести. В законопроекте эти исключительные случаи (перечень, приведенный в ч. 1 ст. 108 УПК) предусмотрены для указанных обвиняемых, подозреваемых в совершении *насильственных* (курсив – А. П.) преступлений средней тяжести. Тем самым, возможность заключить под стражу, например, несовершеннолетнего, совершившего ненасильственное преступление средней тяжести отсутствует вообще. Исключительные обстоятельства, позволявшие избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего по уголовным делам о преступлениях

средней тяжести, предусмотренные в постановлении Пленума Верховного Суда (обстоятельства совершенного преступления, данные о личности) [8] по уголовным делам о ненасильственных преступлениях средней тяжести более не применимы.

Однако проблема глубже. Смысл замечаний Правительства в том (может автор хотел бы видеть их в этом), что законопроект недостаточно публично ориентирован. Ограничение возможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу основано на формальном критерии материально-правового характера. Между тем, в уголовном процессе решаются свои собственные задачи, важнейшей из которых является правильное установление обстоятельств по уголовному делу – неперемное условие принятия справедливого решения, утверждения добра, обеспечения интересов не только участников процесса, но, прежде всего, каждого законопослушного жителя страны.

Меры пресечения избираются на основании имеющихся доказательств, свидетельствующих о наличии угроз нормальной процессуальной деятельности, которые указаны в ст. 97 УПК. К сожалению, и в науке уголовного судопроизводства [9, с. 182; 10, с. 68] и среди правоприменителей распространена точка зрения, согласно которой основания для избрания меры пресечения могут устанавливаться не только на основании доказательств. Законодатель по данному вопросу, действительно, избегает должной определенности (речь идет о наличии *достаточных оснований полагать* совершение обвиняемым, подозреваемым действий, предусмотренных ст. 97 УПК). В главе 13 УПК («Меры пресечения») указание на необходимость подтверждать основания избрания меры пресечения доказательствами встречается однажды косвенно и только для конкретного случая (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК). Применительно к установлению оснований заключения под стражу законодатель, будто бы умышленно уклоняясь от термина «доказательства», использует не вполне внятный паллиатив «конкретные фактические обстоятельства», которыми не могут являться данные, непроверенные в ходе судебного заседания.

В указанном постановлении Пленума Верховного Суда этот вопрос применительно к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу (увы, при продлении срока содержания под стражей проверять наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК, Пленум Верховного Суда позволяет и с помощью иных достоверных сведений) решается верно: основания могут устанавливаться только посредством доказательств. Только доказательства могут свидетельствовать о том, существуют ли угрозы ходу уголовного процесса, предусмотренные ст. 97 УПК. Очевидно, что материально-правовая

характеристика деяния сама по себе по отношению к основаниям избрания меры пресечения нейтральна.

Не следует, однако, не замечать того факта, что тяжесть преступления относится к обстоятельствам, учитываемым при избрании меры пресечения. Однако необходимость избрания меры пресечения вообще и конкретной в частности определяет не она, а доказательства наличия оснований, предусмотренных ст. 97 УПК, в том числе подтверждающие конкретный факт совершения преступления. Эти доказательства также могут свидетельствовать, что лицо может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю и т.д. При этом и совершение насильственного преступления, исходя их конкретных обстоятельств деяния, далеко не всегда свидетельствует о необходимости избрания в качестве меры пресечения именно заключения под стражу.

Публичность уголовного судопроизводства требует принятия справедливых решений по любым категориям уголовных дел. Справедливым должен быть и сам уголовный процесс. Может ли рассматриваться как справедливое избрание меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, при доказанной опасности воздействия на свидетеля, продолжения преступной деятельности? Обратим внимание, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, поддержавший законопроект, совершенно правильно считает необходимым «все проблемы, озвученные в обращениях от участников уголовного процесса, ...рассматривать с фундаментальных позиций – критерия соразмерности между совершенным деянием и справедливостью воздаяния, правами и обязанностями участников уголовного процесса, объемом причиненного вреда потерпевшим и размером его возмещения», а «критерием истины (нормы закона)» видит именно справедливость, предлагая закрепить ее в качестве основополагающего принципа уголовного процесса [11].

Одной из причин, побудивших законодателя сформулировать характеристику деяния как формальный критерий ограничения возможности избрания меры пресечения, могла стать ориентация на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), который, как представляется, ошибочно связал строгость возможного наказания и процессуальные средства обеспечения производства по уголовному делу. Так, Конституционный Суд подчеркнул, что смысл принципа презумпции невиновности состоит и в том, что до вступления обвинительного приговора в законную силу на обвиняемого (подозреваемого) не могут быть наложены ограничения, в совокупности сопоставимые по степени тяжести с уголовным наказанием, а тем более,

его превышающие [12]. Принцип презумпции невиновности вовсе не ограничивает возможность применения процессуального принуждения в случаях, когда оно необходимо для правильного установления обстоятельств по уголовному делу, в том числе и в целях установления виновности (невиновности) самого же подозреваемого, обвиняемого.

Следуя позиции Конституционного Суда, следователь (дознатель) при применении мер процессуального принуждения должны оценивать строгость возможного наказания и соотносить с ним строгость совокупности мер процессуального принуждения, однако определять вид и размер наказания – задача суда. Правовая позиция Конституционного Суда создает предпосылки и возможной ответственности должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, за обоснованное применение мер процессуального принуждения в случае, если судом будет назначено наказание, превышающее по строгости примененные на досудебном производстве ограничения в их совокупности.

Применительно к рассматриваемому законопроекту заметим, что за ненасильственные преступления средней тяжести в конкретном случае может быть назначено более строгое наказание, чем за ненасильственное преступление такой же тяжести.

Ориентация на строгость грозящего наказания при избрании мер пресечения ошибочно и с точки зрения не изжитой порочной практики назначения наказания, исходя из ограничений, которым лицо было подвергнуто на досудебном производстве.

Представляется, что гуманизация процессуальных гарантий доказывания как средств, позволяющих решить основную задачу уголовного судопроизводства – правильное установление обстоятельств по уголовному делу) определяется только их справедливостью, обоснованностью конкретными процессуальными обстоятельствами и не подлежит формализации, тем более по материально-правовым критериям.

Согласимся, что право не может применяться без учета реальных жизненных обстоятельств. Средствами уголовного судопроизводства могут решаться и решаются различные задачи, направленные на обеспечение национальной безопасности. В частности, ограниченные возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении индивидуальных предпринимателей и приравненных к ним лицам, обвиняемым в совершении преступления при осуществлении предпринимательской деятельности, направлены на обеспечение экономической безопасности государства [13, с. 107-113]. Однако снижение процессуальных гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу ради самой гуманизации отношения к отдельным участникам судопроизводства – путь к принятию несправедливых

решений, никак не компенсируемых обеспечением национальной безопасности.

Гуманизация уголовного законодательства и практики его применения, пусть даже понимаемая односторонне (как смягчение мер, применяемых в отношении осужденных), в уголовном процессе неприменима.

Список литературы:

1. Осуждению не подлежит. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29295/ (дата обращения: 15.10.2019).

2. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.

3. Выступление Президента Российской Федерации В. Путина на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов 20 февраля 2025 г. // URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 27.02.2025).

4. *Победкин А.В.* Повышение стандартов доказывания – основное средство гуманизации уголовной политики // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2.

5. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации И. Подсосовой на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов 20 февраля 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 27.02.2025).

6. *Победкин А.В.* Мера пресечения – не наказание (о проекте федерального закона по ограничению применения заключения под стражу) // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова / пред. редкол. А.В. Павлов. Омск: Омская академия МВД России, 2024.

7. Официальный отзыв на проект Федерального закона № 381316-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями», внесенный Верховным судом Российской Федерации // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения: 01.12. 2024).

8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Цоколова О.И.* Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М. : ВНИИ МВД России, 2008.

10. *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021.

11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. URL: [//https://ombudsmanrf.org](https://ombudsmanrf.org) (дата обращения: 27.02.2025).

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П по делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision82643.pdf> 9 (дата обращения: 01.12.2024).

13. *Панфилов П.О.* Очередное обострение конкуренции конституционных ценностей при расследовании преступлений в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1.

Елена Сергеевна Стешич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: esteshich@mail.ru

Повышение эффективности расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено

Аннотация

В статье анализируются факторы, связанные с повышением эффективности расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено. Обращается внимание на качественное изменение преступности – её высокую технологичность, способствующую сокрытию следов преступления и анонимизации личности виновного, что определяет специфику процессов управления организацией деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России по расследованию нераскрытых преступлений, которое должно быть не только оперативным, но и высокотехнологичным.

Ключевые слова и словосочетания: *повышение эффективности; раскрытие; расследование.*

Неотвратимость уголовной ответственности является важнейшим принципом системы профилактики правонарушений и фундаментальным основанием государственной уголовной политики. Успешность решения данной задачи обусловлена как состоянием законодательного процесса, так и организацией правоприменения, в частности, выявлением, пресечением, раскрытием, расследованием преступлений и розыском лиц их совершивших.

Под раскрытием преступления в уголовно-процессуальной науке понимается установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), к которым, в частности, относится: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключаящие

преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; установление причин и условий, способствовавших преступлению. Таким образом, с процессуальной точки зрения, для полного раскрытия преступления в равной степени важно доказывание всех перечисленных обстоятельств.

С точки зрения тактической, под раскрытием преступления в первую очередь понимается установление события преступления и лица, его совершившего. Именно наличие или отсутствие в уголовном деле лица, которому предъявляется обвинение в расследуемом преступлении, положено в основу признания его раскрытым или нераскрытым. Раскрытым считается также преступление при применении в отношении лица иных мер уголовно-правового характера, либо прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. И в этих случаях по уголовному делу должно быть доказано наличие события преступления и установлено лицо, его совершившее. Таким образом, неустановление лица, совершившего общественно опасное деяние, в доктрине криминалистики образует основание для его отнесения к категории нераскрытых преступлений.

Иной подход предусмотрен в ведомственном нормативно-правовом регулировании. Под нераскрытым преступлением, согласно межведомственному приказу Генпрокуратуры России №39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России от 29.12.2005 «О едином учете преступлений»¹ понимается общественно опасное деяние, производство по уголовному делу о котором приостановлено по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (Основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия). Приведенное положение, наряду с основанием приостановления предварительного расследования в случае, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого не установлено, включает нормы, при которых: подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам,

¹ О едином учете преступлений (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов): приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15.10.2019) (зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339).

а также когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует. Таким образом, очевидно, что уголовно-процессуальный закон и ведомственный нормативно-правовой акт предусматривает более широкий подход к признанию преступления нераскрытым, охватывая ситуации приостановления производства по уголовному делу, в котором данные о подозреваемом (обвиняемом) имеются.

В данном приказе МВД России конкретизируется, что в число нераскрытых включаются преступления, производство по которым впервые приостановлено в текущем отчетном периоде по указанным основаниям, независимо от даты возбуждения уголовного дела и даты учета преступления. При этом преступления, предварительное следствие по которым ранее было приостановлено (на основании пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), исключаются из числа нераскрытых только после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо его прекращении (пункт 2.11).

Прикладными исследованиями установлено, что между преступностью, ее видами и отдельными преступлениями существует диалектическая связь общего (преступность в целом), особенного (однородные группы преступлений) и единичного (преступление). Изменение одной стороны преступности неизбежно ведет к изменению других ее сторон и, следовательно, преступности в целом. Поэтому руководителю важно понимать внутрисистемные зависимости нераскрытых преступлений, а также связь с более высоким уровнем – реальной преступностью, включающей как отраженные в государственной статистической отчетности, так и оставшиеся скрытыми от правоохранительных органов (латентные) преступления.

Статистика свидетельствует, что в 2024 г. на фоне общего снижения зарегистрированной преступности (- 0,8 %), остались нераскрытыми 929,7 тыс. преступлений (+ 2,0 %), в том числе 902,3 тыс. преступлений (+1,5 %) в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Остались нераскрытыми 381 убийство и покушение на убийство (+62,8 %), 293 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-12,8 %), 283,6 тыс. краж (-18,4 %), 2,2 тыс. грабежей (-37,2 %), 115 разбойных нападений (-20,7 %) [1].

Ежегодно число раскрытых преступлений прошлых лет (либо прекращённых по нереабилитирующим основаниям с установлением лица их совершившего), остается практически неизменным:

2018 год – 49 063; 2019 год – 43 731; 2020 год – 46 578; 2021 год – 47 463; 2022 год – 46 959, 2023 год – 47 059¹. Таким образом, за прошедшее десятилетие было прекращено за истечением срока давности свыше 10 млн уголовных дел, а раскрыто около полумиллиона преступлений, то есть не более 0,5 %². За приведенными статистическими данными - миллионы потерпевших, не получивших необходимой правовой помощи в защите их нарушенных преступным посягательством прав и интересов. Кроме того, массив нераскрытых преступлений способствует самовоспроизводству преступности в более опасных формах. Связь между нераскрытыми преступлениями прошлых лет и совершением тяжких и особо тяжких преступлений, полностью подтверждается следственной и судебной практикой.

Результаты исследований, в том числе диссертационных [1], позволяют сделать еще один важный вывод – о закономерной связи проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет с резко усилившимся в последние десятилетия противодействием расследованию со стороны преступников, что негативно влияет на рост общего количества нераскрытых преступлений, безусловно, осложняет криминогенную обстановку и, соответственно, следственную деятельность.

На состояние раскрываемости преступлений существенное влияние оказывает качественное изменение преступности. Инновации, названные «четвертой промышленной революцией» или «второй эрой машин», принесли с собой искусственный интеллект, современную робототехнику, автономные транспортные средства, которые используются не только для прогресса. Как следствие, преступления сегодня существенно отличаются качественными характеристиками от тех, которые были десятилетие и даже несколько лет назад, что позволяет утверждать о формировании нового феномена «современной преступности». Так, из 5,5 млн нераскрытых преступлений – почти 4 млн составляют деяния против собственности, при этом 742,6 тыс. преступлений – мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (2024 г.)

¹ Состояние преступности в России (за декабрь – январь 2023 г.). М. : ГИАЦ МВД России, 2023; Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 11.02.2025); Раздел 7. Сведения о нераскрытых преступлениях прошлых лет. Сборник по России (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Рос. Федерации от 03.07.2023 № 429).

² Об актуализации первичных данных о нераскрытых преступлениях прошлых лет: информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 21 апреля 2023 г. № 110-03-2023. Доступ из СТРАС «Юрист».

Несмотря на стремительные качественные изменения преступности, а также трансформацию социальных, культурных, демографических, геополитических факторов, определяющих ее воспроизводство, ретроспективный анализ показывает, что проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет, отмечаемые исследователями в 80-е годы XX века в некоторых чертах сохраняются и в современное время, характеризуясь следующими основными тенденциями: 1) невысокий уровень, как отмечено выше, ежегодной раскрываемости преступлений этой категории; 2) преобладание в массиве преступлений, учитываемых по линии уголовного розыска; 3) ежегодное массовое снятие с учета преступлений в связи с истечением срока давности; 4) недостаточно высокая активность должностных лиц правоохранительных органов по установлению лиц, совершивших преступления, после приостановления предварительного следствия [4, с. 28–39].

Изучение практики организации расследования уголовных дел о нераскрытых преступлениях позволяет выявить основные проблемы, снижающие эффективность проводимой работы, среди которых:

Субъективные факторы:

В аналитических документах МВД России обращается внимание на тот факт, что основная причина ухудшения раскрываемости преступлений заключается в упущениях в организации взаимодействия органов предварительного следствия и дознания с оперативными и криминалистическими подразделениями органов внутренних дел, а также в ненадлежащем исполнении ими требований ведомственных нормативно-правовых актов по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации¹.

Так, в 4/5 из 200 изученных материалов уголовных дел, приостановленных в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, возбужденным по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ выявлено, что в течение 2-3 дней после возбуждения уголовного дела следователем были подготовлены: 1) поручения о производстве отдельных следственных действий (оперативно-розыскных, розыскных мероприятий) об установлении очевидцев и свидетелей, получение расширенных выписок по банковским счетам потерпевшего, с которых были переведены денежные средства;

¹ О дополнительных мерах по улучшению качества предварительного следствия : Информационное письмо Следственного департамента МВД России от 25 ноября 2020 г. № 41942.

проверить на причастность к совершенному преступлению ранее судимых лиц; провести иные ОРМ, направленные на раскрытие преступления; 2) запросы в организации, предоставляющие банковские услуги с целью предоставления видеозаписей с камер видеонаблюдения по месту расположения терминалов. Между тем, ответы на отдельные поручения к материалам уголовного дела ни до, ни после истечения 2-х месячного срока расследования так и не приобщались. Производство по материалам приостановленных уголовных дел не возобновлялось. К моменту истечения 2-х месячного срока расследования по таким уголовным делам могут быть не назначены судебные экспертизы, не допрошены свидетели, не истребованы документы, содержащие важную информацию о расследуемом событии, не проведены необходимые проверки по оперативно-справочным и криминалистическим учетам¹.

По делам о хищении личного имущества граждан встречаются факты, требующие проверки обстоятельств, связанных с введением в организм потерпевшего сильнодействующих веществ, что, однако, не всегда происходит. Так, по одному из изученных уголовных дел, производство по которому приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, потерпевший показал, что к нему на остановке общественного транспорта подошла ранее незнакомая девушка, которая спросила сигарету, а потом предложила прикурить табачные изделия, имеющиеся у неё. После чего, спустя около 8 часов потерпевший пришел в себя в вагоне электропоезда на одной из станции московского метрополитена с сильной головной болью, обнаружив, одновременно, отсутствие кредитных пластиковых карт, а в мобильном телефоне оказалась информация о переводе денежных средств на чужую банковскую карту. Изучение уголовного дела показало, что оно состояло из 45 листов, среди которых нет ни анализа данных с камер видеонаблюдения системы «Безопасный город» о перемещении и контактах заявителя, ни фоторобота предполагаемого виновного, ни, что весьма важно для квалификации содеянного как разбойного нападения – оперативного направления потерпевшего на медицинское освидетельствование для проверки наличия сильнодействующих веществ в организме.

Возрастает, как отмечено выше, массив нераскрытых преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникаци-

¹ Об актуализации первичных данных о нераскрытых преступлениях прошлых лет : Информационное письмо Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 21 апреля 2023 г. № 110-03-2023.

онных технологий, где основным недостатком предварительного расследования, выявленным при изучении уголовных дел, в частности, по делам о дистанционном хищении денежных средств, является отсутствие в материалах ответов на своевременно направленные запросы в кредитные учреждения, организации, представляющие услуги сотовой связи, и иные организации, операционные офисы которых находятся на территории субъектов Российской Федерации, а также поручения в территориальные органы внутренних дел иных субъектов, что отрицательно сказывается на перспективах установления личности и местонахождения виновных в совершении данных преступлений лиц.

Несмотря на созданные и действующие в территориальных органах внутренних дел специализированные группы по расследованию отдельных видов преступлений, а также по раскрытию преступлений прошлых лет, их систематические заслушивания руководителями территориальных органов, контроль за состоянием и ходом работы осуществляется недостаточно эффективно, что отмечается в ходе ведомственных проверок и указаниях органов прокуратуры¹.

Объективные факторы.

Перспективность раскрытия преступлений прошлых лет уменьшается пропорционально давности их совершения, в связи с чем главным фактором эффективности является наличие в уголовном деле вещественных доказательств.

Возможности раскрытия преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий во многом ограничены сроками хранения информации в кредитных учреждениях и операторах сотовой связи. Кроме того, нередки случаи, когда при расследовании уголовных дел указанной категории устанавливается, что sim-карта оператора сотовой связи, с которой осуществлялись звонки потерпевшему, либо IP-адрес, с которого преступники осуществляли доступ к сети Интернет, регистрируются на несуществующих лиц, что препятствует установлению личности виновного и его местонахождения.

Информация о соединениях, принадлежности телефонных номеров поступает по запросу следователя (дознателя) через значительное время, иногда за пределами срока расследования. Всё это влияет на оперативность расследования, своевременность принятия мер по блокировке счетов преступников, а также на возможность установления лиц, совершивших преступления, что влечёт за собой

¹ Там же.

приостановление предварительного следствия по уголовным делам данной категории.

Таким образом, в организации деятельности органов предварительного следствия и подразделений дознания в системе МВД России по расследованию нераскрытых преступлений отмечаются объективные и субъективные факторы, препятствующие расследованию, среди которых последние являются главенствующими. Тем самым, именно их следует в первую очередь принимать во внимание при организации деятельности органов предварительного расследования. Следует преодолеть сложившиеся стереотипы, согласно которым, вследствие сложившегося мнения о бесперспективности к раскрытию преступлений, совершенных в условиях неочевидности, деятельность по выполнению процессуальных полномочий уполномоченными субъектами осуществляется по «остаточному принципу».

Отмеченные недостатки устранимы при правильном выборе способов и форм организационного обеспечения расследования [5, с. 28–59; 6, с. 15–37; 7, с. 25–55; 8]. И разумеется, как справедливо подчёркивал профессор В.П. Лавров, проблему «старых дел» [9, с. 150–153] нельзя успешно решить без значительного улучшения работы по расследованию преступлений «по горячим следам».

Изложенное позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. В организации деятельности органов предварительного следствия и подразделений дознания в системе МВД России по расследованию нераскрытых преступлений отмечаются объективные и субъективные факторы, препятствующие расследованию, среди которых последние являются зачастую, определяющими. Как следствие, именно они, в первую очередь, должны приниматься во внимание при организации деятельности органов предварительного расследования.

2. Системообразующее значение в расследовании нераскрытых преступлений имеет улучшение раскрытия и расследования преступлений «по горячим следам».

3. Современные криминальные реалии значительно осложняют процесс расследования нераскрытых преступлений: трансформируются способы совершения преступлений, факторы и мотивы преступной деятельности, анонимизируется личность виновного, сама преступность перемещается в цифровую среду. Данное обстоятельство определяет специфику процессов управления организацией деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России по расследованию нераскрытых преступлений, которое должно быть не только оперативным, но и высокотехнологичным.

Список литературы:

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2025.
2. *Самиев Н.М.* Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет : сборник статей по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Академия управления МВД России, 2017.
3. *Кулеева И.Ю.* Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.
4. *Лавров В.П.* Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. Выпуск 4 (6). 2009.
5. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общей ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024.
6. *Колесников И. И., Валов С. В., Гаврилов Б.Я.* Организация расследования преступлений органами внутренних дел: курс лекций / под ред. И. И. Колесникова. М. : Академия управления МВД России, 2011. Ч. 1.
7. Общие условия предварительного расследования: история и современное состояние правового регулирования : монография / Ю.А. Матвейчев, Ю.П. Шкаплеров; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022.
8. Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / редкол.: И.А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2024.
9. *Лавров В. П., Рахматуллин Р. Р., Романов В. И., Шалимов А.Н.* Криминалистика: краткий курс (конспект) лекций. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013.

Павел Геннадиевич Сычёв,
доктор юридических наук,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: 4402898@mail.ru

Фиктивный гражданско-правовой договор как орудие совершения преступления в сфере экономической и предпринимательской деятельности

Аннотация

При совершении отдельных преступлений в сфере экономической и предпринимательской деятельности гражданско-правовой договор используется для перехода прав на имущество или денежные средства. Он признаётся вещественным доказательством, хотя фактически является орудием преступления. Суд уголовной юрисдикции должен иметь инструмент восстановления нарушенных преступлением прав.

Ключевые слова и словосочетания: *гражданско-правовой договор; преступления в сфере экономической и предпринимательской деятельности; вещественное доказательство; орудие преступления.*

В соответствии с частью первой статьи 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) договором признаётся соглашение двух или нескольких сторон об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Наиболее распространённая форма гражданско-правового договора – простая письменная, что следует из статьи 160 ГК РФ.

Однако простая письменная форма договора не всегда составляется с целью установления законных гражданско-правовых отношений. В данном случае речь идёт об экономических преступлениях.

Диспозиция статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность, в том числе, за приобретение права на чужое имущество путём обмана и злоупотребления доверием.

Эта часть диспозиции применяется в тех случаях, когда предметом преступного посягательства является недвижимое имущество, начиная от жилых помещений граждан (для этого предусмотрен специальный квалифицирующий признак части четвёртой указан-

ной уголовно-правовой нормы) и заканчивая имущественными комплексами предприятий.

Получить право на недвижимое имущество нельзя никаким иным способом, кроме заключения договора купли-продажи в письменной форме. Учитывая, что в соответствии со статьёй 219 ГК РФ право собственности на недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации, никак нельзя обойтись без документа, который представляется для такой регистрации.

При этом договор изготавливается и регистрируется втайне от законного собственника имущества, покупателем выступает подставное юридическое или физическое лицо, и, разумеется, ни о какой оплате приобретаемого имущества речи не идёт.

Другой не менее опасный вид мошенничества – хищение безналичных денежных средств, в том числе из государственного бюджета, выделенных для выполнения государственного оборонного заказа, реализации национальных проектов, или на закупки для нужд государственных или муниципальных предприятий, также невозможен без составления гражданско-правового договора в письменной форме.

Способ совершения такого преступления аналогичен. Подыскивается фиктивное юридическое лицо, с которым заключается договор на выполнение работ, оказание услуг или поставку каких-либо товаров. Ни работ, ни услуг, ни товаров не предполагается, однако денежные средства на расчётный счёт этого юридического лица переводятся, для того, чтобы затем вывести их из легального оборота путём обналичивания, транзитирования или иными, которые в действующем законодательстве получили определение «незаконные финансовые операции».

О противодействии незаконным финансовым операциям сказано в пункте 67 Стратегии национальной безопасности, утверждённой Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 2 июля 2021 года № 400¹, в этих целях принят Федеральный закон от 28 июня 2013 года № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»². В этих же целях создана Межведомственная рабочая группа по противодействию незаконным финансовым операциям, возглавляемая Руководителем Администрации Президента Российской Федерации, в ходе деятельности которой системно и последовательно выявляются, изучаются и анализируются операции такого характера во всех областях эконо-

¹ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

мической деятельности, вырабатываются комплексные меры по их предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию, возмещению причинённого ими имущественного вреда государству, а также выявляются причины и условия, способствующие их совершению.

По результатам работы этой группы, исходя из диспозиций уголовно-правовых норм, а также методологии квалификации противоправных общественно опасных деяний, к незаконным финансовым операциям следует отнести преступные действия, квалифицируемые:

- по статье 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность»;

- по статье 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём»;

- по статье 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения преступления»;

- по статье 193 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»;

- по статье 193.1 УК РФ «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов».

Не относятся к незаконным финансовым операциям, но в подавляющем большинстве случаев являются обязательным условием их совершения деяния, предусмотренные статьями 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица», как создающие необходимый криминальный инструментарий.

Из всех указанных преступлений толкование высшего судебного органа дано только по вопросам, касающимся легализации. В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» указано: «Для целей статей 174 и 174.1 УК РФ под финансовыми операциями могут пониматься любые операции с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или обмен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т. п.). К сделкам как признаку указанных преступлений могут

быть отнесены действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей»¹.

Таким образом, в основе совершения легализации, а также других вышеуказанных преступлений, относящихся к незаконным финансовым операциям, лежит составление письменной формы договора, предназначенного для создания псевдо-правовой основы для перечисления безналичных денежных средств на расчётные счета подставных (незаконно образованных) юридических лиц.

Преднамеренное банкротство, ответственность за которое предусмотрена статьёй 196 УК РФ, заключается в совершении действий, влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам.

Часть вторая статьи 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве» предусматривает ответственность за неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счёт имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам.

Из следственной практики следует, что и то, и другое деяние совершается путём отчуждения имущества должника, по основаниям, имеющим фиктивный характер или формально законным, но не имеющим экономического смысла. И, опять же, для их совершения необходимо составление письменной формы гражданско-правового договора.

Главное значение для уголовного судопроизводства заключается в том, чем он будет признан в уголовном деле и как (в каком качестве) послужит для доказывания преступления, а затем - законного, обоснованного и справедливого разрешения дела.

В соответствии с требованиями действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) договор, который стал правовым основанием для незаконного приобретения права на имущество, перевода денежных средств с целью их хищения или обналичивания и т.д., должен быть признан вещественным доказательством.

Основанием для этого являются пункт 3 части первой статьи 81 УПК РФ, в соответствии с которым вещественным доказательством признаются предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоя-

¹Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

тельств уголовного дела, а также пункт 1 данной нормы, когда документ сохранил на себе следы преступления.

Но насколько правильно это по существу?

Да, действительно, текст договора, в котором написаны обстоятельства возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, стороны договора и другие существенные условия важны для установления обстоятельств дела.

Расследуя обстоятельства вывода активов кредитной организации или привлечения подставных субподрядчиков при исполнении государственного заказа, следственный орган изучит договоры, при помощи которых были совершены указанные действия, увидит, куда (на кого, кому) переведены права на имущество или безналичные денежные средства. Это даст возможность отследить дальше цепочку приобретателей – подставных лиц, возможно, найти похищенные деньги, а главное – установить истинных выгодоприобретателей – организаторов преступления.

В том смысле договор, безусловно, является вещественным доказательством в порядке пункта 3 части первой статьи 81 УПК РФ.

Более глубокий анализ договора, ставшего псевдо-правовым основанием совершения преступления, показывает, что в любом случае одно из его положений всегда является заведомо ложным, а другое – мнимым или недействительным.

Если на основании договора совершено завладение правом на имущество (например, жилого помещения гражданина), то обязательство покупателя об оплате прав на это имущество заведомо ложное. Мошенники никаких денег по определению платить не собираются. Более того, при первой сделке покупатель вообще является подставным, владеть имуществом не собирается, а напротив, после государственной регистрации сделки сразу же перепродаёт имущество следующему покупателю и далее вплоть до появления так называемого «добросовестного приобретателя».

Законный собственник имущества не знает о продаже, его подпись под договором, как правило, получена обманом или подделана. Такое обязательство со стороны продавца в таком договоре фактически недействительно, но регистрирующий орган об этом не знает, воспринимая его как законное основание для перехода права собственности.

В случае вывода денежных средств с целью обналачивания или транзитирования за границу используется, как правило, договор об оказании нематериальных услуг (консалтинг, изучение рынка, юридическое сопровождение и т.д.). При этом исполнитель никаких услуг не оказывает и не намеревается этого делать – это подставное

юридическое лицо, «перевалочная база» для дальнейшего перевода денежных средств до места их назначения, зарубежного счёта или точки обналичивания.

Заказчик переводит деньги не в качестве оплаты за услуги, а для совершения незаконной финансовой операции, то есть, с его стороны обязательство носит мнимый характер.

Аналогичны положения договора, который стал основанием для хищения денег кредитной организации или государственного заказчика – одно его положение всегда будет ложным, а второе, встречное – мнимым.

На основании пункта 1 части первой статьи 81 УПК РФ такой договор является вещественным доказательством, так как содержит следы преступления. Но это всего лишь внешняя, материальная оболочка, не отражающая в полной мере истинной сути исследуемых событий.

Значение фиктивного договора заключается в том, что его положения – ложное и мнимое, являются основанием для наступления правовых последствий, тех, которые причиняют преступный вред потерпевшему, и в связи с наступлением которых организаторы получают преступную прибыль.

Истинное значение для уголовного дела имеет не текст договора, а его псевдо-правовые положения.

Профессор А. В. Гриненко, комментируя часть первую статьи 81 УПК РФ, указал: «К орудиям преступления относятся любые предметы материального мира, при помощи которых была реализована объективная сторона конкретного состава преступления» [1].

Реализация объективной стороны преступления, предусмотренного статьёй 159 УК РФ в виде приобретения права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием, происходит при помощи положений фиктивного договора.

Право на имущество не имеет материальной природы, его нельзя приобрести с помощью предметов материального мира. Оно может быть приобретено только путём осуществления гражданских прав и встречных обязательств, даже если они носят ложный, мнимый или недействительный характер. Главное, чтобы орган, который регистрирует или иным образом фиксирует наступление правовых последствий, воспринимал их как истинные.

То есть, фиктивный договор в данном случае является орудием преступления, но не как листы бумаги с текстом, а как юридический факт, влекущий наступление правовых последствий.

Непреодолимое препятствие – орудие преступления может быть только предметом материального мира, так как согласно вышеука-

занным пунктам 1 и 3 части первой статьи 81 УПК РФ оно признаётся вещественным доказательством именно как предмет. Закон связывает орудие преступления с физическим воздействием на потерпевшего, предмет преступного посягательства и т.д.

Сложившаяся веками концепция вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве является своего рода догматом, который надёжно оберегается доктриной.

Однако следует признать, что общественные отношения, а за ними и криминальные схемы, ушли далеко вперёд. Человечество твёрдо шагнуло в виртуальное пространство, где сейчас проходит значительная часть жизни большинства людей. Криминал пошёл следом – в сети Интернет совершаются самые разные преступления с использованием или применением безналичных и электронных денег, бездокументарных ценных бумаг, фиктивных юридических лиц, криптовалюты, наконец, с помощью искусственного интеллекта.

Всё это не является предметами материального мира, но фактически является орудием совершения преступлений.

Не пора ли задуматься о необходимости приведения в соответствие отдельных положений доказательственного права реалиям сегодняшнего дня?

И последнее. Статья 82 УПК РФ предельно ясно определяет судьбу вещественных доказательств. Изъятые из оборота предметы, в том числе орудия преступления, по решению суда уничтожаются.

Однако фиктивный договор продолжает жить после обвинительного приговора суда. Потерпевшему необходимо обращаться в суд гражданской юрисдикции и заново обходить все круги теперь уже гражданского судопроизводства.

Профессор Л. В. Головкин указывает: «В материально-правовом смысле гражданский иск в уголовном процессе основан на нормах гражданского права» [2].

Параграф второй главы 9 ГК РФ определяет условия признания сделки недействительной – под влиянием обмана, насилия, угрозы (статья 179), в случае мнимости или притворности (статья 170), а главное, если она не соответствует закону (статья 168) или противоречит основам правопорядка и нравственности (статья 169). Все данные нормы в той или иной степени применимы к фиктивному договору, который был орудием совершения преступления.

Гражданский иск в уголовном деле о признании недействительным такого договора, будет, безусловно основан на нормах гражданского права.

Остаётся наделить суд уголовной юрисдикции инструментом защиты нарушенных преступлением прав потерпевшего и граждан-

ского истца и полномочиями по определению судьбы нематериального орудия преступления. Для этого представляется необходимым внести в статью 309 УПК РФ дополнение, согласно которому суд в резолютивной части приговора будет иметь право при наличии гражданского иска признать договор, ставший орудием преступления, недействительным. Права потерпевшего и гражданского истца, незаконно перешедшие по такому договору третьим лицам, должны быть возвращены их законному правообладателю.

Список литературы:

1. *Гриненко А.В.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий : учебное пособие. М. : Проспект, 2018. 1278 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. 1040 с.

Инна Валериевна Тишутина,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: Inna_tishutina@mail.ru

Ирина Павловна Можаява,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника научно-исследовательского центра –
начальник отдела планирования и контроля научных исследований
Академия управления МВД России
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Криминалистическая деятельность и криминалистическое обеспечение расследования преступлений: понятие, сущность, соотношение

Аннотация

В статье проанализированы сущность и понятие «криминалистической деятельности» и «криминалистического обеспечения расследования преступлений»; рассмотрены научные подходы к их содержанию и соотношению; приведены аргументы и сформулированы выводы, отражающие позицию автора по данному вопросу, а также о соотношении рассматриваемых понятий с процессуальной деятельностью следователя, экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельностью; обосновывается авторский подход к пониманию криминалистической деятельности в узком и широком смысле.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистическая деятельность; криминалистическое обеспечение; раскрытие и расследование преступлений; сущность, содержание, деятельность правоохранительных органов.*

Проблемы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в последние годы являются одними из приоритетных направлений научных исследований. Об этом довольно ярко свидетельствует общее число публикаций по соответствующей тематике, как монографического характера, так и в периодических изданиях [1, с. 519]. Представляется, что это вполне закономерно, поскольку содержание криминалистического обеспечения охватывает вопросы широкого спектра: правового, организационно-

го, научно-технического, научно-методического, учебно-методического характера. Их рассмотрение принципиально важно, как с точки зрения совершенствования существующих рекомендаций, разрабатываемых криминалистической наукой по расследованию отдельных видов преступлений и применению криминалистических методов и средств, так и в связи с необходимостью формулирования новых рекомендаций. Однако приходится констатировать, что в немалом количестве работ отмечается некорректное или необоснованное использование термина «криминалистическое обеспечение», проявляющееся как в его отождествлении с понятиями «методика» и «организация», так и в отсутствии у автора понимания его структурно-содержательной характеристики.

Научные подходы к определению понятия и содержания криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в настоящее время объединены в рамках довольно убедительно обоснованной профессором А.Ф. Вольнским частной криминалистической теории [2]. Не умаляя роли и значения трудов виднейших ученых отечественной криминалистики, внесших существенный вклад в ее становление и развитие, отметим, что работами А.Ф. Вольнского сформировано четкое понимание основ этой теории, ее содержания и перспектив совершенствования с учетом темпов развития научно-технического прогресса. Как справедливо замечено, он впервые системно, комплексно рассмотрел криминалистическое обеспечение расследования, сформулировав ключевые составляющие, обязательные для любой частной криминалистической теории, с учетом всех уже существовавших научных выводов и позиций; он осуществил всесторонний системно-структурный и содержательный анализ его сущности и концептуально представил основные направления дальнейшего становления теории [3, с. 18–19].

В тесной связи с различными аспектами, а точнее – элементами криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений находятся вопросы криминалистической деятельности. Надо сказать, что в конце XX – начале XXI века в научной литературе стал фигурировать термин «криминалистическая деятельность». Хотя попытку ввести его в научный оборот предпринял Р.Г. Домбровский еще в 70-х годах прошлого века [4, с.118; 5], фактически его использование не было распространено, в том числе с учетом авторитетного мнения Р.С. Белкина неоднократно отмечавшего, что «нет и не может быть никакой криминалистической деятельности в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-розыскной или административно-правовой» [6, с. 32–35; 7, с. 237].

Вопрос о сущности криминалистической деятельности затрагивали в своих трудах Н. П. Яблоков [8, с. 38–39], Е. П. Ищенко [9, с. 4–6] и другие ученые. Попытку систематизации научных подходов различных авторов предпринял С. И. Коновалов, объединив их в четыре основные группы [10, с. 154–176]. Несколько отличную от других позицию занимал по этому вопросу В. Я. Колдин, отмечавший важность анализа уровневой организации криминалистической деятельности при необходимости различать систему науки, теорию, искусственно выделяющую в интересах удобства их изучения разделы техники, тактики и методики, с одной стороны, и уровни криминалистической деятельности, в которой технические, тактические и стратегические задачи реализуются в органическом синтезе и единстве целостной единоподчиненной деятельности. [11, с. 16]. На закономерность научно-практического применения термина «криминалистическая деятельность» справедливо обратил внимание А. Ф. Вольтский, обосновав это дифференциацией криминалистических знаний, в результате которой оперативно-розыскная и судебно-экспертная виды деятельности обрели «самостоятельное существование» [12, с. 23].

В одной из недавних статей, опубликованных Е. Е. Центровым и М. Е. Игнатьевым, поднимается вопрос о соотношении криминалистики и практики расследования преступлений. Авторами обращается внимание на «смещение понимания криминалистической деятельности как деятельности, направленной на изучение криминальной деятельности и деятельности по расследованию преступлений, с пониманием криминалистической деятельности, как деятельности, занимающейся непосредственно расследованием преступлений», а точнее на практическое отождествление этих видов деятельности [13, с. 197].

Справедливо замечено, что в данном случае проявилась не стилистическая погрешность, а некоторая ограниченность не только в понимании смысла криминалистики, ее теории и задач, но и ограниченность в понимании следственной деятельности и всей деятельности правоохранительных структур по расследованию преступлений, которая не может быть приравнена к криминалистической деятельности по расследованию преступлений [13, с. 198].

Соглашаясь в целом с позицией авторов, отметим, что в рамках критикуемого подхода видится переплетение смыслов и содержания понятий криминалистики как науки, имеющей свой предмет, и криминалистической деятельности, которая, по сути, представляет собой часть этого предмета. Однако, не отрицая существование криминалистической деятельности, отметим, что в контексте ее пони-

мания профессором А.Ф. Волинским и его последователями, она характеризуется двумя уровнями: созидательным и деятельностным, а именно формированием условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций, то есть - криминалистическим обеспечением, и реализацией таких условий в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений, то есть - криминалистическим сопровождением. Другими словами, в ряде учебников криминалистическую деятельность путают с ее составляющей – криминалистическим сопровождением, забывая при этом, что для того, чтобы что-то можно было применить и какую-то деятельность осуществить, необходимо, прежде всего, это «что-то» разработать, создать, надлежащим образом нормативно обеспечить, подготовить субъектов этой деятельности и организовать ее в соответствии с возможностями криминалистики.

Безусловно, правы авторы, отмечая, что спорные подходы демонстрируют ограниченность понимания как деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений в целом, которая не замыкается исключительно на криминалистической деятельности, так и сути криминалистики как науки и учебной дисциплины. Действительно, следователь осуществляет свою деятельность согласно нормам различных отраслей права, а не только в соответствии с положениями криминалистики, он опирается на комплекс знаний, охватывающий не только юридические, но и естественные и технические науки.

В то же время, как нам представляется, это не исключает возможности рассматривать криминалистическую деятельность как деятельность комплексную, базирующуюся на совокупности знаний различных областей науки и осуществляемую в соответствии с нормами различных отраслей права. Следовательно, под криминалистической деятельностью представляется возможным понимать специфический по форме вид человеческой деятельности, определяемый правовыми предписаниями, содержание которого составляют раскрытие, расследование и предупреждение преступлений [12, с. 22].

На наш взгляд, поддерживая точку зрения о том, что «криминалисты изучают преступное деяние, преступную деятельность, преступное поведение, методы, средства, приемы, уловки, которые свойственны преступной деятельности, учитывают закономерности, лежащие в основе этой деятельности, и закономерности, определяющие механизм ее отражения в источниках информации. На основе познания и учета соответствующих закономерностей, исследования и обобщения практики расследования и закономерностей деятельно-

сти по расследованию преступлений криминалистами разрабатываются научно-технические средства, тактические положения, приемы, правила, технологии, методики, обеспечивающие успешное, эффективное раскрытие, расследование и предупреждение преступлений», авторы сужают понимание криминалистической деятельности, говоря по сути о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений. При этом они правы в том, что «не стоит смешивать научно-исследовательскую деятельность, направленную на изучение и обобщение практики расследования, с непосредственной деятельностью по расследованию преступлений». По сути, авторы приходят к тому же смысловому сущностному выводу о двуединой деятельности, только не называют ее, хотя фактически это и есть криминалистическая деятельность по А. Ф. Волинскому, что нетрудно заметить, обратившись к его определению. Криминалистическая деятельность – это комплексная по своему содержанию деятельность, направленная на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений и на реализацию таких условий в повседневной практике деятельности правоохранительных органов [14, с. 69].

Да, строго говоря, следователь – не субъект криминалистической деятельности, он – субъект деятельности по расследованию преступления. Но и криминалистическая деятельность в нашем понимании шире деятельности только по расследованию преступления.

По нашему убеждению, с учетом мнений и подходов, обосновываемых другими авторами, исследовавшими данный вопрос, необходимо отметить, что главными критериями, дающими основание рассматривать ту или иную деятельность как криминалистическую, выступают: направленность на решение задач раскрытия и расследования преступлений и реализация при этом соответствующих криминалистических методов и средств. Соответственно, в таком случае структуру криминалистической деятельности составляют:

- деятельность следователя, использующего такие средства и методы, как с привлечением специалиста, так и самостоятельно;
- экспертно-криминалистическая деятельность (ЭКД), ориентированная на собирание и предварительное исследование следов, их проверку по учетам, и создающая тем самым, в том числе и основу последующих экспертных исследований;
- судебно-экспертная деятельность (СЭД), предполагающая исключительно экспертное исследование интересующих следствие объектов [15, с. 226].

Поскольку термин «криминалистическая деятельность» наряду с некоторыми иными в криминалистике, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в широком и в узком смысле, то отметим, что перечисленные направления деятельности формируют ядро криминалистической деятельности, отражая ее понимание в «узком смысле». В то же время очевидно, что и в рамках деятельности оперативно-розыскных аппаратов, и суда не исключается возможность использования криминалистических средств и методов, что, тем не менее не дает оснований вести речь о полном поглощении их деятельности криминалистической деятельностью, а значит и об изменении ее сущности. Видится целесообразным в таком случае вести речь о более широком понимании криминалистической деятельности.

Список литературы:

1. *Тишутина И.В.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: перспективы совершенствования // Санкт-Петербургский Международный криминалистический форум : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024.
2. *Вольнский А.Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 196 с.
3. *Боков А. А.* О научных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. 2024. Вып. 1.
4. *Домбровский Р.Г.* Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения // Ученые записки Латвийского ГУ. Т. 1888. Рига, 1973.
5. *Домбровский Р.Г.* Предмет криминалистики : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1974. 22 с.
6. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики : в 3 т. Т. 1. Общая теория советской криминалистики. М., 1977. 340 с.
7. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма, 2001. 240 с.
8. *Яблоков Н.П.* Криминалистика. Учебник для вузов и юридических факультетов. М. : ЛексЭСТ, 2003. 376 с.
9. Криминалистика: курс лекций / Е. П. Ищенко. М., 2008. 411 с.
10. *Коновалов С.И.* Теоретико-методологические проблемы криминалистики. Ростов-на-Дону, 2001. 207 с.

11. *Колдин В.Я.* Актуальные проблемы методологии криминалистики и судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. № 1 (21).
12. *Вольнский А.Ф.* Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Юрист-правоведь. 2022. № 4.
13. *Центров Е. Е., Игнатъев М. Е.* О теоретико-практической сущности криминалистики как научной дисциплины // Вестник Московского университета. 2024. Т. 65. № 3.
14. *Вольнский А.Ф.* Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное: научное издание. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2019. 426 с.
15. *Тишутина И.В.* Использование современных технологий в криминалистической деятельности: проблемы и перспективы // Современное состояние криминалистики и пути совершенствования: теория и практика : сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Краснодар : КубГАУ, 2023.

Виталий Николаевич Хрусталеv,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса,
криминалистики и судебных экспертиз
юридического факультета
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Khrustaluov@yandex.ru

Экспертно-криминалистическая деятельность: наиболее острые проблемы и пути их решения

Аннотация

В статье проведен анализ комплекса наиболее острых проблем экспертно-криминалистической деятельности и научно-технического (техничко-криминалистического и судебно-экспертного) обеспечения судопроизводства. Рассмотрены: проблемы компетентности следователей-криминалистов СК РФ и сотрудников ЭКП ОВД, выступающих в качестве специалистов-криминалистов, вопросы организации их подготовки; проблемы достоверности доказательств, получаемых экспертным путем, включающие проблемы низкого профессионализма судебных экспертов и экспертной коррупции. Предложены пути решения обозначенных проблем.

***Ключевые слова и словосочетания:** специалист; судебный эксперт; научно-техническое обеспечение; ошибочные и заведомо ложные заключения экспертов; аттестация экспертов.*

Нам представляется, что экспертно-криминалистической можно называть деятельность судебно-экспертных учреждений силовых ведомств, чьи сотрудники осуществляют научно-техническое обеспечение судопроизводства, производимое в целях раскрытия и расследования преступлений и других правонарушений, выступая и в качестве специалистов, и в качестве экспертов. Система научно-технического обеспечения (НТО) судопроизводства в первом приближении состоит из двух основных элементов: технико-криминалистического и судебно-экспертного обеспечения. В первую очередь речь идет о специалистах-криминалистах, которые призваны осуществлять собирание (обнаружение, фиксацию и изъятие) широкой гаммы материальных носителей криминалистически значимой информации в обстановке мест происшествий, их предварительное

исследование в полевых условиях и научно-техническое исследование в лабораторных условиях по заданиям оперативных аппаратов. И только впоследствии эти материальные объекты призваны стать объектами судебных экспертиз.

Прежде всего необходимо определить, как эти два взаимосвязанных и взаимозависимых структурных элемента НТО соотносятся между собой? С нашей точки зрения, они вовсе не равнозначны; технико-криминалистическое обеспечение занимает в нем главенствующее положение, в значительной степени определяющее общее состояние экспертно-криминалистической деятельности в целом, и опосредованно – состояние судебно-экспертного обеспечения, которое в системе НТО занимает подчиненное, второстепенное положение. Поэтому фигура специалиста по сравнению с фигурой эксперта более значима; если по объективным или субъективным причинам специалист в обстановке места происшествия не обнаружит следы преступления, качественно не зафиксирует и не изымет их, возможность последующего проведения судебных экспертиз с получением доказательств по делу с использованием специальных знаний будет сведена к минимуму.

В рамках и технико-криминалистического, и судебно-экспертного обеспечения накопилось немало застарелых острых проблем, по сути определяющих низкую эффективность судебно-экспертной деятельности. Прежде всего, хотелось бы рассмотреть поднимаемую А.Ф. Волынским проблему о необходимости кардинально изменить организацию НТО, осуществляемого экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел (ЭКП ОВД), в которых функции и специалистов, и экспертов совмещают одни и те же сотрудники, и сформировать систему НТО, включающую два взаимосвязанных, но совершенно разных, по тактическим целям, по решаемым задачам, методам, средствам и организационно-правовым формам их решения, видам деятельности [1, с. 18–20]:

- экспертно-криминалистической деятельности (ЭКД), в основе своей поисково-познавательной;
- экспертно-исследовательской или судебной экспертной деятельности (СЭД).

По мнению А.Ф. Волынского, эта проблема успешно решена в СК России, где, в отличие от МВД России, эти направления деятельности организационно обособлены. В этом ведомстве была сформирована криминалистическая служба, ядро которой составляют следователи-криминалисты, призванные выполнять функции специалистов-криминалистов, а в 2019 г. при СК России была организована система судебно-экспертных учреждений. Это, по мнению

автора, способствует предметной и более обстоятельной профессиональной подготовке и специалистов-криминалистов, и судебных экспертов, а как следствие более результативной работе первых и более эффективной деятельности вторых [2, с. 56–61].

А какова ситуация на самом деле? Если с судебно-экспертным обеспечением в СК РФ все хорошо: его судебно-экспертные учреждения действительно работают профессионально и эффективно, то благополучие технико-криминалистического обеспечения под большим вопросом. Если судить по высококачественному профессиональному стандарту «Следователь-криминалист» [3, с. 1–42], следователи-криминалисты СК РФ должны сочетать способность выполнения трудовых действий, обладать знаниями и умениями, необходимыми не только для производства предварительного расследования преступлений и выполнения отдельных функций процессуального контроля, но и для самостоятельного высококвалифицированного технико-криминалистического сопровождения производства предварительного расследования, то есть быть носителями не только юридических, но и специальных знаний, сведущими лицами – квалифицированными специалистами-криминалистами. Но насколько действующие следователи-криминалисты этим высоким требованиям соответствуют? Анализ существующего положения показывает, что если с юридическими компетенциями у этих сотрудников полный порядок, поскольку практически все они имеют добротное юридическое образование и положительный опыт следственной деятельности, то с технико-криминалистическими компетенциями дело обстоит плачевно, так как они формировались только в рамках изучения криминалистики при получении того же юридического образования, а это лишь поверхностное ознакомление с азами, возможностями следовой работы. Должно быть четкое понимание разницы между специальными и юридическими знаниями: юридические знания специальными не являются, стать специалистом-криминалистом в рамках получения юридического образования невозможно! Безусловно, сведущим лицам (и специалистам, и экспертам) необходимы не только специальные, но и в определенном объеме юридические знания (но не юридическое образование), для понимания своего места в правоохранительной системе и строго соблюдения правовых норм, нарушение которых может привести к признанию соответствующих доказательств недопустимыми. Это означает, что трудящиеся в СК РФ в должностях следователей-криминалистов сотрудники специальными знаниями и умениями, необходимыми для выполнения технико-криминалистических трудовых действий, практически не обладают, поскольку их технико-кри-

миналистической подготовкой системно никто не занимался. Эту проблему никак не способны решить существующие формы подготовки и переподготовки следователей-криминалистов, которые в реальности нацелены на дальнейшее углубление их следственной подготовки, и никак не связаны с технико-криминалистической деятельностью. Вывод: попытка в СК РФ совместить в лице следателя-криминалиста и юридические, и специальные знания не удалась, специалистов-криминалистов из них не получилось.

Для решения данной проблемы важно понять, что работа с материальной обстановкой мест происшествий не менее сложна, чем производство экспертиз, а фигура специалиста ничуть не менее ответственна и значима, нежели фигура следователя или судебного эксперта, а значит готовить сотрудников к технико-криминалистической деятельности нужно не менее тщательно и системно, чем к следственной или экспертной. Достичь приемлемого уровня подготовки можно, только давая обучаемым и глубокие профессиональные специальные знания, но и в обязательном порядке формируя на их основе качественные умения, и в рамках академической подготовки делать это при изучении целого ряда специальных учебных дисциплин на протяжении нескольких лет обучения. Обучение должно вестись только очно и только профессионалами – реальными носителями соответствующих компетенций следовой работы, в ходе не только практико-ориентированных теоретических занятий, но и практических в специализированных лабораториях и на криминалистических полигонах в ходе криминалистических игр. При этом целесообразно использовать положительный опыт подготовки обучаемых к технико-криминалистической деятельности наших западных коллег, а также успешный опыт, накопленный на экспертном факультете (которым руководил автор данной статьи) Саратовского юридического института МВД РФ – ранее базового вуза страны по подготовке судебных экспертов и к технико-криминалистической, и к судебно-экспертной деятельности, как в рамках академической подготовки (по специальности «судебная экспертиза» с экспертно-криминалистической специализацией), так и в рамках курсов повышения квалификации действующих сотрудников ЭКП ОВД к участию в качестве специалистов-криминалистов в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях.

Учитывая описанный опыт СК РФ, который никак нельзя назвать успешным, а также глубокое убеждение большого числа практиков – сотрудников ЭКП ОВД в том, что совмещение в одном лице функций специалистов и экспертов не только не мешает, но и помогает работе в обоих качествах, реализовывать указанные

предложения А.Ф. Волынского по организационному разграничению функций специалиста и эксперта в ходе предлагаемой реорганизации экспертно-криминалистической службы МВД РФ не целесообразно, результат будет однозначно негативным. Деятельность большинства западных экспертных служб, сотрудники которых также успешно совмещают функции специалистов и экспертов, только подтверждают это. А в рамках академической подготовки готовить выпускников как к технико-криминалистической, так и к судебно-экспертной деятельности, следует в рамках одного качественного образовательного стандарта [4, с. 107–124].

Как можно оценить состояние технико-криминалистического обеспечения судопроизводства в органах внутренних дел? Уровень его следует признать явно недостаточным, основной причиной чего, с нашей точки зрения, является явная недооценка важности данного направления в деятельности ЭКЦ МВД РФ и ЭКС ОВД в целом. В головном ЭКЦ основное внимание уделяется экспертному обеспечению, а технико-криминалистическое организуется бессистемно и по остаточному принципу. У абсолютного большинства сотрудников Центра ни системных криминалистических знаний, ни даже минимального практического опыта в качестве специалистов-криминалистов нет, и это считается нормальным.

Для иллюстрации сказанного можно привести пример учебно-методического пособия для экспертов «Особенности криминалистического исследования современных изделий из волокнистых материалов и следов волокнистой природы, образованных в результате контакта с ними», работа над которым завершена в ЭКЦ МВД РФ, в подготовке которого принимал участие автор этих строк. Необходимость его разработки была продиктована плачевным состоянием практики ЭКП ОВД по использованию следов волокнистой природы в раскрытии и расследовании преступлений: вследствие изменения отчетных показателей сотрудники ЭКП практически прекратили изымать с мест происшествий такие следы, вследствие чего число проводимых службой криминалистических экспертиз волокнистых материалов и изделий из них приблизилось к нулю; эксперты-волоконеды в настоящее время в основном проводят исследования не криминалистические, а товароведческие, тканей, из которых изготавливается форменная одежда. Качественный вариант пособия с полноценными основами криминалистического материаловедения был призван способствовать возобновлению грамотного изъятия следов волокнистой природы с мест происшествий и их последующего эффективного исследования. Но авторы пособия от Центра, не знающие основ криминалистики и не имеющие никакого представления

о следовой работе, категорически отказались включить в пособие компактный раздел с основами криминалистического материало-ведения и грамотно изложенными рекомендациями по сборанию и предварительному исследованию следов волокнистой природы, считая, что эти знания ни им самим, ни экспертам с мест не нужны. Зато анализ выполненного ими описания экспертного исследования волокнистых материалов показал, что они считают невозможным решение относительно сложных задач, которые ранее десятилетиями успешно решались и в ЭКЦ МВД, и в подразделениях на местах (в том числе и автором этой статьи), и которые в настоящее время успешно решаются экспертам МЮ РФ, тем самым эксперты ЭКП ОВД получили статус экспертов 2-го сорта, что весьма плачевно!

Приходится признать, что именно этап собирания следов в обстановке мест происшествий является самым слабым звеном в деятельности ЭКП ОВД по работе с доказательствами. Анализ соответствующей практики показывает, что уровень профессионализма их сотрудников как специалистов-криминалистов недопустимо низок. Более 30 последних лет средний уровень коэффициента изъятия следов этими сотрудниками при их участии в качестве специалистов в осмотрах мест происшествий остается на уровне единицы¹, а, судя по личному опыту автора статьи, его многочисленных учеников, западных коллег и, с учетом удивительного видового многообразия материальных следов, в среднем этот показатель должен составлять не менее 3-5. Нами проведен глубокий анализ причин, приведших к такому плачевному результату, и разработан детальный план исправления ситуации, который должен дать ощутимый результат [5, с. 242–251].

Но нельзя игнорировать и тот факт, что, к сожалению, и среди следователей встречаются мало профессиональные и недобросовестные, которые, злоупотребляя своим статусом руководителей следственно-оперативных групп, производящих осмотры мест происшествий, не желая себя утруждать ни транспортировкой габаритных объектов с ценными следами, ни необходимостью потом организовывать их судебно-экспертное исследование, дают задание специалистам обнаружить и подготовить изъятие только компактных вещественных доказательств, назначение простейших экспертиз которых ни каких проблем следователям не создаст. Так преступное безразличие следователя, помноженное на безграмотность и бес-

¹ Это означает, что с места происшествия изымаются следы только одной группы: или папиллярных узоров, или обуви, или орудий и инструментов и пр.

принципность специалиста, сводят вероятность успешного раскрытия и расследования конкретного преступления к нулю!

С судебно-экспертным обеспечением судопроизводства в стране, к сожалению, ситуация не лучше. На всем постсоветском пространстве обострилась и продолжает усугубляться глобальная проблема современной судебно-экспертной деятельности – сомнительная достоверность доказательств, получаемых экспертным путем [6, с. 156–171]. Экспертиза перестала быть эффективным средством установления объективных обстоятельств расследуемых событий, поскольку в России (и не только) *число ошибочных и заведомо ложных заключений*, в выводах которых указываются обстоятельства, не соответствующие действительности, *запредельно высоко и продолжает расти*. Следователь, суд, назначая судебную экспертизу, имеют все шансы попасть либо некомпетентного, либо на продажного эксперта, которых в качестве экспертов привлекать по делу нельзя изначально, как не соответствующих обязательным требованиям к судебным экспертам: компетентность и незаинтересованность в исходе дела.

Тезис о недопустимо низком профессионализме экспертов можно поставить под сомнение, поскольку практикующие эксперты в соответствии с действующими требованиями регулярно подтверждают свою квалификацию, и в целом результаты аттестации экспертов положительные. На самом же деле действующая система аттестации экспертов совершенно не позволяет оценить компетентность эксперта – его реальную способность производить экспертизы. Такая система позволяет лишь создавать видимость благополучия, а не оценивать реальный экспертный профессионализм. Для объективизации оценки, как нам представляется, целесообразно использовать западный опыт аттестации экспертов [7, 8].

Реальное введение в стране объективной системы оценки компетентности экспертов сделает совершенно очевидным недостаточный профессионализм большинства практикующих экспертов, как государственных, так и «независимых», после чего станет очевидной необходимость кардинальной переработки системы их подготовки. Академическая подготовка судебных экспертов осуществляется по образовательной специальности «Судебная экспертиза», в рамках которой в настоящее время готовят экспертов по 5-ти специализациям: № 1 «Криминалистические экспертизы», № 2 «Инженерно-технические экспертизы», № 3 «Экспертизы веществ, материалов и изделий», № 4 «Экономические экспертизы»; № 5 «Речеведческие экспертизы». Следовательно, в рамках одного образовательного стандарта приходится готовить судебных экспертов по специали-

зациям (по сути, разным экспертным специальностям) для производства разных не только родов, но и классов судебных экспертиз, имеющих разные научные основы, а посему требующих совершенно разной фундаментальной подготовки. Это не позволяет обеспечить должное качество подготовки, следствием чего стала ярко выраженная избирательность работодателей по отношению к выпускникам - представителям разных экспертных специализаций. Если к представителям специализации «Криминалистические экспертизы» особых претензий не возникает, то представителей специализаций «Инженерно-технические экспертизы» и «Экспертизы веществ, материалов и изделий» берут на работу очень выборочно с учетом авторитета вуза и качества базовой подготовки. Что же касается выпускников – представителей специализаций «Экономические экспертизы» и «Речеведческие экспертизы», то им устроиться по специальности именно по данным специализациям в государственных судебно-экспертных организациях практически невозможно. Общепринятая позиция руководителей этих организаций, следственного и судебного сообщества состоит в том, что качественные судебно-экономические экспертизы могут производить только эксперты с высшим экономическим образованием, а речеведческие – с высшим филологическим образованием, которого достаточно для лингвистических и автороведческих экспертиз, а фоноскопические экспертизы (изначально комплексные) должны производить 2 эксперта: с высшим филологическим и техническим образованием.

Из изложенного напрашивается вывод: рассматривать образовательную специальность «Судебная экспертиза» универсальной для подготовки судебных экспертов разных профилей недопустимо. Качественная подготовка специалистов по большинству направлений судебной экспертизы должна вестись не в рамках получения ими высшего образования именно по экспертной специальности, а в рамках дополнительного образования, переподготовки и пр. из специалистов, изначально получивших качественное базовое высшее образование в области естественных, технических, сельскохозяйственных, социальных, гуманитарных наук, служащих источником формирования теоретических, методических основ судебных экспертиз, на научных положениях и методах которых базируется решение экспертных задач их соответствующих родов (видов).

Как уже отмечалось, наряду с ошибочными, источниками недоверенных доказательств являются заведомо ложные заключения, абсолютное большинство которых дают продажные эксперты. Если в государственных СЭУ отмечают лишь единичные подобные случаи, то, по имеющийся у нас информации, большая часть экспер-

тов негосударственных СЭУ регулярно дают заказные заключения. К большому сожалению, у нас стали не только свыкаться с этим безобразным явлением, относясь к нему как к неизбежному злу, но иногда даже пытаются приводить аргументы в его оправдание.

Что же можно противопоставить экспертной коррупции? В судебно-экспертных системах развитых стран Запада созданы условия, при которых эксперты с подмоченной репутацией очень быстро и гласно исключаются из официальных реестров экспертов, после чего экспертная деятельность для них становится практически недоступной. Необходимо стремиться к тому, чтобы и в нашей стране судебно-экспертной деятельностью занимались лишь лица с незапятнанной профессиональной репутацией. *Судебно-экспертная система страны должна стать самоочищающимся организмом, необходимые предпосылки для этого имеются!*

В завершение следует особо отметить следующее. Выше обозначенные проблемы экспертно-криминалистической деятельности и научно-технического обеспечения судопроизводства являются системными, глобальными, поэтому ожидать, что они разрешатся сами по себе, не приходится. Наблюдаемое игнорирование же этих проблем происходит вовсе не вследствие непонимания пагубности их влияния на практику судопроизводства, а из-за нежелания разрабатывать и реализовывать непростые эффективные меры по их решению.

Список литературы:

1. *Вольнский А. Ф.* Судебно-экспертная и технико-криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2013. № 2.

2. *Вольнский А. Ф.* Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства: история и современность // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех – 2022», Москва, 2022 г. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022.

3. Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист» : приказ Министерства труда и социальной защиты Рос. Федерации от 23 марта 2015 г. № 183н (с изменениями

и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70968812/?ysclid=lnk e43hk5v921840251> (дата обращения: 06.11.2024).

4. *Хрусталеv В.Н.* На повестке дня утверждение профессионального стандарта «Судебный эксперт» // Судебная экспертиза. 2023. № 3 (75). doi: 10.25724/VAMVD.A147.

5. *Хрусталеv В.Н.* Эффективность работы сотрудников ЭКП ОВД страны в качестве специалистов-криминалистов на местах происшествий недопустимо низка: кто виноват и что делать? // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2022» / сост. И.Н. Горбулинская. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. 276 с. ISBN 978-5-9694-1204-0.

6. *Хрусталеv В.Н.* Как обеспечить достоверность доказательств, получаемых экспертным путем? // Судебная экспертиза. Выпуск 3 (47). 2016: научно-практический журнал. Волгоград: ВА МВД России, 2016.

7. *Кертес И.* Криминалистическая техника в развитых капиталистических странах. М. : ВНИИСЭ, 1989.

8. *Аринушкин Г. П., Воскерчан Г. П.* X конференция международной ассоциации судебных наук. Некоторые аспекты судебной экспертизы в Великобритании // Судебная экспертиза за рубежом: Реферативная информация. Вып. 2. М. : ВНИИСЭ, 1985.

Светлана Игоревна Земцова,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант
Академия управления МВД России
E-mail: Zemsvetlana@mail.ru

Классификация криминалистических методик «по вертикали»: место комплексной методики незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности

Аннотация

На основе значительного количества разрозненных позиций ученых формулируется вывод об отсутствии консолидированной позиции о классификации криминалистических методик «по вертикали». Отмечается, что достаточно оригинальной представляется система, предложенная В.Е. Корноуховым, более двух десятков лет назад. Аргументируется авторская позиция, о необходимости ее дополнения, с учетом цифровой трансформации новым классом **«цифровые отношения»**. С учетом этого, обосновывается место комплексной методики расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности, как элемента указанного класса. Отмечается, что в «классическом» варианте классификации (научная школа Р. С. Белкина), который представляется более оптимальным, может быть отнесена к родовым методикам. При этом в ее структуру целесообразно интегрировать такой элемент как, тактические задачи, которые могут и должны быть дополнены новым специфическим содержанием.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистическая методика; бесконтактный способ; незаконный сбыт; классификация; наркотические средства; огнестрельное оружие; специальные технические средства; тактические задачи.*

В доктрине криминалистики осуществляется непрерывный процесс разработки и совершенствования криминалистических методик: частных, видовых, родовых (укрупненных, общих), межродовых и межвидовых и т.д. «К настоящему времени сложился разветвленный и довольно неупорядоченный их конгломерат, насчитывающий сотни элементов, выстроенных по самым различным основаниям» [7, с. 203].

Упорядочивание существующего обширного множества элементов системы криминалистических методик настоятельно диктуется как потребностями науки, так и практики [7, с. 205].

Принципиально важным этот вопрос является и при формировании новых методик, в том числе и методики расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности.

Обусловлено это тем, что «свойства и функции элемента взаимопределены свойствами и функциями системы, т.е. свойства целого не могут быть поняты без знания некоторых свойств элементов, и наоборот» [2, с. 379].

Впервые, попытку разрешения этого вопроса в 1976 году принял В.Г. Танасевич, который предложил выделять общие вопросы методики расследования укрупненных групп преступлений и конкретные частные методики [11, с. 90].

В последующие годы к вопросам классификации криминалистических методик обращались: А.И. Возгрин, Н.П. Яблоков, В.А. Образцов, А.Я. Гинзбург, О.В. Чельшева, В.К. Гавло, А.Ю. Головин и другие ученые.

Значительный вклад в его разработку был внесен при подготовке докторских диссертаций С.Ю. Косаревым «Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития» (2005) и Ю.П. Гармаевым «Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений» (2003).

При этом с момента первой классификации и до сегодняшнего дня, наибольшее количество дискуссий вызывает вопрос о критериях, которые должны быть в основе классификаций: уголовно-правовые и/или криминалистические (по способу, месту совершения преступления, предметам посягательства и т.д.)).

И.А. Возгрин, отстаивал позицию о классификации методик по уголовно-правовому основанию, в связи с чем, общее количество методик должно соответствовать имеющимся видам преступлений [3, с.10–11].

А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков высказывали мнение о полном отказе от уголовно-правовых оснований классификации и замене их многочисленными криминалистическими основаниями [8, с. 425] (впоследствии эта точка зрения была преобразована).

Вопросы классификации криминалистических методик были детально исследованы партриархом отечественной криминалистики, Р.С. Белкиным, который, отмечая важность уголовно-правового критерия для классификации частных криминалистических

методик, обосновал необходимость использования в этих целях целого ряда криминалистических классификаций, система которых в основном сводится к уголовно-правовому понятию – состав преступлений [1, с. 325–326].

В настоящее время, эта позиция является практически аксиомой. За почти пять десятилетий (с момента первой классификации, В.Г. Танасевича), в доктрине криминалистики сформировалось несколько сотен позиций о возможности систематизации. Вместе с тем, практически однозначно, учеными признается возможность применения критерия по «вертикали», а также о том, что наибольшей степенью общности обладают именно родовые методики. Их доктрине криминалистики также именуют: укрупненные (Р.Н. Боровских); общие (Н.Г. Шурухнов, А.Н. Калюжный, С.Ю. Журавлев, Ю.П. Гармаев); консолидированные (А.Ю. Головин, Е.В. Головина), групповые (С.А. Куемжиева); базовые (А.В. Щербаченко, М.В. Субботина) и т. д.

Они ориентированы на расследование «большой группы хотя и разнородных преступлений, но объединенных характером и сферой деятельности правонарушителей специфического вида групп; общностью отдельных черт, проявляющихся в способе и обстановке деяния; наличием организованной группы; общностью типичных черт в способе, механизме и обстановке совершения преступлений. Общее наблюдается в типичности отдельных следственных ситуаций» [13, с. 45].

«Основное назначение классификации методик по вертикали заключается в том, что, во-первых, раскрывается взаимосвязь между методиками; во-вторых, в вышестоящем ряду (например, родовой методике), отражается то что присуще роду, а затем в видовой, то что уже присуще виду (особенности) и т.д., следовательно, исключается дублирование, которое стало типичным явлением, в-третьих, обозначаются те методики, которые плохо изучены, что придает научным исследованиям целенаправленность; в-четвертых, обозначается необходимость (или отсутствие таковой) в разработке методики; в-пятых, определяется место в той или иной методике в классификационном ряду» [6, с.170].

В классификационных схемах родовые методики выступают всегда первым («верхним») уровнем, однако количество их может отличаться.

Так, например, в классификационной схеме Н.П. Яблокова, их три (уровня): самый высокий уровень общности (родовые методики); более низкий уровень общности (методики расследования группы однородных преступлений); традиционный уровень общности (методики расследования преступлений отдельного вида) [13, с. 45].

Ю.П. Гармаев, применяет в классификации «по вертикали» критерий: «по степени общности и уровню конкретизации рекомендаций». В соответствии с ним, все без исключения методики разделяет на общие и частные. Общая методика должна быть основой для создания входящих в ее систему частных методик расследования. В свою очередь, появление новых частных методик детерминирует разработку новых общих методик либо изменения в структуре и содержании уже имеющихся [4, с. 11].

С данным утверждением сложно не согласиться.

Эта же идея заложена и в работах А.Н. Калюжного. Анализируя подход, к построению методик, через диалектические закономерности общего, особенного и единичного, а также лексико-семантический анализ смысловых значений данных категорий, автор, поддерживает высказанные более полувека назад и развитые современными учеными-криминалистами мнения о необходимости классификации методик расследования на общие методики расследования преступлений (их групп, видов) и частные методики (конкретных противоправных посягательств) [5, с. 38].

Не стандартный, эвристический подход представлен В.Е. Корноуховым. В его основе, авторское понимание предмета методики расследования преступлений - «обусловленные следовой картиной **закономерности поисково-познавательных процессов**» [6, с. 137]. Соответственно, классификация по вертикали включает: классы методик – родовые методики – межродовые методики – видовые методики – межвидовые методики – частные методики.

В качестве классов выделяются: «пространственно-временные отношения»; «хозяйственно-экономические отношения»; «причинные отношения», «экологические отношения» «служебные отношения».

При этом, внутри классов методик имеются как общие тактические задачи, так и специфические, присущие именно этому классу. Так, общими для всех классов выступают: «предварительная проверка первичных материалов о преступлении при решении вопроса о возбуждении уголовного дела»; «изучение личности обвиняемого»; «розыск обвиняемого». Помимо этого, могут быть выделены тактические задачи присущие определенному классу. Так, в классе методик «пространственно-временные отношения» выделяются задачи: «поиск лица, совершившего преступление», «очаг преступления и его использование для поиска преступника», «установление совершения нескольких нераскрытых преступлений одним и тем же лицом» и т. д.

А в отдельном классе – те тактические задачи, которые присущи лишь роду методик [6, с. 170–171].

При этом ученый, в монографии, подготовленной незадолго до ухода из жизни: «Методика расследования преступлений: теоретические основы», отмечал, что «...представленная система является не законченной, поэтому возможна разработка новых классов методик» [6, с. 170].

Этот факт является бесспорным. «Замкнутость системы исключает возможность развития самой системы, делает невозможным пополнение системы новыми структурными элементами, понятиями и категориями» [12, с. 7]

Вместе с тем, в многочисленных работах автора, в том числе трехтомнике «Курс криминалистики» [9], подготовленном под его редакцией, почти двадцать пять лет назад, не нашли отражения отдельные методики расследования незаконного приобретения и сбыта: наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, новых потенциальных опасных психоактивных веществ; прекурсоров; растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их части (содержащие наркотические средства, психотропные вещества либо прекурсоры); огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов; гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружие и его основных частей, патронов к нему; огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему; взрывчатых веществ и взрывных устройств, специальных технических средств, предназначенные для негласного получения информации, метилового спирта (метанола) либо метанолсодержащихся жидкостей. То есть исследуемые нами в рамках родовой методики незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности.

В «доцифровую эпоху» (термин Ю. В. Гаврилина), теоретически возможно было бы данную методику (родовую), а также взаимосвязанные с ней видовые и частные методики, рассматривать как элементы класса «*пространственно-временные отношения*», поскольку и приобретение и сбыт указанных объектов, осуществлялись при личном непосредственном контакте участников «преступной сделки». В настоящее время этот способ, встречается в единичных случаях. Его сменил дистанционный (бесконтактный). Факты использования, отмечены начиная с 2009 года, т.е. с начала функционирования первой торговой площадки Silk Road (в последующем «Silk Road 2.0», 2014 г., «Hydra», 2015–2022 гг.), В последние два года эту деятельность, в условиях конкурентной борьбы вовлечены наиболее популярные даркнет-маркетплейсы «Rutor», «OMG!OMG!», «MEGA DARKNET», «Blacksprut», «Kraken»,

«WayaWay», «SuperNova», «DarkSide», «Weedcat», «Jinn», «Зеленый мир», «Volna».

Эта ситуация осложняется, как справедливо отмечается Ю. В. Гаврилыным: использованием сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве («VPN», «TOR», «SSL», позволяющих менять IP-адрес пользователя, создавать динамические или нераспознаваемые IP-адреса); применением цифровых валют [10, с. 26–33]. Полагаем, к этому перечню возможно добавить: разработкой и применением специальных мер защиты от разоблачения, соблюдение особых мер конспирации; осуществлением деятельности преимущественно в организованных формах; связью с предшествующими и /или последующими преступными деяниями.

Так, в процессе расследования деятельности участников преступного сообщества, входивших в структуру интернет-магазина «Hot Opt»¹, функционировавшего как на территории Российской Федерации, так и на территории Республики Молдова, последние применяли следующие меры конспирации: взаимодействие между структурными подразделениями и звеньями строилось преимущественно на дистанционном, виртуальном общении, посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и мобильной связи; использовали электронные программы персональной связи, приложения для защищенных переговоров, обменов сообщениями, фотографиями и видео конфиденциального характера (Conversation); выходили на связь между собой при помощи указанного выше мессенджера с использованием сим-карт, зарегистрированных на третьих лиц, что не позволяло персонифицировать данные абонента; передавали наркотические средства как между структурными подразделениями и звеньями, между участниками внутри них, так и покупателям исключительно дистанционным способом – путем оставления их в тайниках (закладках), специальное химическое оборудование, прекурсоры и иные химические вещества, использовавшиеся в процессе производства наркотических средств, передавались между структурными подразделениями также бесконтактным способом. Во взаиморасчетах применялась цифровая валюта.

Трансформировавшийся механизм совершения преступлений не встраивается в традиционные методы и способы расследования и требует переосмысления, в том числе и на уровне модернизации и «достраивания» классификаций и усовершенствования систе-

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу №12301170021000092, по обвинению М. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 5 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228.3, ч. 2 ст. 174.1 УК РФ. Направлено прокурору Владимирской области 6 сентября 2023 года.

мы методик. Например, посредством выделения нового класса: «цифровые отношения». С учетом этого, разрабатываемая методика выступила бы его нижестоящим элементом (родовой методикой). Частные методики, т.е. следующее звено, могли бы быть представлены, как отдельными уже разработанными методиками, так и новыми методиками, в которых «остро» нуждается доктрина криминалистики (расследования незаконного приобретения и сбыта прекурсоров; специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; взрывчатых веществ и взрывных устройств; метилового спирта (метанола) либо метанолсодержащих жидкостей).

Потребуется пересмотра и дополнения перечень тактических задач, а также средств их решения.

В «классическом» же варианте классификации по вертикали, (в рамках научной школы, Р.С. Белкина), представляющейся более оптимальной, указанная методика, может и должна быть отнесена к «родовым». Однако это не исключает возможности включения, в ее структуру тактических задач.

Подводя итог, отметим:

а) качественно иной, инновационный механизм совершения преступлений в «цифровую эпоху» обуславливает не только необходимость совершенствования имеющихся и разработки новых криминалистических методик (родовых, видовых, частных, межродовых, межвидовых), но и ясного и однозначного понимания их места в системе;

б) классификация «по вертикали», предложенная В.Е. Корноуховым, нуждается в дополнении новым классом: «цифровые отношения». При этом разрабатываемая методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности, могла бы выступить нижестоящим элементом (родовой методикой), предлагаемого нового класса.

в) в конгломерате методик, предложенных в рамках научной школы Р.С. Белкина, и разделяемой нами, ее можно рассматривать как родовую (методику).

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. М., 1997. 480 с.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М. : Юристъ 1997. 408 с.
3. *Возгрин И.А.* Научные основы криминалистических методик расследования преступлений. Курс лекций. Ч. IV. СПб., 1993. 79 с.

4. *Гармаев Ю.П.* Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2003. 39 с.

5. *Каложный А.Н.* Общая и частная методика расследования преступлений с позиции единичного, особенного и общего в криминалистике // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4 (69).

6. *Корноухов В.Е.* Методика расследования преступлений: теоретические основы : монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. 224 с.

7. *Косарев С.Ю.* История и теория криминалистических методик расследования преступлений : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрлитинформ, 2020. 431 с.

8. Криминалистика. М., 1971. 563 с.

9. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М. : Юрист, 2000. 784 с.

10. Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учебник : в 2 ч. / Ю.В. Гаврилин, Т.В. Пинкевич, Н.Э. Мартыненко [и др.]; под. общ. ред. Ю.В. Гаврилина. М. : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. 304 с.

11. *Танасевич В.Г.* Теоретические основы методики расследования преступлений // Советское государство и право. 1976. № 6.

12. *Яблоков Н.П.* Криминалистика: природа, система, методологические основы : монография / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2024. 288 с.

13. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды / Н.П. Яблоков // Вестник Московского университета. 2015. № 5.

Анжелла Рашитовна Лонцакова,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант
Академия управления МВД России
E-mail: L89170498294@yandex.ru

Актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений

«Информация – отрицание энтропии»
С. С. Овчинский

«Задача называется трудно решаемой, если время её решения зависит от объёма входных данных по экспоненциальному закону и не может быть сведено к полиномиальному закону»

В. В. Лидовский

Аннотация

Деятельность по предупреждению преступлений носит ярко выраженный информационный характер. Вызовы современности актуализируют формирование широкомасштабной теоретической модели информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений.

Информационно-аналитическое обеспечение предупреждения преступлений – это научно-обоснованная деятельность специализированного предиктивного органа инициативно в круглосуточном режиме по организации и проведению мониторингово-дескриптивной, мониторингово-предиктивной, мониторингово-прескриптивной аналитики и формированию на их основе криминалистически значимой информации в целях предупреждения преступлений.

Потенциальные возможности дескриптивной, предиктивной и прескриптивной информации¹ выкристаллизовываются в недрах общественных, естественных, технических наук. Каждая научная отрасль оперирует информацией, исходя из своего предмета и разрабатанного (имеющегося) методологического инструментария.

¹ Информация – это: 1) сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством. Теория информации изучает способы измерения и передачи информации; 2) сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-либо [12, с. 245].

Однако, сама по себе информация по своей природе пассивна, ее наличие является лишь предпосылкой для решения имеющихся задач.

Деятельность по предупреждению преступлений основывается на информации, разрабатываемой, познаваемой, аккумулируемой общественными, естественными, техническими науками. Преимущество криминалистики, как науки и учебной дисциплины, в том, что она, благодаря специальному ее предмету и методологическому инструментарию [8], способна интегрировать и творчески (строго – научно, опираясь на разработанную криминалистикой методологию) приспособлять для решения своих задач достижения иных отраслей наук.

Актуальной на современном этапе развития человечества является проблема и в добывании достоверной криминалистически значимой информации и в способности ее интерпретировать, выявив связи и соотношения, оценить, применить.

Атрибутивная, функциональная, коммуникативистическая, семиотическая, математическая, управленческая концепции информации достоверность как свойство информации не рассматривают в её сущностном аспекте, явно недооценивая различные манипуляции с нею и возможные опасные последствия.

В статье излагаются лишь отдельные актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: предупреждение преступлений; достоверная информация; дескриптивная информация; предиктивная информация; прескриптивная информация; формирование криминалистически значимой информации; полисемия; терминойд; объединение различных типов связи; единица отражения; уменьшение энтропии.

1. Понятие информации, факторы, влияющие на формирование рентной информации (криминалистически значимой)

Под информацией в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понимаются – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления¹.

Под информацией в криминалистике «понимаются фактические данные или сведения, находящиеся в *причинно-следственной связи* с событием преступления и характеризующие способ его

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

совершения, лиц, его совершивших, потерпевших от преступления, предметы преступного посягательства, орудия преступления, следы преступления и тому подобные обстоятельства» [8].

Важно отметить, что Р. С. Белкин, А. И. Винберг, раскрывая сущность информации, заострили внимание на том, что криминалистически значимая информация «подразделяется на информацию о событии и информацию из события. Связь изменений с событием и характеризуется информацией» [1]. «Информация есть мера связи события и вызванных этим событием изменений в окружающей среде» [1]. Переведя на язык теории доказательств, они отметили, что «изменения, связанные с событием, есть доказательства, а мера связи доказательств с событием, к которому они относятся, находящаяся в прямой зависимости от количественного и качественного содержания этих изменений, есть доказательственная информация» [1, с. 172, 173].

Для понимания информации, её сущности и свойств, факторов, влияющих на её функционал, необходимо глубокое исследование таких категорий, как энтропия, единица отражения, полисемия, терминоид и др. [1, с. 212, 214; 3, 6, 10].

Большую роль в формировании криминалистически значимой информации Р. С. Белкин, А. И. Винберг отводили *криминалистическим методам*: диалектическому, частным методам познания – наблюдению, измерению, вычислению, описанию, сравнению, эксперименту и специальным методам исследования – технико-криминалистическим, структурно-криминалистическим методам, методам моделирования, математическим методам и криминалистическим классификациям [1].

Профессор В. О. Давыдов осуществил комплексное исследование вопросов, касающихся содержания понятия, свойств, видов, источников, механизма формирования и способов преобразования криминалистически значимой информации; обосновал критерии эффективности информационного обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений; выдвинул ряд предложений по формированию условий цифровой трансформации информационно-аналитических систем, применению инструментов и методов обработки больших данных и искусственного интеллекта в следственной деятельности [5].

Важной особенностью методологии криминалистики является наличие инструментария, позволяющего высветить недостатки (неполадки), ошибки, просчёты, закамуфлированную энтропию, имеющуюся в тех или иных научных отраслях.

Криминалистика оценивает любую информацию на предмет ее соответствия объективной действительности, истине, достоверности.

Для решения данной задачи она разрабатывает и приспособливает всю свою систему: общую теорию и частные теории, криминалистическую технику, криминалистическую тактику, криминалистическую методику для обеспечения *достоверности* приспособляемой и оперируемой для решения *своих* задач криминалистически значимой информацией [7]. Все компоненты системы криминалистики отдельно и (или) в совокупности обладают функциональной возможностью не только приспособливать достижения других наук для решения своих задач, но и пропускать через криминалистический фильтр приспособляемую информацию для определения её актуальности, достаточности, достоверности, значимости, интерпретируемости.

Актуальная, достоверная, достаточная, интерпретируемая криминалистически значимая информация определяет *содержание* информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений.

Однако, как верно отмечает профессор А. С. Овчинский, «собственно информация в её функциональном¹ значении скромно уходит в тень, прячась за порождённые ею технологии и продукты, и старается «не засвечиваться» в качестве основного и наиболее эффективного инструмента воздействия при формировании как индивидуального, так и массового сознания» [5; 9, с. 7].

Профессор В. О. Давыдов исследовав мнения авторитетных учёных Н. С. Полевого, М. Н. Хлынцова, А. В. Лапина, М. В. Салтевского, В. И. Голанцева, Р. С. Белкина, А. Ф. Волынского, Е. Р. Россинской о содержании и значении термина «криминалистически значимая информация» дал своё определение этого термина под которым он понимает – «полученные по различным каналам любые фактические данные или сведения, образующие содержание материальных и идеальных отображений объектов, находящихся в причинно-следственной связи с событием преступления и ходом его расследования» [5, с. 34–37].

Нам представляется необходимым и обоснованным включить один операциональный компонент – «проверку с использованием технико-криминалистических средств в целях обеспечения достоверности» к определению, сформулированному профессором В. О. Давыдовым. Так как считаем этот аспект безотлагательным в целях обеспечения достоверности криминалистически значимой

¹ Функциональная трактовка раскрывает информацию с функционированием самоорганизующихся систем, предусматривает обязательное наличие в системе отражающей подсистемы; содержание сообщений находится в прямой зависимости от интерпретации информации [5, с. 22].

информации. Только на основе достоверной, актуальной, своевременной, интерпретируемой криминалистически значимой информации возможно информационно-аналитическое обеспечение предупреждения преступлений.

Достоверная криминалистически значимая информация может устанавливаться и проверяется и с использованием профессиональных криминалистических средств и методов, например, психофизиологических исследований (экспертиз) с использованием полиграфа¹.

В фундаментальном курсе по инструментальной детекции лжи отмечается, что «процесс протекания информации между любыми объектами структурно состоит из элементов: индуктора (источника информации), канала передачи (операциональный аспект) и реципиента (адресата, кому предназначена информация), в силу ограниченности материальных ресурсов и их неравномерного общественного распределения разнонаправленность интересов приводит к многочисленным прямым и *закамуфлированным* социальным конфликтам как на макро, так и на микросоциальном уровнях» [11, с. 13].

В этой связи ключевыми для *понимания* являются особенности протекания способов *защиты репутации* (криминалистически значимой) информации: лжи, обмана, неправды, ухода от темы (избегания опасным тем), установки на запирательство².

¹ «Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа – процессуальное действие, заключающееся в изучении с помощью специально разработанных методов исследования и специального устройства (полиграфа), динамики психофизиологических реакций подэкспертного для установления фактических данных, имеющих доказательственное значение для дела». См.: Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. URL: <http://expert-spf.ru/mezhvedomstvennaya-metodika> (дата обращения: 14.02.2025).

² В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля нет существительного «ложь», есть глагол. «лгать» – это «говорить противное истине» [4, с. 240, 264]; в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля нет существительного – «обман», есть глагол «обманывать» – это «словом или делом вводит кого в заблуждение, уверять в небыли, притворяться, облыжничать, принимать или подавать ложный вид, обехать на кривых, плутовать, мошенничать» [4, с. 599]; в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля неправда и правда «искажены в значении своём, почти в нашу память сделавшись однословами с выражн. ложь и истина; коренное же значение слова правда и неправда заменено, не совсем удачно, выражениями: справедливость и несправедливость, правосудие и неправосудие. Но истина относится только до понятий умственных, а правда – до качеств нравственных, почему и первое уложено наше, законы правосудия, назывались Русскою правдою. Народ остался верен прямому значению слова; для него неправда всякая незаконность, дело противное совести, притеснение, обида, кривосуд, неправый приговор, криводушие, недобросовестность, кривда. Всякая неправда – грех. Всякая неправда помянется, не на этом свете, так на том. Неправда от дьявола. В правде Бог помогает, в неправде – запинает. Бог всякую неправду сыщет» [4, с. 529]; Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет – «ложь» как «намеренное искажение истины, неправда, обман» [12, с. 324]; Толковый

Дифференцировать признаки манипуляции с криминалистически значимой информацией позволяют критерии, используемые криминалистикой, которые основываются на современных достижениях науки и техники.

Таким образом, обеспечение достоверности криминалистически значимой информации в целях информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений – первый вопрос, стоящий на повестке.

II. Информационные ресурсы в деятельности по предупреждению преступлений. Зарубежный опыт предиктивной политики полиции

1. Отечественные современные системы учетов криминалистически значимой информации в деятельности по предупреждению преступлений.

2. Иные информационно-аналитические ресурсы в информационном обеспечении предупреждения преступлений (Международная организация уголовной полиции (Интерпол)¹; Европейское полицейское ведомство (Европол)².

Ключевым в исследуемом аспекте является понимание содержания и возможностей информационно-аналитических картотек. Представляют практический интерес архитектуры информационных систем и типы связей, их значение, объединение различных типов

словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет – «обман» как «то же, что и ложь» [12, с. 422]; Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет – «неправду» как «1) то же, что и ложь; 2) не соответствует действительности» [12, с. 402].

¹Процессы накопления, обработки, обмена информацией между странами - членами Интерпола реализуются с использованием двух инструментов – глобальной информационно-телекоммуникационной системы I-24/7 и информационной системы I-Link (I-Link – информационная система обеспечивает объединение функциональности разнородных электронных служб и подсистем Организации на основе двух современных технологий – web-формах и web-сервисах). В исследуемом аспекте важно отметить, что Система, обеспечивая доступ к учёту (аналитической картотеке) «Физические лица», содержит 177 показателей, кроме прочего, сведения о психологии поведения, манере поведения, психолого-психиатрические профили» [5].

² Информационная система Европола используется для сбора, обработки, анализа криминалистически значимой информации правоохранительными органами стран – участниц ЕС с целью оказания поддержки уголовным расследованиям. Система обеспечивает доступ к следующим учётам (аналитическим картотекам): «Физические лица»; «Средства, используемые при совершении преступлений»; «Организованная преступность»; «Банды мотоциклистов»; «Преступления террористической направленности»; «Фальшивомонетничество и подделка евро»; «Незаконный оборот наркотиков»; «Торговля людьми»; «Детская порнография»; «Легализация преступным путём финансов и имущества»; «Использование поддельных кредитных карт»; «Международные разбои»; «Контрабанда сигарет»; «Незаконная миграция»; «Мошенничество в налоговой сфере»; «Киберпреступность»; «Преступления в сфере интеллектуальной собственности»; «Морское пиратство» [5, с. 210–215].

связи: исходного направления, обратного направления, встречного направления, последовательного направления, связи переходящих отношений, субстанциональные связи, связи преобразования, пространственные связи и иные [2, с. 44–46].

В исследуемом аспекте также значимыми являются уточнение объектов учёта, проблемы формирования учётно-регистрационных форм, формирования системы учётов, особенности формирования и обмена криминалистически значимой информацией между субъектами предупреждения преступлений и др. Все это преимущественно решается на основе нового нормативного регулирования процесса информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений и процесса трансформации имеющегося нормативного регулирования в рассматриваемом аспекте.

Зарубежный опыт предиктивной политики полиции основывается на комплексном исследовании причин и условий преступлений, он обширен и основывается на теории информации, теории алгоритмов, теории исследования операций, теории оптимального управления, теории распознавания образов и др. На их основе разрабатывается практический инструментарий к использованию практических приложений алгоритмического интеллекта, прежде всего, для предиктивной и прескриптивной аналитики.

Таким образом, можно заключить, что необходимо:

– разрешить вопросы информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений, что является одной из актуальных задач современной криминалистики;

– усовершенствовать методологические инструменты криминалистики, которые позволяют эффективно применять достижения других отраслей наук для решения предиктивных задач. Это открывает перспективы широкого внедрения систем машинного интеллекта в деятельность органов внутренних дел с целью информационно-аналитического обеспечения предупреждения преступлений.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М. : Юридическая литература, 1969.
2. *Винберг А. И., Малаховская Н.Т.* Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз : учебное пособие. Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1979.

3. *Горский Г.Ф.* Научные основы организации деятельности следственного аппарата в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: ТЕРРА, 1995.
5. *Давыдов В.О.* Информация в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: теория, практика, инновация : монография. М., 2021.
6. *Колмогоров А.Н.* Теория информации и теория алгоритмов / под ред. Ю.В. Прохорова. М. : Наука, 1987.
7. *Можяева И.П.* Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2015.
8. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999.
9. *Овчинский А.С.* Матрица преступности / под ред. В.С. Овчинского. М., 2006.
10. *Овчинский С.С.* Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью : монография / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2000.
11. *Оглобин С.И., Молчанов А.Ю.* Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль : Ньюанс, 2004.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.

Максим Мустакимович Алиев,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: aliev.alievso@yandex.ru

Комплексное использование специальных знаний при расследовании дорожно-транспортных преступлений

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы комплексного использования специальных знаний при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Акцентируется внимание на комплексном подходе при производстве судебных экспертиз. В данной работе рассматривается деятельность судебных экспертов, занимающихся производством судебных экспертиз по уголовным делам, связанными с дорожно-транспортными преступлениями. Уделено особое внимание производству автотехнической судебной экспертизы. Приведены примеры типичных следственных ситуаций данной категории дел.

***Ключевые слова и словосочетания:** судебно-медицинский эксперт; специальные знания; судебный автотехник; судебный трасолог; комплексная судебная экспертиза.*

Говоря о расследовании уголовных дел, связанных с дорожно-транспортными преступлениями, мы должны, прежде всего, определить роль специальных знаний при расследовании преступлений данной категории.

Базовое значение для результативности следствия по рассматриваемой категории уголовных дел имеет качественное проведение осмотра вещной обстановки места дорожно-транспортного преступления, фиксация вещной обстановки на месте аварии, обеспечения комплексности изъятия следов для последующего проведения судебных экспертиз, что также требует использования специальных знаний в различных научных областях на комплексной основе.

Специальные знания необходимы для установления таких обязательных для каждой автоаварии обстоятельств как степень тяжести вреда здоровью у пострадавших лиц, установление причин смерти

погибших, определение локализации и механизма образования травм у различных категорий участников дорожно-транспортного преступления, определения механизма совершения дорожно-транспортного преступления, установления технического состояния автомашин и так далее.

Одной из основных форм использования специальных знаний является производство судебной экспертизы, регламентируемой главой 27 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

По мнению Т. В. Аверьяновой, «предъявляемые к следственной и судебной практике требования оперативного и безотлагательного использования всей совокупности фактических данных, необходимости полного сбора источников фактических данных в целях получения доказательственной информации по расследуемым делам имеют прямую связь с экспертной деятельностью и, в частности, с заключением эксперта, являющегося одним из доказательств» [5, с. 133].

Анализ следственной и судебной практики показывает, что по уголовным делам, связанными с дорожно-транспортными преступлениями, одним из основных доказательств является «заключение и показание эксперта» (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Здесь также уместно обратить внимание на мнение Аверьяновой Т. В.: «В процессе производства экспертизы при исследовании вещественных доказательств эксперты используют комплекс методов, обуславливающих полноту исследования, накапливают данные, формируют частные выводы, которые впоследствии преобразуют в общий вывод» [5, с. 133].

Развивая концепцию о комплексном использовании специальных знаний при расследовании дорожно-транспортных преступлений, важно подчеркнуть роль комплексного подхода именно к процессу самого исследования, а не только формулирования выводов.

По мнению Т. В. Аверьяновой, «на успешное же раскрытие едва ли не любой крупной научной проблемы оказывает влияние комплексного подхода, то есть использование данных и методов целого ряда наук, ибо в самой природе физические, химические, биологические процессы существуют не изолированно и даже не рядом друг с другом, а в единстве» [5, с. 124].

При расследовании уголовных дел данной категории возникают различные следственные ситуации. Зачастую их решение невозможно в рамках производства одного из вида судебных экспертиз. При наличии видеозаписи, фиксирующей обстоятельства ДТП, судебный эксперт – автотехник не может дать обоснованное заключение

эксперта без участия судебного эксперта – видеотехника. Благодаря судебному эксперту-видеотехнику будут получены исходные данные, такие как время нахождения в пути пешехода, либо скорость транспортного средства, участвовавшего в ДТП, что заметно влияет на производство автотехнической судебной экспертизы.

Рассмотрим одну из типичных следственных ситуаций о ДТП. Согласно версии подозреваемого (водителя транспортного средства) пешеход появился на проезжей части внезапно, при этом направление и путь пешехода не известны. Свидетелей (очевидцев ДТП) нет. В ходе производства осмотра вещной обстановки места дорожно-транспортного преступления была изъята одежда погибшего (участника ДТП). В рамках производства судебно-медицинской экспертизы судебно-медицинский эксперт может определить направление травмирующей силы транспортного средства на пешехода, исследуя следы на теле и на одежде комплексно.

В том случае, если участник ДТП скончался в медицинском учреждении и вскрытие производил патологоанатом, направление травмирующей силы определяется в рамках судебно-трасологической экспертизы, проводимой в ЭКП ЭКЦ МВД России в ходе исследования повреждений на одежде и при проведении судебно-медицинской экспертизы по медицинским материалам.

Мы привели только две следственные ситуации, где необходимо комплексное использование специальных знаний. На практике мы можем наблюдать различные следственные ситуации, связанные с дорожно-транспортными преступлениями.

Важно подчеркнуть, что подобные вопросы, поставленные на разрешение судебных экспертов, необходимо разрешать в рамках производства комплексных судебных экспертиз.

Как справедливо отметил И. И. Лейман, «комплексность – это использование различных методов и достижений разных наук для решения специфических проблем, не решаемых ни в одной из данных наук, в отдельности» [6, с. 50].

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать, что при расследовании уголовных дел, связанных с дорожно-транспортными преступлениями, происходит процесс интеграции смежных наук, последствия которого выражается в комплексном подходе. Отдавая должное тому, что было сделано предшественниками, мы тем не менее считаем, что вопросы комплексного использования специальных знаний при расследовании дорожно-транспортных преступлений остаются весьма актуальными и требуют дальнейшего исследования.

На практике имеются случаи, когда инерционность мышления следователей и дознавателей в части необходимости и целесообразности

комплексного подхода к организации и проведению судебных экспертиз заменяются определенными организационными решениями.

Так, например, в приказе МВД России от 29.06.2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» фрагмент специальных знаний в области судебной трасологической экспертизы отнесен в область специальных знаний в области автотехники: «автотехническая: ... исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасологическая диагностика) [4].

В такой постановке не совсем ясным представляется местонахождение в системе научного знания вопросов транспортно-трасологической диагностики механизмов железнодорожной аварии, на воздушном и водном транспорте т.д. Как мы видим, не до конца продуманные решения, порождают новые проблемы.

Таким образом, задача обеспечения комплексности при расследовании дорожно-транспортных преступлений не относится к числу простых, решаемых линейным подходом, а также требует комплексных мер.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 01.05.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
3. Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации : приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н.
4. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 27.06.2019): зарегистр. в Минюсте России 23 авг. 2005 г. № 6931.
5. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории М. : Норма, 2006. 480 с.
6. *Лейман И.И.* Наука как социальный институт. Л, 1971.

Александр Викторович Аносов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
E-mail: pdnrme@yandex.ru

Коррупционные риски цифровизации стадии предварительного расследования преступлений

Аннотация

Статья посвящена проблемам цифровизации стадии предварительного расследования преступлений в России и связанным с ними коррупционным рискам. Рассматриваются проблемы, связанные с использованием правовых и организационных пробелов освоения новых технологий недобросовестными сотрудниками в коррупционных целях, а также технические уязвимости самих цифровых технологий. Среди основных коррупционных рисков отмечены возможность манипуляции цифровыми доказательствами, хищение или продажа цифровой информации, а также коррупционные схемы, связанные с криптовалютами. В заключение подчеркивается необходимость комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение технической защищенности цифровых ресурсов, подготовку кадров для минимизации коррупционных угроз.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция; предварительное расследование; следствие; дознание; криминогенные риски; цифровые технологии; противодействие коррупции; конфликт интересов.

Цифровизация стадии предварительного расследования в России представляет собой актуальное направление реформирования уголовного судопроизводства, в целях повышения эффективности, оперативности и прозрачности правоохранительной деятельности. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и роста киберпреступности традиционные методы расследования нуждаются в дополнительных разработках, при этом внедрение цифровых технологий на стадии предварительного расследования способствует оптимизации работы следственных органов, улучшению взаимодействия между различными участниками уголовного процесса и повышению качества

доказательственной базы. В последние годы в нашей стране предпринимаются активные усилия по интеграции информационных технологий в деятельность правоохранительных органов: создаются автоматизированные рабочие места для следователей, электронные базы данных, включая цифровое криминалистическое обеспечение, внедряются специализированные информационные системы для документирования хода и результатов процессуальных действий. Однако, несмотря на эти усилия, уровень цифровизации предварительного расследования остается недостаточным, основные проблемы включают фрагментарность внедрения технологий, отсутствие единой платформы для обмена информацией и недостаточную подготовку кадров к работе в цифровой среде.

Одним из перспективных направлений цифровизации предварительного расследования является внедрение электронной формы уголовного дела. Данная форма процессуальной деятельности позволяет сократить объем бумажного документооборота, повысить сохранность материалов дела и ускорить доступ к информации для всех участников процесса, кроме того, электронное уголовное дело способствует повышению прозрачности расследования и соблюдению разумных сроков судопроизводства.

Другим активно обсуждаемым в настоящее время как среди ученых, так и практических работников направлением совершенствования является использование в уголовном процессе возможностей искусственного интеллекта (ИИ). Искусственный интеллект может существенно упростить процесс анализа больших объемов данных, таких как записи с камер видеонаблюдения, электронные письма и сообщения в социальных сетях. Непосредственно в механизме расследования преступлений системы ИИ способны автоматически выделять ключевые сведения о фактах, имеющих значение для расследования, и формировать доказательственную базу. Это особенно актуально в условиях роста киберпреступности, когда традиционные методы расследования проявляют недостаточную эффективность.

В организационно-техническом плане активное использование таких форм, как цифровые уведомления и видеотекстовая фиксация, позволяет упростить взаимодействие между участниками процесса. Например, уведомления о вызовах в правоохранительные органы могут отправляться через SMS или электронную почту, а допросы и очные ставки проводиться с использованием видеоконференцсвязи. Это особенно важно для удаленных регионов, где физическое присутствие участников процесса затруднено. Системы на основе блокчейна могут быть использованы для обеспечения неизменности и достоверности цифровых доказательств, а технологии Big Data позволяют анализи-

ровать огромные массивы информации, выявлять закономерности и прогнозировать развитие преступной деятельности.

В то же время следует признать, что и правовая теория, и действующее уголовное-процессуальное законодательство России не всегда учитывает тенденции развития и особенности цифровых технологий. Например, отсутствует четкое определение таких понятий, как «цифровое доказательство» или «электронное уголовное дело», что создает правовые пробелы и затрудняет внедрение современных технологий в практику. С другой стороны, многие следственные подразделения не оснащены необходимым оборудованием и программным обеспечением, что ограничивает возможности использования цифровых технологий и приводит к увеличению нагрузки на сотрудников, которые вынуждены дублировать электронные данные на бумажные носители. Кроме того, внедрение цифровых технологий требует подготовки специалистов, обладающих навыками работы с современными ИТ-системами, однако многие сотрудники правоохранительных органов не имеют достаточной квалификации для использования таких технологий, что создает дополнительные барьеры для цифровизации.

В этих условиях при введении дополнительных цифровых средств оптимизации процесса расследования уголовного дела необходимо заранее проанализировать коррупционные угрозы, способные послужить дополнительным источником возникновения конфликта интересов или непосредственно способствовать совершению должностных преступлений. Подобные угрозы в криминологии принято рассматривать через понятие «коррупционный риск», т.е. потенциальная или реальная возможность совершения служащим (работником) коррупционного правонарушения.

Прежде всего, целесообразно рассмотреть вопрос об общих проблемах цифровизации стадии предварительного расследования уголовного дела в России и связанными с ними рисками.

В целом осуществление предварительного расследования сопряжено с коррупционными рисками по ряду объективных и субъективных причин, обусловленных спецификой правоприменительной практики, институциональными особенностями правоохранительной системы и уровнем правосознания участников уголовного процесса. Важнейшей предпосылкой коррупции в данной сфере является наличие значительного объема дискреционных полномочий у следователей и дознавателей, предполагающих известную степень процессуальной свободы в выборе наиболее целесообразной линии поведения в конкретной следственной ситуации. В частности, дознаватели и следователи (в некоторых случаях с согласия соответствен-

но руководителей следственных органов или прокуроров) вправе отказывать в возбуждении уголовных дел, прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям (в связи с примирением сторон, в связи с деятельным раскаянием и пр.), инициировать направление материалов в суд для назначения судебного штрафа и принимать многие иные в определенной степени «судьбоносные», а следовательно, связанные с коррупционными рисками решения [3, с. 631]. Дополнительным фактором является высокая загруженность сотрудников следственных органов и низкий уровень заработной платы, что также делает расследование преступлений уязвимым для коррупционного воздействия. В подобной ситуации следователь может сам склоняться к совершению коррупционного преступления, а заинтересованные лица – предлагать незаконное вознаграждение за прекращение уголовного дела или изменение хода расследования.

Одним из основных коррупционных рисков на стадии предварительного расследования является возможность манипуляции доказательствами. В отличие от традиционных материальных доказательств, цифровая информация, такая как электронная переписка или иные данные с мобильных устройств, могут быть изменены или подделаны без особых усилий. Например, в настоящее время судами принимается в качестве доказательств скриншоты переписки в мессенджерах или других электронных средствах коммуникации, однако в условиях неопределенности порядка обеспечения их достоверности и широкого распространения графических моделей ИИ, дающих возможность любому пользователю изменять изображение с высоким качеством конечного результата (изготовление так называемых дипфейков), возрастают риски применения данной технологии в коррупционных целях. Цифровизация, безусловно, упрощает сбор и обработку доказательств, но при отсутствии должного контроля создает условия для их фальсификации, при этом использование нейросетевых технологий позволяет сделать подделку доказательств максимально скрытой.

С другой стороны, цифровизация может способствовать усилению закрытости процессов предварительного расследования. Несмотря на декларируемые цели повышения прозрачности, на практике внедрение цифровых систем часто сопровождается ограничением доступа к информации для участников процесса и общественности. Сотрудники правоохранительных органов могут использовать эту закрытость для реализации своих коррупционных помыслов, например, давление на участников процесса или уничтожение неудобных материалов. По вполне понятным причинам все эти факторы негативно влияют на повышение коррупционных рисков в досудебном производстве.

Еще одним значимым риском является утечка конфиденциальной информации. Внедрение цифровых технологий требует надежной защиты данных, в условиях недостаточной проработанности единых стандартов кибербезопасности становится реальной опасностью незаконного получения информации, используемой для шантажа или давления на участников процесса. Цифровизация также предоставляет новые возможности для злоупотреблений, связанных с использованием больших данных и автоматизированных систем анализа. Например, внедрение систем криминологического прогнозирования для выявления долгосрочных и краткосрочных тенденция развития преступности, может привести к необоснованному преследованию граждан по национальному или иному признаку, включая коррупционное давление на лиц с целью реализации личной заинтересованности. Более того, автоматизация процессов расследования может привести к снижению ответственности сотрудников правоохранительных органов, которые могут ссылаться на ошибки системы для оправдания своих действий.

Нельзя не отметить, что цифровизация создает условия для новых форм коррупции, связанных с использованием криптовалют и других цифровых активов. В последние годы в России участились случаи, когда коррупционные деяния на стадии предварительного расследования включали получение взяток в криптовалюте, что значительно затрудняет их выявление и расследование. Достаточно вспомнить нашумевшее дело вышедшего начальника следственного отдела СК по Тверскому району Москвы Марата Тамбиева, приговоренного судом к 16 годам колонии строгого режима и 500 млн руб. штрафа по делу о получении взятки в размере более 2718 биткоинов и 1,5 млн долларов. При обысках в его квартире нашли ноутбук с папкой «Пенсия», где хранились записи кодов доступа к криптокошелькам с биткоинами. Следствие пришло к выводу, что следователь получил взятку в криптовалюте от хакеров из группировки Infracard Organization, которые передавали Тамбиеву деньги за процессуальные решения, в том числе по их уголовному делу [5]. Таким образом, основные преимущества криптовалют, связанные с анонимностью их владельцев и децентрализованностью реестра транзакций становятся источниками появления новых коррупционных рисков.

В контексте уголовного судопроизводства в Российской Федерации следует отметить еще одну проблему, связанную с хранением изъятой цифровой информации, включая криптовалютные активы, обусловленную как техническими, так и правовыми аспектами. Одной из причин возможных нарушений является неопределенный правовой статус криптовалют в России, создающий сложности

при их изъятии и последующем хранении в рамках уголовного процесса. Кроме того, технические особенности хранения криптовалютных средств подразумевают наличие специальных познаний и соответствующей инфраструктуры в правоохранительных органах, что не всегда может быть реализовано на практике. В результате слабая проработанность правил обращения с изъятими цифровыми активами может приводить к их хищению. Например, в августе 2023 года бывший сотрудник УФСБ по Самарской области путем обмана и злоупотребления доверием с использованием своего служебного положения похитил у подследственного хакера 68 биткойнов на общую сумму 187 млн руб., в чем позднее сознался и даже согласился сотрудничать со следствием [4]. Подобные инциденты свидетельствуют о необходимости ограничения возможности доступа и жесткого регулирования правил обращения с изъятим цифровым активом. Ситуацию усугубляет недостаточный уровень технической подготовки самих сотрудников оперативных и следственных подразделений, позволяющий совершать подобные инциденты.

Отдельно следует остановиться еще на одной потенциальной проблеме в рассматриваемом контексте коррупционных рисков. Традиционно основным субъектом совершения коррупционных деяний в ходе предварительного расследования является непосредственно должностное лицо, ведущее следствие. С внедрением цифровых технологий в данный процесс появляется еще один субъект, имеющий непосредственную возможность манипулировать данными, а именно: технический специалист, занимающийся установкой и обслуживанием программного обеспечения на ПК, используемые в ходе расследования. Технические специалисты, обладая правами доступа к информационным ресурсам, включая конфиденциальную информацию, получают тем самым возможность влиять на работу программного обеспечения, что делает их потенциальными участниками коррупционных схем. Несмотря на то, что они не являются участниками уголовного процесса, данный аспект необходимо учитывать в системе технического и криминалистического обеспечения процессуальной деятельности.

Аналогичным образом следует оценивать риски введения в процесс расследования автоматизированных систем на основе искусственного интеллекта. Прежде всего, необходимо отметить, что обучение ИИ представляет собой достаточно сложный и ресурсоемкий процесс, при котором возможны как непреднамеренные, так и умышленно внесенные неточности и предпочтения, позволяющие в определенных случаях трактовать спорные ситуации исходя из заложен-

ных в него алгоритмов. Как отмечает Н. В. Бугаевская, ИИ, несмотря на условное его могущество, зависит от технических специалистов, которые, в свою очередь, могут совершить определенные технические неточности, что, как следствие, неминуемо приведет к дальнейшим негативным последствиям [1, с. 68]. Например, если нейросеть обучена на данных, отражающих предвзятый подход к оценке справедливости, это может выразиться в принятии решений, дискриминирующих представителей определенных этнических или социальных групп, либо, наоборот, дающих им предпочтение. Стоит отметить, что использование ИИ в предварительном расследовании может способствовать отказу должностных лиц от собственной оценки обстоятельств дела, полагаясь лишь на решение, принятое нейросетью, что также создает условия для реализации коррупционных помыслов. С другой стороны, при выявлении ошибок или злоупотреблений достаточно сложно установить, на каком этапе и кем было принято неверное решение, что усложняет привлечение виновных к ответственности.

Особого внимания заслуживают угрозы, связанные с возможностями воздействия на должностных лиц путем использования методов социальной инженерией, кибермошенничества или осуществления прямых атак на информационные ресурсы. Здесь есть несколько аспектов. Во-первых, целью подобных действий может быть непосредственно хищение, уничтожение или блокировка процессуальной документации с целью противодействия расследованию преступления. Во-вторых, современные информационные средства предоставляют злоумышленникам широкий выбор для изготовления фейковых объектов (фото, виде или аудио запись), которые можно использовать, например, в целях искусственного создания ситуации конфликта интересов, требующей как минимум отстранить неудобного следователя от расследования конкретного уголовного дела (совместно фото или видео общения следователя с обвиняемым или его родственниками во неслужебное время, фейковая аудиозапись компрометирующего разговора и пр.) В-третьих, объектом подобного воздействия могут быть личная информация либо финансовые средства следователя с целью склонить его к коррупционному сотрудничеству путем шантажа под угрозой дискредитации, либо обещания вернуть похищенные со счета деньги.

Для противодействия данным рискам необходим комплекс мероприятий, направленных на повышение устойчивости и защищенности служебных информационных ресурсов, разработку и внедрение многофакторной идентификации пользователей при организации доступа к цифровой информации, использование собственно-

го программного обеспечения на основе отечественных разработок, включая системы мониторинга сетевой активности и автоматизированного реагирования на возможные сбои в сети или подозрительную деятельность. С другой стороны, не менее важна и виктимологическая профилактика среди самих работников следственных подразделений, направленная на формирование повышенного чувства ответственности в процессе работы с цифровой служебной информацией, своевременное и грамотное реагирование при обнаружении нештатных ситуаций в процессе сетевого обмена или использования ИТ ресурсов; повышение технической грамотности сотрудников; формирование психологической устойчивости и правосознательности при попадании в ситуации, связанные с хищением личных данных либо денег с электронных счетов.

В целом интеграция технических средств в процесс предварительного расследования требует разработки и внедрения дополнительных мер, таких как необходимость осуществления антикоррупционной экспертизы внедряемых технических и программных продуктов, обучение сотрудников, обеспечение защищенности от внешнего воздействия, а также разработка систем контроля за правильностью из использования. Не случайно А. В. Победкин в своем исследовании отмечает, что в условиях скачкообразного роста преступлений, совершенных с использованием таких технологий, ожидать от людей доверия к ним не приходится. Информационные технологии надежны, если сопряжены с гарантиями, эту надежность обеспечивающими [2, с. 35].

Среди других мер, направленных на снижение коррупционных рисков внедрения современных цифровых систем в процесс расследования преступлений, отметим также необходимость совершенствования нормативной правовой базы, предполагающей регламентацию изъятия, хранения и другие аспекты использования электронных денег; установление уголовной ответственности за изготовление и использование дипфейков; регламентацию принятия цифровой информации как допустимой в качестве доказательства по уголовному делу.

Особого внимания заслуживает вопрос кадрового обеспечения цифровой трансформации. Несмотря на активное внедрение автоматизированных рабочих мест и информационных систем, многие сотрудники правоохранительных органов недостаточно подготовлены к работе в новой технологической среде, что не только снижает эффективность расследований, но и создаёт предпосылки для ошибок и злоупотреблений. В целях предупреждения подобных проявлений целесообразно ввести обязательные программы повышения квалификации для сотрудников следственных подразделений

по повышению общей цифровой грамотности, а также обеспечению мер безопасности в информационно-коммуникационной среде.

В числе организационных мер для противодействия коррупционным злоупотреблениям целесообразно создать единый реестр криптовалютных транзакций, интегрированный в систему финансового мониторинга, а также утвердить специальный регламент хранения и обработки изъятых цифровых активов, включая «холодные» кошельки, с целью упорядочения доступа к ним. Технические сложности, такие как отсутствие чётких процедур хранения криптовалют, усугубляются правовой неопределённостью их статуса, что требует скорейшего законодательного регулирования.

Также актуальным следует признать вопрос коррупции в процессе государственных закупок цифровых решений для правоохранительных органов. В условиях недостаточной прозрачности при заключении государственных контрактов, совмещённой с лоббированием интересов отдельных поставщиков, возрастают риски внедрения заведомо уязвимых или малоэффективных технологий. Для минимизации подобных рисков требуется обеспечить строгое соблюдение всех закупочных процедур, включая обязательную публикацию технических требований и использование защищённых систем для предотвращения возможных манипуляций.

В заключение следует отметить, что цифровизация стадии предварительного расследования уголовного дела в России имеет как преимущества, так и потенциальные коррупционные риски. С одной стороны, она может способствовать повышению эффективности осуществления уголовного судопроизводства, а с другой – создает новые возможности для коррупционных злоупотреблений. Необходимость нейтрализации коррупционных рисков цифровизации предварительного расследования подразумевает системный подход, сочетающий законодательные инициативы, технологические меры и организационные решения. Основными элементами подобного подхода должны стать прозрачность процессуальных действий, обеспечение цифровой безопасности, повышение квалификации сотрудников и создание механизмов независимого контроля.

Список литературы:

1. *Бугаевская Н.В.* Перспективы использования искусственного интеллекта как средства противодействия коррупции в деятельности органов предварительного расследования и суда // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 3.

2. *Победкин А.В.* Процессуальные гарантии объективности уголовного судопроизводства в условиях рисков цифровизации // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 21 мая 2021 г. / под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М. : Академия управления МВД России, 2021.

3. *Росинский С. Б., Рябцева Е.В.* Предупреждение коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5.

4. Чекист взломал хакера // Коммерсант: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6174035> (дата обращения: 10.02.2025).

5. Экс-следователю вынесли приговор за самую большую взятку в истории России // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/10/2024/6704f99b9a79475102e1f136> (дата обращения: 10.02.2025).

Ольга Владимировна Анучина,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: Olganauka1989@yandex.ru

Ленар Вазыхович Сатдинов,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: LenarSV01@mail.ru

Установление объективной истины как гарантия правильного разрешения уголовного дела

Аннотация

Актуальность исследования вопросов объективной истины в современном уголовном судопроизводстве обусловлена прежде всего тем, что от установления объективной истины напрямую зависит положительный результат всей уголовно-процессуальной деятельности в целом, а именно возможность правильного и справедливого разрешения уголовного дела. Авторами делается аргументированный и обоснованный вывод о том, что современное предварительное и судебное следствие имеют объективную потребность в качественном производстве процесса доказывания, логичным и закономерным исходом которой должно стать неминуемое установление объективной истины, т.е. достоверное и точное установление всех обстоятельств совершенного общественно опасного противоправного деяния. Современное уголовное судопроизводство, опираясь на широкие возможности науки, техники и новейших цифровых технологий, должно удовлетворять запросы общества на более эффективное, более детальное и своевременное исследование даже самых сложных, скрытых и труднодоступных следов преступления с целью дальнейшего их использования для достоверного установления всех фактических обстоятельств совершенного преступления в максимально разумные сроки.

Ключевые слова и словосочетания: объективная истина; установление объективной истины; уголовное судопроизводство; уголовное дело; разрешение уголовного дела; правильное разрешение уголовного дела.

Об эффективности и слаженности современного уголовного судопроизводства свидетельствует возможность точного и достоверного установления следователями (дознателями) совокупности фактических обстоятельств совершенного преступления не от случая к случаю, а по подавляющему большинству совершенных противоправных уголовно-наказуемых деяний, т.е. на систематичной и регулярной основе. Только в этом случае, можно с уверенностью утверждать о слаженном и эффективном механизме существующего и функционирующего в системе уголовного судопроизводства процесса доказывания.

Ключевую роль в алгоритме выявления, извлечения, исследования и оценки доказательств играет объективная истина, которая по своей сути является тем положительным результатом, к достижению которого стремится правоприменитель на любой из стадий движения уголовного дела.

На рубеже XX и XXI веков в науке уголовного процесса начинают высказываться мысли, ставящие под сомнение верность суждений крупных отечественных ученых (М.С. Строговича, И.И. Мухина, Л.Д. Кокорева и др.) о сущности истины в правосудии, о презумпции невиновности и о влиянии состязательности сторон на правильное и справедливое разрешение уголовного дела.

Преступление, как и любое явление, многогранно. Оно совершается при определенных фактических обстоятельствах, совокупность которых и образует объективную истину. Любое из фактических обстоятельств совершенного преступления может тем или иным образом повлиять на ход расследования, а в дальнейшем и на процесс рассмотрения уголовного дела судом. Поэтому об установлении объективной истины можно утверждать только при установлении правоприменителем всех обстоятельств совершенного преступления, каждое из которых может иметь значение для правильной квалификации преступления, а в дальнейшем и для правильного разрешения уголовного дела судом по существу. Нельзя утверждать об установлении объективной истины, если должностными лицами, уполномоченными на расследование и разрешение уголовных дел, не установлены либо проигнорированы определенные обстоятельства совершенного преступления [1, с. 61–69].

В целом под истиной в уголовно-процессуальной науке принято понимать абсолютное соответствие выводов, изложенных в процессуальном решении (приговоре, определении, постановлении) всем фактическим обстоятельствам исследуемого события [4, с. 165]. Установить истину означает беспристрастно и достоверно познать прошедшее событие преступления и все обстоятельства, подлежа-

щие установлению по уголовному делу, в точном соответствии с тем, как они имели место в объективной действительности [2, с. 196–200].

В случае если в ходе уголовного судопроизводства уполномоченным должностным лицам удастся достоверно установить лицо, совершившее общественно опасное деяние, и все обстоятельства совершенного преступления, которые имеют значение для его правильной квалификации, а в дальнейшем и для правильного разрешения судом уголовного дела по существу, то можно с уверенностью утверждать о факте достижения объективной истины, который закономерно и справедливо выступает положительным результатом всей уголовно-процессуальной деятельности. Этот результат соответствует ожиданиям общества от деятельности правоохранительных органов и обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства. Таким образом, установление объективной истины, безусловно, можно и следует называть положительным результатом всего уголовного судопроизводства [2, с. 196–200].

Достижение объективной истины представляет собой незыблемую гарантию для правильного и справедливого разрешения уголовного дела. Стремление к истине всегда являлось и является неотъемлемой чертой российского уголовного судопроизводства на любом из этапов его развития.

Невозможно принять по существу уголовного дела итоговое процессуальное решение, соответствующее требованиям справедливости, обоснованности и мотивированности, точно и достоверно не установив все обстоятельства совершенного противоправного деяния.

В этой связи возникает вопрос о сущности и содержании правильного разрешения уголовного дела. Что современный законодатель закладывает под этим недвусмысленным понятием?

Разрешение уголовного дела по существу сводится к отысканию правоприменителем достоверного ответа на основополагающий вопрос всего уголовного судопроизводства – о виновности или невиновности обвиняемого в инкриминируемом ему правоохранительными органами преступлении. Общество ждёт от правоохранительных органов прежде всего правильного и однозначного ответа на вышеуказанный вопрос, от которого напрямую зависит возможность правильного разрешения уголовного дела, а вместе с тем и степень доверия общества к деятельности правоохранительных органов.

Любое общество, сталкиваясь с преступными проявлениями, угрожающими его стабильному существованию и развитию, а также безопасности своих людей, адресует государству в лице его правоохранительных органов запрос на охрану своих интересов и обеспечение безопасности граждан. Государство в свою очередь посредством

своих компетентных органов данный запрос общества удовлетворяет путём принятия, во-первых, уголовно-правовых норм, в которых определяет, какие деяния являются общественно опасными, и устанавливает наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим эти самые деяния; во-вторых, государство устанавливает порядок применения этих норм с целью полного выяснения совокупности обстоятельств совершенного противоправного деяния [3, с. 4–5].

В настоящее время правоприменительная практика обладает широкими, прогрессирующими возможностями не только для установления правовых признаков совершенного преступления, но и для достоверного установления всех фактических обстоятельств исследуемого противоправного деяния в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В свою очередь насущной потребностью процесса доказывания продолжает оставаться его качественное криминалистическое обеспечение, осуществляемое на всех его этапах начиная с собирания доказательств вплоть до их использования в установленном законом порядке.

Таким образом, основополагающей гарантией правильного разрешения любого уголовного дела выступает установление объективной истины по совершенному преступлению.

Список литературы:

1. Антонов И. А., Сатдинов Л.В. Факторы, препятствующие установлению объективной истины, и уголовно-процессуальные средства их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61).

2. Осипова Н.В. Объективная истина в уголовном процессе как цель доказывания // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5.

3. Сатдинов Л. В., Емельянова Е.В. Вопросы обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования : научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2023.

4. Шишков А.А. Институт истины в уголовном процессе: от устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2015. № 3.

Владимир Батоевич Батоев,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Специальная техника и связь МВД России
E-mail: vbatoev@mail.ru

IT-преступность: современное состояние, проблемы противодействия, пути их решения

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы противодействия it-преступности, ее современное состояние, проблемы противодействия, предлагаются направления совершенствования противодействия.

***Ключевые слова и словосочетания:** It-преступность; современное состояние; проблемы; информационно-телекоммуникационные технологии.*

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта предоставило человечеству беспрецедентные возможности в сфере создания, обработки, передачи и хранения информации. Цифровой информации стали присущи высокая точность, эффективность, адаптивность, постоянно нарастающие объемы, что в совокупности крайне положительно отразилось практически во всех сферах организации общественных процессов современного общества.

Не без внимания социально полезные технические инновации остались у криминально настроенных лиц. Бурные темпы цифровизации, постоянно пополняющийся перечень инструментов на основе искусственного интеллекта, неосязаемый функционал сложных алгоритмов глубокого машинного обучения, потенциал больших данных, возможности обработки естественного языка и компьютерное зрение в совокупности существенно упростили не только сам механизм подготовки и совершения преступлений, но и аспекты сокрытия их следов.

О крайне сложной ситуации, сложившейся в сфере раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, свидетельствуют не только официальные статистические данные отечественной оперативно-розыскной, следственной и судебной практики. Обращает на себя внимание глобальный характер it-преступности

и ее трансграничность. Вопросы противодействия it-преступности, совершенствования научных, правовых, организационных, тактических, материально-технических и кадровых основ получили широкое обсуждение не только в научной литературе, но и на всех уровнях организации правоохранительной деятельности [2, 4, 5, 6, 7 и др.].

По официальным данным Главного информационно-аналитического центра МВД России на территории Российской Федерации (далее – РФ) в 2024 году было зарегистрировано 765365 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, часть из которых наглядно представлена ниже (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выявленных ОВД РФ

Вид IT-преступления	Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде
особо тяжких	369 267
предварительное следствие по которым обязательно	671 920
предварительное следствие по которым необязательно	93 445
экономической направленности	25 135
экстремистской направленности	682
террористического характера	1 159
против собственности	494 319
п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ	103 414
мошенничество ст. 159 УК РФ	379 762
ч.1 ст. 159 УК РФ	63 585
ст. 207 УК РФ	14 648
ст. 228 УК РФ	21 485
п. «б» ч. 2, чч. 3, 4, 5 ст. 228.1 УК РФ	94 645
ст. 272 УК РФ	105 311
ст. 327 УК РФ	7 696
Всего	765 365

Анализ представленных данных позволяет констатировать наличие сложившейся крайне неблагоприятной ситуации по линии борьбы с it-преступностью. Стоит заметить, что только общая сумма причиненного ущерба в результате совершения it-преступлений составила более 200 млрд руб. (203 755 693 тыс. руб.). При этом обращает на себя внимание, что более половины it-преступлений относятся к категории особо тяжких; около 90 % расследуются в форме предварительного следствия, в тесном взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

На уровне правоохранительных органов РФ предпринимаются различные меры противодействия и взятия такой ситуации под должный контроль, внедряются дополнительные механизмы противодействия it-преступности, реализуется значительное количество мероприятий нормотворческого и организационного характера. Тем не менее, как отмечается руководителями правоохранительных органов, количество противоправных посягательств в сфере информационно-коммуникационных технологий остается стабильно высоким, при этом раскрывается только каждое четвертое преступление¹.

Анализ практики противодействия it-преступности правоохранительными органами РФ позволяет заключить, что предпринимаемые меры правового и технического характера носят «догоняющий» характер. В целом рассматриваемая сфера характеризуется наличием неразрешенных проблем разного характера, устранение которых предлагается рассматривать в качестве направлений совершенствования борьбы с исследуемыми видами криминальной активности:

– предпринимаемые профилактические меры недостаточно эффективны, что позволяет преступникам беспрепятственно и безнаказанно продолжать свою деятельность, постоянно совершенствуя и пополняя используемый при совершении преступлений инновационный технический инструментарий. В качестве подтверждения можно опираться на статистические данные, согласно которым в 2024 году: всего зарегистрировано 765 365 it-преступлений, что на 88 414 фактов больше чем за 2023 год (АППГ – 676 951); сумма причиненного ущерба на 47 284 930 тыс. руб. больше, чем за АППГ (156 470 763);

– практически ежедневно инструментарий преступников пополняется новыми техническими методами и средствами совер-

¹ См. более подробно: Постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 1 «О результатах работы по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации».

шения it-преступлений и обеспечения анонимности их противоправной деятельности на фоне трансграничности it-преступности и расширения возможностей обширного охвата потерпевших;

- большинство зарегистрированных преступлений в 2024 году совершены с использованием сети «Интернет» (620662), средств мобильной связи (344070), мессенджеров (228534), методов социальной инженерии (218033);

- большинство выявленных по уголовным делам лиц относятся к категории рядовых исполнителей (курьеры, закладчики, операторы, «обнальщики» и др.). Субъектами органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности не учитывается, что анализируемые преступления сопряжены с вовлечением широкого круга соучастников, распределением ролей, «зарубежным присутствием» и т.д., что свидетельствует о наличии организованных форм преступной деятельности. В ряде случаев не устанавливаются данные об использованных технических устройствах, местах и способах осуществления банковских операций, об использовании криптовалюты, об обстоятельствах получения доступа к персональным данным и др., ограничиваясь дачей формальных поручений органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность поручений на проведение оперативно-розыскных мероприятий;

- органами внутренних дел Российской Федерации организована деятельность по наполнению подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф» объектами учета. Однако в ряде случаев присутствуют примеры неполного внесения необходимых сведений в банк данных, что требует скорейшего устранения;

- продолжает оставаться напряженной ситуация по организации взаимодействия органов внутренних дел РФ с подразделениями уголовно-исполнительной системы по линии противодействия it-преступности: требуют совершенствования вопросы организации проведения мероприятий по подавлению сигналов радиоподвижной связи на территории режимных объектов, а также пресечения проноса мобильных устройств в исправительные учреждения [3, с. 134–145];

- на фоне сложнейшей геополитической ситуации обращает на себя внимание неразрешенность вопросов организации международного взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных государств в части получения оперативно значимой цифровой информации, основные массивы которых концентрируются на зарубежных цифровых ресурсах, в том числе расположенных на территории недружественных стран. Схожая ситуация прослеживается в части внедрения и использования современных образцов криминалистической, специальной и иной техники, а также

программного обеспечения, что в очередной раз подчеркивает актуальность совершенствования научно-технических, правовых, организационных, кадровых основ противодействия it-преступности;

- продолжает оставаться напряженной ситуация в части развития электронного документооборота между правоохранительными органами и операторами связи, кредитно-банковскими учреждениями по вопросам получения и обмена оперативно значимой и доказательственной информации;

- нерешенными остаются пробелы правового регулирования ряда сфер, отмеченные в упомянутом ранее решении координационного совещания руководителей правоохранительных органов, к числу которых следует отнести: предоставление услуг в области облачного хранения данных и серверного обеспечения; применение искусственного интеллекта; оборот криптовалюты; дистанционное банковское обслуживание; использование сети «Darknet» в преступных целях и др.;

- недостаточными следует признать принимаемые мероприятия по профилактике it-преступлений в части правового информирования граждан, в том числе посредством использования средств массовой информации, методов социальной инженерии о типичных способах совершения противоправных деяний, методам противодействия им и др.;

- особое значение следует придать вопросам противодействия использованию синтетических медиа и дипфейковых фото-, видеоизображений и аудиосообщений при совершении it-преступлений с учетом исходящих угроз от развития и широкомасштабного распространения технологии «Deepfake» и др.

Ряд обозначенных недостатков учтен в положениях утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – Концепция). В указанном документе концептуально определены принципы, цели, задачи и функции государственной системы противодействия it-преступности, а также нормативно-правовое, научно-техническое, информационно-аналитическое, кадровое, организационно-штатное и финансовое обеспечение ее создания и функционирования. Помимо этого, в Концепции даны определения таким понятиям как информационно-коммуникационная сфера, информационно-коммуникационные технологии, противоправные деяния, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Обращает на себя внимание приведенная в Концепции классификация противоправных деяний на следующие типы:

- правонарушения и преступления в сфере компьютерной информации;
- правонарушения и преступления, криминообразующим или квалифицирующим признаком которых является их совершение с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;
- правонарушения и преступления, при совершении которых применение информационно-коммуникационных технологий является альтернативным способом.

Следует отметить, что приведенный перечень проблемных вопросов не носит исчерпывающего характера, но устранения хотя бы нескольких из них даст положительные результаты по линии совершенствования противодействия it-преступности в целом. Здесь же добавим, что для повышения эффективности требуется активизировать, в частности, проведение мероприятий по: прогнозированию угроз сквозь призму развития it-отрасли и появления технических новинок; созданию межведомственных специализированных подразделений по противодействию it-преступности [1, с. 81]; укреплению международного сотрудничества и обмену передовым опытом, методикой, средствами, технологиями в сфере противодействия рассматриваемым видам противоправных деяний; оповещению граждан о новых способах совершения it-преступлений с использованием средств массовой информации на федеральном и региональном уровне; формированию баз данных об it-преступниках, включающих информацию об их голосах, фото- и видеоизображениях.

Список литературы:

1. Барсуков А. С. Создание и функционирование специализированных подразделений органов предварительного следствия в системе МВД России по расследованию IT-преступлений / А. С. Барсуков, А. В. Сибилькова // Академическая мысль. 2022. № 4 (21).

2. Газизьянов Т. А. Использование методов киберпрофайлинга и osint при расследовании преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Актуальные вопросы раскрытия преступлений оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность : сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. СПб., 2024.

3. *Комаров Д.А.* Организация взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Актуальные вопросы формирования эффективной системы экономической безопасности государства : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 2021.

4. *Легостаев В.П.* Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сборник статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции, 19 октября 2023 г. Краснодар, 2024.

5. *Надежина И.В.* Актуальные проблемы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / И.В. Надежина, В.И. Волошина // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 2 (56).

6. *Стегалин С.В.* Проблема комплектования специализированных подразделений ОВД РФ по раскрытию преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Экономика и социум. 2024. № 7 (122).

7. *Центров Е.Е.* Современное состояние практики расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации / Е.Е. Центров, М.Е. Игнатъев // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 2 (73).

Алексей Викторович Богданов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел
центра командно-штабных учений
Академия управления МВД России
E-mail: alexey-b1980@mail.ru

О месте и соподчиненности экспертно-криминалистических подразделений в структуре территориальных органов МВД России

Аннотация

В статье рассматриваются организационные основы деятельности экспертно-криминалистических подразделений в структуре территориальных органов МВД России, а также вопросы их соподчинения, согласно действующим типовым структурам территориальных органов МВД России. На основе проведенного анализа сделан вывод о целесообразности изменения актуальной соподчиненности экспертно-криминалистических подразделений и передачи их в ведение заместителя начальника территориального органа МВД России – начальника следственного органа по компетентности.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел; экспертно-криминалистические подразделения; взаимодействие; руководитель следственного органа; структура территориального органа МВД России; механизм соподчинения.

Органы внутренних дел Российской Федерации являются ключевым элементом правоохранительной системы нашего государства, традиционно выполняющим функцию противодействия преступности, выступающей в качестве одной из основных внутренних угроз национальной безопасности. Проводимая в настоящее время Российской Федерацией специальная военная операция (далее – СВО) не снижает значимость успешного противодействия преступности, поскольку надёжная защищенность граждан от преступных посягательств является необходимым условием поступательного развития общества и государства, в то время как снижение степени защищенности создает предпосылки для создания и наращивания социальной напряженности и деконсолидации российского народа

как единой социально-культурной общности. Указанные негативные процессы могут выступить причинами, существенно затрудняющими достижение задач СВО, что требует от системы МВД России принятия эффективных мер по нейтрализации криминальных угроз и обеспечения действенного контроля за криминальной ситуацией в нашем государстве.

Основными формами противодействия преступности являются предупреждение (профилактика), пресечение и раскрытие преступлений. Активное участие в решении данных задач, наряду с подразделениями полиции по охране общественного порядка, оперативными подразделениями и органами предварительного расследования, принимают экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел (далее – ЭКП).

Обнаружение, фиксация и изъятие следов в ходе проведения осмотра места преступления, проведение судебных экспертиз, ведение и работа с криминалистическими учетами, а также оказание иной помощи, связанной с применением специальных познаний при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий – основные задачи ЭКП. Их успешное выполнение – необходимое, а зачастую и обязательное условие выявления, пресечения и раскрытия преступлений. Результаты применения специальных знаний зачастую образуют основную доказательственную базу по уголовным делам, что обеспечивает изобличение виновных лиц и их последующее привлечение к ответственности [2, с. 180]. Надежным средством предупреждения преступлений служит криминалистическая профилактика. Полагаем, что важность экспертно-криминалистического обеспечения процесса противодействия преступности не вызывает сомнений, ввиду наличия объективной потребности в систематическом использовании специальных знаний в правоохранительной сфере экспертами и специалистами ЭКП.

Правовой основой непосредственно профессиональной деятельности ЭКП в системе МВД России выступает Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», положения которого раскрываются в Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511.

Основы структурного построения ЭКП в системе МВД России заложены в приказе МВД России от 30 мая 2003 г. № 366 «О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел», утверждающие примерные модели

структурных построений экспертно-криминалистических центров (далее – ЭКЦ) в составе территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном, региональном и районном уровнях, нормы введения должностей сотрудников ЭКЦ, а также перечень базовых межрегиональных отделов (отделений) специальных экспертиз и исследований ЭКЦ. Порядок организации деятельности ЭКП в системе МВД России определен в Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России (далее – Наставление), утвержденном приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7.

Согласно п. 20.1 Наставления общее руководство деятельностью ЭКП осуществляет руководитель соответствующего территориального органа МВД России (далее – ТО МВД России). Однако непосредственные руководство ЭКП, согласно типовым структурам ТО МВД России, утвержденным приказом МВД России от 30 апреля 20211 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России» возложено за заместителя начальника полиции, в ведении которого также находятся такие подразделения, как Оперативное управление (отдел, отделение, группа), Дежурная часть, Строевое подразделение по обеспечению мер безопасности и антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел, Отделение (группа) обеспечения участия ТО МВД России в деятельности антитеррористических комиссий и оперативных штабов, Управление (отдел, отделение, группа) мобилизационной подготовки и мобилизации, а также запасной пункт управления.

Анализ функциональных обязанностей перечисленных структурных подразделений ТО МВД России свидетельствует о том, что их деятельность не связана с выполнением задач, решение которых требует использования специальных знаний в области криминалистики. Деятельность подразделений полиции, находящихся в ведении заместителя начальника полиции направлена на решение задач по оперативному управлению силами и средствами органов внутренних дел в условиях сложной оперативной обстановки, либо в особых условиях (военное положение), а также на обеспечение пропускного режима и безопасности собственных объектов. Следствием отсутствия общих задач является их минимальный уровень взаимодействия с ЭКП, в отличие от взаимодействия ЭКП с органами расследования преступлений и оперативными подразделениями полиции, которое осуществляется на систематической и регулярной основе, что позволяет им совместно решать общие задачи пресечения и раскрытия преступлений [4, с. 92]. Изложенное выше ставит

под сомнение действующую соподчиненность ЭКП в структуре ТО МВД России заместителю начальника полиции, поскольку она противоречит линейно-функциональному принципу распределения управленческих полномочий [1, с. 33].

В своей профессиональной деятельности ЭКП также активно взаимодействуют с подразделениями полиции по охране общественного порядка в процессе проведения административного расследования в случаях, предусмотренных ст. 28.7 (Административное расследование) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2011 г. № 195-ФЗ. Учитывая, что в подчинении заместителя начальника полиции (по охране общественного порядка) ТО МВД России на региональном уровне находятся наибольшее число полицейских подразделений, а именно 23 подразделения полиции (на районном уровне – 15)¹, отнесение к их ведению дополнительно ЭПК представляется очевидно излишним.

Перечень подразделений полиции, находящихся в ведении заместителя начальника полиции (по оперативной работе) ТО МВД России на региональном уровне включает в себя 9 подразделений полиции (на районном уровне – 5)², однако их объединяет общее функциональное предназначение и вытекающий из этого особый правовой статус, связанный с осуществлением ими оперативно-розыскной деятельности, субъектами которой специалисты и эксперты ЭКП не являются. Изложенное также, на наш взгляд, ставит под сомнение целесообразность отнесение ЭКП к ведению заместителя начальника полиции (по оперативной работе).

Наряду с этим, анализ структур ТО МВД России выявляет очевидный дисбаланс в распределении управленческих полномочий между руководством ТО МВД России, в части отнесения к ведению заместителя начальника – начальника органа предварительного следствия только возглавляемого им следственного подразделения (главного управления, управления, отдела, отделения). В этой связи в научной литературе неоднократно высказывалось предложение об отнесении к ведению данного должностного лица также подразделения дознания, которое в настоящее время находится в прямом подчинении заместителя начальника ТО МВД России – начальника полиции [3, с. 94].

Находим справедливым поддержать данное предложение, а также рассмотреть вопрос о возможности отнесения к ведению заме-

¹ О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 30 апреля 2021 г. № 333.

² Там же.

стителя начальника ТО МВД России также ЭКП, которые осуществляют свою деятельность в тесном взаимодействии с органами предварительного следствия и подразделениями дознания. Целесообразность данного структурного изменения продиктована единством задач по раскрытию и расследованию преступлений, выполняемых органами предварительного следствия и подразделениями дознания, что лежит в основе общности их функционального предназначения.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в целях совершенствования структурного построения ТО МВД России необходимо внести изменения в схему их соподчинения путем отнесения к ведению заместителя начальника ТО МВД России – начальника следственного органа, кроме возглавляемого им следственного подразделения, также подразделения дознания и ЭКП, внося соответствующие корректировки в структуры ТО МВД России, утвержденные приказом МВД России от 30 апреля 2021 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России».

Список литературы:

1. *Захватов И. Ю.* Сочетание отраслевого и территориального управления органами внутренних дел: учебное пособие. М., 2010. 127 с.
2. *Курилов С. И., Осипов И. В.* Об актуальности организации внутреннего и внешнего взаимодействия органов предварительного следствия, дознания и экспертно-криминалистических подразделений в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют : сборник научных трудов 62-х криминалистических чтений. М., 2021.
3. *Лащёнов М. С., Богданов А. В.* К вопросу о совершенствовании организационно-правовых форм взаимодействия между органами предварительного следствия и подразделениями дознания в территориальных органах МВД России // Академическая мысль. 2020. № 4 (13).
4. *Потанова С. А.* Теоретические аспекты организации взаимодействия правоохранительных органов // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 2 (14).
5. *Чулахов В. Н.* Об организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных трудов. М., 2020.

Олеся Дмитриевна Васьянова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: vas11Le88@mail.ru

Возвращение уголовного дела прокурору как процессуальная форма конкретизации обвинения

Аннотация

Статья посвящена анализу института возвращения уголовного дела прокурору в российском уголовном судопроизводстве, подчеркивая его важность для обеспечения законности, состоятельности и защиты прав участников процесса. Автором отмечается, что некорректное применение ст. 237 УПК РФ может привести к нарушению прав и затягиванию сроков рассмотрения дел. Акцентируется внимание на необходимости совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики, включая четкое определение оснований для возвращения, установление гарантий от необоснованного возвращения и разработку механизмов контроля. Особое значение придается анализу Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 39 от 17 декабря 2024 г., разъясняющему вопросы применения ст. 237 УПК РФ. В частности, рассматривается ситуация, когда уголовное дело подлежит возвращению из-за отсутствия в обвинительном документе ссылки на необходимое экспертное заключение, которое нельзя заменить иными доказательствами отложения судебного разбирательства на длительный срок.

Ключевые слова и словосочетания: *возвращение уголовного дела прокурору; гарантии участников уголовного судопроизводства; состоятельность.*

Введение института возвращения уголовного дела прокурору в российское уголовное судопроизводство, осуществленное в рамках современной судебной реформы¹, породило активную научную дискуссию, обусловленную его эволюцией в условиях перехода к состоятельной модели уголовного процесса и усиления независимости

¹ О концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435. П. 3 разд. 12.

судебной власти. Изначально, институт рассматривался как гарантия обеспечения прав участников уголовного процесса и создания условий для эффективного судебного разбирательства. Однако, в контексте реформы, его применение стало интерпретироваться как элемент обвинительной функции суда, что противоречит принципу его независимости и роли арбитра между государством и личностью, ожидающей справедливого судебного решения [1, с. 512.].

Данная трансформация обусловила необходимость переосмысления оснований возвращения дела прокурору, в связи с выявленными противоречиями в правоприменительной практике и правовой неопределенностью, особенно в случаях обнаружения неправильной квалификации действий обвиняемого [2, с. 8].

После продолжительных научных полемик и с учетом правовых позиций высших судебных инстанций, законодатель поэтапно вносил изменения в ст. 237 УПК РФ, стремясь привести ее в соответствие с конституционными принципами. Поэтапное развитие института возвращения уголовного дела прокурору, отражающее эти законодательные изменения, подробно исследованы в учебном пособии «Возвращение уголовного дела прокурору», подготовленного В.В. Кальницким и Т.В. Куряховой. Авторы демонстрируют эволюцию института, акцентируя внимание на отдельных законодательных шагах [3, с. 23–25].

Однако, несмотря на внесенные изменения, процесс формирования института возвращения уголовного дела прокурору нельзя считать завершенным, что обуславливает дальнейшую необходимость его теоретического осмысления и практической апробации.

Ретроспективный анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что нормы права, регулирующие возвращение уголовного дела прокурору, предусмотренные УПК РФ, являются своеобразным продолжением, эволюцией института дополнительного расследования, известного УПК РСФСР 1960 года. В период действия УПК РСФСР после принятия Конституции РФ, Конституционный Суд, толкуя ст. 232 УПК РСФСР, допускал возврат дела прокурору для дополнительного расследования, даже если нарушение уголовно-процессуального закона не было связано с неполнотой предварительного следствия. Однако, после признания отдельных положений пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР не соответствующими ст.ст. 49, 123, 46, 52 Конституции Российской Федерации¹, суд был освобожден от обязанности возвращать дела на допол-

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессу-

нительное расследование по своей инициативе, особенно в случаях невосполнимой в судебном заседании неполноты предварительного следствия или необходимости предъявления более тяжкого обвинения. Фактически с суда была снята и обязанность обеспечения качества расследования и обоснованности обвинения, поскольку отмена приговоров в кассационной и надзорной инстанциях по основаниям односторонности и неполноты предварительного следствия, невосполнимой в суде, стала менее распространенной [4, с. 71–73.].

В связи с введением принципа состязательности в уголовный процесс, законодатель отказался от института возвращения дела на дополнительное расследование в пользу комплекса уголовно-процессуальных норм, которые не ухудшали бы положение обвиняемого и не предусматривали исправление недостатков предварительного расследования. Практика применения нового института выявила ряд недостатков, в том числе ограничение прав потерпевших на доступ к правосудию. В дальнейшем, после введения в действие УПК РФ, Конституционный Суд РФ сформулировал правовые позиции относительно применения данного института в рамках УПК РФ¹.

Возвращение уголовного дела прокурору – это сложный и многоаспектный правовой институт, тесно связанный с основополагающими принципами уголовного судопроизводства, такими как законность, состязательность сторон, презумпция невиновности и обеспечение права на защиту. Эффективное функционирование данного института имеет решающее значение для реализации задач уголовного судопроизводства, направленных на установление истины по делу и вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Неверное применение ст. 237 УПК РФ может привести к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, необоснованному затягиванию сроков рассмотрения дела

ального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7-П.

¹ См. постановления: «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» от 8 декабря 2003 г. № 18-П; «По делу о проверке конституционности статьи 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» от 11 мая 2005 г. № 5-П; «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» от 16 мая 2007 г. № 6-П.

и, как следствие, к умалению авторитета правосудия. В связи с этим, представляется необходимым дальнейшее совершенствование нормативного регулирования и правоприменительной практики института возвращения уголовного дела прокурору, направленное на сбалансированное обеспечение интересов всех участников уголовного процесса, соблюдение принципа состязательности и создание условий для эффективного и справедливого разрешения уголовных дел. Это требует четкого определения оснований для возвращения дела, установления процессуальных гарантий от необоснованного возвращения, а также разработки механизмов контроля за исполнением указаний суда, данных прокурору при возвращении дела.

Вопросы, связанные с возвращением уголовного дела прокурору, представляются крайне важными для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Пленум Верховного Суда Российской Федерации отреагировал на возникшие у судов вопросы при применении ст. 237 УПК РФ принятием 17 декабря 2024 г. постановления № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуально кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», которое включает 22 пункта разъяснений по различным аспектам, возникающим в процессе возвращения уголовного дела прокурору¹.

В соответствии с абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 39, уголовное дело подлежит возвращению прокурору, если обвинительный документ не содержит обязательной ссылки на заключение эксперта, необходимого для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. При этом, данные обстоятельства не могут быть установлены иными доказательствами, а для производства такой экспертизы необходимо проведение значительных по объему исследований, которые не могут быть выполнены в ходе судебного разбирательства без отложения рассмотрения дела на длительный срок, противоречащий интересам правосудия.

Примером является дело в отношении Л., обвиняемого по ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность). Представленное стороной обвинения заключение строительно-технической экспертизы было признано судом недопустимым доказательством. Поскольку обвинение по ст. 293 УК РФ требует наличия экспертного заключения, а его отсутствие исключает возможность рассмотрения дела по существу и вынесения решения, суд пришел к выводу о нарушении требований

¹ Российская газета. 2024. 23 дек.

УПК РФ при составлении обвинительного заключения. Более того, суд отметил, что обвинение Л. в халатности (неосторожное преступление) противоречит фактическим обстоятельствам, указывающим на умышленный характер действий, что требует квалификации по другой, более тяжкой статье УК РФ.

Учитывая, что исправление указанных нарушений (необходимость экспертного заключения и переквалификация обвинения) возможно только путем составления обвинения в новой редакции, что относится к компетенции органов предварительного расследования, суд пришел к выводу о существенном характере нарушений, неустранимых в судебном заседании. Следовательно, уголовное дело не может быть рассмотрено по существу и подлежит возвращению прокурору на основании п. 1 и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ¹.

Считается обоснованным рассмотрение института возвращения уголовного дела прокурору как сложного, интегративного образования, обладающего признаками, характерными для различных стадий и функциональных направлений уголовного процесса, затрагивающих как досудебное, так и судебное производство. С одной стороны, он тесно связан с функцией обвинения, поскольку именно прокурор наделен полномочиями по возвращению дела для устранения недостатков предварительного расследования или дознания. С другой стороны, данное решение суда, принимаемое в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства, напрямую затрагивает функцию правосудия и соблюдение прав участников процесса.

Институт возвращения уголовного дела прокурору – сложный механизм, сочетающий элементы предварительного расследования и подготовки к судебному заседанию. Это совмещение порождает коллизии, связанные с разграничением полномочий суда и органов расследования, а также с определением пределов судебного контроля на этапе, предшествующем судебному разбирательству. Вынося решение о возвращении дела прокурору, суд осуществляет контроль за качеством предварительного расследования, выявляя недостатки, исключающие возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора или иного итогового судебного решения по делу. Однако при этом суд не подменяет собой органы предварительного расследования и не вправе давать указания, предвещающие результаты дальнейшего расследования.

Злоупотребление правом возвращения уголовного дела прокурору может приводить к затягиванию сроков рассмотрения дела,

¹ Архив Ермаковского районного суда Красноярского края, дело № 1-5/25/2025 от 11 февраля 2025 г.

нарушению прав потерпевшего и обвиняемого на скорейшее разрешение уголовного дела, а также подрывать авторитет судебной власти.

Институт возвращения уголовного дела прокурору является сложным институтом уголовно-процессуального права, что обусловлено его двойственной процессуальной природой, сочетающей элементы судебного контроля и функции исправления недостатков предварительного расследования. Научный анализ норм УПК РФ, образующих содержание института возвращения уголовного дела прокурору позволяет дать ему сущностную характеристику.

В контексте его функционального назначения, возвращение дела прокурору направлено на устранение существенных нарушений уголовно-процессуального закона (ст. 237 УПК РФ), препятствующих рассмотрению дела судом. К таким нарушениям относятся, например, отсутствие подписи следователя (дознателя) на обвинительном документе, обвинительное заключение не утверждено прокурором либо уголовное дело направлено с обвинительным заключением прокурору без согласия руководителя следственного органа. Однако этот институт не сводится лишь к технической корректировке процессуальных документов. Он выполняет превентивную роль, побуждая органы следствия и прокуратуру к соблюдению «процессуальной дисциплины», тем самым минимизируя риски отмены приговоров при рассмотрении дела судами первой и вышестоящих инстанций.

Структурно институт сочетает элементы судебной и прокурорской власти: суд, выявляя нарушения, не подменяет собой обвинение, а делегирует прокурору устранение недостатков, сохраняя контрольные полномочия. Это порождает дискуссии в уголовно-процессуальной теории. Ряд учёных подчёркивают, что подобная модель нарушает принцип состязательности, так как суд фактически содействует обвинению, предоставляя ему возможность «доработать» позицию [5, с. 28]. Другие исследователи видят в этом гарантию справедливого суда, исключающего вынесение решений на основе недоброкачественных доказательств [6, с. 56].

Прокуратурой Красноярского края был проведен анализ судебной практики за 2022–2024 годы по вопросам удовлетворения ходатайств о конкретизации обвинения. Результаты исследования позволили Р. Н. Тютюнику и А. В. Малютиной сделать вывод о допустимости «коррекции обвинения» в случаях наличия явных технических ошибок, уточнение которых не повлечет ухудшения положения подсудимого и не нарушит его право на защиту. В частности, к таким конкретизациям может относиться уточнение даты и места совершения преступления. Аналогичным образом, по мнению авторов, возможно исключение из обвинения отдельных формулировок,

носящих противоречивый характер, если в результате не будет нарушено смысловое содержание обвинения и не будут исключены обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ [7, с. 11–13.].

Данный подход представляется логичным в контексте современных тенденций развития уголовного судопроизводства. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ для устранения несущественных нарушений, не ставящих под сомнение законность расследования в целом, следует рассматривать как нерациональную трату процессуальных ресурсов.

Регламентация пределов конкретизация обвинения видится особенно актуальной в свете анализа причин возвращения судом уголовных дел прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, показавшего распространенность наличия в процессуальных документах технических ошибок в указании обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, либо при квалификации деяния. В целях борьбы с возможными злоупотреблениями, законодатель обоснованно вводит ограничения на возвращение дела для «пересоставления» обвинения (Постановление Пленума ВС РФ № 39 от 17.12.2024), что призвано исключить использование данного процессуального механизма в качестве инструмента давления на сторону защиты. Тем не менее, эмпирические данные свидетельствуют о сохраняющейся проблеме необоснованного затягивания судебного производства посредством многократного возвращения дел прокурору, что актуализирует потребность в совершенствовании критериев «существенности» выявленных нарушений и установлении четких временных рамок для их устранения, направленных на оптимизацию уголовного процесса и обеспечение баланса между принципами законности и процессуальной экономии.

Институт возвращения дела прокурору, сочетая корректирующую и контрольную функции, по сути есть компромисс между требованием обеспечения эффективного уголовного преследования и необходимостью соблюдения гарантий прав участников процесса. При этом приоритетным является поиск оптимального баланса между разумными сроками уголовного судопроизводства и недопущением повторных возвратов дела прокурору по формальным основаниям.

Дальнейшее развитие указанного института представляется следующим образом:

1. Четкое разграничение допускаемых отступлений от требований закона, препятствующих рассмотрению дела по существу либо носящих технический характер, устранимых в судебном заседании. Необходимо разработать критерии, позволяющие однозначно опре-

делить, какие недостатки обвинения требуют возвращения дела прокурору, а какие могут быть устранены судом в рамках реализации принципа состязательности.

2. Расширение полномочий суда по внесению изменений в обвинение, не ухудшающих положение подсудимого.

Список литературы:

1. *Рябинина Т.К.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. Т. 14.

2. *Гаврилов, Б.Я.* Институт дополнительного расследования: видение законодателя и правоприменительная практика // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4.

3. *Кальницкий В.В.* Возвращение уголовного дела прокурору / В.В. Кальницкий, Т.В. Куряхова. Омская академия МВД России, 2021. 132 с.

4. *Шиплюк В.А.* Конституционно-правовой смысл института возвращения уголовного дела судом прокурору (в свете постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 Г. № 16-п) // Криминалистика. 2013. № 2 (13).

5. *Дегтярев В. П., Гаврилов Б.Я.* Возврат к институту доследования: за и против // Уголовный процесс. 2005. № 2.

6. *Волторнист О.А.* Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25).

7. *Малютина А.В.* Аспекты форматирования обвинения на судебной стадии уголовного процесса / А.В. Малютина, Р. Н. Тютюник // Законность. 2024. № 11 (1081).

Гурген Зорикович Гаспарян,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
управления органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: ggz85@mail.ru

Алексей Владимирович Красильников,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры
управления органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: 89619310910@yandex.ru

Перспективные направления информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Аннотация

Современное развитие информационно-телекоммуникационных технологий создает новые вызовы для правоохранительных органов, включая МВД России. Преступления, совершаемые с использованием ИТТ, требуют внедрения современных методов информационно-аналитического обеспечения (далее ИАО) для эффективного расследования. В статье рассматриваются перспективные направления развития ИАО, включая использование больших данных, технологий искусственного интеллекта, блокчейн-технологий и методов цифровой криминалистики. Предложены рекомендации по совершенствованию работы МВД России в условиях цифровой трансформации преступности.

Ключевые слова и словосочетания: *информационно-аналитическое обеспечение; расследование киберпреступлений; использование больших данных технологий искусственного интеллекта; цифровая трансформация преступности.*

С развитием информационно-телекоммуникационных технологий (далее ИТТ) преступность все чаще использует их в качестве орудия (средства) совершения преступлений. Доля преступлений, совершенных с использованием ИТТ, в общем массиве зарегистрированных преступлений в России за последние 10 лет значительно

выросла и продолжает увеличиваться. Это требует от МВД России активного внедрения современных методов борьбы с ними, включая использование больших данных, технологий искусственного интеллекта. Традиционные методы и средства деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации зачастую оказываются недостаточно эффективными в условиях быстро меняющейся цифровой среды. В связи с этим актуальным становится вопрос о внедрении перспективных направлений информационно-аналитического обеспечения в деятельность МВД России.

Определение информационно-аналитического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации варьируется в зависимости от подходов и акцентов, которые делают ученые:

- исходя из управленческого подхода ИАО рассматривают как систему, направленную на поддержку принятия решений в органах внутренних дел [1, с. 73–80];
- исходя из криминалистического подхода акцентируют внимание на роли ИАО в раскрытии и расследовании преступлений [2, с. 155]
- ученые, делающие акцент на технологичный подход, рассматривают ИАО как процесс, основанный на использовании современных информационно-телекоммуникационных систем [3, с. 249];
- сторонники системного подхода рассматривают ИАО как часть общей системы управления в МВД России [4, с. 167; с. 146];
- некоторые ученые делают акцент на практической стороне ИАО, связывая его с повседневной деятельностью сотрудников МВД России [5, с. 28–29].

Несмотря на различия в акцентах, все определения сходятся в том, что информационно-аналитическое обеспечение – это процесс, направленный на сбор, обработку, анализ и предоставление информации для осуществления оперативно-служебной деятельности МВД России. Основные элементы ИАО включают: использование информационных технологий; анализ массивов данных для принятия решений; сопровождение раскрытия и расследования, а также профилактики преступлений; обеспечение сотрудников МВД России актуальной и достоверной информацией.

Указанное отражает многогранность ИАО и его ключевую роль в современной правоохранительной деятельности, особенно в процессе расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [6, с. 45].

Вышеуказанная категория преступлений характеризуются высокой латентностью, трансграничностью и использованием аппаратно-программных средств и технологий их коммуникаций. Основные

проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации для эффективного им противодействия, включают: недостаток квалифицированных кадров в области цифровой криминалистики; быстрое устаревание методов расследования в условиях появления новых технологий; сложность сбора и анализа криминалистически значимых цифровых данных, которые могут быть легко уничтожены или изменены; необходимость внешнего взаимодействия, в том числе субъектами, расположенными вне юрисдикции Российской Федерации для расследования трансграничных преступлений.

На пути к цифровизации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, включая совершенствование информационно-аналитического обеспечения их деятельности есть ряд различных факторов, которые значительно препятствуют указанной деятельности на современном этапе.

К ключевым внешним факторам можно отнести:

1) Резкое усиление технического и научного потенциала субъектов совершения преступлений – после вступления человечества в информационную эру, стало резко увеличиваться количество способов совершения преступлений, в первую очередь, при применении информационно-телекоммуникационных технологий; в таких условиях правоохранительная деятельность в своем информационном и техническом развитии попросту не успевает за темпами развития преступной деятельности.

2) Недостаточное развитие конкурентной среды в области научно-технического и информационно-телекоммуникационного развития. Это комплексная проблема, порожденная сразу несколькими причинами – «оттоком умов», недостаточным финансированием, несовершенством системы распределения грантов и т. п.

3) Отсутствие необходимого количества квалифицированных в системе МВД России и как следствие – несовершенство системы подготовки и стимулирования таких кадров [7, с. 162–167]. В настоящее время предпринимаются попытки привлечения специалистов-выпускников передовых технических вузов, однако, неконкурентная оплата труда не дает возможности им надолго задерживаться в системе МВД России, что вновь возвращает нас к вопросу финансирования.

К ключевым внутренним факторам отнесем:

1) Большая часть имеющихся инструментов ИАО, включая сервисы ИСОД МВД России, построены с применением разнородных решений, которые в значительной степени усложняют эксплуатацию и делают ее намного дороже.

2) Применение при функционировании существующих сервисов рассогласованных, локальных баз данных, что зачастую приводит к дублированию информации, а в самых критических случаях делает ее рассогласованной, что никак не облегчает оперативно-служебную деятельность, а наоборот, делает ее сложнее.

3) Отсутствие преемственности функционировавших ранее баз данных, в том числе других органов государственной власти и местного самоуправления, что резко ограничивает информационный потенциал системы.

5) Отсутствие возможности обработки и анализа разнородной информации: каждая база данных обрабатывается и применяется отдельно, нет программных возможностей по поиску пересечений.

6) Отсутствие полного перехода на российское программное и аппаратное обеспечение, которое бы позволило установить автономию, в том числе в условиях напряженной геополитической обстановки.

С учетом вышеизложенного представляются перспективными следующие направления развития информационно-аналитического обеспечения:

Использование больших данных и аналитики. Большие данные (Big Data) позволяют обрабатывать огромные объемы информации, выявлять закономерности и прогнозировать преступную деятельность. Внедрение систем анализа больших данных в МВД России позволит: оперативно выявлять подозрительные транзакции и действия субъектов совершения преступлений в сети Интернет; идентифицировать цифровые профили последних на основе анализа их цифровых следов; анализировать причины и условия, способствующие совершению преступлений, на основе чего прогнозировать возможность совершения новых преступлений и предотвращать их.

Применение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Технологии ИИ могут быть использованы для автоматизации рутинных процессов, таких как анализ логов, распознавание изображений и текстов, а также для выявления закономерностей (или аномалий) в поведении пользователей. Обязанностью сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации является не только раскрытие и расследование преступлений, но и прогнозирование вероятности совершения преступления на основе достоверных данных с целью его предотвращения на этапе подготовки. Для реализации превентивных мер необходимы большие данные, которые служат основой для предиктивной аналитики, становящейся ключевым элементом практической работы правоохранительных органов. Эффективный анализ собранных данных, а также сама предиктив-

ная (прогнозная) аналитика требуют внедрения современных технологий искусственного интеллекта.

Блокчейн-технологии. Блокчейн может быть использован для обеспечения неизменности и прозрачности цифровых данных, используемых субъектами расследования в качестве доказательств по находящимся в производстве уголовным делам. Внедрение блокчейн-технологий в процессы сбора и хранения доказательств позволит минимизировать риски их фальсификации.

Развитие цифровой криминалистики. Цифровая криминалистика как направление криминалистики должна быть интегрирована в систему подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации. Это включает обучение методам изъятия, анализа и хранения цифровых доказательств, а также работе с современными аппаратно-программными комплексами.

Межведомственное и международное сотрудничество. Для эффективного противодействия вышеуказанной категории преступлений необходимо совершенствование внешнего взаимодействия, включая взаимодействие между различными ведомствами, с субъектами информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, в том числе находящихся вне юрисдикции Российской Федерации. Создание единых баз данных, обмен опытом и технологиями, а также проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий позволят повысить эффективность расследований.

Для успешной реализации перечисленных направлений в МВД России необходимо:

- разработать и внедрить соответствующие специализированные программы обучения для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий с акцентом на владение компетенциями для осуществления цифровой криминалистики;

- создать единую централизованную платформу для сбора и анализа данных о вышеуказанных преступлениях, возможно на базе ИБД «Дистанционное мошенничество» с добавлением функционала по осуществлению внешнего взаимодействия с субъектами информационно-телекоммуникационной инфраструктуры (с банковскими учреждениями напрямую либо через подразделения Банка России, с операторами радиоподвижной связи и провайдером сети Интернет напрямую либо через подразделения Роскомнадзора и т. д.);

- проработать вопрос совместных исследований, осуществляемых МВД России совместно с отечественными разработчиками в области ИТТ и их применения в правоохранительной деятельности;

– совершенствовать нормативно-правовую базу, включая ведомственные акты, регулирующие вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, в том числе в части регламентации норм положенности соответствующих материально-технических средств.

Информационно-аналитическое обеспечение играет ключевую роль в расследовании преступлений, совершаемых с использованием ИТТ. Внедрение современных технологий, таких как анализ больших данных, технологий искусственного интеллекта и блокчейн, позволит сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации более эффективно противодействовать новым вызовам цифровой эпохи. Для успешной реализации вышеуказанных направлений необходимы системные изменения в подготовке кадров, техническом оснащении и нормативно-правовой базе.

Список литературы:

1. *Холостов К. М., Веревкин В. А.* О создании системы поддержки принятия решений ситуационного центра МВД России // Академическая мысль. 2020. № 3 (12).

2. *Быстрова Ю. В., Небратенко Г.Г.* Роль информационного обеспечения и информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. № 2.

3. *Ламанов Е. Н., Рожнова Е. А., Позачинюк Е. С.* Цифровизация правоохранительной деятельности: теоретико-правовое исследование: сборник научных статей Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Выпуск 1. Курск, 2021.

4. *Костюченко Н.И.* Аналитическое обеспечение как структурный элемент социальных систем, в том числе системы органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56); *Костюченко Н. И., Мелихов А.И.* Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел как структурный элемент социальной системы «Министерство внутренних дел Российской Федерации - органы внутренних дел Российской Федерации» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54).

5. *Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е.Н.* Роль и значение информационных систем и банков данных в деятельности

правоохранительных органов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 2.

6. *Курин А.А.* Современные возможности и перспективы информационно-аналитического обеспечения раскрытия преступлений // ЮП. 2018. № 1 (84).

7. *Голубев А.В.* Зарубежный и отечественный опыт стимулирования правоохранительной деятельности. Возможности использования данного опыта в органах внутренних дел российской федерации // Закон и право. 2018. № 7.

Сергей Николаевич Гонтарь,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: gonsernik@gmail.com

О некоторых проблемах досудебного производства по уголовным делам в России

Аннотация

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства является ключевым элементом справедливого и демократического правового государства и его основой для построения справедливого общества, где права человека защищены, а законность и правопорядок соблюдаются. В условиях современного мира, где внимание к правам человека постоянно растет, актуальность этого вопроса только усиливается. Анализ правоприменительной практики показывает, что расследование и судебное рассмотрение уголовных дел не лишено недостатков, а участники уголовного судопроизводства нередко сталкиваются с нарушением сроков расследования, нарушением прав потерпевшего, обвиняемого и других участников уголовного процесса, злоупотреблениями со стороны следственных органов, не исключены нарушения, связанные с собиранием и оценкой доказательств, а закрытость и недостаточная прозрачность процесса расследования и разрешения уголовных дел приводит к злоупотреблениям и снижению доверия к системе правосудия. Проблемы в правовом регулировании уголовно-процессуальных правоотношений и потенциальный риск нарушения прав человека, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования предписаний УПК РФ, практики их применения, которое должно обязательно связано с созданием дополнительных механизмов, направленных на обеспечение конституционных прав и законных интересов участников процесса.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовное судопроизводство; права личности; уголовно-процессуальное законодательство; совершенствование законодательства.*

Уголовное судопроизводство представляет собой сложный, многоэтапный процесс, направленный на разрешение конфликтов, связанных с совершением преступлений и обеспечение справедливости в рамках закона. Правоограничительный характер действий и решений

в сфере уголовного судопроизводства требует создание таких механизмов контроля за их применением, чтобы свести к минимуму нарушения прав участников уголовного процесса.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько проблем досудебного производства по уголовным делам, наиболее обсуждаемым в юридической литературе и практике [1, с. 245–249; 5, с. 361–364].

Так, одной из ключевых проблем досудебного производства является затягивание и нарушение сроков расследования, что приводит к нарушению прав участников процесса, особенно обвиняемых и потерпевших. Так, более двадцати лет назад, 1 сентября 2004 года, в России произошел самый большой теракт в ее современной истории, захват террористами школы № 1 в г. Беслане. Спустя двадцать лет производство по делу так и не окончено. Продолжительные сроки расследования во многом обусловлены объективными причинами, – сложностью уголовных дел, большой нагрузкой на следственные органы, необходимостью взаимодействия с другими органами и странами, производством сложных и трудоемких экспертиз, возникновением новых обстоятельств, требующих дополнительного времени для их проверки.

Однако увеличение сроков расследования не всегда обусловлено объективными причинами. Такие субъективные факторы, как неэффективная организация следственной работы, злоупотребление должностными полномочиями, недостаточная квалификация сотрудников, бюрократические проволочки и давление со стороны заинтересованных лиц, а также недостаток технических и финансовых ресурсов значительно тормозят процесс расследования уголовных дел. В некоторых случаях следователи или дознаватели могут умышленно затягивать расследование, например, для оказания давления на обвиняемого или потерпевшего, либо для сокрытия собственных ошибок. Недостатки профессиональной подготовки следователей и дознавателей могут приводить к ошибкам, которые требуют дополнительного времени для исправления. В некоторых случаях на следователей может оказываться давление со стороны заинтересованных лиц, что осложняет расследование или вовсе ведет к его прекращению. Отсутствие современного оборудования, программного обеспечения или финансирования для проведения экспертиз и оперативно-розыскных мероприятий может тормозить процесс расследования.

Нарушение сроков расследования ведет к нарушению прав участников уголовно процесса (обвиняемых, потерпевших, свидетелей), снижает доверие к системе правосудия, ухудшает качество расследования, увеличивает нагрузку на суды и следственные органы.

В числе причин затягивания сроков расследования следует указать пробелы или противоречия в уголовно-процессуальном законодательстве, его частые изменения, создающие неопределенность и затрудняющие работу следственных органов [2, с. 87–93; 4, с. 364–370].

Нарушение сроков расследования уголовных дел является многофакторной проблемой, способами решения которой могут стать: улучшение материально-технической базы следственных органов, повышение квалификации сотрудников, оптимизация процедуры продления сроков расследования, внедрение современных технологий для ускорения сбора и анализа доказательств, усиление контроля за соблюдением сроков со стороны прокуратуры и судов, совершенствование законодательства для устранения пробелов и противоречий.

Еще одной проблемой досудебного производства выступают недостатки обеспечения прав обвиняемого. Обеспечение прав обвиняемого является одной из ключевых задач уголовного процесса [5, с. 361–364], однако на практике, несмотря на законодательные гарантии, существует ряд проблем с реализацией прав обвиняемого на защиту, на ознакомление с материалами дела, на справедливое судебное разбирательство.

Обвиняемый может сталкиваться с трудностями в получении квалифицированной юридической помощи, особенно на начальном этапе расследования. В некоторых случаях адвокат назначается формально, без реального участия в процессе, нередко обвиняемый ограничивается во времени для консультаций с адвокатом, что затрудняет подготовку к защите. Известны случаи, когда адвокаты подвергались давлению со стороны следственных органов, что ограничивало их возможности по защите интересов обвиняемого.

Нередки случаи нарушения права обвиняемого на ознакомление с материалами дела. Следственные органы могут затягивать предоставление обвиняемому и его защитнику доступа к материалам дела или предоставляют не все материалы дела, что ограничивает его право на полноценную защиту.

Распространены случаи нарушения принципа презумпции невиновности и права на справедливое судебное разбирательство, в частности случаи широкого освещения в СМИ информации о подозрении лица в совершении преступления и формирование образа преступника еще на начальных этапах расследования, в связи с чем обвиняемый рассматривается как виновный еще до вынесения приговора, что влияет на отношение к нему со стороны следственных органов, суда и общества и ведет к тому, что суды могут быть предвзятыми или находиться под влиянием внешних факторов при принятии решения по делу, что нарушает право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Еще одной проблемой обеспечения прав обвиняемого выступает нарушение права на обжалование действий и решений. Жалобы обвиняемого на действия следственных органов или суда часто рассматриваются формально, без реального анализа их обоснованности, особенно если он находится под стражей.

Нередки случаи несоблюдения права обвиняемого на уважение чести и достоинство личности, защиту от жестокого обращения. Обвиняемые могут подвергаться давлению, пыткам или жестокому обращению с целью получения признательных показаний, даже если они не соответствуют действительности, а доказательства, полученные под давлением, нередко используются в суде.

Очень серьезная проблема в обеспечении прав обвиняемого связана с избыточным применением мер процессуального принуждения. Заключение под стражу часто применяется как основная мера пресечения, даже если обвиняемый не представляет значительной общественной опасности. Обвиняемые сталкиваются с трудностями в обжаловании мер пресечения, а условия содержания под стражей часто не соответствуют международным стандартам.

Часть проблем обеспечения прав обвиняемого может быть решена путем усиления гарантий права на защиту, включая обязательное участие адвоката с момента задержания, обеспечением полного и своевременного доступа к материалам дела, усилением контроля за соблюдением прав обвиняемого со стороны прокуратуры и судов, совершенствованием механизмов обжалования действий и решений следственных органов, улучшением условий содержания под стражей, внедрением современных технологий для обеспечения прозрачности процесса, повышением квалификации сотрудников правоохранительных органов. Эти меры могут способствовать более полной реализации прав обвиняемого и повышению доверия к системе правосудия.

Следующей проблемой досудебного производства, являются злоупотребления со стороны следственных органов. Такие злоупотребления могут проявляться в различных формах: фальсификации материалов дела, давлении на свидетелей, обвиняемых и их защитников, необоснованное применение мер процессуального принуждения, использование служебного положения в корыстных целях, незаконное проведение оперативно-розыскных мероприятий, сокрытие доказательств и пр.

Следственной практике известны случаи фальсификации протоколов следственных действий, чтобы создать видимость доказанности вины обвиняемого. В некоторых случаях следственные органы могут организовывать инсценировки, например подбрасывать оружие, наркотики или другие доказательства. Так, бывшие оперативники столичного УВД по ЗАО получили до 12 лет колонии по делу о задержании и под-

бросе наркотиков журналисту Ивану Голунову [6]. Физическое и психологическое давление на участников процесса – тоже одна из форм злоупотреблений со стороны следственных органов. Обвиняемые, свидетели или потерпевшие могут подвергаться различным формам давления с целью получения нужных показаний. Принуждение к признанию вины, даже если он невиновен, может оказываться не только на самого обвиняемого, но и на его близких, чтобы заставить его сотрудничать со следствием. В некоторых случаях адвокаты, активно защищающие своих клиентов, также могут подвергаться давлению, угрозам или преследованию со стороны следственных органов.

Любые злоупотребления со стороны следственных органов неизбежно нарушают права и свободы граждан, снижают доверие к системе правосудия, ухудшают качество расследования и судебных решений, ведут к росту коррупции и беззакония.

Мерами противодействия злоупотреблениям со стороны следственных органов автор видит в усилении контроля за действиями следственных органов со стороны прокуратуры и судов, внедрением механизмов общественного контроля, повышения прозрачности следственных действий, ужесточения ответственности за злоупотребление полномочиями, улучшения профессиональной подготовки сотрудников следственных органов, внедрении современных технологий для фиксации действий следственных органов (например, аудио- и видеозапись допросов). Эти меры могут способствовать снижению уровня злоупотреблений и повышению доверия к системе правосудия.

Еще одной серьезной проблемой досудебного производства выступает недостаточная защита прав потерпевших, которая затрагивает как интересы конкретных лиц, так и доверие к системе правосудия в целом.

Потерпевшие часто не знают о своих правах, включая право на участие в процессе, право на защиту и право на возмещение вреда, могут не получать своевременной информации о ходе расследования и принятых решениях. Потерпевшие, особенно в делах, связанных с насилием или организованной преступностью, часто не получают надлежащей защиты от угроз и давления со стороны обвиняемых или их сообщников. Нередко потерпевшему не возмещается вред, причиненный преступлением.

В некоторых случаях суды и следственные органы формально относятся к участию потерпевшего в процессе, не учитывая его мнение и интересы, ограничивая в доступе к материалам дела, что ограничивает их возможность участвовать в процессе, а при принятии решений интересы потерпевшего часто уступают интересам обвиняемого или государства.

В системе правосудия отсутствуют механизмы предоставления психологической помощи потерпевшим, особенно в случаях насилия или тяжких преступлений. Потерпевшие могут испытывать повторную психологическую травму из-за необходимости давать показания, сталкиваться с обвиняемым или участвовать в длительных судебных процессах, а жертвы сексуального насилия или домашнего насилия, часто сталкиваются с осуждением или стигматизацией со стороны общества.

Потерпевшие из числа мигрантов или представителей меньшинств могут сталкиваться с трудностями из-за языковых и культурных барьеров.

Недостаточная защищенность прав потерпевших ведет к ухудшению психологического и физического состояния потерпевших, снижению доверия к системе правосудия, снижению уровня раскрываемости преступлений, росту чувства безнаказанности среди преступников.

Решением рассматриваемой проблемы могут стать: усиление информированности потерпевших об их правах, внедрение эффективных программ защиты потерпевших и свидетелей, упрощение процедуры возмещения вреда, обеспечение психологической и социальной поддержки потерпевших, развитие восстановительного правосудия и медиации, внедрение современных технологий для улучшения доступа потерпевших к информации. Эти меры могут способствовать более полной защите прав потерпевших и повышению доверия к системе правосудия.

Еще одна проблема досудебного производства связана с собиранием и оценкой доказательств.

Собирание и оценка доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса являются ключевыми элементами для установления истины по делу и обеспечения справедливого правосудия. Однако этот процесс сопряжен с рядом проблем, которые могут повлиять на качество расследования и законность принимаемых решений.

Использование незаконных методов получения доказательств или признательных показаний должно неизбежно влечь признание доказательств недопустимыми, что ставит под угрозу всё расследование. Избежать этого позволит только строгий контроль за соблюдением процессуальных норм, повышение профессиональной культуры следователей и прокуроров.

Давление на свидетелей, потерпевших или подозреваемых с целью получения нужных показаний неизбежно ставит под сомнение объективность и достоверность полученных сведений.

Субъективный подход следователей или дознавателей к оценке доказательств, предвзятость ведет к игнорированию доказательств, оправдывающих подозреваемого, концентрации только на обвинительных доказательствах.

Неправильное оформление протоколов, нарушение процедуры изъятия вещественных доказательств и т. п. неизбежно влечет признание доказательств недопустимыми. Только четкое соблюдение процессуальных норм при фиксации доказательств является гарантией законности полученных доказательств.

Сложность в оценке и интерпретации косвенных доказательств, которые не указывают напрямую на вину, но могут быть важны для установления обстоятельств дела нередко приводят к ошибкам в выводах следствия.

Сложность сбора и анализа электронных доказательств (например, данных из интернета, сообщений, метаданных) приводит к недостаточной доказательной базе по делам, связанным с киберпреступлениями. Только развитие цифровой криминалистики и обучение специалистов позволит решить данную проблему.

Проблемы собирания и оценки доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса требуют комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение квалификации сотрудников, внедрение современных технологий и обеспечение строгого соблюдения процессуальных норм. Только так можно обеспечить справедливость и законность уголовного судопроизводства.

Еще одной проблемой досудебного производства выступает недостаточная прозрачность процесса. Досудебное производство часто характеризуется закрытостью, а недостаточная прозрачность уголовного процесса подрывает доверие к правосудию и создает условия для злоупотреблений и почву для слухов и домыслов, ощущение неподконтрольности и непрозрачности системы. Участники процесса, особенно защита и общественность, часто сталкиваются с ограничениями в доступе к материалам дела, протоколам и другим документам. Это нарушает принцип состязательности сторон и затрудняет подготовку к защите или обжалованию решений. Необходимо обеспечение равного доступа к информации для всех участников процесса, за исключением случаев, когда это противоречит интересам следствия или безопасности.

Решение этой проблемы требует комплексного подхода, включающего законодательные изменения, направленные на обеспечение открытости, внедрение современных технологий для публикации информации, повышение ответственности правоохранительных органов и судов, активное участие общественности и СМИ в контроле за процессом. Только прозрачный и открытый уголовный процесс может гарантировать справедливость и защиту прав всех участников.

Обозначенные автором проблемы уголовного судопроизводства — это серьёзные препятствия для развития отечественного уголовного судопроизводства, требующее как изменений в законодательстве, так и повышения качества правоприменительной практики. Только при условии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, предоставление равных возможностей для защиты и обвинения можно говорить о справедливости уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. *Вихляева Т. А.* Актуальные проблемы принципа состязательности и проблемы его реализации на стадии судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы российской Федерации: сборник статей, Сыктывкар, 4–5 апреля 2019 г. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 2019.

2. *Гонтарь С. Н.* О стабильности уголовно-процессуального закона и качестве его преобразований // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1.

3. *Гонтарь С. Н.* Проблемы правовой регламентации и практики реализации норм УПК РФ об охране прав личности в уголовном судопроизводстве / С. Н. Гонтарь, М. И. Третьяк // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 3.

4. *Россинский С. Б.* О «технических» проблемах законотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России», Саратов, 9 июня 2023 г. Саратовская государственная юридическая академия, 2023.

5. *Черепова Е. Е.* Проблемы реализации уголовно-процессуальной политики в области обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, 26 апреля 2023 г. Пятигорск: ПГУ, 2023.

6. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2021/60b09db79a794722eba41dcf> (дата обращения: 12.02.2025).

Валентина Дашеевна Дармаева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Московская академия
Следственного комитета РФ
имени А. Я. Сухарева
E-mail: vdarmaeva@mail.ru

Процессуальные гарантии обеспечения права потерпевшего на возмещение ущерба

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением прав потерпевших от преступлений на компенсацию причиненного вреда, указывается на необходимость комплексного решения проблемы с реальным возмещением ущерба. Рассмотрено содержание уголовно-процессуальных средств по установлению виновных, имущества и средств, за счет которого может быть возмещен вред и проблемы их реализации; предложены конкретные меры по их совершенствованию.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовное судопроизводство; ущерб от преступлений; потерпевший; возмещение вреда; процессуальные гарантии.*

Конституция Российской Федерации гарантирует, что права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда (ст. 52). Гарантиями реализации данного права являются уголовно-процессуальные средства, которые позволяют установить средства и имущество, за счет которого может быть возмещен причиненный ущерб. Уголовно-процессуальный закон предписывает доказывать характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

При этом следует учитывать превалирование в обществе материальных интересов над социальными, неимущественными ценностями, что оказывает влияние на природу правоотношений, в том числе уголовно-процессуальных.

С точки зрения правовой природы потерпевшего в уголовном судопроизводстве ему свойственен личный интерес, а не публичный,

поэтому вопросы установления виновных, их причастности и доказанности не является его приоритетом. В интересах потерпевшего доказывание ущерба, причиненного преступлением, его фактическое возмещение или получение компенсации. Потерпевший, в первую очередь, лицо которое лишилось определенных материальных, имущественных благ, и неимущественных, например, здоровья, достоинства личности, которые также выражаются в претерпевании материальных издержек. Когда потерпевшими по делу являются государственные, иные публичные органы, а также юридические лица, здесь также основной интерес заключается в «возвращении» активов, имущества или его денежного эквивалента.

Такая «материализация» уголовно-процессуальных правоотношений зависит от многих факторов, в том числе от размера материального ущерба от преступлений. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации материальный ущерб от преступлений в 2022 году составил более 748 миллиардов рублей. Значительный материальный вред причиняется не только от прямого преступного посягательства, когда объектом преступления становятся денежные средства, ценности и иное имущество, но и косвенный вред, когда из-за распространения отдельных видов преступлений, при совершении которых применяются орудия и средства, имеющие большое поражающее воздействие [4]. В результате увеличения числа преступлений экстремистской направленности причиняется значительный ущерб и возникают проблемы с его возмещением [7, с. 24].

Государство со своей стороны, обеспечивая особое внимание к интересам и требованиям потерпевшего от преступления, обязано способствовать устранению нарушений его прав и восстановлению достоинства личности [5]. В деятельности Следственного комитета Российской Федерации одним из приоритетных направлений деятельности является возмещение причиненного преступлением ущерба. Ведомством в 2024 году в ходе предварительного следствия возмещено более 121 миллиарда рублей, наложен арест на имущество, денежные средства и ценности обвиняемых в размере свыше 135 миллиардов рублей¹. Правоприменительная и судебная практика демонстрирует «готовность» и направленность на восполнение

¹ Председатель СК России провел заседание коллегии по итогам работы ведомства в 2024 году. URL: // <https://sledcom.ru/press/events/item/1951309/> (дата обращения: 12.02.2025).

ущерба от преступлений, о чем свидетельствуют возросшие суммы штрафов, конфискованного имущества¹.

Поэтому подход в вопросах возмещения вреда потерпевшим от преступлений в силу различных факторов, в основном криминальных, должен быть комплексным, объединять все возможные формы и средства для защиты прав пострадавших. Государство обязано обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, а также выплату компенсации².

В целях реализации данных задач в последние годы была усовершенствована нормативно-правовая база, позволяющая принимать меры по установлению имущества, за счет которого может быть возмещен вред, внедряются новые методы розыска, оценки такого имущества³. Ряд изменений внесены в законодательство, регламентирующее конфискацию имущества. Федеральным законом от 14.02.2024 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» расширены основания ее применения в отношении деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации⁴.

Установление характера и размера вреда, имущества для его компенсации не должно находиться в причинной связи с наличием и интересами таких субъектов как потерпевший и гражданский истец. Для обеспечения участия в производстве по уголовному делу необходимо признание лица потерпевшим, тем не менее правовая доктрина склоняется к тому, что это процессуальное решение является формальным условием. Уже при проверке сообщения

¹ Суд постановил взыскать с руководителя департамента имущественных отношений Минобороны Куркина, а также еще в двух фигурантов дела около 1,3 млрд руб. в качестве возмещения ущерба и 394 млн руб. – в пользу Минобороны; с бывшего президента «Внешпромбанка» Л. Маркус и остальных подсудимых взыскали более 130 млрд руб. по искам «Внешпромбанка»; бывшего следователя ГУМВД по Москве М. Тагирова оштрафовали на 100 млн руб.; и др.

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. (подп. «а» п. 3 ст. 2) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ В т. ч. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

о преступлении физическое лицо, которому причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации, исходя из его фактического положения, является потерпевшим [9, с. 22]. Данная позиция согласуется с мнением Конституционного Суда Российской Федерации, который в своих решениях указывает, что вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу и оно, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его таковым [6].

Поэтому вне зависимости от позиции потерпевшей стороны, уголовно-процессуальное законодательство определяет, что следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по установлению подлежащего конфискации имущества, и имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, взыскание штрафа, другие имущественные взыскания, а также принять меры по наложению ареста на такое имущество (ст. 1601 УПК РФ).

Эта позиция принципиальна важна с точки зрения определения оснований для принятия мер по установлению вреда, а также имущества для его возмещения уже на ранних этапах процессуальной деятельности.

Закон предписывает лицу, осуществляющему предварительное расследование, принять такие меры незамедлительно после установления, что преступлением причинен имущественный вред, и за его совершение возможно применение конфискации имущества, либо предусмотрено наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания. По своей природе такие меры носят безотлагательный, оперативный характер.

Поэтому действия по установлению имущества должны распространяться и на стадию возбуждения уголовного дела. Лицо, проводящее процессуальную проверку обязано устанавливать наличие такого имущества, его количественные и качественные характеристики путем производства процессуальных и следственных действий, в том числе в ходе получения объяснений, путем направления запросов, дачи поручения органам дознания. Применение иных процессуальных средств на этой стадии ограничено.

Основное процессуальное средство коим является наложение ареста на имущество возможно только после принятия решения о возбуждении уголовного дела. Нами ранее обосновывались предложения о предоставлении органам расследования права наложения ареста на имущество лиц, совершивших противоправное деяние, и иных участников на стадии возбуждения уголовного дела, особенно по преступлениям террористической и экстремистской направленности, которые наносят существенный материальный ущерб [3, с. 60].

В статье рассматриваются процессуальные гарантии возмещения вреда потерпевшим, поэтому, не углубляясь в вопросы конфискации имущества, хотелось отметить, что автор поддерживает позицию о расширении применения конфискации, не ограничивая определенными составами преступлений.

Если в результате применения уголовно-процессуальных средств не были созданы возможности для возмещения материального вреда, то гражданско-правовой порядок вряд ли может восполнить удовлетворение интересов потерпевших. Такая вероятность существует в случае, когда иск был заявлен в порядке гражданского судопроизводства и судом были приняты обеспечительные меры. Так, 20 июля 2017 года в результате совершения преступления у гр-на были похищены денежные средства, один из обвиняемых на похищенные средства приобрёл автомобиль, признанный вещественным доказательством. 12 ноября 2018 года Измайловский районный суд признал виновными Полякова и Рощеву в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, на автомобиль был наложен арест¹. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 5 марта 2019 года приговор суда оставлен в силе, вопрос о возмещении гражданских исков передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

21 апреля 2021 года Измайловский районный суд исковые требования удовлетворил частично, с обвиняемых солидарно взыскал в счет возмещения ущерба определенную сумму, в удовлетворении остальной части иска отказано. Апелляционным определением и Определением кассационного суда решения оставлены без

¹ Гражданское дело № 2-1420/2023 по иску Таваккюлю оглы к Полякову, Рощевой, Акционерному обществу Туристские гостиничные комплексы «Измайлово» о взыскании компенсации морального вреда, обращении взыскания на имущество. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/services/cases/civil/details/7cb25650-90eb-11ed-b343-373ace7dccc2?participants=%D0%A0%D0%BE%D1%89%D0%B5%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 12.02.2025).

изменений. И только определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года предыдущие судебные решения в части отказа в иске об обращении взыскания на автомобиль и компенсации морального вреда отменены, дело в этой части направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

28 марта 2023 г. решением суда исковые требования истца, который являлся потерпевшим по уголовному делу о взыскании компенсации морального вреда, обращении взыскания на имущество удовлетворены частично и обращено взыскание на автомобиль путем передачи ему в счет погашения обязательств. Таким образом, спустя 6 лет после совершения преступления потерпевшему реально возмещен причиненный вред, что стало возможным благодаря имуществу, которое было признано вещественным доказательством. А в случае отсутствия такого имущества, потерпевшему сложно рассчитывать на компенсацию причиненного ущерба. В основном причиненный вред возмещается путем выплат по судебному решению из доходов осужденного в период отбывания наказания, составляющих незначительные суммы, что несомненно ущемляет права потерпевших, гражданских истцов.

Такое положение противоречит конституционным нормам об обеспечении интересов лиц, потерпевших от преступлений. Для таких ситуаций должны быть проработаны иные компенсационные механизмы. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений определяет, что когда возмещение ущерба не может быть обеспечено из других источников, государство должно это взять на себя в следующих ситуациях: для тех, которым в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный ущерб физическому состоянию или здоровью; для тех, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления¹.

В Российской Федерации не предусмотрен механизм возмещения причиненного преступлением вреда со стороны государства. Фактически государство ограничивает свою обязанность компенсировать причиненный преступлением вред только обеспечением надлежащего правосудия и не относит к своей компетенции возмещение материального вреда потерпевшему за счет бюджетных или иным образом привлеченных средств [2].

¹ Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116) [рус., англ.] [Электронный ресурс] (заключена в г. Страсбурге 24.11.1983). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

С 1 апреля 2024 года Постановлением Правительства РФ от 25.07.2024 № 1005 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации по финансовому обеспечению отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, отнесенных к чрезвычайным ситуациям регионального характера» регулируется порядок возмещения вреда лицам, пострадавшим в результате террористического акта. Выплаты включают: единовременную материальную помощь, финансовую помощь гражданам в связи с утратой ими имущества первой необходимости и единовременные пособия.

В сложившейся ситуации, считаем обоснованной позицию о необходимости создания государством специального фонда поддержки жертв преступлений, установление принципа уголовного судопроизводства, как защита и обеспечение прав и законных интересов потерпевших от преступлений [1, с. 35]. Только в таком случае потерпевшие от преступлений будут обеспечены правом на возмещение ущерба и тем самым реализованы их конституционные гарантии.

Список литературы:

1. *Багаутдинов Ф.Н.* Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : дис. ... д-ра юрид.наук. М., 2004.
2. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование : научно-практическое пособие (отв. ред. С. П. Кубанцев). М. : ИГиСП, КОНТРАКТ, 2016.
3. *Дармаева В. Д., Новиков А.М.* Уголовно-процессуальные меры принуждения в условиях возросшего уровня терроризма и экстремизма // Актуальные вопросы профилактики и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. М. : Московская академия СК России, 2023.
4. Житель Ступина получил пожизненное лишение свободы за гибель шести человек при подрыве пятиэтажки. URL: <https://www.interfax.ru/russia/995222> (дата обращения: 12.02.2025).

5. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гр-на М.А. Ключева : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 15 января 1999 г. № 1-П // СЗ РФ. 1999. № 4. Ст. 602.

6. Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 ноября 2014 г. № 28-П; определения Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О, от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О, от 25 апреля 2019 г. № 655-О.

7. *Потапова Л.А.* Формирование цивилистической культуры возмещения вреда потерпевшими от экстремистских преступлений.

8. Председатель СК России провел заседание коллегии по итогам работы ведомства в 2024 году. URL : <https://sledcom.ru/press/events/item/1951309/> (дата обращения: 12.02.2025).

9. Теория и практика возбуждения уголовного дела : учебное пособие / отв. ред. Л.Н. Масленникова, Т.Ю. Вилкова. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2022.

10. Уголовный процесс России и стран Европы: сравнительно-правовое исследование : монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы.

М. : Проспект, 2023. 280 с.

Алексей Александрович Ильюхов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Московская академия
Следственного комитета РФ
имени А. Я. Сухарева
Email: alexsmol672019@yandex.ru

Процедура поиска и возврата российских финансовых активов из-за рубежа (российский и зарубежный опыт)

Аннотация

Возвращение российских финансовых активов из-за рубежа это вопрос обеспечения безопасности экономики российского государства, поскольку выведенные активы из оборота оседают в зарубежных странах, содействуя в развитии их экономик. Статья призвана проанализировать, в первую очередь зарубежный опыт возврата активов из-за рубежа, заимствуя его процедуры и совершенствуя российское законодательства и практику применения. В частности, касается это процедур поиска и возврата активов из-за рубежа в рамках уголовно-правовой, административной и гражданской конфискации в рамках финансового расследования.

Ключевые слова и словосочетания: *отток капитала; поиск и возврат активов из-за рубежа; зарубежный опыт.*

В рамках складывающейся экономической и политической ситуации в стране и в мире актуален в современных условиях международный розыск и репатриация в российскую экономику денежных средств или иных активов, имеющих как криминальное, так и легальное происхождение.

О необходимости развития и совершенствования указанной процедуры свидетельствуют рекомендации Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (FATF), которая работала в Москве с 11 по 29 марта 2019 г. По мнению Группы, Россия недостаточно активно участвует в работе по возвращению капиталов из-за рубежа. В частности, в 2017–2018 гг. Центральный Банк Российской Федерации направил за рубеж всего 47 запросов по поводу 240 клиентов 99 зарубежных банков [1, с. 188].

Поэтому в рамках правовых основ в российское законодательство были встроены процедуры поиска и возврата российских активов из-за рубежа. Это касается положений главы 55.1 УПК РФ, а также подзаконные нормативные правовые акты: приказ Генпрокуратуры России № 133, СК России № 25, МВД России № 107, МИД России № 3575, Минюста России № 33, ФСБ России № 100, Росфинмониторинга № 45, ФТС России № 144, ФНС России № ЕД-7 -18/137, ФССП России № 106, Росимущества № 40, Банка России № ОД-326, ГК «Агентство по страхованию вкладов» № 22/1/2802 от 28.02.2023 «Об утверждении Инструкции о порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений»¹.

Данный приказ регламентирует процедуру розыска и возвращения как зарубежных активов из Российской Федерации, так и российских финансовых активов из-за рубежа. Он предписывает Росфинмониторингу в случае получения сведений о наличии зарубежных активах, принадлежавших подозреваемому, обвиняемому, сообщать об этом факте в органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы, и (или) оперативные подразделения.

Как правило, финансовые активы, подлежащие аресту и конфискации, поступают в банки, зарегистрированные в оффшорных зонах, после чего переводятся в более крупные банки, либо финансовые потоки проходят через банковские учреждения малых стран, а далее направляются в страны с развитой экономикой, снижая возможность отследить реального владельца этих активов. В описываемой ситуации российское государство ограничено в процедуре розыска, ареста денежных средств и иных активов на территории зарубежного государства, обуславливая выработку правовых механизмов, позволяющих эффективно выявлять места нахождения денежных средств и иных активов за рубежом и обеспечивать их конфискацию.

В случае установления нахождения финансовых активов за рубежом, российским правоохранительным органом в иностран-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений : приказ Генпрокуратуры России № 133, СК России № 25, МВД России № 107, МИД России № 3575, Минюста России № 33, ФСБ России № 100, Росфинмониторинга № 45, ФТС России № 144, ФНС России № ЕД-7 -18/137, ФССП России № 106, Росимущества № 40, Банка России № ОД-326, ГК «Агентство по страхованию вкладов» № 22/1/2802 от 28 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные государственные органы направляется запрос о правовой помощи по возврату финансовых активов. Результаты исполнения запроса компетентные органы иностранных государств информируют инициатора¹.

Тем самым реализуются меры обеспечительного характера, в рамках правового регулирования возврата из-за рубежа финансовых активов, а именно:

- устанавливаются подлежащие возврату в Российскую Федерацию места нахождения преступных финансовых активов;
- выясняется характер и объем подлежащих возврату в Российскую Федерацию преступных финансовых активов;
- определяются способы возвращения на территорию Российской Федерации преступных финансовых активов;
- принимаются меры обеспечения сохранности финансовых активов до возвращения их на территорию Российской Федерации [5].

Зарубежная практика сформирована на правовых механизмах розыска и выявления денежных средств, иных финансовых активов и их возвращение из-за рубежа. Правовая основа этому была заложена еще в 1980 г. Комитетом Совета Европы в Рекомендациях принятия мер против перехода и сохранения средств, имеющих преступное происхождение [8]. Данные рекомендации призваны обеспечить работу специализированных органов по финансовому расследованию и возврату денежных средств и иных активов из-за рубежа, включая информационно-коммуникационное обеспечение их возврата, межведомственное и международное сотрудничество. Проявляется оно путем согласованного функционирования и взаимодействия российских правоохранительных органов и правоохранительных органов иностранных государств борьбы с преступностью, что вытекает из требований выполнения обязательств, касаемо членства Российской Федерации в Международной организации уголовной полиции – Интерполе. Проведение оперативно-розыскной деятельности возможно лишь в рамках, заключенных российским государством международных соглашений и договоров с конкретными государствами [5].

Важное место в возврате финансовых активов из-за рубежа занимает их конфискация, защищающая экономику западноевропейских государств от проникновения преступных капиталов,

¹ О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа : указание Генеральной Прокуратуры Рос. Федерации от 31 августа 2020 г. № 442/352023 [Электронный ресурс. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и зарубежная практика предполагает уголовно-правовую, административную и гражданскую конфискацию при проведении финансового расследования. Сама конфискация предполагает следующие ее этапы: получение разведывательных данных (как правило, оперативным путем или налоговым органом) для инициирования расследования; заморозка активов под контролем суда и обеспечение их сохранности; возвращение изъятых активов из-за рубежа запрашиваемой стране [2, с. 57].

Представленный механизм функционирует, если финансовые активы находятся в банках, но сложности возникают, если активы контрабандным путем перемещаются в третьи страны и хранятся вне банковской системы. При этом они легализуются путем их вложения в ценные бумаги, акции, инвестирования в недвижимость, производство и др., что сложно отследить и соответственно они носят латентный характер. Вместе с тем, косвенным свидетельством криминальной направленности таких финансовых операций выступает частота их проведения между странами. Подобный финансовый механизм присутствует в странах Южной Африки, Южной Америки и их соседями при отмывании преступных доходов, полученных в результате торговли наркотиками и оружием.

В зарубежной практике чаще применяется гражданская конфискация вне уголовно-правового блока, когда имущество изымается не на основании результатов расследования, а по причине, что его собственник не способен доказать законность происхождения своих финансовых активов. Такой вид конфискации возможен и в случае, если имущество, добытое преступным путем, находится и у членов семьи лица, имущество которого конфискуется [2, с. 57].

Бремя доказывания невиновности лица, чье имущество конфискуется, целиком государство возлагает на него самого, что и определено Директивой по замораживанию и конфискации орудий преступлений и доходов, полученных преступным путем, принятой Европарламентом и Советом Европы 3 апреля 2014 г. Статья 7 Директивы предписывает применение «предупредительного ареста» (precautionary freezing), когда финансовые средства арестовываются подразделением финансовой разведки, ведущими поиск выведенных из страны финансовых активов, с целью возврата их в национальные юрисдикции, а не судом. Основанием тому выступает факт явно непропорциональных доходов и расходов лица и тогда имущество изымается вне рамок уголовного преследования [4, с. 520].

Такие специализированные подразделения по возвращению активов из-за рубежа образованы в Голландии (Бюро конфискации преступно нажитых активов), Бельгии (Бюро по поиску преступно

нажитых активов), Франции (Агентство по управлению и возврату конфискованных активов), Дании (Государственная прокуратура по борьбе с тяжкими экономическими преступлениями) и Греции (Управление по борьбе с финансовыми и экономическими преступлениями Министерства финансов) [2, с. 60]. Между ними, в рамках Евросоюза осуществляется взаимодействие своевременного и систематического обмена информацией в области поиска и репатриации преступно нажитого имущества [3, с. 44]. Присутствие в странах ЕС единой базы данных о конфискованных и репатрированных активов позволяет отслеживать исполнение решений их ареста и конфискации; формировать статистические отчеты о деятельности государства в указанном направлении; обмениваться данными с другими государствами; оценивать эффективность принимаемых мер в области борьбы с отмыванием преступных доходов с последующим их возвращением в страны, заявившие соответствующий запрос.

Кроме того, вероятность, что преступные активы привлекут внимание властей принимающей страны, зависит от того, были ли они предупреждены властями страны происхождения о наличии таких средств на их территории. Однако собственники таких активов перемещают их по всему миру таким образом и для того, чтобы их было сложно отследить. Даже если финансовые активы обнаружены, выбираются способы их возвращения и принимаются меры по сохранности.

Анализируя зарубежную практику, следует обратить особое внимание на правовой институт гражданской конфискации для последующего перевода финансовых активов из-за рубежа в Российскую Федерацию. Основанием ее применения выступает неспособность объяснить происхождения указанных финансовых активов самим лицом и близкими родственниками.

Целесообразным видится в рамках заимствования полезного опыта, создание специализированных подразделений финансовой разведки розыска и возврата активов, в рамках «предупредительного ареста» в национальные юрисдикции, а также сформировать единую информационную базу данных, позволив правоохранительным структурам получать сведения о движении финансовых потоков.

Список литературы:

1. Земскова В. В., Прасолов В.И. Проблемы финансовых расследований и возврата похищенных активов // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 2.

2. *Немцов Ю. И., Аржанова И. М.* Построение системы возврата активов в зарубежных государствах (На примере стран ЕС) // Вестник РАЕН. 2017. № 1.

3. *Немцов Ю. И.* Проблематика возврата в российскую экономику активов, выведенных в иностранные юрисдикции // Управленческое консультирование. 2015. № 9.

4. Перспективы применения механизмов замораживания, ареста и конфискации преступных активов, механизмов управления конфискованными активами / В. И. Лафитский и др.; отв. ред. В. И. Лафитский. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : МУМЦФМ, 2014. 520 с.

5. Методические рекомендации «Деятельность прокуроров по возврату из-за рубежа активов, полученных в результате совершения коррупционных правонарушений» // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. 27.07.2017. № 86-13-2017/Ип7313-17.

6. Об утверждении Инструкции о порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений : приказ Генпрокуратуры России № 133, СК России № 25, МВД России № 107, МИД России № 3575, Минюста России № 33, ФСБ России № 100, Росфинмониторинга № 45, ФТС России № 144, ФНС России № ЕД-7 -18/137, ФССП России № 106, Росимущества № 40, Банка России № ОД-326, ГК «Агентство по страхованию вкладов» № 22/1/2802 от 28 февраля 2023 г.

7. О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа : указание Генеральной Прокуратуры Рос. Федерации от 31 августа 2020 г. № 442/352023.

8. *Forsyth J., Irving B., Nanopoulos E., Fazekas M.* Study for an Impact Assessment on a Proposal for a New Legal Framework on the Confiscation and Recovery of Criminal Assets. DRR-5380-EC. Final Report Prepared for the European Commission Directorate-General Home Affairs Published 2012 by the RAND Corporation. URL: http://ec.europa.eu/home-affairs/doc_centre/crime/docs/RAND%20EUROPE%-20Study%20Final%20Report.pdf // (дата обращения: 12.02.2025).

Анатолий Михайлович Ишин,
кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ami62@yandex.ru

Иван Анатольевич Ишин,

научный сотрудник

научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России

E-mail: ivan956@rambler.ru

Информационные аспекты в деятельности по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел в трудах И. М. Лузгина и Р. С. Белкина

Аннотация

В статье рассмотрены основные подходы к рассмотрению следственной деятельности как процесса познания, предмет познания и предмет доказывания: сущность и особенности. Также даны определения информации используемой в процессе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, криминалистически-значимая информация. Рассмотрены также некоторые вопросы информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

***Ключевые слова и словосочетания:** предметы доказывания; видные ученые-криминалисты; Белкин; Лузгин; расследование преступлений; доказательная информация; социальные медиа; информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.*

Современные вопросы использования специальных знаний в раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел во многом определены работами многих видных советских и российских ученых-криминалистов прошлых лет. К таким выдающим ученым-криминалистам в полной мере можно причислить И. М. Лузгина и Р. С. Белкина.

Мне посчастливилось знать и работать под руководством этих выдающихся ученых криминалистов. Игорь Михайлович Лузгин был моим первым научным руководителем по моей кандидатской диссертации, а после его кончины – продолжил работу над диссертацией и которую успешно защитил в мае 1996 года [7] под руководством видного ученого криминалиста, профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Рафаила Самуиловича Белкина.

Именно в ходе общения с профессорами Р.С. Белкиным и И.М. Лузгиным сложился круг моих научных интересов, связанных с проблемами использования информации в криминалистике. В результате на сегодняшний день у меня более ста десяти публикаций в различных научных изданиях в том числе три монографии и несколько учебных пособий рассматривающих различные аспекты информационного обеспечения раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, в том числе и в сфере компьютерной информации, а мой сын – И.А. Ишин пошел по моим стопам и после 15 лет практической работы в оперативных подразделениях ОВД продолжает свою службу в научном центре Академии управления МВД России, занимаясь вопросами изучения социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка.

В моей памяти Рафаил Самуилович и Игорь Михайлович остались настоящими творческими руководителями, организаторами продуктивного учебного процесса, великолепными преподавателями, неутомимыми исследователями. Я преклоняюсь перед научным предвидением профессоров Р.С. Белкина и И.М. Лузгина, касающихся вопросов, связанных с информационными аспектами раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, которые не только актуальны сегодня, но и получили дальнейшее развитие в работах у их многочисленных учеников.

Рассматривая расследование уголовных дел на стадии предварительного следствия как процесс познания, И.М. Лузгин одним из первых обосновал информационные подходы к этому виду деятельности. Как писал профессор Лузгин, «познание представляет собой деятельность, целью которой является получение истинного знания о каком-либо объекте. Познание выражается в определенном отношении субъекта к объекту познания. В процессе установления этого отношения субъект овладевает объектом, получает о нем необходимую информацию, содержание которой зависит от частных задач познавательной деятельности, используемых средств и приемов. Специфика расследования состоит в том, что познание... осуществляется в этой деятельности в форме доказывания» [10, с. 23].

Рассматривая вопрос единства познания и доказывания при расследовании уголовных дел, профессор Лузгин отмечал, что «элементы познания в ряде случаев не отождествляются с доказыванием, не сливаются с ним полностью». При раскрытии преступлений по многоэпизодным уголовным делам следователю приходится изучать большое множество различных материалов, изъятых документов и обстоятельств выявленными участковыми и оперуполномоченными ради установления одного факта, однако такая работа представляет собой только

поиск доказательств, изучение явлений объективной действительности, её познание. Профессор справедливо отмечал, что предмет познания гораздо шире предмета доказывания по расследуемому уголовному делу [10, с. 23].

Рассматривая познавательную деятельность следователя следует отметить, что различные стороны этой деятельности имеют различную значимость. В качестве примера можно привести ситуацию, когда обстоятельства, характеризующие преступление и подлежащие доказыванию, являются наиболее важными в познавательной деятельности следователя по уголовному делу. При этом вспомогательным является познание других обстоятельств, способных обеспечить решение основных вопросов расследуемого уголовного дела [9, с. 25].

Взгляды, высказанные профессором Лузгиным, по вопросам, касающимся познавательной деятельности следователя в современных условиях, получили законодательное закрепление в последних федеральных законах, направленных на совершенствование досудебного производства и повышения эффективности следственной работы. В частности, это касается наделяния следователя дополнительными полномочиями по возбуждению уголовного дела, а также производства предварительного следствия по преступлению и проведению проверок по сообщениям о преступлениях и происшествиях. Предоставление права проверять не только материалы уголовных дел, но и материалы проверок сообщений о преступлениях, а также следственные действия еще до возбуждения уголовного дела, также является неотъемлемым правом следователя.

Большое внимание информационным основам раскрытия преступлений и расследования уголовных дел уделял профессор Р. С. Белкин. По его мнению, рассмотрение информационных аспектов раскрытия преступлений и расследования уголовных дел невозможно без исследования вопроса классификации информации, выступающего в роли средства упорядочения знаний. Выводы и положения, к которым пришел профессор Р. С. Белкин являются актуальными и применимы в современных условиях [3, 4, 5, 6].

Для общего определения информации, используемой в процессе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, в правовой литературе используются два понятия: «криминалистическая информация» и «криминалистически-значимая информация».

Профессор Р. С. Белкин в своих трудах приходит к выводу о том, что необходимость использования понятия «криминалистически-значимая информация», под которой он понимал «информацию, могущая выступать в качестве доказательств по уголовному делу или способствующую получению такой, а также любая иная информация, имею-

шая значение для достижения установленных законом конечных целей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений». Указанная формулировка отражает прагматический, или как мы его также понимаем – целевой, аспект деятельности по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел. Р.С. Белкин отмечал, что термин «криминалистическая информация» бессодержателен и беспредметен, так как не несет прямой смысловой нагрузки – в данном случае невозможно однозначно определить разницу между криминалистической, процессуальной или оперативной информацией, а также каковы источники исключительно той или иной информации. В природе существует только криминалистически-значимая информация, которая подразумевает под собой информацию, используемую для решения различных криминалистических задач, вне зависимости от её рода и происхождения [2, с. 237].

Вполне обоснованным выглядят подходы профессора Р.С. Белкина к разделению криминалистически-значимой информации на информацию, имеющую актуальное криминалистическое значение и информацию, имеющую потенциальное криминалистическое значение [1, с. 368].

Большое внимание профессор Р.С. Белкин уделял вопросам информационной сущности доказывания [4, с. 41]. Его взгляды можно сформулировать следующим образом. Доказывание – это процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательств. При этом рассматривая вопрос информационного содержания, данный процесс направлен на добычу, накопление, хранение, передачу, анализ, переработку и использование именно доказательной информации, которая является составляющей содержания доказательств.

Профессор Р.С. Белкин отмечал, что структуру информационного процесса при доказывании составляют следующие элементы: 1) система, от которой исходит информация; 2) система, получающая информацию; 3) носитель информации, соединяющей первые две системы.

Под понятием «доказательной информации» профессор Р.С. Белкин представлял сведения о событии, явлении, составляющих содержание доказательств и используемых в судопроизводстве для установления истины по уголовному делу.

Немаловажное место профессор Р.С. Белкин, в процессе расследования уголовного дела, отдавал ориентирующей информации, для получения которой следователю было необходимо осуществить запланированный комплекс организационных, розыскных (оперативно-розыскных) и иных мероприятий, обеспечивающих процесс доказывания, но лежащих за его рамками. Добыча указанной информации, это результат деятельности не только следователя, но и других сотруд-

ников ОВД (участковых, оперуполномоченных, сотрудников ГАИ и т.д.), а также привлекаемых специалистов, которые предоставляют эту информацию следователю для дальнейшего анализа и принятия решения о ее дальнейшем использовании. При этом следует отметить, что данная информация зачастую играет роль ориентирующей информации, но способной значительно ускорить процесс сбора доказательственной информации, имеющей процессуальное значение для дальнейшего расследования уголовного дела.

В современных условиях нельзя обойти стороной вопрос добычи криминалистически-значимой информации из информационно-телекоммуникационной сети Интернет, поскольку активный рост пользователей социальных сетей свидетельствует о накоплении больших массивов информации, которая может представлять интерес для органов внутренних дел по многим направлениям, в том числе в деятельности по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел.

Одной из отличительных особенностей Интернета является то, что информация из общедоступных социальных сетей имеет свойство накапливаться и храниться на облачных серверах достаточно долгий период времени, которую даже в случаях удаления пользователями со своих страниц в социальных сетях все равно можно восстановить. Нельзя не упомянуть вступивший в силу Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» предусматривающий необходимость операторов, при сборе персональных данных, в том числе посредством Интернета, обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан РФ с использованием баз данных, находящихся на территории нашей страны – что несомненно позволяет стать основой для работы с этой информацией следователя, дознавателя или оперуполномоченного.

Сеть Интернет помимо хранения информации также создает условия для совершения преступлений новыми способами – это обязывает учитывать специфику образования следов преступной деятельности, выбор технических средств, применяемых в процессе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел, методов получения информации из информационных баз данных.

В современных условиях как ученых, так и практиков привлекают внимание вопросы использования в противодействии [8] преступности действующей в сети Интернет [9].

Законодательного определения понятия «интернет» не существует, но можно отметить, что оно используется в ряде нормативно-право-

вых актов, например Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2015 года № 1236 Интернет определен как частный случай информационно-телекоммуникационной сети общего доступа, при этом отдельные правовые признаки Интернета и отражены в ряде законов, подзаконных актов, материалах судебной практики, рассмотреть которые в рамках указанной статьи не представляется возможным в связи с ограниченным объемом, а также тем обстоятельством, что это не является целью нашего исследования.

Появление Интернета и его активное распространение в мировом пространстве способствовало бурному развитию такой сферы человеческой деятельности как коммуникация. В результате появляются новые термины связанный с ней. Один из них это социальные медиа.

Социальные медиа – это интерактивные площадки, которые обеспечивают создание и обмен информацией, идеями, интересами и другими формами выражения через виртуальные сообщества

Под мультимедиа мы понимаем технологии, используемые для производства, хранения и воспроизведения мультимедийных данных, их содержания, представляемые в различных формах.

Медиа включает в себя все способы коммуникаций и средства передачи информации, в том числе средства массовой информации (далее – СМИ), социальные сети. По нашему мнению, различие между СМИ и социальными сетями заключается в следующем.

СМИ – это форма массовой коммуникации, которая предполагает обмен информацией с широкой аудиторией. Социальные сети состоят из онлайн платформ, которые позволяют пользователям создавать контент и пользоваться им. СМИ предполагают определённый контроль со стороны управляющих компаний, социальные сети поощряют пользовательский контент и различные точки зрения.

СМИ предполагают одностороннюю связь и более медленное время отклика, социальные сети обеспечивают взаимодействие и обратную связь в режиме реального времени.

Еще одно преимущество социальных сетей они более персонализированны и могут охватывать более широкую аудиторию СМИ с быстрой обратной связью.

Главная особенность социальные медиа - это Интернет-ресурсы, позволяющие общаться, транслировать своё мнение, публиковать различный контент, а также рекламировать и продвигать бренды и их продукты.

К ним мы относим такие как:

– электронная почта (Яндекс Почта, Gmail) персонафицированные социальные медиа, обеспечивающие получение, обмен, рассылку информационных ресурсов;

- форумы (Reddit, «Пикабу»). Социальные площадки, где каждый может создавать своё сообщество, публиковать контент, делиться ссылками, комментировать, обсуждать, голосовать за любимые материалы;
- мессенджеры (Telegram, Viber, Watsapp и т.д.). Платформы для обмена быстрыми сообщениями, создания публичных каналов, публикации новостей, опросов, видео, фото;
- блог-платформы (Tumblr, «Яндекс.Дзен»). Социальные медиа, размещение авторского контента, с получением за это денежного вознаграждения;
- видеохостинги (YouTube, TikTok). Платформы с видеоконтентом, где присутствуют авторские материалы, комментарии, обсуждение;
- социальные сети (ВКонтакте, «Одноклассники», «Твиттер», «Мамба» и т.д.). Самая массовая часть соцмедиа с широким функционалом;
- Агрегаторы и маркетплейсы (Avito, Ozon). Соцмедиа для торговли, открытие онлайн-магазинов, проведение сделок, общение, отзывы и комментарии на покупки.

Социальные медиа, несомненно, один из ценнейших инструментов в раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел, так как для получения, поиска и сбора доказательств или информации о людях, в том числе о без вести пропавших, свидетелей, лиц, осуществляющих вербовку для незаконных действий. Для этого не требуется больших материальных затрат, достаточно использование компьютерной техники установленной на рабочем месте следователя или оперативнополномоченного.

Большое количество информации о преступной деятельности доступно онлайн через видео, фотографии, тексты, которые пишут и выкладывают в социальную медиа лица, совершившие преступления, соучастники и свидетели.

Социальные медиа могут быть использованы следователем: для собирания доказательств; при планировании работы по расследованию преступлений; в качестве источника оперативной информации или информационного канала для оперативной связи с населением; средства влияния на свидетелей, лиц, совершивших преступления, а также как мощный инструмент для выстраивания взаимоотношений между органами внутренних дел и обществом.

Подводя итог, отмечаем, что рассмотрение вопросов, связанных с социальными медиа, которые раскрывают новые возможности получения и использования информации для раскрытия и расследования преступлений в полной мере соответствует развитию взглядов на информационные аспекты, изложенные в трудах выдающихся ученых-крими-

налистов Р.С. Белкина и И.М. Лузгина. Это позволяет сделать вывод об их актуальности и необходимости углублённых исследований в этой области, которые позволят в современных условиях совершенствовать деятельность по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел [11, с. 32; 12, с. 26], а также активно противодействовать современной преступности на должном уровне.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. И., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учебник для вузов. М., 2001.
2. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
3. *Белкин Р. С. Лифшиц Е. М.* Тактика следственных действий. М., 1997.
4. *Белкин Р. С.* Собираение и исследование доказательств. М., 1966.
5. *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969.
6. *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика. Общетеоретическое проблемы. М., 1973.
7. *Ишин А. М.* Использование средств массовой информации при установлении и розыске лиц, совершивших преступления, в ходе предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 220 с.
8. *Ишин И. А.* «Противодействие преступности» или «борьба с преступностью»: анализ понятий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). EDN IWPQVJ.
9. *Ишин А. М.* Современные проблемы использования сети Интернет в расследовании преступлений // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Калининград, 2013.
10. *Лузгин И. М.* Методические проблемы расследования. М., 1973.
11. *Гаврилов Б. Я.* Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3 (15). EDN OUXBSN.
12. *Калачева А. В.* Орган дознания как субъект уголовно-процессуальных правоотношений : дис. ... канд. юрид. / Калачева Алина Владимировна, 2024. 241 с. EDN DCHIXK.

Елена Евгеньевна Космодемьянская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Сибирский юридический институт МВД России
Email: kontra2505@mail.ru

Криминалистические аспекты расследования склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопросов расследования склонения к потреблению психоактивных веществ в криминалистическом аспекте, а именно, с позиций изучения криминалистически значимых признаков данного преступления, правовых целей расследования, типовых следственных ситуаций и криминалистических особенностей производства отдельных следственных действий, направленных на достижение необходимых правовых целей. На основе анализа судебно-следственной практики выявлены некоторые особенности криминалистически значимых признаков данного преступления; обозначены особенности предмета доказывания; установлены критерии для выделения типичных исходных следственных ситуаций; обозначена система тактических задач расследования; названы некоторые проблемные вопросы, возникающие в процессе расследования склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Ключевые слова и словосочетания: *склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; методика расследования; криминалистическая характеристика; исходные следственные ситуации; тактические задачи; алгоритмы следственных действий.*

Как свидетельствуют данные официальной статистики, «в Российской Федерации в январе – декабре 2024 года выявлено 198,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем – декабрем 2023 года на 7,0 % увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также выявлено и пресечено на 51,4 % больше преступлений, связанных с пересылкой нарко-

тиков, на 37,5 % – связанных с их контрабандой, на 11,1 % – с их производством. По расследованным уголовным делам из незаконного оборота полицейскими изъято более 28 тонн наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также сильнодействующих веществ» [10].

Как известно, в качестве одной из стратегических целей государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года указано «сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления». ¹ В этой связи выявление, раскрытие и расследование склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 230 УК РФ), как и их профилактика, становятся, несомненно, актуальными направлениями деятельности в ее достижении. Актуальность и практическая значимость изучения данной проблематики обусловлена еще и тем фактом, что, по сути своей, склонение к потреблению наркотических средств расширяется контингент наркоманов, поскольку способствует их распространению, особенно в среде несовершеннолетних.

Так, данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о количестве лиц, осужденных по ст.230 УК РФ, в зависимости от года и квалифицирующих признаков, представлены в Таблице [17].

Таблица

Данные о назначенном наказании по статье 230 УК РФ

Год	Показатель	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы
2023	Статья 230 часть 1	33	0	6	9	18
2023	Статья 230 часть 2	9	0	5	4	0
2023	Статья 230 часть 3	43	0	40	3	0
2023	Статья 230 часть 4	0	0	0	0	0
2022	Статья 230 ч. 1	37	0	5	16	16
2022	Статья 230 ч. 2	8	0	4	4	0
2022	Статья 230 ч. 3	43	1	34	9	0
2022	Статья 230 ч. 4	0	0	0	0	0
2021	Статья 230 ч. 1	32	0	12	13	7
2021	Статья 230 ч. 2	10	0	7	3	0
2021	Статья 230 ч. 3	34	0	30	4	0
2021	Статья 230 ч. 4	0	0	0	0	0

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. URL: <https://base.garant.ru/74938781/> (дата обращения: 17.02.2025).

Как видим, количественные показатели свидетельствуют о том, что наблюдается тенденция к росту преступлений данного вида за период 3х лет, особенно, ответственность за которые предусмотрена п «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ.

В большинстве работ, посвященных данной проблематике, основной акцент делается авторами на аспекты уголовно-правового характера [3, 4, 7, 11, 12], на изучение способов склонения к потреблению психоактивных веществ (далее – ПАВ) [18] и на такой актуальный способ, как склонение к потреблению с использованием возможностей сетей интернет [1, 5]. Вопросам же именно расследования и доказывания по уголовным делам изучаемого вида преступлений посвящено небольшое количество работ ученых-криминалистов [2, 6], что требует восполнения такого информационного пробела.

Говоря о криминалистических особенностях расследования данного вида противоправных деяний, в первую очередь, необходимо понимать, о каких именно особенностях мы говорим. Полагаем, что первой из них будут правовые цели расследования (или специфика предмета доказывания) как одного из структурных компонентов криминалистической методики.

Не вдаваясь подробно в вопросы квалификации, т.е. уголовно-правовой характеристики данного преступления, вкратце обозначим основные элементы предмета доказывания по таким делам:

– способ совершения, при доказывании которого необходимо подтвердить осуществление действий, направленных на возбуждение у другого лица желания потребления ПАВ, выражающихся «в уговорах, предложениях, даче совета, в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях. Не является преступлением рассказ об ощущениях, наступающих после потребления наркотических средств или психотропных веществ» [16].

Так, *«ФИО2 предложил расплатится с ним за оказанную услугу в виде перевозки на автомобиле наркотическим средством ... Так как ФИО3 ранее не употреблял наркотические средства, то он отказался, однако ФИО2 настоял на том, что он попробовал, рассказав при этом о том, что от употребления наркотика он получит хорошие ощущения. Он согласился на предложение подсудимого, в связи с чем, последний дал ему небольшой кусочек темного вещества, с характерным запахом»* [15].

Данная позиция отражена и в п.27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»:

«склонение к потреблению наркотических средств может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств лицом, на которое оказывается воздействие»¹;

– субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Но им может быть и лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, если потерпевший, которого склоняют к потреблению ПАВ, – несовершеннолетний;

– в качестве потерпевшего могут быть как взрослые лица, так и несовершеннолетние.

Нередко действия субъекта преступления путем манипуляции «на слабо», в конечном итоге, приводят к оказанию желаемого воздействия на сознание и волю другого лица в целях побудить к желательному для субъекта поведению, т.е. на побуждение к приему наркотиков. Конечно, наибольшей общественной опасностью характеризуется ситуация, когда склонение к потреблению происходит насильственным путем. Так, *«у ФИО2 возник единый преступный умысел, направленный на склонение ФИО3 № 1 к потреблению наркотических средств, с применением насилия. Реализуя свой единый преступный умысел, ФИО2 01 июля 2023 года в период времени с 21 часа 00 минут по 23 часа 00 минут, находясь по адресу:... связал обе руки ФИО3 № 1 тканевым поясом, привязав ее к батарее около кровати в указанном домовладении, тем самым ограничив ее передвижение, от чего ФИО3 № 1 испытала физическую боль. ФИО2, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде расширения круга наркозависимых лиц, и желая этого, ...приготовил раствор для инъекций, и в указанный период времени, с целью склонения ФИО3 № 1 к потреблению наркотических средств, принуждения к потреблению наркотических средств, ...против воли последней, ранее не употреблявшей наркотические средства, подошел к ней, зажав её руку своей рукой и путем двух инъекций с помощью шприца, введя в её организм наркотическое средство - производное N-метилэфедрон, принудил ФИО3 №1 употребить указанное наркотическое средство, которое ввёл в её орга-*

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2025).

низм против её воли, то есть склонил к потреблению наркотических средств ФИОЗ № 1». [13]

Напомним, что окончено преступление в момент возбуждения желания, т.е. потерпевшее лицо не должно обязательно употребить наркотик. Отсюда возникает одна из проблем в процессе доказывания – если нет наркотика, т.е. предмета, факт склонения доказать невозможно.

Второй криминалистической особенностью расследования данных преступлений будет их криминалистическая характеристика или криминалистически значимые признаки, основными из которых являются данные о способах совершения, субъекте, потерпевшем, предмете преступления и др.

Основной тенденцией в настоящее время является склонение к потреблению ПАВ с использованием сети Интернет, субъектом преступления – из числа знакомых с потерпевшим; при этом действия осуществляются чаще в отношении несовершеннолетних, о чем мы уже упоминали ранее.

Проиллюстрируем наши тезисы примером судебно-следственной практики: *«ФИО1, являясь потребителем наркотических средств, действуя с прямым умыслом, осознавая общественную опасность своих действий, склонил ранее ему знакомую Свидетель №3 к потреблению наркотического вещества, при этом, достоверно зная, что потребление наркотических веществ является незаконным и вызывает привыкание. Реализуя свое преступное намерение, в неустановленный период времени с марта 2022 года до 16 часов 26 минут 02.04.2022 ФИО1, находясь... г. Нижневартовска ХМАО-Югры, действуя умышленно, с целью склонения Свидетель № 3 к незаконному потреблению наркотических средств, осуществил действие, направленное на возбуждение у последней желание употребить вещество, содержащее в своем составе наркотическое средство – производное N-метилэфедрона, ... рассказывая об эффекте и ощущениях после употребления данного наркотического средства, особенностях воздействия наркотика на организм, путем предложений и уговоров, возбудил у последней интерес и желание употребить данное наркотическое средство. Свидетель № 3, поддавшись уговорам ФИО1, используя стеклянную трубочку, путем курения, употребила наркотическое вещество».* [14]

И здесь мы видим необходимость обратить внимание на такую криминалистически значимую особенность потерпевшего, как его т.н. «конформная модель аддиктивного поведения», которая чаще характерна для высоковокнушаемых, тревожно-мнительных подростков, которые некритически перенимают правила поведения группы.

Эти особенности могут стать основой для создания конкретных профилактических программ, где «терапевтическими мишенями» будут базовые причины, лежащие в формировании той или иной модели аддиктивного поведения.

Что касается предмета преступления, то в качестве такового чаще выступают мефедрон (16,6 %), метадон (16,6 %), N-метилэфедрон либо смесь, содержащая в своем составе N-метилэфедрон (16,6 %), каннабис (13,3 %).

Следующей криминалистической особенностью расследования данных преступлений являются типовые следственные ситуации, обуславливающие определенный алгоритм действий субъекта расследования. В наших исследованиях мы ранее неоднократно обозначали типовые исходные ситуации универсального характера, возникающие при расследовании наркопреступлений [8; 9]. При расследовании склонения к потреблению ПАВ, как показал анализ судебно-следственной практики, такая типовая ситуация, как **задержание лица по предварительной оперативной разработке**, возникает редко, что обусловлено спецификой механизма преступления и высокой латентностью преступлений, особенно совершенных в отношении подростков.

Также нередко может возникнуть ситуация, когда **лицо, совершившее склонение к потреблению ПАВ, неизвестно**. Полагаем, что с учетом источника информации, ее можно разделить на две частные ситуации:

- поступили данные из медучреждения о доставлении лица в состоянии наркотического опьянения, в отношении которого состоялся факт склонения к потреблению наркотика;
- о факте склонения к потреблению стало известно из материалов иных (административных, уголовных) дел, поскольку имеется информация о нахождении лица в состоянии наркотического опьянения.

Редко, но встречается ситуация **явки с повинной**.

Следующей криминалистической особенностью расследования склонения к потреблению ПАВ будут являться тактические задачи расследования и необходимый набор средств их решения, алгоритм которых как раз и обусловлен типовой следственной ситуацией. Вкратце обозначим, что таковыми по данному составу будут:

Предварительная проверка информации о совершенном преступлении.

Сбор и фиксация исходной информации. Для решения данной тактической задачи, как правило, проводятся осмотр места происшествия, получение объяснений, при возбуждении уголовного дела допросы свидетелей и т. д.

Поиск лица, совершившего преступление (факультативная тактическая задача). В данном случае возникает необходимость производства определенных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение подозреваемого.

Проверка подозрения. Данная тактическая задача решается посредством проведения различных ситуационно необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

5. Доказывание виновности. В рамках решения данной тактической задачи возможно проведение любых следственных действий, направленных на усиление доказательственной базы по делу. При этом, как показал анализ судебно-следственной практики, проведенный на основе изучения 30 Приговоров судов общей юрисдикции РФ за 2021–2024 год по уголовным делам (ст. 230 УК РФ), основными процессуальными средствами доказывания выступают освидетельствование; допросы потерпевшего, свидетеля, подозреваемого; осмотры предметов и документов, места происшествия; производство необходимых судебных экспертиз, основными среди которых являются КЭМВИ, судебно-медицинская, комплексная психолого-психиатрическая, компьютерно-техническая и иные при необходимости; проверка показаний на месте, очная ставка и др.

6. Криминалистическая профилактика, особенно востребованная при совершении преступлений в отношении несовершеннолетних потерпевших.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать наличие определенных криминалистических особенностей расследования анализируемого вида противоправных деяний, учет которых в практической деятельности позволит повысить как эффективность их расследования, так и предупреждения.

Список литературы:

1. *Артемова В. В., Блинова Е. В., Соколова М. В.* Расследования склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть интернет) // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 3.

2. *Бондар Е. В.* Особенности производства следственных действий при расследовании склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : сборник статей по материалам XXVI Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2023.

3. *Витовская Е.С.* Квалифицирующее значение общественно опасных последствий при склонении к потреблению наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : сборник статей по материалам XXV Международной научно-практической конференции : в 2-х ч. Красноярск, 2022.

4. *Еськова Л.К.* Ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в международном законодательстве и законодательстве зарубежных стран // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : сборник статей по материалам XXV Международной научно-практической конференции : в 2-х ч. Красноярск, 2022.

5. *Земцова С.И.* Склонение к потреблению наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: постановка проблемы // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2023.

6. *Кардашевская М.В.* Особенности проверки сообщения о склонении несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 3 (45).

7. *Коротков А. В., Еремина Н.В.* Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенные в отношении несовершеннолетних // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023 : сборник статей по материалам IX Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2024. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_61334219_68118722.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

8. *Космодемьянская Е.Е.* Интегративная методика расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков как одно из направлений модернизации частных криминалистических методик расследования // Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. 2019.

9. *Космодемьянская Е. Е., Мельников Е.Б.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: учебное пособие. Красноярск, 2019.

10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 13.02.2025).

11. *Миронюк И. В., Безуглый С. Н.* О некоторых вопросах квалификации склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2 (141).

12. *Новиков В. А., Шиян В.И.* Склонение к потреблению наркотиков: толкование понятий и актуальные вопросы квалификации преступления (ст. 230 УК РФ) // Наркоконтроль. 2022. № 2.

13. Приговор № 1-132/2023 1-4/2024 от 24 января 2024 г. по делу № 1-132/2023. URL: <https://clck.ru/3F8nF7> (дата обращения: 16.02.2025).

14. Приговор № 1-143/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-143/2021. URL: <https://clck.ru/3F8ngt> (дата обращения: 16.11.2024).

15. Приговор № 1-17/2023 от 4 августа 2023 г. по делу № 1-17/2023. URL: <https://clck.ru/3F8ncA> (дата обращения: 16.02.2025).

16. Приговор № 1-27/2024 1-351/2023 от 29 января 2024 г. по делу № 1-27/2024. URL: <https://clck.ru/3F8n8j> (дата обращения: 16.02.2025).

17. Приговор № 1-27/2024 1-390/2023 от 26 января 2024 г. по делу № 1-27/2024. URL: <https://clck.ru/3F8nCf> (дата обращения: 16.02.2025).

18. Приговор № 1-36/2024 1-654/2023 от 12 января 2024 г. по делу № 1-36/2024. URL: <https://clck.ru/3F8nLq> (дата обращения: 16.11.2024).

19. Приговор № 1-88/2023 от 12 июля 2023 г. по делу № 1-88/2023. URL: <https://clck.ru/3F8neG> (дата обращения: 16.11.2024).

20. Прокурор разъясняет. Официальный сайт Прокуратуры г. Санкт-Петербурга. URL: https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legal-education/explain?item=25911381 (дата обращения: 12.02.2025).

21. Прокурор разъясняет. URL: <https://spasskiy.tatarstan.ru/20032023-prokuror-razyasnyuet-ugolovnaya.htm> (дата обращения: 12.02.2025).

22. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.12.2024).

23. *Чебуренков, А.А.* Криминалистический анализ способов склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Наркоконтроль. 2022. № 2.

Сергей Иванович Курилов,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: skurilov5@mvd.ru

Ольга Викторовна Неверович,
слушатель
Академия управления МВД России
E-mail: oneverovich@ru

Реализация уголовно-процессуальной политики в сфере применения обеспечительных мер для возмещения причиненного преступлением вреда

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с применением обеспечительных мер по возмещению причиненного преступлением вреда при реализации уголовно-процессуальной политики ее субъектами, в том числе и руководителями органов предварительного расследования. Предлагается совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова и словосочетания: возмещение ущерба; руководители следственных органов; следователи; дознаватели; уголовно-процессуальная политика; начальник подразделения дознания; начальник органа дознания.

Одним из важных аспектов защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве для возмещения причиненного им преступлениями вреда является применение обеспечительных мер. Данному вопросу посвящены научные работы Безлепкина Б. Т. [1], Петрухина И. Л. [3], Смирнова А. В. [8] и других специалистов.

Уголовно-процессуальная политика в данной сфере реализуется через применение таких обеспечительных мер как наложение ареста на имущество и обеспечение гражданского иска.

Ключевую роль в этом процессе играют такие субъекты уголовно-процессуальной политики, как руководители органов расследования, ответственные за контроль действий подчиненных по выполнению ими оценочных показателей.

Государственной программой Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [2] на органы предварительного следствия и подразделения дознания возложено решение задачи «Повышение эффективности предварительного следствия и дознания, обеспечивающее увеличение к 2030 году доли возмещенного ущерба от фактически причиненного до 24,45 % и 59,5 % соответственно». Паспортом комплекса процессных мероприятий (далее-КПМ) «Предварительное следствие» [4] Государственной программы определен целевой показатель «Доля возмещенного ущерба от фактически причиненного ущерба по уголовным делам, оконченным следователями» на 2024 год, составивший 24,15 % [9]. Аналогичный показатель для подразделений дознания составил 59 % [9]. В 2025 году указанный целевой показатель включен в паспорт КПМ «Оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации» [5] и составляет 24,20 % для следственных подразделений и 59 % для специализированных подразделений дознания.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (далее – УПК РФ) на следователей и дознавателей возложены обязанности по доказыванию характера и размера вреда, причиненного преступлением, разъяснению порядка и права на заявление исковых требований, обеспечение пострадавшим от преступного посягательства условий для реализации предоставленных им возможностей по восстановлению нарушенных прав и свобод, принятия всех мер, предусмотренных законом для возмещения причиненного ущерба.

Кроме установления характера и размера вреда на следователей и дознавателей возложены полномочия, предусмотренные ст. 1601 УПК РФ, связанные с обязанностью по принятию мер к установлению местонахождения имущества, стоимость которого обеспечивает возмещение имущественного вреда, подозреваемого, обвиняемого либо лиц, несущих ответственность за вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица.

В связи с этим УПК РФ предусматривает комплекс мер, направленных на гарантированное возмещение вреда потерпевшим и реализацию уголовно-процессуальной политика в рассматриваемой сфере:

- в соответствии со ст. 44 УПК РФ истец вправе заявить требования о компенсации ущерба, что обязывает следователя и дознавателя принимать меры для их обеспечения;
- в соответствии со статьей 115 УПК следователями и дознавателями применяются меры, связанные с наложением по судебному

решению ареста на имущество обвиняемых или иных лиц для предотвращения его сокрытия, в пределах суммы иска. Такие обеспечительные меры по возмещению потерпевшим ущерба, причинённого преступлениями, в соответствии со ст. 115 УПК РФ, позволяют установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением имуществом;

– в соответствии со статьей 1601 УПК РФ следователи и дознаватели, разъяснив потерпевшему право на иск, обязаны обеспечить сохранность имущества и своевременно реализовать обеспечительные меры.

В этой связи следует отметить, что применение вышеуказанной меры процессуального принуждения является обязанностью должностного лица, осуществляющего предварительное расследование. Высокие показатели по данному направлению деятельности обусловлены, в том числе наработанной практикой конфискации транспортного средства, принадлежащего обвиняемому, по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 2641, 2642, 2643 УК РФ.

Необеспечение конфискации имущества влечет применение мер прокурорского реагирования. В частности, надзирающими прокурорами уголовные дела возвращаются для дополнительного расследования по причине неизъятия дознавателями транспортных средств, использованных виновными лицами при совершении преступлений в сфере безопасности дорожного движения. Так, в УМВД России по Кировской области одним из оснований возвращения прокурором дела явилось нерассмотрение вопроса о наложении ареста на автомобиль, принадлежащий супруге подозреваемого.

Выезды в территориальные органы МВД России показывают, что нарушения требований УПК РФ в части неисполнения обязанности по наложению ареста в качестве обеспечительной меры происходит вследствие желания уменьшить дознавателями объём процессуальной работы и скорейшего направления уголовного дела в суд [7].

В связи с этим, руководителям органов расследования преступлений для повышения эффективности работы по данному направлению деятельности необходимо контролировать:

– использование подчиненными следователями и дознавателя алгоритма действий по применению обеспечительных мер для возмещения причиненного преступлением вреда, установлению имущества подозреваемых (обвиняемых, третьих лиц), в том числе путем направления запросов в компетентные государственные органы и коммерческие организации об истребовании соответствующих сведений, позволяющих установить имущественное положение

лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и их близких родственников с целью наложения на имущество ареста;

- оперативно-служебная деятельность по налаживанию взаимодействия с органами дознания на уровне руководителей подразделений по исполнению поручений о розыске похищенного имущества с целью дальнейшего наложения на него ареста;

- принятие подчиненными дополнительных мер по установлению имущества подозреваемых и обвиняемых, на которое в обеспечительных целях может быть наложен арест, а именно уделять должное внимание своевременному принятию процессуальных решений, а также полноте материалов, направляемых в суды с соответствующими ходатайствами, исключающими нарушения требований уголовно-процессуального законодательства.

В этой связи имеется положительный опыт, позволяющий обеспечить удовлетворение гражданских исков в ходе судебного рассмотрения. Так, например, следователем Следственной части по расследованию организованной преступной деятельности главного следственного управления главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в ходе обыска по многоэпизодному уголовному делу о хищениях с применением ИТТ обнаружено наличие криптовалютных активов на сумму 1,23548302 BTC (биткойна), что эквивалентно 3,6 млн руб. Криптовалюта на указанную сумму изъята в ходе обыска путем перечисления на специально созданный для этого криптокошелек, пароль доступа к которому (сид-фраза) разделен на две части и сохранен участниками следственного действия в двух разных конвертах. Ходатайство следователя о наложении ареста на изъятую таким образом криптовалюту судом удовлетворено [6].

Однако, основные проблемы по применению мер обеспечительного характера по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, связаны с длительностью установления лиц, совершивших данные преступления, а также с тем, что в большей части по данной категории уголовных дел, задерживаются посредники (далее – дропы), забирающие у пострадавших денежные средства, которые к моменту задержания успевают эти средства перевести иным участникам преступной группы. По неочевидным уголовным делам имеется проблема вывода денежных средств с банковских счетов дропов, при совершении преступления в условиях неочевидности. У судов сложилась неоднозначная практика при разрешении ходатайства об изъятии похищенных денежных средств дропа или денежных средств, на которые по постановлению суда наложен арест, в целях обеспечительных мер

для реализации исковых требований потерпевшего по уголовному делу. Суды нередко отказывают в ходатайстве следователей о проведении выемки денежных средств с банковских счетов, а также совершении транзакции в обратной последовательности в виде возвращения арестованных на счете дропа денежных средств на банковский счет потерпевшего. Решением данной проблемы видится в необходимости внесения изменения в УПК РФ, а именно, введение возможности осуществления выемки с банковских счетов дропов по неочевидным преступлениям.

Также в практической деятельности выявляются ряд и других проблем в реализации обеспечительных мер, таких как:

- несвоевременное наложение ареста на имущество, приводящее к трудностям его отыскания в последующем;
- ошибки, допускаемые в определении размера и предмета иска;
- недостаточное использование возможностей межведомственного сотрудничества;
- недостаточная осведомленность потерпевших о своих правах и др.

Подводя таким образом итог, следует резюмировать, что реализация уголовно-процессуальной политики в сфере применения обеспечительных мер для возмещения причиненного преступлением вреда требует системного подхода, сочетающего строгое соблюдение норм УПК РФ и активную роль руководителей органов расследования преступлений. Совершенствование механизмов контроля, внедрение цифровых технологий и повышение профессиональных компетенций сотрудников следствия и дознания позволят усилить гарантии защиты прав потерпевших.

Список литературы:

1. *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. 9-е изд. перераб. и доп. М. : Проспект, 2024.

2. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утверждена постановлением Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345. СПС СТРАС «Юрист».

3. *Петрухин И.Л.* Компенсация вреда, причиненного преступлением. М. : Норма, 2020.

4. Паспорт комплекса процессных мероприятий «Предварительное следствие», утвержден Министром внутренних дел Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. № 1/15029. СПС СТРАС «Юрист».

5. Паспорт комплекса процессных мероприятий «Оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации», утвержден Министром внутренних дел Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 1/15385. СПС СТРАС «Юрист».

6. Письмо Следственного департамента МВД России от 27 апреля 2024 г. № 17/1-14602 «О направлении информационно-аналитических материалов».

7. Письмо УОД МВД России от 15 февраля 2024 г. № 90/370 «О направлении обзора».

8. *Смирнов А.В.* Обеспечительные меры в уголовном судопроизводстве // Вестник МГУ. 2021. № 3.

9. Состояние преступности в России (за декабрь – январь 2024 г.). М. : ГИАЦ МВД России, 2024.

Илья Сергеевич Марсаков,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности
Академия управления МВД России
E-mail: ilya.marsakov.94@mail.ru

Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам о преступлениях экономической и коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд

Аннотация

В рамках проведенного исследования рассмотрены экономические аспекты, связанные с выделением, распределением и освоением бюджетных средств через процедуры закупок для государственных и муниципальных нужд. На основе ведомственных статистических данных и материалов следственно-судебной практики выявлен ряд проблем, затрудняющих раскрытие преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, а также предложены пути их решения в виде ситуативного алгоритма для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК). Сделан вывод о том, что подразделениям ЭБиПК следует сосредоточить внимание на оперативно-розыском обеспечении уголовного судопроизводства по делам о преступлениях экономической и коррупционной направленности (далее – ОРО), совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, с целью оптимизации и повышения результативности проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства; преступления экономической и коррупционной направленности; оперативно-розыскные мероприятия; легализации (отмывания) денежных средств; материальный ущерб; возмещение ущерба; наложение ареста на имущество.*

В условиях современного государственного управления бюджетный дефицит, рассчитываемый по формуле «дефицит = расходы – доходы», стремительно увеличивается. Это подтверждают данные,

опубликованные Министерством финансов Российской Федерации о исполнении федерального бюджета в 2024 году. В частности, при доходах в 36,7 трлн рублей расходы составили 40,1 трлн рублей, что привело к дефициту в 3,4 трлн рублей, или 1,7 % от ВВП. Дефицит бюджета сохранялся на протяжении всех трех «военных годов»: в 2022 году доходы оказались ниже расходов на 2,1 % от ВВП, а в 2023 году – на 1,9 % от ВВП. Последний раз бюджет был профицитным в 2021 году [1].

Кроме того, экономические показатели свидетельствуют о том, что за последние несколько лет российская экономика перенаправила бюджетные средства, прежде всего, на оборонно-промышленный комплекс и на благосостояние граждан, включая военнослужащих и других лиц, занимающихся защитой национальных интересов России на геополитической арене. Этот факт подчеркнул в своем выступлении председатель Комитета Государственной думы по обороне А.В. Картаполов, отметив, что в 2024 году объем бюджетных расходов Российской Федерации на оборону увеличился на 68 %, составив в общей сложности 10,7 трлн рублей [2].

При этом следует отметить, что подавляющая часть бюджетных средств проходит через процедуры закупок в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ (далее – 44-ФЗ) и Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ (далее – 223-ФЗ). В рамках данного исследования мы сосредоточимся на определенных аспектах 44-ФЗ, поскольку требования к подобным научным работам не позволяют полноценно изучить оба указанных нормативных акта, каждый из которых обладает особыми характеристиками, которые необходимо учитывать при ОРО.

По итогам 2024 года в результате осуществления закупочных процедур (по 44-ФЗ и 223-ФЗ) на государственном и муниципальном уровнях заключено более 4 млн договоров на общую сумму 26 трлн руб. В секторе процедур, проводимых по 44-ФЗ, зарегистрировано свыше 2,5 млн электронных процедур, что на 7 % больше по сравнению с предыдущим годом. Начальная максимальная цена контрактов составила 11,35 трлн руб., что на 14 % выше показателя 2023 года. В результате этих процедур с поставщиками заключено 2,5 млн контрактов на общую сумму 9,37 трлн руб. (увеличение на 12 %). Количество компаний, участвующих в электронных закупках, возросло на 1,5 % и достигло 170 тыс., при этом доля поставщиков из сферы малого и среднего предпринимательства составила 90 %. Эти компании заключили контракты

на сумму 5,6 трлн руб., что на 9 % выше показателя предыдущего года. Наибольшее количество зарегистрированных поставщиков находится в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Свердловской областях [3].

Таким образом, бюджетные средства, выделяемые на оборону страны, в том числе на общие государственные и муниципальные нужды, приобретают особую значимость в условиях дефицита бюджета, поскольку они направлены на поддержку экономики и реализацию приоритетных направлений деятельности [4, с. 215]. В этом контексте результаты исследования, включая материалы следственно-судебной практики и обзорные справочные материалы о контрольно-надзорной деятельности в сфере закупок, подчеркивают, что разнообразие направлений бюджетного финансирования привлекает злоумышленников. Это создает предпосылки для недобросовестного исполнения обязательств по государственным и муниципальным контрактам, что в свою очередь способствует росту преступлений экономической и коррупционной направленности. Согласно сведениям ФГКУ «ГИАЦ МВД России», в 2024 году общее количество преступлений экономической и коррупционной направленности, выявленных подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК), составило 3 418, причем более 58 % из них составляют преступления против собственности, такие как мошенничество, охватывающее 1 760 случаев. Также стоит отметить, что преступления коррупционной направленности составляют около 75 % от общего числа выявленных преступлений (1 943 случая), что указывает на системные проблемы в процессе государственных закупок [5]. Важно подчеркнуть, что при этом только 30 % уголовных дел направляется в суд, что наглядно демонстрирует необходимость принятия комплексных мер по укреплению правоприменительной практики и повышению эффективности ОРО.

Невысокие показатели направления уголовных дел в суд могут свидетельствовать о трудностях, с которыми сталкиваются как следственные органы при расследовании данных дел, так и сотрудники подразделений ЭБиПК. В рамках ОРО оперативные сотрудники обеспечивают сбор значимых сведений, необходимых для установления умысла совершенного деяния и выявления имущества, подлежащего аресту, а также других мер. Анализ следственно-судебной практики показал, что механизмы совершения преступлений становятся все более сложными и изменчивыми. Значительная часть преступных схем перемещается в цифровое пространство с использованием информационных технологий, что усложняет выявления коррупционных связей между заказчиками и исполнителями. Кроме того, применяются новые инструменты легализации (отмывания) денежных

средств или имущества, нажитого преступным путем. Например, процедура обмена фиатной валюты на цифровую через криптобиржи или криптообменники значительно затрудняет документирование преступлений [6, с. 311–312], не говоря уже о процессе расследования уголовных дел.

В этой связи следует обратить внимание на мнение П. И. Иванова и А. М. Кустова, которые справедливо утверждают, что следователь не способен самостоятельно реализовать процессуальную работу (предварительное следствие) и направлять уголовные дела экономической и коррупционной направленности в суд, основываясь лишь на публичных уголовно-процессуальных методах [7]. Это мнение также подтверждают респонденты, участвовавшие в анкетировании начальников и заместителей начальников территориальных органов МВД России подразделений ЭБиПК, 96,7 % из которых единогласно отметили, что без проведения оперативно-розыскных мероприятий невозможно всестороннее, полное и объективное расследование уголовных дел данной категории¹.

Не углубляясь в детальное теоретическое осмысление ОРО как категории оперативно-розыскной науки, поскольку этот вопрос уже исследовался выдающимися учеными, такими как Э. И. Бордиловский, П. И. Иванов, В. К. Зникин, С. Н. Иванов, Г. К. Синилов, В. П. Хомколов и другими, которые исчерпывающе определили направления работы и охарактеризовали ОРО как самостоятельную организационно-тактическую форму оперативно-розыскной деятельности, отметим, что ключевым аспектом их мнений является утверждение о том, что без применения оперативно-розыскного инструментария [8, с. 18] невозможно решить задачи, указанные как в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, так и в Федеральном законе «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ, в области борьбы с рассматриваемыми преступлениями. Сходные выводы выразили и другие представители теории оперативно-розыскной деятельности, такие как Д. И. Бедняков [9, с. 11] и Е. А. Доля [10, с. 5], которые научно обосновали, что ключевым аспектом оперативно-розыскной деятельности является осмысление института доказывания для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

ОРО охватывает широкий спектр задач, начиная от поисковой деятельности по выявлению дополнительных эпизодов в рамках

¹ Сведения о результатах анкетирования начальников (заместителей начальников) подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях за период 2023–2024 гг., вопрос 21.

расследования уголовного дела и заканчивая проведением комплекса оперативно-розыскных мероприятий на стадии судебного разбирательства. Вместе с тем в рамках данной статьи мы осветим лишь некоторые аспекты одной из задач ОРО – установление имущества, на которое может быть наложен арест либо которое подлежит конфискации, а также выявление и документирование фактов легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, через призму заявленной темы научной статьи.

Обращаясь к статистическим сведениям, следует отметить, что за 2024 год подразделениями ЭБиПК выявлено 8 преступлений по статье 174 УК РФ, по которым возбуждено всего 6 уголовных дел. При этом из числа совершенных преступлений в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб 7 преступлений, однако размер причиненного материального ущерба не установлен. Нельзя сказать того же о мероприятиях, направленных на наложение ареста на имущество: добровольно погашено или изъято имущества на сумму 69,6 млн руб.

Что касается состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, то оперативная обстановка значительно иная. За тот же период подразделениями ЭБиПК было выявлено 425 преступлений, возбуждено 275 уголовных дел, из которых 288 совершены в крупном или особо крупном размере либо причинили крупный ущерб. Размер причиненного материального ущерба также не установлен, а действия по наложению ареста на имущество и добровольному погашению или изъятию имущества были более результативными – на сумму более 1,8 млрд руб.

Обращаясь к статистическим сведениям, следует отметить, что за 2024 год подразделениями ЭБиПК выявлено 8 преступлений по ст. 174 УК РФ, по которым возбуждено всего 6 уголовных дел. При этом из числа совершенных преступлений в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, 7 преступлений. Нельзя сказать того же о мероприятиях, направленных на наложение ареста на имущество: добровольно погашено или изъято имущества на сумму 69,6 млн руб.

Что касается состава преступления, который предусмотрен ст. 174.1 УК РФ, то в этом направлении оперативная обстановка значительно иная. За тот же период подразделениями ЭБиПК выявлено 425 преступлений, возбуждено 275 уголовных дел, из которых 288 совершены в крупном или особо крупном размере либо причинили крупный ущерб, а действия по наложению ареста на имущество, добровольно погашено или изъято имущества, более результативны, на сумму свыше 1,8 млрд руб. [11].

Результаты исследования следственно-судебной практики показали, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий в рамках расследования уголовных дел, возбужденных по ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ, необходимо учитывать несколько ключевых аспектов.

Прежде всего, сложность доказывания легализации доходов объясняется использованием скрытых схем и трудностями, возникающими при установлении связи с основным преступлением. Кроме того, в процессе расследования уголовного дела систематически возникают ошибки в определении материального ущерба, что обусловлено сложностью отслеживания происхождения средств и оценки имущества, принадлежащего фигуранту.

Нельзя не отметить и удивительно низкий процент дел, направляемых в суд. Это явление свидетельствует о наличии процедурных недостатков на всех стадиях уголовного судопроизводства. Данная проблема может быть связана с нехваткой квалифицированных специалистов в следственных органах, обладающих экономическими знаниями, а также с трудностями, возникающими при проведении финансово-экономических экспертиз и аналитической работы.

Кроме того, как показали результаты исследования, то в следственных органах наблюдаются серьезные проблемы взаимодействия, особенно между различными государственными органами исполнительной власти, такими как финансовые учреждения и др. Транснациональный характер многих преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, добавляет дополнительные сложности, требуя международного сотрудничества и запроса информации у зарубежных финансовых и правоохранительных структур. Эти процессы нередко сопровождаются длительными сроками ожидания и бюрократическими процедурами.

Как следствие, значительное количество уголовных дел не доходит до стадии судебного рассмотрения, что существенно снижает общую эффективность борьбы с преступлениями такого вида. Более того, значительные различия в выявлении составов преступлений указывают на дополнительные аспекты в установлении факта легализации, особенно когда она осуществляется через третьи лица.

На основе анализа архивных материалов следственно-судебной практики предлагается следующий алгоритм действий для сотрудников подразделений ЭБиПК, направленный на установление имущества, подлежащего аресту или конфискации, а также на выявление и документирование фактов легализации доходов, полученных преступным путем в результате совершения преступлений эконо-

мической и коррупционной направленности, происходящих в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд:

произвести анализ счетов и выписок по ним, на предмет установления сомнительных финансовых операций;

по всем выявленным операциям установить исходные данные контрагентов и провести в отношении них комплекс ОРМ (например, опрос, наведение справок, обследование зданий, сооружений участков местности и транспортных средств и др. с целью установления реальных и фиктивных финансово-хозяйственных взаимоотношений);

параллельно в рамках межведомственного взаимодействия необходимо провести финансовое расследование в отношении интересующего предприятия силами Росфинмониторинга с целью получения конкретных сведений о финансово-хозяйственной деятельности юридического лица, в том числе о контрагентах и имеющейся информации о сомнительных сделках, связанных с хищением и легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем. Также следует обратить внимание на возможные факты вывода денежных средств за границу, приобретения крупных объектов недвижимости, в том числе за рубежом, зарегистрированных на их имя, а также на наличие аффилированных организаций (юридических и физических лиц).

установить и опросить лиц, на которых зарегистрированы организации, а также лиц, на которые фактически осуществляли незаконные финансовые операции и являлись выгодоприобретателями;

провести ОРМ, с целью установления и последующего ареста движимого и недвижимого имущества фигурантов, а также провести экспертизу по оценке указанного имущества;

провести анализ полученной информации, установить признаки состава преступления, провести оперативное совещание со следственными органами с целью получения рекомендации о сборе дополнительных сведений необходимых для квалификации соответствующих статей.

Предлагаемый алгоритм для подразделений ЭБиПК, безусловно, является неисчерпывающим, так как в рамках открытого формата мы можем ограничиваться только указанными тезисами, однако следует констатировать, что в комплексе ОРМ проводятся шире с применением всех имеющихся сил, средств и методов ОРД, в том числе негласного характера.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что подразделениями ЭБиПК работа в части ОРО ведется, однако как показали результаты исследования требует усиленного внимания и проработки некоторых вопросов, с целью оптимизации оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам рассматриваемой категории.

Список литературы:

1. В 2024 году расходы опередили доходы на 3,5 трлн рублей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7445104> (дата обращения: 21.01.2025).
2. Картаполов сообщил, что расходы бюджета РФ на оборону вырастут на 68 % в 2024 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/925290> (дата обращения: 22.01.2025).
3. В 2024 году в закупках заключено 4 млн договоров на 26 трлн рублей. URL: <https://companies.rbc.ru/news/YbHeбj0r5x/v-2024-godu-v-zakupkah-zaklyucheno-4-mln-dogovorov-na-26-trln-rublej/> (дата обращения: 23.02.2025).
4. *Марсаков И.С.* Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства по делам коррупционной направленности в сфере закупок // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60).
5. Сводный отчет по России о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. (ф. 495 кн. 1).
6. *Марсаков И.С.* Борьба с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми в контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, как фактор экономической безопасности Российской Федерации // Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие : сборник научных статей по материалам XXVI Международной научно-практической конференции, Москва, 22 ноября 2024 г. М. : Академия управления МВД России, 2024.
7. *Иванов П. И., Кустов А.М.* Оперативно-розыскное сопровождение расследование уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).
8. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Оперативно-розыскной инструментарий. М. : ОАО «Проспект2», 2024. 304 с.
9. *Бедняков Д.И.* Не процессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
10. *Доля Е.А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996.
11. *Марсаков И.\С.* Особенности взаимодействия подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции на этапе выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Философия права. 2023. № 1 (104).

Александр Анатольевич Нечаев,
кандидат юридических наук, доцент,
ветеран Академии управления МВД России
E-mail: ncc0808@rambler.ru

Александр Викторович Образцов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Государственный университет просвещения;
ветеран Академии управления МВД России
E-mail: Obraztsov-AB@yandex.ru

Защита прав потерпевших как реализация правозащитной функции в уголовном процессе

Аннотация

В статье уделяется особое внимание совершенствованию правового статуса потерпевшего в уголовном процессе в случае, если потерпевший является социально незащищенным лицом. Предлагается такое лицо наделить дополнительными процессуальными правами, обеспечивающими и гарантирующими безусловную защиту прав таких потерпевших.

Ключевые слова и словосочетания: *потерпевший; социально незащищенное лицо; механизм правовой защиты; реализация прав и законных интересов потерпевшего.*

Правовой статус участников уголовного судопроизводства имеет первостепенное значение для уголовного процесса. Поскольку именно через реализацию свои прав участники уголовного судопроизводства могут отстаивать свои процессуальные и материальные интересы в уголовном деле.

Уголовно-процессуальная доктрина и построенное на ней уголовно-процессуальное законодательства базируется на таких известных принципах как состязательность и безусловного равноправия сторон.

В законе подчеркивается особая роль суда в осуществлении на практике состязательности и равноправия, когда сторонам во время судебного разбирательства согласно закону создаются соответствующие условия для реализации как материальных, так и процессуальных прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ).

По сути, такая задача возлагается не только на суд, но и на всех властных субъектов в уголовном процессе, поскольку согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству – главное назначение уголовного процесса состоит, прежде всего, в защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Такая защита осуществляется следующими способами и путями:

1. Правозащитные механизмы включаются и функционируют автоматически. Например, как только в процессе расследования будет установлено, что лицу преступлением причинен ущерб, то его признают потерпевшим, что позволяет ему реализовать в процессе расследования процессуальные права, связанные с этим статусом.

2. Правозащитные механизмы включаются по инициативе участников уголовного судопроизводства. Например, возможно участие в деле в качестве защитника помимо адвоката и близкого родственника обвиняемого (либо какого-то другого лица, об участии которого в качестве защитника заявлено обвиняемым соответствующее ходатайство) (ч. 2 ст. 49 УПК РФ).

3. Правозащитные механизмы включаются и функционируют по инициативе (требованию) должностных лиц, осуществляющих процессуальное руководство. Например, когда прокурор, используя свои полномочия, требует устранения от соответствующих органов предварительного расследования допущенных в ходе процессуальной деятельности нарушений текущего законодательства, регулирующего прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

4. Правозащитные механизмы включаются при подаче жалобы участников уголовного судопроизводства. В данном случае само рассмотрение жалобы и ее удовлетворение или неудовлетворение является правозащитным механизмом.

5. Правозащитные механизмы включаются при заявлении ходатайств участниками уголовного судопроизводства. В данном случае само рассмотрение ходатайства и его удовлетворение или неудовлетворение является правозащитным механизмом.

6. Правозащитные механизмы включаются и функционируют при принятии определенных процессуальных решений. Например, когда принимается процессуальное решение о прекращении уголовного преследования в связи с установленной в ходе производства по расследуемому делу непричастности подозреваемого или же обвиняемого к конкретному преступлению (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Приведенная выше классификация правозащитных механизмов в уголовном процессе показывает, что таких механизмов достаточно

много и они все разные по своей направленности и назначению. Одни механизмы носят универсальный характер (используется всеми участниками судопроизводства), а другие - узконаправленный (предназначены для одного участника).

Любой правовой механизм всегда образует определенная совокупность правовых средств, используя которые субъекты права могут реализовать в полной мере свои права и законные интересы, при необходимости их отстоять (в случае, если по разным причинам их процессуальные права не осуществляются), защитить в случае их ограничения или оспаривания, а также восстановить до того состояния, которое было до момента их нарушения или оспаривания.

Используя соответствующие правовые механизмы, в том числе и по защите прав, можно опираясь на нужную правовую конструкцию перевести права из некоего диапазона возможностей в реально существующие и совершенно конкретные блага [3, с. 211].

Сегодня известны ряд исследований по вопросам защиты прав и их реализации и восстановления. Им посвящены труды Рыбак С. В. [4], Снежко О. А. [5], Югова А. А. [8] и др.

Развитие правозащитных механизмов в настоящее время происходит в разных отраслях права. Все это осуществляется в рамках реализации конституционного положения, закреплённого в ст. 48 Конституции РФ.

Это положение содержит известную правовую гарантию, которая позволяет получить квалифицированную правовую помощь, причем в некоторых случаях – бесплатно.

В развитие рассматриваемого конституционного положения был принят 21 ноября 2011года Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹.

Правовая доктрина обоснованно рассматривает формирование и реализацию правовых норм в соответствии с целью, закреплённой в данной системе права, как основную функцию механизма действия права [1, с. 12].

Если исходить из анализа ст. 6 УПК РФ, то она закрепляет защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства как ведущую функцию механизма действия уголовного процессуального права.

В настоящее время, как мы уже подчеркнули выше, таких правозащитных механизмов достаточно много, но все же некоторые пробелы обнаружить можно.

¹ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

Одним из таких пробелов является правозащитный механизм потерпевшего, связанный с представлением его интересов в уголовном судопроизводстве. Согласно п.8 ч.2 ст. 42 УПК РФ потерпевший может иметь представителя. При этом отметим, что в соответствии с ч 3. той же статьи, потерпевший имеет полное право возместить свои расходы, образовавшиеся в процессе его участия в процессе как потерпевшего, в том числе и на представителя (ст. 131УПК РФ).

По нашему мнению, такой правозащитный механизм требует уточнения.

Упомянутый ранее Федеральный закон, устанавливающий правила и случаи получения бесплатной юридической помощи, устанавливает перечень лиц, которые могут претендовать на получение бесплатной юридической помощи.

Этот закон относит к таким лицам граждан, которые социально не защищены в силу возраста, состояния здоровья, сложных жизненных обстоятельств или по другим причинам, нуждающимся в социальной поддержке и защите со стороны государства и общества.

Этот же закон указывает на то, что правоотношения, связанные с оказанием правовой помощи по уголовным делам на бесплатной основе, регламентированы только УПК РФ.

Тем не менее, при сопоставлении соответствующих норм УПК РФ и закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», не может не возникнуть вопрос о предоставлении правовой помощи по уголовным делам на бесплатной основе тем участникам уголовно-процессуальных отношений, которые социально не защищены. И особенно в тех случаях, когда они оказались на месте жертв преступлений.

Тем более, что законодатель уже пошел по этому пути и ввел в статью 45 УПК РФ часть 2.1. норму, обеспечивающую бесплатное участие в деле адвоката в качестве представителя потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего при наличии соответствующего ходатайства законного представителя несовершеннолетнего.

В этом случае уже можно говорить о становлении в уголовно-процессуальном праве института, который регламентирует предоставление бесплатной правовой помощи тем лицам, которые в этом объективно нуждаются в силу своего уязвимого социального положения и стали жертвами преступлений.

Особенно в тех случаях, когда эти лица уже оказались в положении потерпевших при расследовании уголовных дел и им требуется

правовая поддержка их правового статуса при отстаивании своих материальных и процессуальных интересов.

В этой связи предлагается потерпевшим, относящимся к категории социально незащищённых, предоставить право иметь представителя – адвоката на бесплатной основе, который будет участвовать в процессе, представляя весь спектр интересов потерпевшего.

При этом предполагается, что Российской Федерации примет на себя обязательство по финансированию соответствующих расходов по вопросам оказания такой бесплатной правовой помощи адвокатами.

Следует учитывать, что потерпевший по уголовному делу, относящийся к категории социально незащищённых, при вовлечении его в уголовно-процессуальные правоотношения, становится как бы вдвойне незащищенным, поскольку он оказался не просто в еще в одной затрудненной для него жизненной ситуации, а в ситуации, когда оспорены или нарушены его права, требующие их правовой защиты и восстановления.

Тем более, государственная политика России, современная уголовная политика и ее отечественные традиции нацелены на приоритетное повышение уровня правовой защищенности потерпевших, особенно в вопросах, касающихся возмещения вреда [2, с. 112].

По этой причине представителем такого потерпевшего должно быть лицо, которое оказывает не просто правовую помощь, а квалифицированную. Юридическая помощь может считаться квалифицированной, если она осуществляется на профессиональной основе и оказывается лицом, имеющим на это право [6, с. 147].

Для интеллектуальной традиции отечественного уголовно-процессуального права характерно приверженность идеи, сформулированной еще в начале двадцатого века И. Я. Фойницким, который утверждал, что теория уголовно-процессуального права или довольствуется вопросами прошлого или настоящего, или вместе с тем намечает решение их в будущем и указывает на недостатки действующего [7, с. 2].

В соответствии с той традицией следует уважительно относиться к действующему закону, но и развивать его, совершенствовать. Детализация правового статуса участников уголовного судопроизводства – один из путей совершенствования уголовно-процессуального законодательства. В нашем случае – то наделение потерпевшего, который относится к категории социально незащищённых, правом на бесплатную квалифицированную помощь и представление его интересов представителем – адвокатом.

Список литературы:

1. *Дубовик О.Л.* Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях // Обеспечение безопасности населения и территорий (организационно-правовые вопросы). М. : ИГиП РАН, 1994.
2. *Кузнецов А. А., Покутняя О.А.* Защита прав потерпевшего и возмещение вреда от преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступностью (АВБсП). 2023. № 1.
3. *Крылатова И.Ю.* Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Антиномии. 2014. № 3.
4. *Рыбак С.В.* Органы внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 24 с.
5. *Снежко О.А.* Государственная защита прав граждан. М. : Юрист, 2005. 266 с.
6. *Тутханян Г. А.* О некоторых аспектах определения понятия «квалифицированная юридическая помощь» в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6.
7. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 1. – 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : типография товарищества «Общественная польза», 1912.
8. *Югов А.А.* Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей – ключевой компонент подлинного народовластия // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 7.

Андрей Александрович Нуждин,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника юридического факультета
Академия ФСИН России
E-mail: aanuzhdin@mail.ru

Предупредительная работа следователя в контексте расследования пенитенциарных преступлений: некоторые аспекты планирования и взаимодействия

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные аспекты предупредительной деятельности следователя, осуществляемой в процессе расследования пенитенциарных преступлений. Акцентируется внимание на двух аспектах: планирование предупреждения и взаимодействие при предупреждении. Планирование расследования рассматривается как важная и неотъемлемая деятельность следователя. Обосновывается необходимость включения в план расследования мероприятий по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Предложена классификация взаимодействия по двум формам: процессуальной и непроцессуальной (организационно-управленческой).

Ключевые слова и словосочетания: предупреждение; преступление; следователь; сотрудник уголовно-исполнительной системы; планирование; взаимодействие.

Значение предупредительной деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью (в том числе и с пенитенциарной¹) нашло отражение в целом комплексе нормативных актов (Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и т. д.) и документах стратегического планирования (ежегодные послания Президента Российской Федерации, стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, стратегия национальной безопасности Российской Федерации и т. д.). Уголовно-процессуальное законодательство (ч. 2 ст. 73) обязыва-

¹ Под пенитенциарными в настоящей статье мы понимаем преступления, совершёнными осужденными в исправительных учреждениях в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

ет выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, а также наделяет правом (ч. 2 ст. 158) вносить представления о принятии мер по устранению выявленных обстоятельств и других нарушений закона.

Следователи¹, работая в тесном взаимодействии с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, располагают необходимыми условиями для принятия эффективных мер к предупреждению пенитенциарных преступлений. Однако в работе следователей по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, имеются серьезные недостатки, одной из причин которых является не отвечающий предъявляемым требованиям уровень теоретической и практической разработки рекомендаций, определяющей рассматриваемую деятельность.

Следственная тактика, основанная на нормах уголовно-процессуального права, включает в себя систему приемов расследования, которые должны обеспечить быстрое, объективное и полное выяснение всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Успешное выполнение поставленной перед следователем задачи во многом зависит от правильного планирования работы.

Основные положения планирования расследования пенитенциарных преступлений, а также техника составления письменных планов достаточно полно освещены в криминалистической литературе [1]. Однако особенности планирования работы следователя по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, стали предметом исследования лишь в последнее время [2].

Планирование работы следователя по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, начинается одновременно с возбуждением уголовного дела или с момента производства первого процессуального действия (когда оно предшествует возбуждению уголовного дела). При этом следует иметь в виду, что обнаружение, фиксация и принятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, происходит не помимо или после установления других обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, а одновременно с этим, т. е. в ходе всего расследования. Фактические данные об обстоятельствах, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, устанавливаются доказательствами, добытыми в процессе проведения следственных действий, направленных на установление любых

¹ Под следователем в настоящей статье мы понимаем следователей Следственного комитета Российской Федерации и следователей, дознавателей органов внутренних дел.

обстоятельств дела, а также специально запланированных в целях установления таких причин и условий.

Уже при проведении первоначальных следственных действий выявляется необходимость принимать меры предупреждения. Так, при осмотре места происшествия, проводимом в самом начале расследования, могут выявиться обстоятельства, создающие благоприятные условия для совершения других преступлений.

Все мероприятия по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, предусматриваются обычно в общем плане расследования, поскольку целый ряд фактических данных о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, тесно связан с установлением события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступного деяния); с получением доказательств виновности преступника, мотивов и целей преступления; с выявлением обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, а также иных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

План расследования включает в себя версии о круге обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, среди которых должны быть версии об обстоятельствах, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, способы проверки этих версий и меры предупреждения преступлений. Таким образом, версии имеют исключительно важное значение для планирования расследования всех обстоятельств дела, в том числе причин и условий, способствовавших совершению преступлений. При этом, в зависимости от конкретных обстоятельств, с самого начала расследования должно планироваться и принятие необходимых мер предупредительного характера. Определив круг вопросов, подлежащих исследованию для выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления, следователь намечает, с помощью каких средств они могут быть обнаружены (следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, мероприятия по обеспечению режима и т. д.).

Планирование расследования в связи с необходимостью выявить причины и условия, способствовавшие совершению пенитенциарного преступления, на первоначальном этапе расследования необходимо производить с учетом версий о наиболее «типичных» обстоятельствах данного вида преступления. В ходе дальнейшего расследования эти версии уточняются и детализируются с учетом конкретных особенностей дела. В зависимости от получаемых данных план расследования может корректироваться и дополняться.

Успех работы следователя по предупреждению пенитенциарных преступлений во многом зависит от того, насколько правильно орга-

низовано его взаимодействие с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, насколько широко использованы возможности данного взаимодействия, вытекающие из норм закона. Взаимодействие следователя с сотрудниками уголовно-исполнительной системы должно основываться на определенных принципах [3]: 1) соблюдение законности (все субъекты взаимодействия обязаны осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с законом); организующая роль следователя (должностное лицо органа предварительного расследования координирует взаимодействие и проявляет инициативу); самостоятельность отдельных должностных лиц при выборе сил, средств и методов взаимодействия (следователь определяет задачу и конечную цель предупреждения, зачастую не указывая на определенные средства и методы ее достижения); согласованность действий и комплексное использование полученных результатов (постоянный обмен информацией о результатах работы и о планируемых мероприятиях); плановость взаимодействия (взаимодействие носит плановый характер, предусматривается участие всех заинтересованных должностных лиц в предупреждении пенитенциарных преступлений, определяются конкретные исполнители и сроки); непрерывность взаимодействия (совместная деятельность начинается с момента возникновения повода для возбуждения уголовного дела и заканчивается после достижения целей предупреждения).

Рассматриваемое взаимодействие осуществляется в двух основных формах: процессуальной и непроцессуальной (организационно-управленческой) [4].

Процессуальная форма взаимодействия:

1) выполнение сотрудниками уголовно-исполнительной системы поручений следователя о производстве отдельных следственных действий (проведении оперативно-розыскных мероприятий), иных процессуальных действий (данная форма взаимодействия основывается на положениях п. 4 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о полномочии следователя давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, в ч. 4 ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержится положение о том, что после направления следователем уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания вправе проводить по нему оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. Указанное выше применимо к органу дознания, но должностные лица уголовно-исполнительной системы органом дознания не являются [5]. Однако практика сложилась таким образом, что данная форма взаимодействия существует);

2) подготовка и рассмотрение представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, или других нарушений закона (формулирование рекомендаций по устранению выявленных обстоятельств целесообразно организовывать в тесном взаимодействии с руководителем исправительного учреждения (иным лицом, кому адресовано представление);

3) уведомление следователя о принятых мерах по устранению выявленных в ходе досудебного производства обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, или других нарушений закона (в соответствии с ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения». Данный документ не является обязательным в материалах уголовного дела, поэтому проследить исполнение внесенного представления не представляется возможным).

Непроцессуальные формы взаимодействия:

1) совместное планирование следователем и сотрудниками уголовно-исполнительной системы деятельности по предупреждению пенитенциарных преступлений (совместное планирование должно иметь место при необходимости проведения большого количества оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, направленных, в том числе, на выявление обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Данная форма взаимодействия будет эффективной для достижения целей предупреждения, так как позволяет более рационально использовать имеющиеся в распоряжении средства и методы);

2) взаимный обмен информацией между следователем и сотрудниками уголовно-исполнительной системы (чем больший (а главное качественный) объем информации будет предоставлен следователю сотрудниками исправительного учреждения, тем более качественно будет проведена работа по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступного деяния осужденными);

3) использование следователем результатов оперативно-розыскной и «режимной»¹ деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (полученные сведения должны быть «легализованы» посредством производства следственных действий (допросы, осмотр фонограмм и иных вещественных носителей информации и т. д.)

¹ Под режимными в настоящей статье понимаются мероприятия, проводимые в целях соблюдения установленного порядка отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях.

[6]. Соответственно, результаты оперативно-розыскной и «режимной» деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы могут быть использованы (и используются) в процессе расследования и предупреждения).

Можно сделать вывод, что взаимодействие следователя и сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений – основанная на законе и подзаконных нормативных актах согласованная по целям, задачам, обстановке деятельность различных субъектов, направленная на выявление и последующее устранение обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Список литературы:

1. *Жарко Н.В.* Принципы и условия планирования расследования пенитенциарных преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 3 (46).

2. *Нуждин А.А.* Планирование предупредительной деятельности при расследовании пенитенциарных преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1.

3. *Бодяков В. Н., Зюганова С.Р.* Подходы к периодизации процесса взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2024. № 2 (22).

4. *Спиридонова Ю. Н.* О некоторых вопросах взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России со следователями (дознавателями) на стадии возбуждения уголовного дела // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 4 (19).

5. *Шурухнов Н.Г.* Должностное лицо органа дознания – органа исполнительной власти (уголовно-исполнительной системы) как носитель процессуальных полномочий // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 9 (256).

6. *Гришин Д. А., Шурухнов Н. Г.* О конвертации результатов производства оперативно-розыскных мероприятий в доказательства // Актуальные проблемы науки и практики XXI века : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Рязанский филиал НОУ ВО «Московская академия экономики и права», 2016.

Валентина Владимировна Осяк,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой криминалистики
Ростовский филиал Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета
E-mail: Osyak.v@mail.ru

Некоторые аспекты криминалистической характеристики отдельных видов преступлений в сфере экологии

Аннотация

Статья представляет собой исследование, посвященное анализу некоторых аспектов криминалистической характеристики отдельных видов экологических преступлений. На основе анализа следственной практики, данных криминалистических исследований автором рассматриваются такие важные элементы, как способ преступления в сфере экологии, обстановка совершения преступления, информация о типичных следах преступления и лицах, его совершивших. Автором также анализируется взаимосвязь указанных элементов криминалистической характеристики экологического преступления, их значение для эффективного расследования.

Ключевые слова и словосочетания: *экологические преступления; криминалистическая характеристика; механизм следообразования; способ преступления; обстановка совершения преступления.*

Все экологические преступления объединены в 26 главе Уголовного кодекса Российской Федерации и условно преступления, охватываемые указанной главой можно подразделить на 2 группы:

– преступления, посягающие на почву, воды и атмосферу: загрязнение вод (ст. 250 УК РФ), загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ), загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ), порча земли (ст. 254 УК РФ), и др.

– преступления, посягающие на животный и растительный мир: незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) и др.

К основным элементам криминалистической характеристики преступлений в сфере экологии относятся способ преступления, обстановка совершения преступления, механизм следообразования (информация о типичных следах преступления), характеристика лиц, совершающих указанные преступления и др.

Как известно способ преступления является одним из важнейших элементов криминалистической характеристики преступлений, поскольку в нём содержится наибольший объем криминалистически значимой информации, позволяющей быстрее и правильнее сориентироваться в сути произошедшего в целом и его отдельных обстоятельствах, круге лиц, среди которых следует искать преступника [5, с. 37–39].

Как показывает следственная практика для группы преступлений, посягающих на животный и растительный мир, характерен полноструктурный способ преступления, включающий действия по подготовке к совершению преступления, действия, направленные на собственно изъятие объектов животного и растительного мира из среды обитания, сокрытие следов преступной деятельности. Это предопределено умышленным характером действий лиц, совершающих данные преступления.

Что касается обстановки совершения экологического преступления, то он представляет собой систему информации, характеризующую место и время преступного деяния, а также их криминалистически значимые особенности.

При этом местом совершения экологических преступлений, посягающих на почву, воды и атмосферу могут выступать зоны промышленных, строительных, сельскохозяйственных производств с наличием химически и биологически вредных отходов.

Важное поисковое значение приобретает время совершения экологического преступления, особенно когда в зоне загрязнения имеется несколько рядом расположенных потенциальных источников загрязнения. В этом случае информация о времени в сочетании с иными элементами криминалистической характеристики преступления позволит установить источник загрязнения и виновных лиц.

При совершении преступлений, посягающих на животный и растительный мир, местом совершения преступного деяния могут выступать море, река, водоемы, охотничьи угодья, заповедники, заказники. При выборе места преступниками учитывается его безлюдность и удаленность от населенных пунктов. Кроме того, учитывается также вид рыб, зверей и птиц и их расселение на определенной территории, а время совершения преступления лица выбирают, исходя из особенностей объекта посягательства.

Применение того или иного способа совершения преступления предопределяет механизм слеодообразования. Поэтому типичными следами совершения экологических преступлений могут быть:

- следы загрязняющих веществ (нефтепродукты, неочищенные или необеззараженные сточные воды, отходы деятельности хозяйственных и промышленных объектов [4, с. 110–113];

- следы рубки лесных насаждений (бревна, ветки, щепа и т. п.; орудия и инструменты, используемые для незаконной рубки (топоры, бензопилы, трактора, трелевщики, лесовозы и др.) и следы их применения; следы волочения спиленных стволов; следы ног; следы транспортных средств, одежда нарушителей с наличием древесных опилок и т. п.); разрешительные документы на право вырубki и др.;

- добытые животные, их туши или части (мех и шкуры, лапы, рога и т. п.); огнестрельное оружие, орудия хозяйственно-бытового назначения и следы их применения на шкурах и костях животных, а также в окружающей обстановке; следы пребывания людей на определенной местности; транспортные средства и следы их применения;

- выловленная рыба и др. [1, с. 3–5; 3, с. 24–30].

Следовая картина может отображаться и в различных документах, в том числе данных фото- и видеофиксации, которые могут подтвердить факт незаконных действий виновных лиц. Изучение и анализ вышеуказанных предметов и документов позволит следователю уяснить обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по конкретному уголовному делу, принять решение о необходимости их процессуально-го закрепления в качестве вещественных доказательств.

Так, в ходе осмотра иных документов – акта рейдового осмотра по уголовному делу по обвинению гр. Г. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 217 и ч. 1 ст. 250 УК РФ, установлено, что сотрудником Межрегиональным управлением Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Коми и Ненецкому автономному округу проведена рейдовая проверка с целью проведения осмотра земельных участков и акватории реки Колвы на территории Харьягинского месторождения Ненецкого автономного округа, в ходе которого выявлен земельный участок, загрязненный нефтепродуктами в результате разгерметизации трубопровода на участке нефтепровода «Южная Шапка – Харьяга». Нефтепродукты в результате разлива на почву попали в водный объект – реку Колву. В ходе рейда отобраны пробы природной воды из реки Колвы и пробы почвы в месте разлива для исследования на содержание нефтепродуктов [6].

Лицами, совершающими преступления, посягающие на почву, воды и атмосферу, как правило, могут выступать рядовые сотрудники промышленных и сельскохозяйственных предприятий и организаций, коммунальных и иных служб, отвечающие за эксплуатацию очистных и иных сооружений, за производство, хранение, транспортировку, захоронение, использование радиоактивных, бактериологических, химических веществ; руководители указанных предприятий и их заместители; главные инженеры технологов; руководящие работники структурных подразделений и др.

Лица, совершающие преступления, как правило, характеризуются невысокой производственной дисциплиной, отсутствием должной требовательности (в том числе со стороны руководителей производства) несоблюдением экологических требований к технологическим и эксплуатационным процессам.

Для лиц, совершающих преступления, посягающие на животный и растительный мир, закономерны следующие признаки: наличие определенных умений и навыков, хорошие физические данные. Поэтому преступления совершаются преимущественно мужчинами, как правило, на протяжении длительного периода времени. При этом у большинства преступников имеются налаженные каналы связи, в том числе с лицами, совершающими коррупционные преступления.

Более того, как показывает анализ судебно-следственной практики, значительная часть указанных преступлений совершается в составе группы лиц. А привлечение в состав группы местных жителей, хорошо знающих окрестности, облегчает совершение преступления и сокрытие следов преступной деятельности.

Таким образом, анализ указанной криминалистически значимой информации, как информационного ядра позволит оптимизировать процесс расследования экологических преступлений, установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также устранению причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений.

Список литературы:

1. *Бессонов А.А.* Особенности использования специальных знаний при расследовании незаконной добычи рыбных ресурсов // Эксперт-криминалист. 2015. № 3.
2. *Воронин С.Э.* Теория и практика расследования преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов : монография. Красноярск, 2014.

3. *Койсин А.А.* Криминалистическая характеристика экологических преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 1 (19).

4. *Осяк В. В., Сиротинин Д.А.* Тактические особенности осмотра места происшествия по фактам загрязнения морской среды // Правда и Закон. 2021. № 4 (18).

5. Приговор Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 21 января 2022 г.

Вильсур Фирдависович Саетгараев,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел центра
командно-штабных учений
Академия управления МВД России
E-mail: vilson78@list.ru

Цифровая трансформация организации расследования преступлений коррупционной направленности

Аннотация

Цифровизация выступает ключевым фактором развития большинства сфер общественных отношений, включая и сферу организации деятельности органов предварительного расследования. В статье рассматриваются основные аспекты цифровой трансформации в контексте организации расследования преступлений коррупционной направленности и её влияние на эффективность деятельности органов предварительного расследования. Подчеркивается важность специальных познаний в расследовании коррупционных преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий и необходимость дальнейших исследований в этой области. Анализируются существующие проблемы, а также предлагаются пути их устранения. Рассматривается положительный зарубежный и отечественный опыт в исследуемой области.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровая трансформация; организация расследования; преступления коррупционной направленности; криминалистическое обеспечение; органы внутренних дел; IT-технологии.*

Эффективность раскрытия и расследования коррупционных преступлений выступает одной из основ обеспечения национальной безопасности РФ. Однако существующие правовые и организационные основы обеспечения расследования таких преступлений имеют ряд недостатков: несовершенство законодательной базы, регламентирующей организацию предварительного расследования; недостаточную эффективность методов сбора, анализа и использования доказательств; необходимость развития координации

и взаимодействия ОВД с другими правоохранительными органами и заинтересованными организациями; недостаточный уровень подготовки сотрудников ОВД по расследованию преступлений в данной области. Обозначенные и другие проблемы снижают эффективность борьбы с коррупцией и требуют научного осмысления и практических решений.

Цель статьи заключается в разработке предложений по совершенствованию организационного обеспечения расследования коррупционных преступлений ОВД. Для достижения этой цели необходимо: проанализировать существующие организационные проблемы в расследовании данных преступлений; предложить пути совершенствования организации деятельности органов предварительного расследования (далее – ОПП) в данной области; разработать рекомендации по улучшению организационных механизмов взаимодействия заинтересованных подразделений ОВД; рассмотреть возможности повышения квалификации сотрудников ОВД.

Преступления коррупционной направленности ввиду их высокой латентности выступают наиболее сложными в выявлении, раскрытии и расследовании. Они требуют оперативного и криминалистического сопровождения высококвалифицированными специалистами с применением современных информационных и цифровых технологий, обеспечивающих анализ больших объемов данных, выявление закономерностей и повышение результативности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Преступления коррупционной направленности претерпевают серьезные качественные изменения, меняются способы их совершения, действия перемещаются в виртуальное пространство, используются цифровые активы и т. п. – все это усложняет процесс борьбы с ними.

На протяжении последних пяти лет количество выявленных коррупционных преступлений остается примерно на одинаковом уровне – их доля составляет около 1,8 % от общего количества регистрируемых преступлений. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, зарегистрировано коррупционных преступлений в 2020 г. – 30813, в 2021 г. – 35051, в 2022 г. – 35340, в 2023 – 36407, в 2024 г. – 38503. В целом отмечается рост регистрации рассматриваемых преступлений и снижение их раскрываемости. Так, в 2024 году из зарегистрированных преступлений данной категории раскрыто – 33729 (-0,4 %), направлено в суд – 27959 (0,3 %), осталось не раскрытыми – 810 (-18,4 %) ¹.

¹ Состояние преступности. Официальный интернет-сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 28.02.2025).

Научно-практическая проблема видится в недостаточной интеграции современных цифровых технологий в процесс организации расследования коррупционных преступлений. Несмотря на наличие множества инновационных решений, правоохранительные органы часто сталкиваются с препятствиями в их внедрении. Эти препятствия включают недостаток ресурсов, нехватку квалифицированного персонала, а также юридические и этические вопросы, связанные с использованием современных технологий.

И. П. Можаяева выделяет основные типичные проблемы, возникающие в процессе организации расследования преступлений: увеличение сроков расследования в связи с длительностью проведения судебно-бухгалтерских; нарушение процессуальных сроков предварительного следствия. В большинстве случаев причинами данных проблем выступают: сложности проводимых экспертиз и большая загруженность экспертов в экспертных учреждениях; отсутствие должного информационного обеспечения; отсутствие своевременной и всесторонней проверки следственных версий по уголовному делу; отсутствие своевременной разработки и реализации планов расследования; недостатки в организации внутриведомственного и внешнего взаимодействия при выявлении, раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Мы согласны с мнением, что одним из способов повышения эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений выступает ее организационное обеспечение, для которого характерна комплексность взаимосвязанных элементов, направленных на достижение цели системы [1, с. 402–403]. Решение большинства обозначенных проблем в организации расследования преступлений видится в её цифровой трансформации, внедрении технологий помогающих проведение сложных процедур при расследовании.

Цифровые технологии позволяют сократить время, необходимое для сбора и анализа информации, т. е. ускорить процесс расследования; автоматизировать рутинные задачи освобождая сотрудников от монотонной работы и позволяя им сосредоточиться на более сложных аспектах расследования; способствуют улучшению взаимодействия между заинтересованными органами и подразделениями, а также найти новые решения старых вопросов и т. п.

Внедрение цифровых технологий во все отрасли жизни общества и в деятельность государственных органов послужило толчком и для развития новых способов совершения коррупционных преступлений. При совершении коррупционных преступлений стали использоваться информационные технологии и криптовалюта, что

в значительной степени затруднило процесс раскрытия и расследования преступлений данной категории [2, с. 33].

На современном этапе правоохранительными органами решается множество новых задач по нейтрализации и ликвидации угроз и вызовов национальной безопасности, к которым отнесена и коррупционная преступность. Успешное их решение зависит от активного поиска и внедрения новых эффективных форм и методов в деятельности ОВД, основанных на новейших IT-технологиях. Однако, как показывает практика, инновационная деятельность по внедрению цифровой трансформации в правоохранительную деятельность не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Но активная работа в данном направлении ведется, например, Академией управления МВД России проведены научно-исследовательские разработки: «Концепция научно-технической политики МВД России до 2030 года» и «Концепция использования искусственного интеллекта в деятельности подразделений МВД России [3, с. 52.]. Генеральной прокуратурой РФ также отмечается, что в настоящее время формируется механизм выявления сведений об операциях с криптовалютой, выступающая предметом коррупционных сделок, для дальнейшего изъятия незаконно нажитого имущества¹.

Наиболее точное отражение современных тенденций в области цифровизации общественных отношений сформулировал коллектив исследователей: «в настоящее время формируется государственно-правовая концепция использования информационных технологий в государственном управлении, представляющая собой систему норм, обеспечивающих переход от «электронного государства» к «цифровому государству». Под «электронным государством» авторы понимают использование органами публичной власти информационно-коммуникационных технологий на основе сети Интернет. А под «цифровым государством» – форма государственного управления на основе сквозных цифровых технологий (облачные вычисления, квантовые технологии, искусственный интеллект, большие данные и др.) [4, с. 68].

Среди целей цифровой трансформации Правительством РФ обозначено сокращение теневой экономики, взаимосвязанной с коррупцией. «Цифровая трансформация» представляет собой «совокупность действий, направленных на изменение (трансформацию)

¹ Генпрокурор Краснов: У коррупционеров в 2023 году изъято имущества на 220 млрд рублей. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/12/09/genprokurorkrasnov-u-korruptционерov-v-2023-godu-iziatu-imushchestva-na-220-mlrdrublej.html> (дата обращения: 28.02.2025).

государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность»¹. Мы согласны с Н. В. Лукашовым, что «главное содержание цифровой трансформации состоит не в насыщении ОВД соответствующими технологиями и техническими средствами, которые являются всего лишь инструментами в руках людей, а именно в качественных организационных штатных изменениях, призванных достичь максимальной эффективности оперативно-служебной деятельности» [5, с. 46].

Показателен зарубежный опыт цифровой трансформации судопроизводства на примере КНР, где реализуется «дорожная карта» по модернизации правовой системы КНР до 2025 года, которая предполагает создание «умных судов». Программа предусматривает помощь нейросетью судье в анализе больших массивов информации и предоставление рекомендации по вынесению решения, упрощая судебные процедуры; улучшение контроля судей и повышение доверия к судебной системе [6, с. 15–20]. Описанная идея может быть успешно применена в отечественной правоприменительной практике на стадии досудебного уголовного производства при анализе и систематизации материалов уголовного дела.

По экспертному мнению Е. Ю. Горбуновой в повышении эффективности раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности перспективным выступает применение OSINT-технологий для получения криминалистически значимой информации. Это технология (совокупность определенных инструментов и методов), позволяющая осуществлять поиск, аккумулирование, обработку и анализ данных, собранных из открытых источников. На фоне стремительной цифровизации различные технологии и подходы в разнообразном качестве могут использоваться в современной криминалистике при сборе доказательственной информации [7, с. 237–238].

МВД России планомерно реализует цифровую трансформацию основных направлений оперативно-служебной деятельности. Активно используется ИСОД МВД России, который позволил пере-

¹ О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» (вместе с Положением о ведомственных программах цифровой трансформации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вести организационно-управленческую деятельность на цифровую платформу. Следователи со своих автоматизированных рабочих мест имеют доступ к различным информационным ресурсам ИСОД МВД России. С 1 июля 2023 года введен в эксплуатацию прикладной сервис ИСОД «Специализированный сервис по обеспечению деятельности следственных подразделений в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам» («СОМПП»), который предназначен для обеспечения технической и информационной поддержки деятельности сотрудников следственных подразделений в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам. Основными функциями СОМПП являются: учет и систематизация поступающих и направляемых запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам; контроль за исполнением поступающих и направляемых международных запросов; выработка и сортировка международных запросов по заданным параметрам; формирование отчетов по взаимодействию с компетентными органами иностранных государств в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам¹.

Цифровая трансформация организации расследования преступлений коррупционной направленности предполагает использование информационных технологий, включает внедрение автоматизации процессов и использование аналитических инструментов:

1. ОПП сталкиваются с огромными объемами информации (финансовые отчеты, электронные письма, данные социальных сетей и многое другое), использование технологий Big Data позволяет анализировать эти массивы информации по различным параметрам, выявлять информацию, имеющую доказательственное значение. Это значительно ускоряет процесс расследования, помогает найти необходимые связи и выявить последовательности.

2. Во время расследования собираются и обрабатываются различные данные, например электронные следы, используемые в дальнейшем в качестве доказательств (записи телефонных разговоров, GPS-навигация с мобильных телефонов подозреваемого, трекеры по городским камерам видеонаблюдения); используются специальные методы выявления преступных действий в сети Интернет (передача данных о криптовалюте и др.).

3. Искусственный интеллект и машинное обучение также играют важную роль в автоматизации анализа данных. Их алгоритмы могут обучаться на исторических данных о коррупционных

¹ О вопросах эксплуатации сервиса по обеспечению деятельности следственных подразделений в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 25 апреля 2023 г. № 253.

преступлениях, что позволяет им выявлять коррупционные факты и связи между различными субъектами.

4. Технология блокчейн позволяет решить множество возникающих вопросов при расследовании коррупционных преступлений, поскольку такая комбинация как блокчейн и IPFS (протокол распределенного файлового хранилища) дает возможность просмотреть наличие файла на определенную дату, а также принадлежность файла к держателю приватного ключа. Технология блокчейн является сложным и высокотехнологичным инструментом, который обеспечивает быструю и эффективную обработку больших объемов данных, включая информацию, связанную с коррупцией. [8, с. 54].

Цифровая трансформация организации расследования преступлений коррупционной направленности представляет собой важный шаг к повышению эффективности ОПР. Внедрение современных технологий, может значительно улучшить качество процесса расследования и снизить уровень коррупции. Однако для успешной реализации этих изменений необходимо преодолеть существующие барьеры и обеспечить соответствующее обучение сотрудников.

Список литературы:

1. *Можяева И.П.* Система мер по оптимизации деятельности органов предварительного следствия // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред. И.П. Можяевой. М. : Академия управления МВД России, 2017. 623 с.

2. *Валькова Т.В.* Современная коррупционная преступность в России: характеристика и тенденции // Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности : сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции / сост.: Э.С. Дикаева. С-Пб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 390 с.

3. *Бормотова Л.В.* Искусственный интеллект в производстве по уголовным делам // Цифровые технологии и право: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции / под ред. И.Р. Бегишева и др. : в 6 т. Т. 2. Казань, 2023. 316 с.

4. *Евсиков К. С., Суворов А. А., Братчикова Л.Р.* Цифровая трансформация противодействия коррупции // Известия ТулГУ. 2022. Вып. 1.

5. *Лукашов Н.В.* Основные положения концепции цифровой трансформации системы МВД России // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам международного форума : в 2 ч. / под ред. И.Г. Чистобородова. М. : Академия управления МВД России, 2022. Ч. 2. 484 с.

6. *Фоков А.П.* Противодействие коррупции в судебском сообществе Российской Федерации: международный опыт и «особая китайская модель» // Мировой судья. 2021. № 7.

7. *Горбунова Е.Ю.* Применение OSINT-технологий для получения криминалистически значимой информации с целью повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений экономической направленности // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 2 ч. / под ред. С.И. Курилова, Ю.Е. Салеевой, Б.Я. Гаврилова, А.В. Сибильковой. М. : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. 248 с.

8. *Голубева Л.А.* Противодействие коррупционным преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности : сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции / сост.: Э.С. Дикаева. СПб : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 390 с.

Ленар Вазыхович Сатдинов,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: LenarSV01@mail.ru

Криминалистическое обеспечение – основа современных возможностей уголовно-процессуальной деятельности

Аннотация

В научной статье автором исследуются вопросы криминалистического обеспечения современной уголовно-процессуальной деятельности на всех без исключения этапах его реализации. Автором делается аргументированный вывод о том, что криминалистическое обеспечение является фундаментальной основой для развития современных технических, тактических и методических возможностей уголовного судопроизводства. Более того, криминалистическое обеспечение призвано удовлетворять одну из насущных потребностей современной уголовно-процессуальной практики на более эффективное, детальное и всестороннее исследование даже самых сложных, скрытых и неоднозначных следов преступления с целью дальнейшего их использования в уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистическое обеспечение; современные возможности; уголовно-процессуальная деятельность; технические средства; тактические приемы; уголовное судопроизводство.*

Объективная истина является основной незыблемой ценностью на протяжении всей истории российского уголовного судопроизводства, позволяющей правильно и справедливо разрешить любое уголовное дело. Для ее своевременного и точного установления организована поэтапная и последовательная уголовно-процессуальная деятельность, которая нормативно обеспечена уголовно-процессуальным законом. В то же время с точки зрения технического, тактического и методического обеспечения данный правовой процесс всесторонне и полностью не обеспечен, что неминуемо сказывается на итоговых результатах и вызывает определен-

ные трудности в правоприменительной практике, при реализации досудебных стадий уголовного судопроизводства, а в последующем и на судебных этапах уголовного процесса. В ходе расследования дел постоянно складываются практические ситуации, правильное разрешение которых требует оперативного применения специальных знаний в самых различных сферах науки, техники, и высоких технологий [3]. Практические ситуации, носящие проблемный и противоречивый характер, требуют оперативного и решительного реагирования со стороны субъектов доказывания с применением знаний в соответствующей научной области. Без применения данных знаний в большинстве случаев не представляется возможным достоверно и точно установить объективную картину совершенного преступления, а вместе с тем добиться справедливого итогового решения по уголовному делу.

Ключевую, незыблемую роль в процессе установления истины играет криминалистическое обеспечение, которое по своей сути является главным инструментом в руках субъекта доказывания, позволяющий ему беспрепятственно решать приоритетные задачи по беспристрастному отысканию и отражению истины в материалах уголовного дела. Объективная и независимая позиция следователя должна заключаться в том, что ему предписано оставаться полностью и безоговорочно нацеленным на установление объективной истины, даже несмотря на наличие эмоциональных аспектов при расследовании и стремление реализовать субъективные интересы со стороны заинтересованных в исходе уголовного дела лиц.

Успешность деятельности всегда гарантируется лежащим в его основе ресурсом. В уголовно-процессуальной деятельности таким действенным ресурсом является криминалистическое обеспечение, которое являясь по сути основой современных возможностей уголовно-процессуальной деятельности, призвано с использованием цифровых технологий обеспечить полноценное применение и неукоснительную реализацию современных инструментов уголовно-процессуальной деятельности.

Каждое общество, неминуемо сталкивается с преступными проявлениями, в связи с чем направляет правоохранительным органам запросы-требования на охрану своих интересов и обеспечение безопасности проживающих на его территории граждан. Государство, данный справедливый запрос общества стремится реализовать посредством принятия уголовно-правовых норм, в которых чётко определяет, какие деяния являются общественно опасными; также государство подробно определяет порядок и последовательность применения этих норм [2].

В конце XX века в криминалистической науке получили зарождение и развитие различные научные подходы, раскрывающие содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений. основополагающие позиции по данному вопросу были сформулированы и представлены в своих научных трудах профессорами В. Г. Коломацким, Р. С. Белкиным и А. Ф. Вольнским, которые рассматривали криминалистическое обеспечение расследования преступлений как «внедрение системы криминалистических знаний».

Сегодняшняя криминалистическая наука дает полноценное и развернутое определение криминалистического обеспечения предварительного расследования, как разработанному криминалистической наукой инструментарию, арсеналу, вооружившись которым, субъект поисково-познавательной деятельности правильно выстраивает стратегию и тактику расследования [1].

Современная криминалистическая наука остро нуждается в разработке и поэтапном внедрении понятия криминалистического обеспечения процесса доказывания. Его можно определить, как разработку и научное обоснование, с целью последующей передачи субъектам доказывания комплекса криминалистических знаний, тактических приёмов, технических средств, операций, комбинаций, современных цифровых технологий, а также криминалистических методик для эффективного и своевременного выявления, извлечения и исследования доказательств.

Таким образом, криминалистическое обеспечение позволяет разрабатывать и успешно внедрять в тактику уголовно-процессуального доказывания апробированный на практике комплекс криминалистических знаний, тактических приёмов, технических средств, операций и комбинаций, а также криминалистических методик для эффективного и своевременного выявления, извлечения и исследования доказательств, с целью их оптимального и рационального использования абсолютно на всех этапах уголовного судопроизводства.

В настоящее время криминалистическая наука обладает быстро развивающимися технико-криминалистическими, тактико-криминалистическими и методико-криминалистическими возможностями, которые применимы для достоверного установления в кратчайшие сроки всех фактических обстоятельств исследуемого противоправного деяния. Более того, современные возможности криминалистического обеспечения позволяют интенсивно применять при производстве следственных и процессуальных действий научно обоснованных, безопасных и эффективных технических средств, тактических приемов, цифровых технологий, искусственного интеллекта и методов получения, исследования и использования криминалистический

значимой для расследования уголовного дела информации. В свою очередь насущной потребностью процесса доказывания продолжает оставаться его качественное криминалистическое сопровождение, осуществляемое на всех без исключения его этапах, вплоть до отыскания и приобщения к уголовному делу новых доказательств.

Таким образом, криминалистическое обеспечение служит фундаментальной прикладной основой для последовательного и непрерывного развития современных возможностей уголовно-процессуальной деятельности на любых этапах уголовного судопроизводства, включая его судебные стадии и даже носящие вероятностный характер исключительные стадии, которые стали возможными вследствие того, что объективная истина осталась неустановленной на основных стадиях уголовного судопроизводства. Криминалистическое обеспечение, в свою очередь способно удовлетворять в полном объеме данную объективную потребность процесса доказывания по установлению объективной истины на более ранних стадиях уголовного судопроизводства, образуя тем самым существенные предпосылки для правильного и справедливого разрешения уголовного дела.

Список литературы:

1. *Митрофанова А. А.* К вопросу об определении понятия «криминалистическое обеспечение» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18).
2. *Сатдинов Л. В., Емельянова Е. В.* Вопросы обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования : научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2023.
3. *Цховребова И. А.* Криминалистическое обеспечение уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2018. 112 с.

Татьяна Викторовна Седых,
кандидат политических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики
СФ КрУ МВД России
E-mail sedix81@mail.ru

Доказательства в уголовном судопроизводстве: процессуальные нюансы

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об особенностях доказательств в уголовном судопроизводстве, как способе собирания и проверки доказательств по уголовным делам. Особое внимание уделяется исследованию доказательств. Обозначены некоторые проблемные вопросы и намечены пути их решения.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовное судопроизводство; предварительное расследование; доказывание; доказательства; собирание доказательств.*

Действующий Уголовный процессуальный кодекс РФ закрепил основные положения о доказательствах и доказывании, очертив познавательные элементы этого института на основании общих принципов, форм и методов проведения процессуальной фиксации следственных действий. Законодательством сформулировано понятие доказательств, определены их принадлежность, допустимость и недопустимость во время досудебного и судебного производства. Обязанность доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК, на стадии досудебного производства, согласно ст. 85 УПК, возлагается на следователя, прокурора, а в отдельных случаях – на потерпевшего. Отдельные позиции ученых основываются на определении неконституционности, несостоятельности достижения целей уголовного производства средствами, предусмотренными действующим УПК, признание доказательств на основании оперативно-розыскной информации, низкой эффективности процессуальной деятельности следователя, прокурора при расследовании и тому подобное.

Понятие доказательств принадлежит к фундаментальным правовым категориям, с которыми связана вся история уголов-

ного судопроизводства с момента его зарождения и до сих пор, поскольку давно известно, что по своей природе процедура невозможна без доказательств. Это понятие определяет полномочия и содержание деятельности следователей, прокуроров, судей и других участников уголовного производства, от которых зависит реализация уголовно-правовой политики государства, выполнение задач уголовного судопроизводства и обеспечение внедрения международных стандартов уголовной юстиции в РФ.

Любое доказательство классифицируются в зависимости от того, к какому источнику принадлежит полученная информация. Прежде всего это говорит о том, что изучая доказательство, необходимо принимать во внимание, что информация которая была предоставлена, достоверна или нет. В данном случае необходимо обратиться к первоисточнику. Далее нужно найти какая взаимосвязь доказательств, считаются ли они по своему характеру обвинительными или оправдательными. Сформированы конкретные условия как в науке, так и на практике, с учетом которых следует изучить каждое конкретное доказательство. Применение признаков, вложенных в базу систематизации доказательств, оценки любого типа доказательств, содействует развитию истинных умозаключений согласно уголовному делу. Не менее дискуссионным вопросом в теории уголовного процесса является систематизация и классификация доказательств, то есть приведение их в порядок, обусловленный правильным, планомерным расположением и взаимной связью деления на группы по специальным признакам и свойствам. Система доказательств в уголовном судопроизводстве объединяет в своей структуре группы доказательств, взаимосвязанных между собой в соответствии со структурой предмета доказывания обстоятельств, подлежащих становлению для воспроизведения истинной картины произошедшего общественно опасного события. Систематизация доказательств позволяет постепенно, полно, всесторонне и объективно воссоздать все обстоятельства, имеющие значение и являющиеся составляющими предмета доказывания. Общепризнанной и принятой большинством процессуалистов является классификация доказательств на обвинительные и оправдательные, первоначальные и производные.

Следует отметить, что в науке и на практике не выработано единого подхода для определения понятия «собираание доказательств».

Цель доказывания в уголовном процессе состоит в достижении истины по уголовному делу. Истина в уголовном процессе

заключается в свойстве знаний, которыми обладают органы дознания, следствия, прокурор и суд о происшествии, по поводу которого осуществляется уголовный процесс и соответствии данным знаниям обстоятельств, имевшим место в прошлом. Субъекты доказывания состоят из субъектов первой группы: государственных органов и должностных лиц, которые в соответствии с законом обязаны заниматься дознанием, следствием или судебным разбирательством; а также круг субъектов доказывания состоит из: обвиняемого, подозреваемого, защитника и других субъектов второй группы. Однако некоторые авторы высказывают несколько иное мнение касательно определения собирания доказательств. У авторов вызывает сомнение в обоснованности использования данного термина вследствие производства следственных действий.

Жижина М. В. считает, что так как при их осуществлении никто не имеет возможности породить или создать информацию, которая имела бы объективный характер, как результат взаимодействия преступления и обстоятельств, которые связаны с ним [5, с. 276–281]. Собираение доказательств представлено деятельностью субъектов доказывания с целью поиска, обнаружения, получения и фиксации доказательств. Судебная практика устанавливает, что адвокат сталкивается с различными сложностями в процессе обжалования и пересмотра приговоров в уголовном процессе.

Существует два ключевых взгляда на соотношение проверки и исследования доказательств – отождествление и разграничение. По мнению Гриненко А. В., исследование является составной частью проверки доказательств как элемента процесса доказывания [4].

Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. по этому поводу высказались так: Закон говорит об исследовании обстоятельств дела, о доказывании, а также об исследовании доказательств. Вряд ли правильно, впрочем, думать, что за этими несовпадающими обозначениями стоят разные понятия [3]. Основаниями окончательного решения по уголовному делу служат юридические факты – обстоятельства, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Эти, как и другие обстоятельства, имеющие значение для дела, устанавливаются одним путем - путем доказывания, то есть, оперирование доказательствами, на основе доказательств. Поэтому термины «исследование обстоятельств дела», «доказывание» и «исследование доказательств» могут рассматриваться как синонимы.

Барыгина А. А. элементом доказывания считает именно исследование доказательств, а проверку достоверности существования тех фактических данных, которые представляют собой содержание доказательства, - одной из составляющих исследования [1].

Безлепкин Б. Т. выделяет исследование доказательств как отдельный компонент в доказывании, рядом со сбором, проверкой, оценкой и использованием доказательств [2].

На основании анализа УПК РФ усматривается, что термин «исследование» употребляется в трех различных смыслах: в смысле проверки доказательств, в смысле деятельности, охватывает сбор и проверку доказательств, то есть – в смысле доказывания как выяснение фактических обстоятельств дела. Проверка доказательств – это деятельность субъектов доказывания по выяснению содержания доказательства, сопоставлению доказательств, сбора новых доказательств, который осуществляется с целью выяснения относимости, допустимости и достоверности каждого доказательства. Под исследованием имеется в виду деятельность участников уголовного судопроизводства, направленная на выяснение содержания доказательства, определения, является ли оно должным, допустимым и достоверным. Под словом «исследовать» подразумевается право подозреваемого, обвиняемого совершать действия, направленные на выяснение относимости, допустимости и достоверности доказательств, на которые ссылается прокурор, то есть - право проверять доказательства, представленные прокурором. В УПК РФ приведен один из способов проверки доказательств: получение новых доказательств, в данном случае - показаний свидетеля, и их сопоставление с теми доказательствами, которые проверяются. Способы проверки доказательств в зависимости от их процессуального источника описаны в статьях 87 УПК РФ. Статья 81 УПК РФ называется процесс доказывания на основании законодательных норм и актов могут проводить только уполномоченные лица, а именно: прокурор, следователь, судья и сама судебная организация. Процесс доказывания проходит всего три основных этапа, которые в конечном итоге приводят к определенным выводам и вынесению решений. Во-первых, это этап собирания информации. Во-вторых, это этап обработки полученной информации. В-третьих, это этап вынесения соответствующего решения по определенным вопросам и делам. В соответствии с российским законодательством каждый обвиняемый будет считаться невиновным до тех пор, пока не будет доказана его вина. На обвиняемого и подозреваемого возлагается право доказывать свою

невиновность. Доказательства, которые получены с нарушением законодательства, использовать запрещается. Доказывание является мыслительной деятельностью с обоснованием истинности одного суждения путем приведения аргументов. Одна из основ уголовного процесса сформулирована как непосредственность исследования показаний, вещей и документов (ст. 240 УПК РФ). В содержание этой основы входит, в частности, правило о том, что все доказательства должны быть представлены суду для выяснения их содержания, решения вопроса об их свойствах, месте в системе доказательств. Под «непосредственным исследованием» подразумевается сбор доказательств судом «пассивным путем» (путем получения) и участие суда в проверке всех доказательств вместе с другими участниками судебного производства. Исследование определенных доказательств в закрытом судебном заседании означает, что эти доказательства будут объявлены, то есть, собраны, а также проверены в присутствии только участников судебного производства. Поэтому здесь тоже исследование употребляется в значении деятельности, которая охватывает сбор и проверку доказательств.

В УПК РФ предусмотрено право субъекта доказывания представить суду только часть документа, если такой документ неудобно подать и проверить полностью [5, с. 276–281.]. Рассмотрение обвинительного акта в упрощенном производстве подразумевает собой то, что стороны признают ряд обстоятельств как установленные, что исключает их дальнейшее доказывание. При этом сбор и проверка доказательств в подтверждение обстоятельств, признанных сторонами, не происходит. При этом в деятельность по исследованию доказательств в понимании УПК не следует включать оценку, ведь там речь идет об «исследованиях в судебном заседании», а оценка доказательств судом происходит в совещательной комнате, а не в судебном заседании.

В ряде статей УПК РФ исследование употребляется в значении доказывания как выяснение обстоятельств уголовного производства, то есть охватывает все три компонента доказывания - собирание, проверку и оценку. В ч. 1 ст. 421 УПК РФ указано, что при доказывании предстоит исследовать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Само название статьи указывает на то, что под «исследованиями условий жизни» следует понимать их выяснение, а единственным надлежащим способом выяснения обстоятельств являются сбор, проверка и оценка доказательств.

В УПК РФ есть ряд статей, где понятие исследования доказательств употребляется в разных значениях. Так, в ст. 274 УПК РФ, которая называется «Порядок исследования доказательств», понятие исследования доказательств употребляется в значении деятельности, которая охватывает сбор и проверку доказательств [6, с. 67–68].

Проведенный анализ УПК РФ дает основания для вывода о том, что взгляды, будто исследования доказательств - это то же самое, что и проверка, и наоборот, являются ошибочными. Понятие исследования доказательств только в части норм УПК РФ употребляется в значении проверки доказательств. В большинстве случаев под ним следует понимать деятельность, охватывающую сбор и проверку доказательств, в отдельных нормах – деятельность, охватывающую сбор, проверку и оценку доказательств, то есть, именно доказывание. Достоверность доказательств является скорее критерием, которому должны соответствовать фактические данные, чтобы в дальнейшем приобрести статус доказательств, пройдя процедуру соответствующего оформления. А о достаточности целесообразно говорить лишь как о субъективном понятии, поскольку, данный критерий применяется только при оценке определенной совокупности доказательств и только для принятия конкретного процессуального решения, в основном конечного, но отнюдь не в течение всего уголовного производства. В отечественном уголовном процессе формальная теория оценки доказательств с развитием права заменяется теорией свободной оценки доказательств, адаптировалась и развивается в современном доказательном праве. Исторически произошел переход от восприятия доказательств как средств доказывания в спорах частного характера к современному пониманию доказательств как средств отстаивания интересов сторон в уголовно-процессуальном споре.

В процессе реформирования уголовного процессуального законодательства РФ на современном этапе расширились и уравнялись возможности стороны защиты по сбору и представлению доказательств, исключительную роль в оценке доказательств играет суд, отвечающий соревновательной форме процесса. На наш взгляд, позиция, где доказательства – это неразрывное единство их содержательной стороны (фактических данных, то есть сведений, дающих возможность установить факты, являющиеся предметом доказывания) и их процессуальных источников (формы, являющейся установленным уголовным процессуальным законом порядком получения фактических данных и их фиксации) является более приемлемой, поскольку процессуальные источники

доказательств являются процессуальной формой существования и хранения сведений о фактах качества доказательств в уголовном процессе. Без воплощения в эту процессуальную форму фактические данные не имеют значения доказательства, а нарушение процессуальной формы их привлечения в сферу уголовно-процессуального доказывания приводит к признанию доказательства недопустимым.

Список литературы:

1. *Барыгина А.А.* Доказывание в уголовном процессе: оценка отдельных видов доказательств : учебник для вузов 2-е изд., перераб. и доп. М : Юрайт, 2025. 286 с. ISBN 978-5-534-19858-4. ектст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].
2. *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. М. : Проспект, 2020. 109 с.
3. *Божьев В. П., Гаврилов Б.Я.* Уголовный процесс. М. : Юрайт, 2019. 209 с.
4. *Гриненко А.В.* Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 361 с. ISBN 978-5-534-16310-0. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].
5. *Жижина М.В.* Доказывание в уголовном и гражданско-правовых процессах и криминалистическая деятельность // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». 2018.
6. *Маркевич Ю.Г.* Процесс доказывания в уголовном процессе // Научный поиск курсантов : сборник статей по материалам вузовской научно-практической конференции / редкол.: В. В. Борисенко [и др.]. 2019.

Рустам Русланович Тебиев,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: r.tebiev@yandex.ru

Возможности использования беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании незаконной рубки лесных насаждений

Аннотация

Борьба с незаконной рубкой лесных насаждений была и остается важной задачей государства. Указанное преступление наносит серьезный экологический и экономический вред. Противодействие раскрытию и расследованию незаконной рубки вынуждает сотрудников правоохранительных органов разрабатывать и осваивать новые способы борьбы с данным преступлением. Одним из них является использование беспилотных летательных аппаратов (дронов). Целью данной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с использованием указанных технических средств и выработки рекомендацией по их применению.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистика; раскрытие и расследование преступлений; незаконная рубка лесных насаждений; беспилотные летательные аппараты; противодействие расследованию.*

Борьба с незаконной рубкой лесных насаждений является одной из важнейших задач в деятельности нашего государства. Значительный уровень криминализации лесной отрасли порождает целый ряд проблем, негативно сказывающихся на социально-экономическом развитии общества, экосистеме и климате. Ключевыми из них являются: уничтожение мест проживания животных с вытекающими из этого последствиями, увеличение концентрации парниковых газов в атмосфере, наличие коррупционной составляющей в лесной отрасли, низкий уровень контрольной и надзорной деятельности за соблюдением природоохранного законодательства, высокий уровень латентности незаконной рубки лесных насаждений, а также значительно число нераскрытых преступлений по данной категории.

Кроме того, примечательным является также и тот факт, что на протяжении последних 8 лет количество уголовных дел, направленных в суд по ст.260 УК РФ – в более чем 3 раза меньше количества зарегистрированных преступлений по этой же статье. Например, в 2021 году было зарегистрировано 10 616 преступлений по ст.260 УК РФ, а направлено в суд 3 116 уголовных дел. В 2022 году направлено в суд 3 094 уголовных дел, в 2023 году направлено в суд 2 490 уголовных дел, при этом число зарегистрированных преступлений стабильно превышает данный показатель в 3 раза [1]. Как видим, статистика и тенденция весьма удручающие.

Анализ правоприменительной практики, а также научных публикаций по рассматриваемой проблематике, позволил сформулировать ряд проблем, негативно влияющих на быстроту раскрытия преступлений в сфере незаконной рубки лесных насаждений, а также и на качество расследования:

- придание видимости легальной деятельности по рубке лесных насаждений, будучи противозаконной;
- слабая научная разработанность и оснащенность техническими средствами по сбору доказательств, зондирования земли, а также использования беспилотных летательных аппаратов;
- несвоевременное проведение неотложных, а также иных следственных и процессуальных действий по причине затрудненности проезда к месту преступления;
- длительность ожидания результатов подсчета причиненного ущерба ввиду незаконной рубки лесных насаждений, а также получения иных сведений, имеющих важной значение для расследования уголовного дел и др. [2, с. 4].

Кроме того, значимость рассматриваемой темы обосновывается также активным внедрением в криминалистическую науку и практику новейших технических достижений. В сфере борьбы с незаконной рубкой лесных насаждений к таким можно отнести: 3D-моделирование земной поверхности, дистанционное зондирование земли, а также использование беспилотных летательных аппаратов. Учитывая тот факт, что способы незаконной рубки лесных насаждений, как и способы совершения иных общеуголовных преступлений, постоянно совершенствуются – превышение объемов правомерно разрешенной рубки леса, маскировка под видом санитарной рубки и т.д., использование современных технических средств будет весьма кстати.

Особую актуальность использование беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконной рубки лесных насаждений приобретает в Сибири и на Дальнем

Востоке нашей страны. Красноярский край и Иркутская область стали лидерами «антирейтинга» по незаконной рубке леса. Совокупный размер ущерба составил более 370 млн рублей [3].

Субъектами применения дронов в контексте рассматриваемой темы являются сотрудники органов внутренних дел, а также сотрудники лесничеств. При этом необходимо отметить, что каждый из указанных лиц применяет беспилотные летательные аппараты в зависимости от стоящих перед ними задач. Так, сотрудники правоохранительных органов используют дроны для упрощения процесса раскрытия и расследования преступлений, документирования преступной деятельности и т.д. Сотрудники лесничеств же используют БПЛА для обеспечения безопасности и охраны леса. Наряду с этим, слаженное взаимодействие двух указанных субъектов является крайне важным.

Приведем некоторые серьезные преимущества использования беспилотных летательных аппаратов (дронов) при раскрытии и расследовании преступлений, в том числе и незаконной рубки лесных насаждений:

- скорость обследования и объемы территорий: дроны способны с большой скоростью обследовать большие объемы территории лесного массива. Для того, чтобы охватить в объектив камеры дрона десятки гектаров леса, необходимо пару минут;

- высокое качество фото и видеофиксации. Современные дроны оснащены камерами высокого разрешения (HD, 4K, с большим количеством мегапикселей и т.д.), что позволяет разглядеть с дальнего расстояния (с высоты съемки) все детали преступной деятельности, изучить лесной массив и т.д. Высота полета более 800 метров не является препятствием для успешной фото и видеофиксации;

- возможность выявления незаконной рубки лесных насаждений в труднодоступных местах. Нередко незаконная рубка лесных насаждений осуществляется в очень труднодоступных местах, для проезда туда нужны специально оборудованные авто и т.д., что значительно увеличивает время прибытия сотрудников органов внутренних дел либо сотрудников лесничества. В следствии этого у преступников появляется возможность избавиться от средств совершения преступления, уничтожить следы или иным образом их скрыть;

- значительная экономия ресурсов. Учитывая сложившийся серьезный кадровый дефицит, а также иные факторы, в том числе труднодоступность мест незаконной рубки лесов, использование дронов значительно экономит физические и технические ресурсы. Для выявления преступления, поиска мест незаконной рубки, первичного осмотра местности и т.д. требуется полный заряд батареи

дрона, хватающего для работы не менее 30 минут. Этого времени вполне достаточно для выполнения указанных мероприятий на удалении до 50 км.

Кроме того, в последнее время стало актуальным использование дронов, оснащенных тепловизионными камерами, а также оборудованные технологиями искусственного интеллекта. Такие камеры позволяют обнаруживать автотранспорт и людей практически в любых ситуациях противодействия. Также дрон, сопоставляя границы полета, находит несоответствие ландшафта цифровым картам лесных участков, после чего отправляет подозрительную информацию должностным лицам [4, с. 22].

Приведем пример успешного применения дронов при раскрытии незаконной рубки лесных насаждений. Так, на территории Красноярского края беспилотником была выявлена аномалия в границах лесного массива. Детальное изучение фото и видеоматериалов позволило выявить незаконную рубку 19 сосен, причиненный материальный ущерб государственному лесному фонду был оценен в 400 тысяч рублей [5].

Говоря о доказывании способа незаконной рубки лесных насаждений, как элементе криминалистической характеристики преступлений, отметим преимущества использования беспилотных летательных аппаратов:

1. Устанавливается точное число лиц, непосредственно совершивших незаконную рубку леса.
2. Фиксируется следовая картина преступления.
3. Устанавливаются орудия совершения преступления.
4. Простота в отыскании путей отхода и прихода преступников.
5. Более точное установление масштабов преступления, причиненного ущерба и т. д.

На основании лишь небольшого перечисления актуальности темы данной статьи, а также преимуществ использования беспилотных летательных аппаратов, можно сделать вывод о том, что, без сомнений, данное техническое средство вносит значительный вклад в развитие криминалистической техники, упрощает работу должностных лиц по раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконной рубки лесных насаждений, охраны леса и обеспечение его безопасности.

Однако овладение техническими навыками по эксплуатации дронов требует от должностных лиц дополнительной подготовки. Именно этим аспектам и будут посвящены дальнейшие исследования автора.

Список литературы:

1. Состояние преступности ГИАЦ МВД России за 2021–2024 годы. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 09.02.2025).
2. *Амарсайхан М.* Методика расследования незаконной рубки лесных насаждений (по материалам Монголии и Российской Федерации) : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Амарсайхан Манлай, 2022. 253 с.
3. *Тебиев Р.Р.* Методика расследования жестокого обращения с животными : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 31 с.
4. В Сибири для пресечения незаконных рубок леса используют дроны с искусственным интеллектом. Ведущее государственное информационное агентство России, 2025. URL: <https://tass.ru/sibir-news/11432479> (дата обращения: 10.02.2025).
5. В лесном хозяйстве дроны все чаще используются. URL: <https://dzen.ru/b/Zsm3OzlXzTYLjFA3> (дата обращения: 09.02.2025).

Александр Анатольевич Чебуренков,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарёва
E-mail: cheburenkovaa@yandex.ru

К вопросу о новых возможностях судебно-психологической экспертизы, назначаемой по делам о взяточничестве

Аннотация

В статье анализируются научные основы и складывающаяся практика использования при расследовании уголовных дел о взяточничестве новых возможностей судебных экспертиз по исследованию мотивационной сферы личности и вербальной информации, имеющей доказательственное значение по делу. Рассматриваются особенности оценки заключений соответствующих экспертиз с учетом современного уровня развития психологических исследований и требований процессуального законодательства. Автор делает вывод о необходимости критического отношения к выводам экспертов, о важности их проверки и учета только в рамках совокупности собранных по делу доказательств.

***Ключевые слова и словосочетания:** взяточничество; судебно-психологическая экспертиза; психолингвистическая экспертиза; заключение эксперта; корыстный мотив; правдивые или ложные показания; оценка заключения эксперта.*

При расследовании уголовных дел, связанных с дачей и получением взятки, у следователей и судей нередко возникает необходимость в разрешении вопросов, требующих специальных знаний в области науки и техники. Для этого может быть назначена судебная экспертиза, результаты которой имеют важное значение в доказывании факта взяточничества и причастности к этому определенным лицам.

С развитием научно-технического прогресса возможности судебных экспертиз закономерно расширяются, они позволяют решать, наряду с «традиционными», задачи новых типов и форм. Данная тенденция отчетливо наблюдается в сфере судебно-психологической экспертизы, предметом которой предлагается считать «пси-

хические особенности лица и психологизированные обстоятельства, имеющие существенное значение для установления истины по делу, выявление которых требует специальных научно-психологических познаний» [2, с. 2]. Тем самым фактически обосновывается возможность ставить перед экспертом-психологом разнообразные вопросы, касающиеся оценки психических явлений и процессов, при условии их значимости для правильного разрешения дела.

В последнее время новые возможности судебно-психологической экспертизы оказались востребованными при расследовании уголовных дел о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях. Речь идет, прежде всего, о таких направлениях судебно-психологических исследований, которые позволяют выявлять коррупционную мотивацию в действиях обвиняемого и определять правдивость (ложность) показаний обвиняемого по делу. Результаты таких исследований рекомендуется использовать в доказывании виновности обвиняемого (подсудимого) в ситуациях, связанных с вымогательством взятки, при упорном отрицании взяточполучателем факта получения им взятки и др. Всё это направлено на расширение доказательственной базы по уголовным делам о даче и получении взятки, без которого в современных условиях невозможно эффективно раскрывать и расследовать коррупционные преступления.

Следственная практика положительно восприняла рекомендации о назначении судебно-психологической экспертизы в указанных целях, более того, интерес к таким экспертизам неуклонно возрастает. Появились многочисленные публикации успешных случаев использования результатов соответствующих экспертных психологических исследований для изобличения взяточников.

В основе рекомендаций о назначении судебно-психологической экспертизы по делам о взяточничестве лежат научно обоснованные положения о возможности установления преступной мотивации с помощью психолога. Проведение судебно-психологической экспертизы с такой целью обосновывается в работах М. М. Коченова, А. Экмечи, О. Д. Ситковской, В. В. Романова, Е. Н. Холоповой и других ученых. В подтверждение данного вывода приводятся следующие аргументы.

В современной науке мотив преступления рассматривается, прежде всего, как психологическое (психофизиологическое) понятие, которое получило юридическое содержание. То есть мотив следует воспринимать как психолого-юридическое явление, поскольку это не всегда только осознанное побуждение, но мотив может иметь и неосознанный характер. Юрист и эксперт-психолог, исследуя мотивы преступления, оперируют разными категориями. Психолог вряд ли согласится с тем, что побуждением к совершению

преступления являлся единственный мотив, не станет давать этому явлению этико-правовую оценку. Задача психолога – представить точную психологическую картину произошедшего, проследить динамику смены побуждений, выделить отличающиеся по направленности действия субъекта, его эмоциональные проявления, цели и то, ради чего каждая из них достигалась, – мотивы действий. Такое психологическое описание может существенно расширить и уточнить представление практика о мотивации преступления, дать в руки инструмент для решения юридически значимых вопросов о составе преступления, дифференцирующих наказание обстоятельствах и т. д. [10, с. 236–237].

С учетом названных положений экспертная оценка мотивов противоправных действий, с точки зрения психологии, представляется целесообразной в определенных случаях, в частности, если следователь (суд, прокурор, адвокат) сталкивается с противоправным поведением, мотивы которого сложно определить и возникает иллюзия отсутствия мотива; если при определении мотивов противоправного деяния возникают общие трудности и др. Объектами экспертизы в этих случаях будут: устойчивые особенности психики подэкспертного; ситуация осуществления интересующих следствие действий, особенности реализующейся в ней деятельности (направленность действий, эмоциональная реакция, отношение к происходящему и пр.) [10, с. 237].

По делам о взяточничестве необходимость проведения судебно-психологической экспертизы обосновывается спецификой природы содержания поведенческих актов данной преступной деятельности. Во многих случаях эти акты представляют собой действия с минимальной или неявно выраженной криминальной направленностью. Часто взятки передаются и принимаются в завуалированной форме, когда участники взяточничества маскируют свое противоправное поведение и придают ему внешне правомерный характер. Совершаемые должностными лицами за незаконное вознаграждение действия могут объясняться «интересами службы», выдаваться за «спонсорскую помощь» и т. п. Наряду с «традиционной» передачей взятки в виде денежных средств, имущества и пр., всё большее распространение получают криминальные практики получения должностными лицами преимуществ нематериального характера.

Во всех подобных ситуациях в целях правильной и точной юридической оценки содеянного следователю необходимо определенно установить, что материальные ценности или выгоды были переданы (предоставлены) должностному лицу в качестве взятки, и что этот факт осознавался субъектами получения (дачи)

взятки. Для этого важно выявить подлинное содержание мотивационного комплекса поведения подозреваемого (обвиняемого), определить с его учетом особенности субъективной стороны расследуемого преступления.

В ходе досудебного следствия многие поведенческие акты взяточников бывает трудно установить и идентифицировать, подтвердив их соответствующими доказательствами. Для этого используются преимущественно косвенные доказательства, имеющие уменьшенный характер их обвинительного значения. В таких условиях одним из доказательств виновности обвиняемого в совершении преступления может стать заключение судебно-психологической экспертизы [4, с. 69–70].

Новым видом экспертизы, назначаемым по делам о взяточничестве, является комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза, которая проводится экспертом-психологом и экспертом-лингвистом и изучает вопросы достоверности сообщаемой подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелями информации, имеющей значение по делу. Выделяют следующие основания назначения данной экспертизы: принципиальное несовпадение содержания показаний конкретных допрашиваемых с другими доказательствами по уголовному делу; внутренняя противоречивость показаний или существенное их изменение от допроса к допросу, появление большого числа новых деталей, так называемое «приукрашивание показаний»; слишком обобщенный характер сообщаемой информации, отсутствие конкретных деталей, собственных переживаний и оценочных характеристик; заученность, повышенная точность в описании деталей, схематизм, застывшая форма показаний, отсутствие какой-либо вариативности; употребление усложненных языковых оборотов, специальных терминов, штампов деловой речи, оперирование понятиями, не свойственными, например, социальному статусу, уровню образования, профессиональной компетенции; необычное поведение при допросе, повышенная речевая активность, подчеркивание своей осведомленности, агрессивность, отказ от дачи показаний или их изменение без видимых причин, не критичность в оценке своих возможностей; отказ от своих первоначальных показаний; отсутствие других доказательств, кроме показаний других фигурантов [1, с. 155–156].

Для ответа на поставленные вопросы эксперт-психолог обычно исследует аудио-, видеозапись допроса (или иного следственного действия), производит психологическую оценку достоверности показаний допрошенного лица и представляет результаты этого исследования в виде заключения эксперта.

Также рекомендуется при расследовании взяточничества проводить судебную психолого-лингвистическую экспертизу для анализа содержания разговора (беседы), состоявшегося между участниками взяточничества в ходе подготовки или при совершении преступления, с целью установления определенных обстоятельств, свидетельствующих о преступных намерениях собеседников. В этом случае психолингвистическая экспертиза позволяет определить смысловое содержание беседы участников деятельности, связанной с дачей-получением взятки; выявить в нем признаки второго иносказательного смысла, говорящего о желании дать или получить взятку; установить, от кого исходит инициатива в разговоре о передаче взятки; определить речевые признаки наличия предварительной договоренности на получение взятки, намерения получить взятку, манипуляции или иного воздействия, имеющего юридическое значение, и т.д. [6, с. 476-477].

Нередко участники взяточничества, обсуждая детали намечаемой передачи незаконного вознаграждения, или уже непосредственно в ходе вручения взятки маскируют предмет своей беседы иным значением (например, ведут разговор не о денежных средствах, а о документах, книгах и т. п., или, как в случае с одним чиновником, о диссертационном исследовании). В дальнейшем обвиняемые, отрицающие противоправный характер своих действий, ссылаются на отсутствие какого-либо скрытого смысла состоявшегося разговора. Выявить признаки подобного рода маскировки истинного предмета разговора участников взяточничества позволяет психолингвистическая экспертиза [5, с. 471].

Предметом исследования психолого-лингвистической экспертизы в рассматриваемом случае будет текст разговора (беседы) в виде записи на аудио-, видеоносителях (материалы оперативно-розыскных мероприятий, записи телефонных переговоров и др.).

Без сомнения, следует положительно относиться к использованию новых возможностей судебных экспертиз при расследовании коррупционных преступлений. Это должно стимулировать творческий поиск более эффективных средств и методов борьбы с коррупцией в современных условиях. Однако на этом пути необходимо учитывать и сопутствующие негативные моменты, вызванные расширением сферы экспертных исследований в рассматриваемом направлении. Возможные трудности, на наш взгляд, касаются не столько разработки и применения эффективных методик экспертного исследования, сколько формирования грамотного, выверенного подхода к использованию результатов проведенных исследований в доказывании обстоятельств взяточничества. При этом

не следует забывать об основополагающих правилах и приемах проверки и оценки заключения эксперта, игнорирование которых может привести к следственным и судебным ошибкам.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает правило, согласно которому обвинение должно основываться на совокупности доказательств, свидетельствующих о причастности конкретного лица к совершению преступления (ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 215, п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ). Соответственно, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и устанавливается лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК РФ).

На практике же следователи часто инициируют производство психологических исследований в форме соответствующей экспертизы в ситуациях, когда по расследуемому ими делу о взяточничестве не собрано достаточного объема обвинительных доказательств или отсутствуют бесспорные доказательства вины обвиняемого. Тем самым следователи стремятся восполнить недостаток (отсутствие) избыточной доказательственной информации выводами эксперта-психолога о наличии у обвиняемого в получении взятки корыстного мотива, о формировании у него устойчивого намерения получить взятку и т. п. На это же направление, как мы видим, в основном ориентируют следователей ученые, разрабатывающие рекомендации о назначении при расследовании взяточничества соответствующих экспертиз. При этом не учитывается, что возможности экспертов-психологов в сфере исследования преступной мотивации и определения достоверности показаний можно легко переоценить, особенно со стороны следователя и судьи, не обладающих профессиональными психологическими знаниями.

Е. Н. Холопова отмечает, что анализ существующих научно-практических подходов к изучению мотивации правового поведения в рамках судебно-психологической экспертизы выявляет ряд проблем, ограничивающих возможности экспертов качественно обслуживать уголовный процесс. Это связано с тем, что трактовка категории «мотив» с юридических и психологических позиций весьма различается [10, с. 237]. Важным является и то, что эксперт-психолог диагностирует наличие того или иного инкриминируемого мотива именно как факт, не прибегая к оценочным суждениям о его соотношении с нравственными и правовыми ценностями [9, с. 42-43].

Реальные мотивы деятельности субъекта могут быть установлены только в результате глубокого и всестороннего анализа всего комплекса субъективных качеств, процессов, закономерностей

во взаимосвязи со всей имеющейся в деле совокупностью объективных доказательств.

Что касается оценки и использования результатов судебно-психологической экспертизы достоверности показаний допрашиваемых участников процесса (психолингвистической экспертизы), то здесь следует исходить из того, что объектом судебно-психологической экспертизы должны являться не показания подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших, а особенности протекания у этих лиц психологических процессов и их влияние на качественное восприятие фактов или явлений. Поэтому вопрос о правдивости или ложности показаний того или иного участника процесса, как носящий сугубо правовой характер, может быть окончательно разрешен только следователем и судом на основе анализа всех собранных по делу доказательств [3, с. 186–187; 7, с. 116]. Заключение судебно-психологической (психолингвистической) экспертизы может лишь способствовать оценке уполномоченным субъектом доказывания показаний участников процесса с позиции их правдивости (ложности).

Даже при современном высоком уровне развития психологических и смежных с ними исследований доказывание наличия однозначной связи между определенными психологическими качествами и особенностями личности, ее высказываниями и совершенными субъектом действиями весьма затруднительно и не всегда возможно. Данная связь, как правило, носит только вероятностный характер. Между мотивами, потребностями, желаниями, с одной стороны, и конкретными поступками, с другой, лежит целый ряд опосредующих и промежуточных звеньев, поддающихся сознательному контролю. Спектр возможностей по реализации индивидуальностей психологической мотивации чрезвычайно широк и не сводится к определенным формам поведенческой активности [8, с. 14].

В этой связи, сделанные экспертом-психологом выводы о том, что действительно имели в виду собеседники, подозреваемые в совершении коррупциогенных действий, что у подозреваемого сформировалось стойкое намерение получить взятку и т. п., будут носить, в большей степени, вероятностный характер, что лишает их полноценного доказательственного значения. Иной подход противоречит фундаментальному процессуальному принципу презумпции невиновности, поскольку здесь обвинение подкрепляется не с помощью достоверно установленных фактов, а на основании выводов, носящих предположительный характер.

Кроме того, необходимо крайне осторожно использовать выводы эксперта-психолога в качестве средства восполнения имеющихся в доказательственном материале дела о взяточничестве пробелов,

поскольку установленные психологические характеристики личности обвиняемого не могут служить бесспорными доказательствами совершения им противоправных действий.

Изложенные положения свидетельствуют о необходимости продолжения работы, в том числе на научно-исследовательском уровне, по повышению надежности экспертных методик и качества заключений новых судебных экспертиз по делам о взяточничестве и выработке более конкретных рекомендаций по использованию этих заключений в процессе доказывания различных обстоятельств дачи-получения взятки, осуществляемого как в досудебном производстве, так и при рассмотрении дел в судах.

Список литературы:

1. *Енгальчев В. Ф.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) / В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, Е. Н. Холопова. М. : Юрлитинформ, 2016. 328 с.

2. *Еникеев М. И.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Юридическая психология. 2009. № 1.

3. *Закаатов А. А.* Ложь и борьба с нею. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1984. 192 с.

4. *Китаев Н. Н.* О возможности судебно-психологической экспертизы при изобличении взяточников / Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Российская юстиция. 2010. № 4.

5. *Моисеев А. В.* Учет психолингвистических особенностей речи допрашиваемого при экспертной оценке достоверности показаний фигурантов уголовных дел коррупционной направленности / А. В. Моисеев, И. Г. Моисеева // Противодействие преступлениям коррупционной направленности: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, г. Москва, 27 октября 2016 г. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Академия Следственно-го комитета РФ, 2016.

6. *Потлачук Н. В.* Возможности психолингвистической экспертизы аудио видео материалов при расследовании преступлений коррупционной направленности // Противодействие преступлениям коррупционной направленности : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, г. Москва,

27 октября 2016 г. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Академия Следственного комитета РФ, 2016.

7. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза : учебник. М. : Юрайт, 2014. 421 с.

8. *Сафуанов Ф.С.* Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы) / Ф. Сафуанов, С. Шишков // Законность. 1992. № 3.

9. *Ситковская О.Д.* Новые направления судебно-психологической экспертизы: справочное пособие / О.Д. Ситковская, Л.П. Коньшева, М.М. Коченов. М. : Юрлитинформ, 2000. 160 с.

10. *Холопова Е.Н.* Судебно-психологическая экспертиза. М. : Юрлитинформ, 2010. 416 с.

Наиля Рашидовна Шевко,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Информационная безопасность»
Казанский национальный исследовательский
технологический университет
E-mail: mos_shev@mail.ru

Сергей Яковлевич Казанцев,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры «Криминалистика»
Казанский юридический институт МВД России
E-mail: kaz_s@mail.ru

Киберпреступность: цифровая трансформация преступности в киберпространстве

Аннотация

Информационное общество подразумевает повсеместное использование информации в качестве ресурса посредством применения современных информационных технологий, компьютерной техники. К сожалению, помимо достижений научно-технического прогресса информатизация влечет и использование киберпространства злоумышленниками. За последние десять лет по официальным данным число преступлений с использованием информационных технологий увеличилось более, чем в 50 раз [6]. Несомненно, изменение структуры преступности влечет за собой и изменение подходов к расследованию и пресечению преступлений. В современных условиях в целях оперативного раскрытия и расследования данного вида преступлений необходимо изучение способов и методов совершения киберпреступлений. Кроме того, знание особенностей использования современных технологий в преступных целях позволит своевременно предпринять действия по пресечению и профилактике данных преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: *киберпреступность; фишинг; вредоносное программное обеспечение; кибербуллинг; кибермошенничество; киберугроза.*

Стремительное развитие информационных технологий и глобализация общества открыли новые горизонты для человечества, но вместе с тем создали благоприятную почву для киберпреступлений.

Под киберпреступлениями понимают преступления, совершенные с использованием компьютерных технологий. Чаще всего они совершаются в сети Интернет.

Киберпреступления охватывают широкий спектр противоправных действий, к которым относятся:

- фишинг - мошенничество, в ходе которого злоумышленники подбираются к личной информации пользователей, выдавая себя за надежные источники (например, банки или онлайн-сервисы). Целью фишинговых атак - кража личных данных (около 85 % инцидентов), незаконный доступ к конфиденциальной информации с целью ее дальнейшего использования, как правило, для мошеннических действий. Чаще всего в фишинговых сообщениях злоумышленники выдают себя за контрагентов (26 %), специалистов техподдержки или ИТ (15 %) и представителей госорганов (ФСБ, полиции, социальной службы и др. – 15 %) [5]. Большинство фишинговых атак осуществляется через электронную почту (92 %). 27 января 2025 года представители группы ТА558 провели крупномасштабную атаку на российские и белорусские компании. Они разослали из 112 стран мира более 76 тысяч писем, содержащих файл с автоматической загрузкой программы, позволяющей преступникам контролировать устройства жертвы;

- создание и распространение вредоносного программного обеспечения, т.е. программ, разработанных для повреждения, разрушения или получения доступа к компьютерам и сетям. К ним относятся вирусы, черви, трояны и шпионское ПО. Только во втором квартале 2024 года «Лаборатория Касперского» отразила более 664 млн атак с различных интернет-ресурсов, файловый антивирус заблокировал более 27 миллионов вредоносных и нежелательных объектов [4];

- кибербуллинг - использование интернет-платформ для преследования, травли, запугивания или ухудшения репутации других людей [2, с. 53]. Большинство (63 %) из тех, кто сталкивался с травлей, заявили, что были наблюдателями кибербуллинга, 33 % - стали жертвами, 4 % - сами проявляли агрессию [1]. Практически половина пользователей знакома с инструментами противодействию агрессорам – блокировкой (47 %), жалоба через техподдержку (28 %) и другие виды.

Страшны не столько сами киберпреступления, сколько их последствия. Последствия могут быть разрушительными как для индивидуальных пользователей, так и для организаций. Прежде всего - финансовые потери. Мошенничество и кража материальных средств могут нанести значительный ущерб финансовым ресурсам физического

лица или компании. Так, только по официальным данным за 2022–2024 годы в России было зафиксировано около 1,5 млн преступлений в ИТ-сфере, кибермошенники похитили у россиян более 350 млрд рублей [3]. Вызывает особые опасения статистика раскрываемости. Так, на протяжении уже почти 5 лет полиция в России раскрывает только одно из четырех (от 23 % до 27 %), в то же время худшая раскрываемость у кибермошенничеств – в 2023 году составила всего 11 % [7, с. 76].

Противодействие киберпреступлениям требует комплексного подхода, включающего как правовое и технические, так и организационные меры.

1. Компьютерная образованность и осведомленность. Требуется проведение обучающих программ для сотрудников организаций и пользователей о том, как распознавать и предотвращать киберугрозы.

2. Технические меры безопасности. Обязательное использование лицензионного антивирусного программного обеспечения, межсетевых экранов, систем обнаружения вторжений и шифрования данных. Регулярные обновления программного обеспечения также имеют ключевое значение для защиты от уязвимостей.

3. Законодательные основы обеспечения информационной безопасности. Необходимы создание и поддержка законодательных основ для борьбы с киберпреступностью, включая законы о защите данных, меры по сотрудничеству между государственными органами и частными секторами, а также взаимодействие на международном уровне.

4. Разработка межведомственного взаимодействия. Требуется обмен информацией между организациями и правительственными структурами о возможных новых угрозах, методах атаки и уязвимостях.

5. Создание команды реагирования на инциденты. Необходимо создание специализированных групп, ответственных за реагирование на киберугрозы, производящих анализ инцидентов и восстановление безопасных условий для работы.

6. Привлечение в органы внутренних дел ИТ-профессионалов. Статистика раскрываемости киберпреступности говорит сама за себя – раскрыто только каждое четвертое зарегистрированное преступление, совершенное с использованием высоких технологий. А, как известно, не все жертвы преступлений обращаются в правоохранительные органы по факту совершенных противоправных деяний. Основная причина – отсутствие уверенности в качественном расследовании и раскрытии преступлений ввиду недостатка квалифицированных кадров и необходимой материальной базы в органах внутренних дел.

Киберпреступления представляют собой серьезную угрозу в современном обществе, и противодействие им требует активных действий как со стороны индивидуальных пользователей, так и от организаций, в том числе на правительственном уровне. Применение комплексного подхода, включающего образование, технические меры безопасности и правительственные инициативы, поможет минимизировать риски и защитить пользователей от негативных последствий киберугроз. В будущем необходимо продолжать адаптироваться к меняющемуся ландшафту киберугроз, внедряя новые технологии и методы защиты.

Список литературы:

1. 57 % россиян сталкивались с кибербуллингом [Электронный ресурс] // Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168> (дата обращения: 16.02.2025).
2. *Кондратьева Д. Р., Шевко Н. Р.* Кибербуллинг // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-18.
3. Потери от киберпреступности // Официальный сайт Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 02.02.2025).
4. Статистика по вредоносному ПО для ПК. // Официальный сайт «Лаборатории Касперского». URL: <https://securelist.ru/it-threat-evolution-q2-2024-pc-statistics/110425/> (дата обращения: 16.02.2025).
5. Тренды фишинговых атак на организации в 2022–2023 годах // Официальный сайт Positive Technologies – лидер в области противодействия киберугрозам. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/phishing-attacks-on-organizations-in-2022-2023/> (дата обращения: 16.02.2025).
6. Число киберпреступлений в России // Официальный сайт Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 15.02.2025).
7. *Шевко Н. Р.* Проблемы противодействия преступлениям в виртуальном пространстве // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 2024.

Сельхе Махачевна Якубова,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: selhe@mail.ru

Особенности проведения проверки по сообщениям (заявлениям) о преступлениях, совершенных по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды

Аннотация

Противоправные деяния, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, относятся к преступлениям экстремистской направленности. В статье рассмотрены особенности проведения проверки по сообщениям (заявлениям) о таких преступлениях, предложены решения по оптимизации данной стадии.

***Ключевые слова и словосочетания:** проверка сообщения о преступлении; преступления экстремистской направленности; повод и основание для возбуждения уголовного дела.*

В Российской Федерации за противоправные действия экстремистского характера предусмотрена ответственность как административная¹ и гражданско-правовая², так и уголовная³.

Согласно данным статистики ежегодно выявляют более 1300 преступлений экстремистской направленности (иначе «преступлений ненависти»). В 2022 году при общем снижении зареги-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (действ. редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (действ. редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стрированных преступлений на всей территории страны количество «преступлений ненависти» возросло на +48,2 % и составило 1566. В 2023 году наблюдалась динамика их снижения на 14,4 %, всего их зарегистрировано 1340. В 2024 году зафиксирован рост преступного проявления экстремизма на 28,6 %, с 1340 до 1719¹.

Такие преступления в основной массе своей выявляются сотрудниками органов внутренних дел, а именно оперативных подразделений. От своевременных и квалифицированных действий сотрудников правоохранительных органов зависят результаты раскрытия преступления, а в случае возбуждения уголовного дела и дальнейшего расследования дела.

Преступления экстремистской направленности можно назвать одними из проблемных в квалификации в связи со сложностью определения мотива их совершения и его неочевидностью на первоначальном этапе проверки сообщений (заявлений) о них. Исследователи обоснованно отмечают, что «сложная мотивационная сторона преступлений экстремистской направленности и ее неочевидность в совершаемых противоправных деяниях приводит к существенным проблемам в практической деятельности» [8, с. 176].

Первоначальным этапом при поступлении сообщений о преступлениях экстремистской направленности служит организация приема и их регистрации уполномоченными должностными лицами. Порядок приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях утвержден ведомственными и межведомственными правовыми актами уполномоченных правоохранительных органов².

¹ Статистические сведения ГИАЦ МВД России (формы 4-ЕГС (код. 494)) за 2022–2024 г. Доступ из ЕИТКС ОВД. URL: <http://10.5.0.16csi/> (дата обращения: 10.02.2025).

² Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736; Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации (вместе с Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации) : приказ Следственного комитета Рос. Федерации от 11 октября 2012 г. № 72; Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности : приказ ФСБ РФ от 16 мая 2006 г. № 205; Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях в органах Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным

В межведомственном приказе «О едином учете преступлений» урегулирован порядок организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, а также единый порядок регистрации уголовных дел и учета преступлений¹.

Значительная часть «преступлений ненависти» регистрируется в органах внутренних дел в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – КУСП)², как-то:

1) *письменное заявление о преступлении, подписанное заявителем*, являющимся представителем конкретной расы, какой-либо национальности или религии, заявление должностных лиц и представителей общественных организаций либо протокол принятия уголовного заявления о таком преступлении;

2) *заявление о явке с повинной от лица, совершившего такое деяние, или протокол явки с повинной;*

3) *рапорт сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации об обнаружении признаков преступления*, в случае выявления им преступления. Следует отметить, что поводом и основанием для возбуждения уголовного дела могут служить результаты оперативно-розыскной деятельности, которые могут представляться в орган дознания, следователю, в производстве которого находятся материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ОРД)³. Процедура передачи результатов ОРД и требова-

ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ред. от 22.06.2010): приказ МЧС России от 2 мая 2006 г. № 270.

¹ О едином учете преступлений (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов) : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15.10.2019).

² Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736.

³ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 28.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния определены в Инструкции о порядке предоставления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд¹.

Рапортом об обнаружении признаков преступления допустить оформить сведения о совершении преступления экстремистской направленности, полученные следователем или дознавателем при расследовании уголовных дел о другом преступлении, не связанном с расследуемым по делу, а также информация из учреждений здравоохранения при поступлении пострадавших с травмами или ранениями после его проверки и установления обстоятельств их получения в ходе противоправных действий²;

4) *постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании* в случае выявления такого преступления при выполнении ими своих полномочий по осуществлению соответствующих проверок. Данный повод включен в ст. 140 УПК РФ в 2010 году³, компенсируя внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ⁴ изменения. Закрепление этого повода в законе побуждает к полемике. Отдельные исследователи считают логичным наделение прокурора правом вынесения постановления по результатам прокурорской проверки в случае выявления признаков преступления и направления его в уполномоченный правоохранительный орган [5, с. 110–116, 2, с. 54]. Им возражает другая группа ученых, полагая, что введенные законодателем изменения «низвели правовое положение прокурора законодателем до положения обычного заявителя, просителя» [1, с. 49–53], «внеся дисбаланс в имеющиеся нормы» [9, с. 23–26].

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Мы же полагаем, что такие изменения позитивно сказываются на обеспечении прав граждан и защите их интересов. Статистические данные свидетельствуют о том, что субъектом выявления таких преступлений являются и прокуроры. Ежегодно прокурорами при осуществлении своих полномочий ежегодно выявляются порядка 40 преступлений экстремистской направленности, материалы о которых ими направляются в правоохранительные органы для проверки и принятия процессуального решения¹.

Кроме того, прокурор уполномочен направить в соответствии с ч. 2 ст. 459 УПК РФ материалы в отношении гражданина Российской Федерации в случае совершения на территории иностранного государства гражданином Российской Федерации преступления экстремистской направленности, возвратившимся в Российскую Федерацию до возбуждения в отношении его уголовного преследования по месту совершения преступления, уголовное дело при наличии на то оснований².

5) *поручение прокурора (руководителя следственного органа) о проведении проверки по сообщению об экстремистском преступлении, распространенному в средствах массовой информации*³. Результаты проверки оформляются рапортом об обнаружении признаков преступления в соответствии со ст. 143 УПК РФ.

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела значимо определить наличие не только повода, но и основания. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления экстремистской направленности.

Проверка по сообщению о преступлении наряду с принятием, рассмотрением и разрешением по существу является императивным правом должностных лиц правоохранительных органов – дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. Уполномоченные государственные органы и должностные лица посредством осуществления следственных и иных процессуальных действий в сроки, установленные УПК РФ, проводят проверку

¹ Статистические сведения ГИАЦ МВД России (формы 4-ЕГС (код. 494)) за 2022–2024 г. Доступ из ЕИТКС ОВД. URL: <http://10.5.0.16csi/> (дата обращения: 10.02.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (действ. редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736.

в целях установления наличия или отсутствия в исследуемом событии признаков преступления и принятия одного из решений, предусмотренных на данной стадии (ст.ст. 144, 145 УПК РФ): о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Выполняя проверку по сообщениям о преступлениях экстремистской направленности, уполномоченные на то государственные органы и должностные лица, как было отмечено выше, должны особое внимание уделить установлению мотива совершения экстремистских деяний, запрещенных уголовным законом.

Отметим, что в случаях поступления сообщения о «преступлении ненависти» следует проверить наличие либо отсутствие экстремистских мотивов его совершения.

В юридической литературе предлагаются различные классификации этнических преступлений. На наш взгляд, наиболее оптимальной является классификация этнических преступлений в зависимости от особенностей объекта преступного посягательства:

1) преступление как результат межличностного этнического конфликта (совершено виновным в отношении лица иной расы или национальности);

2) преступление как результат конфликта типа личность – этническая группа (виновный совершил преступления в отношении группы лиц);

3) преступление – результат межгруппового этнического конфликта (группа виновных совершила преступление в отношении группы лиц иной этнической принадлежности) [7, с. 55–56].

В этой связи полагаем, что до возбуждения уголовного дела по преступлениям экстремистской направленности в первую очередь подлежит производству следующие следственные действия (учитывая ограничения по объему статьи, приведем в упрощенном варианте, без детальных пояснений).

Осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов (ст. 176 УПК РФ), для обнаружения, фиксации и изъятия следов, объектов, предметов, указывающих на совершение преступления по мотивам расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды.

При производстве осмотра места происшествия по сообщениям о преступлениях данной категории, которым может являться жилище, любое иное помещение и т.д., целесообразно привлекать специалистов, обладающих знаниями в области судебной психологии, криминалистики, религии, межэтнических отношений [4, с. 17] и т. д.

Вместе с тем действенными следственными действия по таким преступлениям могли бы быть обыск, выемка, которые к производству

на данном этапе законом не допускаются. Аналогичной позиции придерживается и Л.Л. Абрамова [1, с. 7].

Учитывая, что значительная часть экстремистских преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, подлежат привлечению к осмотру соответствующие специалисты.

Следующее следственное действие – судебная экспертиза. С 2013 года в УПК РФ законодателем предусмотрено право следователя или дознавателя не только назначения судебной экспертизы, но и право принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок до возбуждения уголовного дела. Для решения вопроса о наличии либо отсутствии экстремистского мотива на этапе «доследственной» проверки следует назначить и провести судебные экспертизы: лингвистическую, комплексную психолого-лингвистическую, комплексную лингвистико-религиоведческую судебную экспертизу) по изъятым печатным текстам, аудиозаписям, интернет-сообщениям, видеозаписям и т.д. [6]. По некоторым сообщениям о преступлениях возникает потребность в производстве судебно-медицинской экспертизы для определения степени тяжести причиненного вреда здоровью либо установления причины смерти в случае обнаружения трупа, а также биологической, дактилоскопической, трасологической, баллистической, почерковедческой, криминалистической экспертизы или иной экспертизы и т. д.

По преступлениям экстремистской направленности может возникнуть потребность в производстве освидетельствования, в том числе в целях обнаружения на теле татуировок, обозначающих экстремистскую символику.

Еще одно следственное действие, допустимое на данном этапе, – это получение образцов для сравнительного исследования (например, образцов почерка, биологического материала и др.).

Помимо следственных действий проводятся иные процессуальные действия: получение объяснений от заявителя, пострадавшего лица, очевидцев и заподозренного в совершении преступления лица. При получении объяснения подлежат выяснению обстоятельства совершенного преступного посягательства, место, время, способы совершения преступления; в случае причинения вреда здоровью пострадавшего подлежат установлению обстоятельства, предшествовавшие совершению преступления, приметы лица, совершившего преступление, мотивы совершения такого преступления.

Кроме того, по преступлениям экстремистской направленности с административной преюдицией подлежат истребованию материалы дел об административных правонарушениях.

В практической деятельности у правоприменителя возникают вопросы о правовой природе данного процессуального действия – получение объяснения, ибо судами объяснения зачастую не рассматриваются как имеющее доказательственное значение, несмотря на то, что законодательно закреплено в ст. 144 УПК РФ разъяснение участникам проверки их права, закрепленные в УПК РФ. Однако правовой статус лиц, дающих объяснение на этом этапе, законодательно не установлен, и у правоприменителя возникают проблемы из-за неоднозначности понимания, какие именно права подлежат разъяснению лицам, у которых получают объяснения.

В юридической литературе обоснованно предлагается закрепление объяснения в качестве доказательства [3, с. 10–18]. Рассматривая позицию Верховного Суда Российской Федерации, отметим, что высший суд полагает: объяснения лица, в случае нарушения его права на юридическую помощь адвоката, должны рассматриваться судами «как доказательства, полученные с нарушением закона» (п. 17)¹.

Кроме того, следователь, дознаватель, сотрудники органа дознания уполномочены требовать в необходимых случаях проведения документальных проверок, ревизий. В уголовно-процессуальном законе также закреплено право следователя, дознавателя давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Как показывает следственная практика, зачастую лица, пострадавшие от экстремистских преступлений, при обращении с заявлением о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела «в силу объективных причин не сообщают правоохранительным органам информацию в полном объеме о мотиве преступления» [10, с. 16–18].

Вместе с тем в ходе «доследственной» проверки следует учитывать позицию Пленум Верховного Суда Российской Федерации, сформулированную в постановлении от 28.06.2011 № 11 о том, что при решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 октября 1995 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений¹.

По результатам проверки подлежат принятию два вида итоговых решений этой стадии: о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Возбуждение уголовного дела создает правовую основу производства всех следственных и иных процессуальных действий.

Резюмируя вышеприведенное, полагаем, что в стадии возбуждения уголовного дела, необходимо законодательно закрепить возможность запрашивающихся к производству выемки и обыска, что продуктивнее для детерминации мотивов совершения «преступлений ненависти», а также отграничения преступлений, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, от деяний, совершенных на почве личных неприязненных отношений.

Список литературы:

1. *Абрамова Л.Л.* Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 27 с.
2. *Быков В.М.* Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // *Законность*. 2013. № 4 (942).
3. *Дикарев И.С.* Четвертый повод для возбуждения уголовного дела // *Законность*. 2012. № 3.

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Жамкова О.Е.* Процедура получения объяснений при проверке сообщений о преступлении нуждается в регулировании // Российский следователь. 2013. № 2.

5. *Капица В.С.* Расследование преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 26 с.

6. *Колосович М.С.* Теоретические и практические проблемы возбуждения уголовного дела по постановлению прокурора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 1 (20).

7. *Кузнецов С. А., Оленников С.М.* Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.

8. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е. Б. Серова; под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2002. 92 с.

9. *Трухачев В. В., Ахмедов У.Н.* Понятие экстремизма в уголовном праве Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. 2015. № 2 (21).

10. *Химичева Г.П.* Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1.

11. *Холопова Е. Н., Иванов А.М.* Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды // Российский следователь. 2011. № 13.

Научное издание

**КРИМИНАЛИСТИКА, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
(К 70-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ)
(66-е ежегодные криминалистические чтения)**

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической конференции
(Москва, 25 апреля 2025 г.)*

Часть 2

Верстка С. Х. Аминова
Издается в авторской редакции

Подписано в печать 24.04.2025. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 21,16. Уч.-изд. л. 19,07. Тираж 156 экз. Заказ 20у.

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России.
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907721-82-1

9 785907 721821 >

